

Гарольд Исаакс
Трагедия Китайской революции
(Перевод на русский Б. Ли)

РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЙНА В КИТАЕ

Предисловие к книге Гарольда Айзекса "Трагедия Китайской Революции"

Скажем сразу: одного того обстоятельства, что автор этой книги принадлежит к школе исторического материализма, было бы совершенно недостаточно, чтоб завоевать наши симпатии к его работе. В нынешних условиях марксистская этикетка способна была бы внушить нам скорее недоверие, чем предвзятое расположение. В тесной связи с перерождением советского государства марксизм прошел за последние полтора десятилетия через период небывалого упадка и унижения. Из орудия анализа и критики он стал орудием низкопробной апологетики. Вместо исследования фактов, он занимается подбором софизмов в интересах высоких заказчиков.

В китайской революции 1925-1927 г.г. Коминтерн играл очень большую роль, которую эта книга изображает с достаточной полнотой. Тщетно стали бы мы, однако, искать в библиотеке Коминтерна книги, которая пыталась бы дать сколько-нибудь законченное представление о китайской революции. Зато мы найдем десятки "кон'юнктурных" произведений, покорно отражающих отдельные зигзаги политики Коминтерна, вернее, советской дипломатии в Китае, и подчиняющих каждому зигзагу факты и общую концепцию. В противоположность этой литературе, которая ничего, кроме интеллектуального отвращения вызывать не может, книга Айзекса представляет с начала до конца научный труд. Она основана на добросовестном изучении огромного количества источников и пособий. Айзекс отдал этой работе более двух лет. Надо прибавить, что он провел до того около 6 лет в Китае, в качестве журналиста и наблюдателя китайской жизни.

Автор этой книги подходит к революции, как революционер, и он не видит основания скрывать это. В глазах филистера революционная точка зрения почти равносильна отсутствию научной объективности. Мы думаем как раз наоборот: вскрыть объективную динамику революции способен только революционер, разумеется, при условии, если он вооружен научным методом. Познающая мысль вообще не созерцательна, а активна. Элемент воли необходим для проникновения в тайны природы и общества. Как хирург, от ланцета которого зависит человеческая жизнь, гораздо внимательнее различает ткани организма, так и революционер, если он серьезно относится к своей задаче, вынужден с предельной добросовестностью исследовать строение общества, его функции и рефлексы.

Чтоб понять нынешнюю войну между Японией и Китаем, необходимо точкой исхода взять

вторую китайскую революцию. В обоих этих случаях мы встречаем не только одни и те же социальные силы, но зачастую одни и те же фигуры. Достаточно сказать, что фигура Чан-Кай-Ши занимает в этой книге центральное место. В часы, когда пишутся эти строки, трудно еще предсказать, когда и каким образом японо-китайская война будет завершена. Но исход нынешнего столкновения на Дальнем Востоке будет во всяком случае иметь лишь провизорный характер. Мировая война, которая надвигается с непреодолимой силой, пересмотрит китайскую проблему, как и все остальные проблемы колониальных владений. В этом ведь и будет состоять действительная задача второй мировой войны: размежевать заново планету в соответствии с новым соотношением империалистских сил. Главной ареной борьбы будет, конечно, не Средиземное море, лохань лилипутов, и даже не Атлантический океан, а бассейн Тихого океана. Важнейшим объектом борьбы будет Китай, почти четверть человечества. Готовясь к этой схватке титанов, Токио пытается ныне обеспечить себе как можно более широкий плацдарм на азиатском континенте. Великобритания и Соединенные Штаты тоже не теряют времени. Можно, однако, с уверенностью предсказать -- и это признают, в сущности, нынешние вершители судеб -- что и мировая война не будет последней инстанцией: она поведет за собой новый ряд революций, которые пересмотрят не только решения войны, но и те условия собственности, которые порождают войны.

Эта перспектива, надо признать, очень далека от идиллии. Но Клио, муза истории, никогда не принадлежала к обществу пацифистских дам. Старшее поколение, прошедшее через войну 1914-1918 г.г., не справилось ни с одной из своих задач. Оно оставляет в наследство новому поколению ношу войн и революций. Эти наиболее значительные и трагические события человеческой истории часто шли рядом. Теперь они готовятся окончательно образовать фон грядущих десятилетий. Остается пожелать, чтобы новое поколение, которое не может по произволу выскочить из унаследованных им условий, научилось, по крайней мере, лучше понимать законы своей эпохи. Для ознакомления с китайской революцией 1925-1927 г.г. оно не найдет сегодня лучшего руководства, чем эта книга.

При всем неоспоримом величии англо-саксонского гения, нельзя не видеть, что именно в англо-саксонских странах хуже всего понимают законы революций. Это объясняется, с одной стороны, тем, что самое явление революции в этих странах относится к давно прошедшему прошлому и вызывает у официальных "социологов" снисходительную улыбку, как шалости детства. С другой стороны, столь характерный для англо-саксонского мышления прагматизм меньше всего пригоден для понимания революционных кризисов.

Английская революция XVII века, как и французская -- XVIII-го, имели своей задачей рационализировать структуру общества, т.е. очистить его от феодальных сталактитов и сталагмитов, и подчинить законам свободной конкуренции, которые в ту эпоху казались законами "здорового смысла". Пуританская революция рядилась при этом в библейские наряды, обнаруживая тем чисто детскую неспособность понять свой собственный смысл. Французская революция, оказавшая значительное влияние на прогрессивную мысль Соединенных Штатов, руководствовалась формулами чистого рационализма. Здравый смысл, который еще боится себя и прибегает к маске библейских пророков, или

секуляризованный здравый смысл, который рассматривает общество, как продукт разумного "договора", являются до настоящего времени основными формами англо-саксонского мышления в области философии и социологии.

Между тем реальное историческое общество построено не по Руссо, на разумном "договоре", и не по Бентаму, на принципе "общей пользы", а сложилось "иррационально", на противоречиях и антагонизмах. Чтобы революция стала неизбежна, классовые противоречия должны достигнуть предельного напряжения. Именно эта историческая фатальность столкновения, зависящего не от доброй или злой воли, а от объективного взаимоотношения классов, и делает революцию, наряду с войной, наиболее драматическим выражением "иррациональной" основы исторического процесса.

"Иррациональный" не значит, однако, произвольный. Наоборот, в молекулярной подготовке революции, в ее взрыве, в ее подъеме, в ее упадке заложена глубокая внутренняя закономерность, которую можно познать и в основном предвидеть заранее. Революции, как не раз говорилось, имеют свою логику. Но это не логика Аристотеля и, еще меньше, прагматическая полу-логика "здравого смысла". Это более высокая функция мысли: логика развития и его противоречий, т.-е. диалектика.

Упорство англо-саксонского прагматизма и его враждебность диалектическому мышлению имеют, таким образом, свои материальные причины. Как поэт не может постигнуть диалектику чувств по книгам, без собственных переживаний, так благополучное общество, отвыкшее от потрясений и привыкшее к непрерывному "прогрессу", неспособно понять диалектику собственного развития. Однако, слишком очевидно, что эта привилегия англо-саксонского мира отошла в прошлое. История собирается дать Великобритании, как и Соединенным Штатам, серьезные уроки диалектики.

Автор этой книги пытается вывести характер китайской революции не из априорных определений и не из исторических аналогий, а из живого строения китайского общества и из динамики его внутренних сил. В этом главная методологическая ценность книги. Читатель ее не только вынесет более связное представление о ходе событий, но, что еще важнее, научится понимать их основные социальные пружины. Только на этой основе можно правильно оценивать политические программы и лозунги борющихся партий, которые являются наиболее демонстративными, но не самостоятельными и, в последнем счете, не решающими элементами процесса.

По своим непосредственным целям незавершенная китайская революция является "буржуазной". Однако, этот термин, который употребляется, как простой отзвук буржуазных революций прошлого, очень мало в сущности подвигает нас вперед. Чтобы историческая аналогия не превратилась в ловушку для мысли, необходимо проверять ее в свете конкретного социального анализа. Каковы те классы, которые борются в Китае?

Каковы взаимоотношения этих классов? В каком направлении изменяются эти взаимоотношения? Каковы объективные, т.е. продиктованные ходом развития задачи китайской революции? На плечи каких классов ложится разрешение этих задач? Какими методами эти задачи могут быть разрешены? Именно на эти вопросы отвечает книга Айзекса.

Колониальные и полу-колониальные, следовательно отсталые страны, составляющие значительно большую половину человечества, чрезвычайно отличаются друг от друга по степени отсталости, представляя историческую лестницу, от кочевого быта и даже людоедства -- до новейшей индустриальной культуры. Сочетания крайностей характеризуют, в той или другой степени, каждую из отсталых стран. Однако, иерархия отсталости, если позволено такое выражение, определяется удельным весом элементов варварства и культуры в жизни каждой из колониальных стран. Экваториальная Африка далеко отстоит от Алжира, Парагвай -- от Мексики, Абиссиния -- от Индии или Китая. При общей их экономической зависимости от метрополий империализма, политическая зависимость носит в одних случаях характер открытого колониального рабства, в других прикрывается фикцией государственной самостоятельности (Китай, Латинская Америка).

В аграрных отношениях отсталость находит свое наиболее органическое и жестокое выражение. Ни одна из этих стран не проделала сколько-нибудь глубоко своей демократической революции. Половинчатые аграрные реформы рассыпаются полу-крепостническими отношениями, которые неизбежно возрождаются на почве нищеты и гнета. Аграрное варварство идет всегда рука об руку с бездорожеством, разобщенностью провинций, "средневековым" партикуляризмом, -- отсутствием национального сознания. Очищение социальных отношений от остатков старого и от наслоений нового феодализма является важнейшей задачей во всех этих странах.

Однако, осуществление аграрной революции немыслимо при сохранении зависимости от иностранного империализма, который одной рукой насаждает капиталистические отношения, а другой -- поддерживает и воссоздает все формы рабства и крепостничества. Борьба за демократизацию общественных отношений и создание национального государства неразрывно переходит, таким образом, в открытое восстание против иностранного господства.

Историческая отсталость означает не простое воспроизведение развития передовых стран, Англии или Франции, с запозданием на сто, двести или триста лет, а порождает совершенно новую, "комбинированную" социальную формацию, в которой последние завоевания капиталистической техники и структуры внедряются в отношения феодального и до-феодального варварства, преобразуют и подчиняют их себе, создавая своеобразное соотношение классов.

Ни одна из задач "буржуазной" революции не может быть разрешена в этих запоздалых странах под руководством "национальной" буржуазии, ибо последняя сразу поднимается, на иностранных помочах, как чуждый и враждебный народу класс. Каждый этап в ее развитии

лишь теснее связывает ее с иностранным финансовым капиталом, агентурой которого она по существу является. Мелкая буржуазия колоний, ремесленная и торговая, первая падает жертвой неравной борьбы с иностранным капиталом, впадает в экономическое ничтожество, деклассируется, пауперизируется и не может думать о самостоятельной политической роли. Крестьянство, наиболее многочисленный и разобщенный, наиболее отсталый и угнетенный класс, способно на местные восстания и партизанские войны, но нуждается в руководстве более передового и централизованного класса для того, чтобы эта борьба поднялась до общенационального уровня. Задача такого руководства естественно ложится на колониальный пролетариат, который с первых шагов противостоит не только иностранной, но и своей, национальной буржуазии.

Из конгломерата провинций и племен, связанных географическим соседством и бюрократическим аппаратом, капиталистическое развитие сделало Китай некоторым подобием экономического целого. Революционное движение масс впервые перевело это возросшее единство на язык национального сознания. В стачках, аграрных восстаниях и военных походах 1925-1927 г.г. родился новый Китай. В то время, как связанные со своей и иностранной буржуазией генералы умели только раздирать страну на части, китайские рабочие стали носителями непреодолимого стремления к национальному единству. Это движение представляет несомненную аналогию с борьбой французского третьего сословия против партикуляризма или с позднейшей борьбой немцев и итальянцев за национальное объединение. Но в отличие от первоначальных стран капитализма, где проблема национального единства ложилась на мелкую буржуазия, отчасти под руководством крупной буржуазии и даже помещиков (Пруссия!), в Китае главной движущей и потенциально руководящей силой выступил в этом движении пролетариат. Но именно этим он создавал для буржуазии ту опасность, что руководство объединенным отечеством окажется не в ее руках. Патриотизм на всем протяжении истории был неразрывно связан с властью и собственностью. Правящие классы никогда не останавливались, в случае опасности, перед раздроблением собственной страны, если при этом могли сохранить власть над одной из ее частей. Нет, поэтому, ничего удивительного, если китайская буржуазия, в лице Чан-Кай-Ши, повернула в 1927 году свое оружие против пролетариата, носителя национального единства. Изображение и объяснение этого поворота, занимающее центральное место в книге Айзекса, дает ключ к пониманию основных проблем китайской революции, как и нынешней китайско-японской войны.

Так называемая "национальная" буржуазия терпит все виды национального унижения до тех пор, пока может надеяться сохранить свое привилегированное существование. Но с того момента, когда иностранный капитал ставит своей задачей безраздельно овладеть всеми богатствами страны, колониальная буржуазия вынуждена вспомнить о "национальных" обязанностях. Под давлением масс, она может оказаться даже ввергнутой в войну. Но это будет война против одного из империализмов, наименее стоворчивого, с надеждой перейти на службу к другому, более великодушному. Чан-Кай-Ши борется против японских насильников лишь в тех пределах, которые ему указаны его великобританскими или американскими покровителями. Довести до конца освободительную войну против империализма способен только тот класс, которому нечего терять, кроме своих цепей.

Развитые выше соображения об особом характере "буржуазных" революций в исторически запоздалых странах ни в каком случае не являются продуктом одного лишь теоретического анализа. Уже до второй китайской революции (1925-1927 г.г.) они прошли через грандиозную историческую проверку. Опыт трех русских революций (1905 г., февраль 1917 г., октябрь 1917 г.) имеет для XX века не меньшее значение, чем опыт Франции имел для XIX века. Для понимания новейших судеб Китая читателю необходимо иметь перед глазами борьбу концепцией в русском революционном движении, ибо эти концепции оказывали и оказывают прямое и притом могущественное влияние на политику китайского пролетариата и косвенное -- на политику китайской буржуазии.

Именно вследствие своей исторической отсталости царская Россия оказалась единственной европейской страной, где марксизм, как доктрина, и, социал-демократия, как партия, получили мощное развитие еще до буржуазной революции. Естественно, если проблема соотношения между борьбой за демократию и борьбой за социализм, или между буржуазной революцией и социалистической, подверглась теоретической разработке именно в России. Первым поставил эту проблему в начале 80-х годов прошлого столетия родоначальник русской социал-демократии Плеханов. В борьбе против так называемого народничества, этой разновидности социалистического утопизма, Плеханов установил, что Россия не имеет никаких оснований рассчитывать на привилегированные пути развития; что, подобно "профаным" нациям, она должна будет пройти через стадию капитализма, и что именно на этом пути она завоеует режим буржуазной демократии, необходимой для дальнейшей борьбы пролетариата за социализм. Плеханов не только отделял буржуазную революцию, как очередную задачу, от социалистической революции, которая отодвигалась им в неопределенное будущее, но и рисовал для каждой из этих революций совершенно отличную комбинацию сил. Буржуазную революцию пролетариат совершает в союзе с либеральной буржуазией и тем помогает расчистить путь для капиталистического прогресса; через ряд десятилетий, на высоком уровне капиталистического развития, пролетариат совершает социалистическую революцию в прямой борьбе против буржуазии.

Ленин -- правда, не сразу -- пересмотрел эту доктрину. С гораздо большей силой и последовательностью, чем Плеханов, он выдвинул в начале этого столетия аграрный вопрос, как центральную проблему буржуазной революции в России. Вместе с тем он пришел к выводу, что либеральная буржуазия враждебна экспроприации помещичьего землевладения и именно поэтому стремится к компромиссу с монархией, на основе конституции прусского образца. Плехановской идее союза пролетариата с либеральной буржуазией Ленин противопоставил идею союза пролетариата с крестьянством. Задачей революционного сотрудничества этих двух классов он объявил установление "буржуазно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства", как единственного средства очистить царскую империю от феодально-полицейского хлама, создать свободное фермерство и проложить дорогу развитию капитализма по американскому образцу. Формула Ленина представляла огромный шаг вперед, поскольку, в отличие от формулы Плеханова, правильно указывала центральную задачу революции, именно демократический переворот аграрных отношений, и столь же правильно намечала единственно-реальную комбинацию классовых сил для

разрешения этой задачи. Но до 1917 г. мысль самого Ленина оставалась связана традиционной концепцией "буржуазной" революции. Подобно Плеханову, Ленин исходил из того, что только после "доведения буржуазно-демократической революции до конца" станут в порядок дня задачи социалистической революции, причем именно Ленин, в противовес сфабрикованной позже эпигонами легенде, считал, что после завершения демократического переворота, крестьянство, как крестьянство, не сможет оставаться союзником пролетариата. Свои социалистические надежды Ленин возлагал на сельско-хозяйственных батраков и полу-пролетаризованных крестьян, продающих свою рабочую силу.

Слабым пунктом в концепции Ленина было внутренне-противоречивое понятие "буржуазно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства". Политический блок двух классов, интересы которых только частично совпадают, исключает диктатуру. Ленин сам подчеркивал основное ограничение "диктатуры пролетариата и крестьянства", когда открыто называл ее буржуазной. Он хотел этим сказать, что, ради сохранения союза с крестьянством, пролетариат должен в ближайшую революцию отказаться от непосредственной постановки социалистических задач. Но это именно означало бы, что пролетариат отказывался от диктатуры. В чьих руках должна была, в таком случае, сосредоточиться революционная власть? В руках крестьянства? Но оно меньше всего способно на такую роль.

Эти вопросы Ленин оставлял без ответа до своих знаменитых тезисов 4 апреля 1917 г. Только здесь он впервые порвал с традиционным понятием "буржуазной революции" и с формулой "буржуазно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства". Он провозгласил борьбу за диктатуру пролетариата, как единственное средство довести до конца аграрную революцию и обеспечить свободу угнетенных национальностей. Но режим пролетарской диктатуры, по самой природе своей, не может ограничивать себя рамками буржуазной собственности. Господство пролетариата автоматически ставит в порядок дня социалистическую революцию, которая, в этом случае, не отделена от демократической каким-либо историческим периодом, а непрерывно связана с нею, точнее сказать, органически вырастает из нее. Каким темпом пойдет социалистическое преобразование общества, и каких рубежей оно достигнет уже в ближайший период, будет зависеть не только от внутренних, но и от внешних условий. Русская революция есть только звено международной. Такова была в основных чертах сущность концепции перманентной (непрерывной) революции. Именно эта концепция обеспечила Октябрьскую победу пролетариата.

Но такова зловещая ирония истории: опыт русской революции не только не помог китайскому пролетариату, но, наоборот, -- в реакционно искаженной форме -- стал одним из главных препятствий на его пути. Коминтерн эпигонов начал с того, что канонизировал для стран Востока ту формулу "демократической диктатуры пролетариата и крестьянства", которую Ленин, под влиянием исторического опыта, признал негодной. Как всегда бывает в истории, пережившая себя формула послужила для того, чтобы прикрыть политическое содержание, прямо-противоположное тому, какому эта формула в свое время служила.

Массовый, плебейский, революционный союз рабочих и крестьян, закрепленный через свободно избранные советы, как непосредственные органы действия, Коминтерн подменил бюрократическим блоком партийных центров. Право представлять в этом блоке крестьянство неожиданно получил Гоминдан, т.е. насквозь буржуазная партия, кровно заинтересованная в сохранении капиталистической собственности не только на средства производства, но и на землю. Союз пролетариата и крестьянства был расширен до "блока четырех классов": рабочих, крестьян, городской мелкой буржуазии и так называемой "национальной" буржуазии. В таком блоке руководство не могло не принадлежать наиболее консервативной его части, т.е. буржуазии. Другими словами, Коминтерн принял отброшенную Лениным формулу только для того, чтобы открыть дорогу политике Плеханова, притом в наиболее злой, ибо замаскированной форме.

В оправдание политического подчинения пролетариата буржуазии теоретики Коминтерна (Сталин-Бухарин) ссылались на факт империалистского гнета, который толкает будто бы к союзу "все прогрессивные силы страны". Но именно такова была, в свое время, аргументация русских меньшевиков, с той разницей, что место империализма у них занимал царизм. На деле подчинение Гоминдану китайской коммунистической партии означало разрыв ее с движением масс и прямую измену их историческим интересам. Так, под непосредственным руководством Москвы, была подготовлена катастрофа второй китайской революции.

Многим политическим филистерам, которые в политике склонны научный анализ заменять догадками "здравого смысла", споры русских марксистов о природе революции и о динамике ее классовых сил казались простой схоластикой. Исторический опыт обнаружил, однако, глубоко жизненное значение "доктринерских формул" русского марксизма. Кто не понял этого еще и сегодня, того книга Айзекса может многому научить. Политика Коминтерна в Китае убедительно показала, во что превратилась бы русская революция, если бы меньшевики и эсеры не были своевременно сброшены большевиками. Концепция перманентной революции получила в Китае новое подтверждение, на этот раз не в виде победы, а в виде катастрофы.

Было бы, разумеется, недопустимо отождествлять Россию и Китай. При наличии важных общих черт различия слишком очевидны. Но не трудно убедиться, что эти различия не ослабляют, а наоборот, усиливают основные выводы большевизма. В известном смысле царская Россия тоже являлась колониальной страной, и это выражалось в преобладающей роли иностранного капитала. Но русская буржуазия пользовалась неизмеримо большей независимостью от иностранного империализма, чем китайская: Россия сама была империалистской страной. При всей своей скудости русский либерализм имел значительно более серьезные традиции и опорные базы, чем китайский. Влево от либерализма стояли сильные мелко-буржуазные партии, революционные или полу-революционные по отношению к царизму. Партия социалистов-революционеров сумела найти значительную опору в крестьянстве, главным образом, в верхних его слоях. Социал-демократическая партия (меньшевики) вела за собой широкие круги городской мелкой буржуазии и рабочей аристократии. Именно эти три партии -- либералы, социалисты-революционеры и

меньшевики -- долго готовили и окончательно сформировали в 1917 г. коалицию, которая в тот период еще не называлась "Народным фронтом", но несла все его черты. В противовес этому большевики, начиная с кануна революции 1905 г., занимали непримиримую позицию по отношению к либеральной буржуазии. Только эта политика, достигшая высшего своего выражения в "пораженчестве" 1914-1917 г.г., и позволила большевистской партии завоевать власть.

Отличие Китая от России: несравненно большая зависимость китайской буржуазии от иностранного капитала, отсутствие самостоятельных революционных традиций у мелкой буржуазии, массовая тяга рабочих и крестьян к знамени Коминтерна -- требовали еще более непримиримой, если возможно, политики, чем в России. Между тем, китайская секция Коминтерна, по команде Москвы, отреклась от марксизма, признав реакционно-схоластические "принципы Сун-ят-Сена", и вступила в состав Гоминдана, подчинившись его дисциплине, другими словами, пошла гораздо дальше по пути подчинения буржуазии, чем когда-либо заходили русские меньшевики или социалисты-революционеры. Та же гибельная политика повторяется ныне, в обстановке войны с Японией.

Каким образом вышедшая из большевистской революции бюрократия может применять в Китае, как и во всем мире, методы, в корне противоположные большевизму? Ответить на этот вопрос ссылками на неспособность или невежество тех или других лиц было бы слишком поверхностно. Суть дела в том, что, вместе с новыми условиями существования, бюрократия усвоила себе новые методы мышления. Большевистская партия руководила массами. Бюрократия стала командовать ими. Возможность руководства большевики завоевали тем, что правильно выражали интересы масс. Бюрократия вынуждена прибегать к командованию, чтоб обеспечить свои интересы против масс. Метод командования естественно распространился и на Коминтерн. Московские лидеры стали всерьез воображать, что могут заставить китайскую буржуазию идти влево от ее интересов, а китайских рабочих и крестьян -- вправо, по диагонали, начертанной из Кремля. Между тем самая суть революции состоит в том, что эксплуатируемые, как и эксплуататоры, дают своим интересам наиболее крайнее выражение. Еслиб враждебные классы могли двигаться по диагонали, не нужна была бы гражданская война. Вооруженная авторитетом Октябрьской революции и Коминтерна, не говоря уж о неисчерпаемых финансовых ресурсах, бюрократия превратила молодую китайскую коммунистическую партию, в самый важный момент революции, из двигателя в тормоз. В отличие от Германии, и Австрии, где бюрократия имела возможность переложить часть ответственности за поражение на социал-демократию, в Китае социал-демократии не было. Китайскую революцию монополично погубил Коминтерн.

Господство Гоминдана на значительной части китайской территории было бы невозможно без могущественного национально-революционного движения масс 1924-1927 г.г. Разгром этого движения, с одной стороны, сосредоточил власть в руках Чан-Кай-Ши, с другой, обрек Чан-Кай-Ши на полумеры в борьбе с империализмом. Понимание хода китайской революции имеет, таким образом, самое непосредственное значение для понимания хода

японо-китайской войны. Историческая работа получает, тем самым, актуальнейшее политическое значение.

Война и революция будут переплетаться в ближайшей истории Китая. Замысел Японии: закабалить навсегда или, по крайней мере, надолго гигантскую страну при помощи господства над ее стратегическими позициями, характеризуется не только жадностью, но и тупоумием. Япония пришла слишком поздно. Раздираемая внутренними противоречиями, империя Микадо не может повторить историю британского восхождения. С другой стороны, Китай далеко ушел вперед от Индии 17-18 веков. Старые колониальные страны все с большим успехом ведут ныне борьбу за свою национальную независимость. При этих исторических условиях, даже если бы нынешняя война на Дальнем Востоке закончилась победой Японии, и если бы самой победительнице удалось избежать в ближайшие годы внутренней катастрофы, -- а то и другое ни в малой мере не обеспечено, -- господство Японии над Китаем измерялось бы очень коротким периодом, может быть лишь немногими годами, необходимыми для того, чтоб дать новый толчок экономической жизни Китая и мобилизовать заново его рабочие массы.

Уже сейчас крупные японские тресты и концерны тянутся по следам армии, чтоб делить еще необеспеченную добычу. Токийское правительство пытается в плановом порядке регулировать аппетиты финансовых клик, рвущих на части северный Китай. Если бы Японии удалось задержаться на завоеванных позициях в течение каких-нибудь десяти лет, это означало бы прежде всего лихорадочную индустриализацию северного Китая в военных интересах японского империализма. Быстро возникли бы новые железнодорожные линии, шахты, электрические станции, горные и металлургические предприятия, хлопковые плантации. Поляризация китайской нации получила бы лихорадочный толчок. Новые сотни тысяч и миллионы китайских пролетариев были бы мобилизованы в кратчайший срок. С другой стороны, китайская буржуазия попала бы в еще большую зависимость от японского капитала и еще менее, чем в прошлом, оказалась бы способной стать во главе национальной войны, как и национальной революции. Лицом к лицу с иностранным насильником оказался бы численно возросший, социально-окрепший, революционно возмужавший китайский пролетариат, призванный вождь китайской деревни. Ненависть к иностранному поработителю -- могущественный революционный цемент. Новая национальная революция будет, надо думать, поставлена в порядок дня еще при жизни нынешнего поколения. Чтобы разрешить лежащую на нем задачу, авангард китайского пролетариата должен усвоить до конца уроки второй китайской революции. Книга Айзекса может послужить ему в этом смысле незаменимым пособием. Остается пожелать, чтобы она была переведена на китайский, как и на другие иностранные языки.

Л. Троцкий.

Глава 1 Предыстория

Когда в начале 19-века первые британские торговые корабли прибыли в Китай, англичане увидели страну с патриархальным способом производства и с абсолютистской маньчжурской монархией во главе. Капиталистические отношения проникли в Китай через международную торговлю. С 1826 г. и на протяжении последующего столетия негативное сальдо во внешней торговле Китая стало постоянным явлением. Первое место среди импортных товаров изначально заняли текстильные изделия из Британии. Индустриализация Западной Европы и развитие транспорта дали мощнейший толчок международной торговле. С 1885 по 1894 гг. объем импортных товаров на китайском рынке увеличился вдвое. Иностранные инвестиции, коммерческие кредиты, следуя за потоками товаров, пришли на землю крупнейшей страны Азии. К концу 19-го века щупальца европейских пароходных и железнодорожных компаний проникли не только в приморские провинции Китая, но и в центральные регионы.

Право европейских капиталистов на свободную торговлю в Китае пыталась оспаривать маньчжурская династия, прославившаяся некогда своими ратными подвигами. Ряд войн между ней и европейскими странами закончился для Китая позорным поражением. Мечи и копыта не могут остановить современную пехоту и артиллерию. Официальный Пекин вынужден был признать привилегированное положение европейцев: в частности, легализацию деятельности христианских миссионеров из Европы, которые часто совмещали свою мессианскую деятельность с торговлей наркотиками и вывозом китайцев в рабство в Северную Америку и Австралию. От Пекина тогдашнее мировое сообщество также добилось существенного снижения таможенной пошлины на импортные товары: на все виды ввозимых товаров в Китае был объявлен единый 5-процентный налог. Был введен режим “экстерриториальности” в отношении к европейской диаспоре, который потом распространился и на граждан США и Японии, проживающих в Китае. Согласно этому режиму, граждане этих стран освобождались от ответственности перед китайским правосудием по любой уголовной или гражданской статье. Иностранцы в Китае также были освобождены от всех видов налогов.

С середины 19-века в разных китайских городах по настоянию европейских держав были выделены обширные земельные участки для обустройства на них иностранных концессий. Эти концессии представляли собой анклав той или иной европейской страны. На этих территориях не действовали китайские законы и распоряжения китайских властей. Самая большая концессия была создана в Шанхае под названием “Международной концессии”. В нее входили представительства различных стран при доминирующем положении Британии. Китай постепенно становился полукOLONиальной страной, его суверенитет частично был сохранен лишь потому, что ни одна из мировых держав не могла проглотить его в одиночку.

Потоки импортных изделий быстро вытеснили традиционное кустарное производство в Китае, до недавних пор процветавшее на Юге. С конца 1860-х годов экспорт китайских изделий прекратился полностью. Массовое употребление опиума крестьянами привело к

утечке благородных металлов из деревни в город, а оттуда - за границу. Разорение кустарного производства, рост населения и нехватка сельхозугодий заставляли массу крестьян покидать свои дома, пополняя собой армию бродяг. Грандиозные крестьянские мятежи в юго-западных и северо-западных регионах в середине 19-го века потрясли всю страну. Но по сравнению с тэпинским восстанием это были только цветочки.

В 1850 году в одной из юго-восточных провинций Китая подняло своих единомышленников тайное общество “Культ Бога”. Лидеры этой организации, используя религиозную форму, проповедовали идею о свержении маньчжурской династии и создании царства для бедных. Разоренные крестьяне, ремесленники, обнищавшие интеллигенты, словом, все социально недовольные элементы в кратчайший срок примкнули к мятежникам. Военные успехи повстанцев превзошли все самые смелые фантазии европейских дипломатов, с величайшим интересом наблюдавших из Пекина продвижение на Север армии народных мстителей.

Поначалу это движение носило все характеристики традиционных крестьянских “революций”, регулярно сменявших одну династию на другую в течение трех тысяч лет. Повстанцы везде перераспределяли земли, убивали или изгоняли помещиков, торговля опиумом была ими запрещена. Особое внимание новых властей на захваченных бунтовщиками территориях было уделено элементарным нуждам селян. Если бы тэпинское восстание случилось в древние времена, эта победоносная армия смела бы дряхлую династию и выдвинула бы из своих рядов новых аристократов, более энергичных и способных, как это происходило каждый раз за последние три тысячелетия. Но времена изменились. Китай больше не был изолирован от всего мира, а мир к тому времени давно был подчинен диктату капитала. На этой древней земле возник новый фактор - капитализм, и он оказался решающим.

В среде китайских купцов, имевших дело с европейцами, к середине 19-го века сложился новый, ранее не существовавший в Китае социальный слой - слой т.н. компраторов, ставших доверенными лицами европейских компаний на китайском рынке. Используя привилегированное положение своих боссов, эти будущие китайские капиталисты эффективно зарабатывали себе огромные богатства. Землевладельцы стали торопливо вливаться в ряды этой новой профессии, сулившей фантастические доходы. В свою очередь, компраторы городского происхождения жадно скупали земельную собственность в деревне.

В ходе подавления тэпинского восстания центральное правительство Китая испытывало такие колоссальные финансовые трудности, что официально начало распродавать разные государственные должности за наличные деньги. Среди покупателей чаще всего видны были самодовольные рожи “доверенных лиц” или “ходатаев” иностранных компаний. Скупка чиновничьих должностей помогла европейским колонизаторам контролировать Китай в основном через рояльных туземных ставленников в государственной администрации и лишь изредка применять грубую военную силу. Чем дальше маньчжурский императорский двор превращался в покорное орудие иностранного капитала, тем усерднее “мировое сообщество” свинцом и огнем подавляло все и вся, что могло угрожать дальнейшему существованию маньчжурской династии, ставшей воплощением

застоя, реакционности и национальной измены.

В 1854 г. британские и французские войска отбили попытки тэпинской армии захватить Шанхай - динамично развивавшийся торговый порт. С 1856 г. силы британского морского флота, расквартированные в Азии, активно участвовали в организованных пекинским правительством карательных походах против тэпинцев. С помощью офицеров из Британии и Франции китайская армия была перевооружена новейшей военной техникой из Европы. Попав в тяжелое положение, лидеры повстанцев, чтобы вдохновить своих сторонников, на территории своего “Тэпинского Поднебесного Царства” пытались внедрить примитивный и аскетический коммунизм: ими организовывались общежития, была отменена частная собственность, частная жизнь, включая семейную. Этот удивительный социальный эксперимент не удался: военачальники просто игнорировали табу, приобретая себе роскошные дворцы и множество жен. Тэпинцы пытались договориться с европейцами о мирном сосуществовании, но европейскому капиталу вовсе был не нужен такой самостоятельный партнер как Тэпинское Царство. В 1865 г. столица “Тэпинского Царства” была захвачена китайскими и европейскими карателями, и, таким образом, великая попытка спасти Китай путем создания аскетической утопии потерпела поражение.

К середине 19-го века, с окончанием изоляции Китая от мирового рынка, сформировались фундаментальные характеристики китайского общества: во-первых, огромное влияние международного капитала; во-вторых, замена кустарного производства машинным.

Международный капитал, укрепившись на китайском рынке, немедленно стал поддерживать все отсталое, все консервативное, словом, все “прелести” от прошлого и настоящего гнилья докапиталистического строя. Отныне любая попытка, направленная на слом старого режима, встретит самый решительный отпор европейского сообщества, казавшегося олицетворением прогресса. Китайские сотрудники европейских компаний были людьми, европеизированными, и в душе презирали существовавшую политическую систему Китая. Но они и пальцем не пошевелили, чтобы выступить против нее. В таких отсталых странах, как Китай, развивающийся капитализм не уничтожал старый политический строй, а интегрировался в него. И представителям нового эксплуататорского класса было достаточно, чтобы решающее слово отныне принадлежало им.

Во время карательной кампании против тэпинских и других повстанцев многие компрадоры служили в китайской армии в качестве тыловиков, и с тех пор у них имелись прочные связи с офицерством. Сами господа офицеры тоже были не прочь заняться хозяйственной деятельностью. Кроме земельной собственности перед офицерством открылось новое поле деятельности: современная промышленность, международная торговля, банковское дело. К концу 19-го века любой крупный или средний землевладелец обычно одновременно являлся и совладельцем магазина или фабрики в городе, держателем пакета акций. Одни из его сыновней наверняка были офицерами, другие - менеджерами торговых фирм, рудников, фабрик или даже банков. Сам почтенный патриарх семьи чаще всего возглавлял администрацию села, района или города, в зависимости от размера своего имущества.

Первые ростки отечественного капитала появились во второй половине 19-го века. Нужно ли отмечать, что первые китайские фабрики и заводы являлись результатом административного решения императорского правительства? Западные страны изо всех сил препятствовали самостоятельному развитию капитализма во всем остальном мире, чтобы сохранить свое господство. Тем не менее, новый способ производства все равно ширился и углублялся повсюду, невзирая ни на сопротивление патриархальной системы, ни на субъективное желание лондонских капиталистов. В 1865 г. была введена в эксплуатацию первая современная судостроительная верфь на Юге Китая. В 1876 г. под Шанхаем была построена первая железная дорога длиной в 12 километров. В 1890 г. открылась первая крупная фабрика по обработке железа. Возродился экспорт продукции китайского крупного производства. В 1878 г. по всей стране начала функционировать современная почтовая система. В 1896 г. открылся первый китайский банк. Появился целый слой частных лиц, самостоятельно владеющих крупным капиталом. Фактически сформировалась китайская буржуазия.

В конкурентной борьбе со своими старшими братьями китайский капитал с самого начала находился в невыгодном положении. Европейцы имели такие преимущества, как передовые технологии и оборудование, мощные финансы, более подготовленных специалистов и рабочих, наконец, их политические и экономические привилегии, завоеванные пушками. Молодая китайская буржуазия нуждалась и в кредитах, и в оборудовании и запчастях к нему, и во внешнем рынке (национальный рынок был узок из-за абсолютной нищеты населения). Все эти трудности она пыталась преодолеть еще более беспощадной эксплуатацией рабочих. Политические амбиции отечественных капиталистов впервые вырвались наружу в неудавшейся попытке введения конституционной монархии в 1898 г. Но ветер перемен, как показала жизнь, дул совсем с другой стороны, нежели с императорского двора. В центр исторических событий вышли революционные республиканцы.

В начале 20-го века среди китайских студентов заграничных вузов создавалась масса политических группировок, носивших черты современных партий. В них состояли в основном представители демократической интеллигенции, мечтавшей о свободном и независимом Китае. Среди ее лидеров особенно выделялся врач Сунь Ятсен, разработавший собственную теорию республиканской революции и являвшийся решительным сторонником силового метода этой революции. Долгие годы отважные республиканцы, невзирая на все неудачи и жертвы, упорно занимались индивидуальным террором против маньчжурских сановников и военными авантюрами в приморских провинциях.

Республиканское движение развивалось в узких кругах интеллигентов, для которых народные массы были несмышленными, безнадежно забытыми и способными только смиренно ждать спасителей. Тем не менее, пока горстка профессиональных революционеров изготавливала бомбы, немые массы время от времени начинали говорить своим простым языком. В 1905 г. в крупнейших городах страны развернулась кампания по бойкоту американских товаров. Возглавили ее отечественные коммерсанты и фабриканты. Кампания охватила широкие слои городского населения. Примечательно, что она

продолжалась и после того, когда император издал указ о запрете бойкота. В 1908 г. аналогичный бойкот произошел в отношении японских товаров.

В 1909 г. Пекинское правительство отняло лицензию на строительство железных дорог в юго-западных провинциях у ряда китайских компаний, чтобы перепоручить ее американцам. В ответ на это поднялись народные волнения в одной из этих провинций Сычуань. Однажды во время массовой демонстрации в провинциальном центре солдаты открыли огонь по толпе, спровоцировав тем самым вооруженные мятежи по всей провинции. Возглавили эти выступления революционные республиканцы, получавшие материальную помощь от отечественных капиталистов, которые понимали, что в конкурентной борьбе с заморскими коллегами весьма полезно использовать энтузиазм масс под патриотической вывеской. И уже тогда китайская буржуазия показала свое вопиющее бессилье: она так ничего и не добилась - план строительства железных дорог американскими фирмами, несмотря на выступление масс, был лишь отложен.

В 1910 г. по инициативе правительства по всей стране были созданы консультативные органы, некое подобие земств в дореволюционной России. В них были “избраны” (на самом деле назначены правительством) в основном конституционные монархисты в качестве “народных консультантов”. Они настаивали на проведении комплексной реформы в политической, экономической и военной сферах и даже предлагали избрать парламент на цензовой основе. Против них выступила группа генералов, фанатичных сторонников абсолютной монархии; их поддержал регент - дядя императора. Пока почтенные господа спорили о допустимости конституционной монархии, дни маньчжурской династии уже были сочтены.

В октябре 1911 г. в Ухане республиканцы готовили очередную путч среди частей городского гарнизона. Как всегда, к заговору была причастна группа офицеров, сторонников революции, а солдаты, среди которых были сильны антиманьчжурские настроения, не были посвящены в их планы. По доносу провокатора было арестовано и расстреляно большинство офицеров-заговорщиков. Узнав о случившемся, подпольный центр республиканцев в тот же день срочно эвакуировался из Ухана. Все были убеждены в том, что план восстания провалился.

В этот же день, вечером, во время внеочередной проверки в одной из казарм гарнизона один из проверяющих офицеров застал группу солдат со своим старшиной: они возбужденно шептались между собой о дневном происшествии. Офицер дал каждому по уху и приказал немедленно разойтись по своим койкам. Старшина, один из участников заговора, неожиданно заступился за своих солдат, и опять получил по лицу. Старшина сцепился с офицером, солдаты помогали своему вожаку. Офицер был убит. Эти солдаты начали бегать по казарме, поднимать остальных на выступление. Большинство военнослужащих осторожно молчало и наблюдало за смутьянами со стороны, и лишь группа солдат побежала из казармы в сторону оружейного склада. Вооруженная охрана склада сама открыла ворота, мятежники вооружились винтовками и рванулись в штаб гарнизона. Все офицеры, находившиеся в штабе, разбежались при их приближении. Охрана штаба

присоединилась к бунту. Теперь зашевелился весь гарнизон. Солдаты пошли штурмовать резиденцию Генерал-губернатора, но штурма не получилось. Личные гвардейцы губернатора охотно сдались, сам губернатор был взят в плен под собственной кроватью. Комендант города сбежал на военные корабли, находившиеся на реке Янцзы, чтобы организовывать оборону. Здесь он застал мятеж, поднятый матросами. Все это произошло за одну ночь. Утром следующего дня весь Ухань был в руках революционных солдат. До падения монархии остался месяц.

Последний премьер-министр правительства, заставив императора отречься от престола, в конце 1911 г. сам возглавил временное правительство. Через год состоялись парламентские выборы, и хотя они проводились по цензовому принципу, в них смогла участвовать значительная часть городского мужского населения. Партия Сунь Ятсена набрала больше 70% голосов. Временное правительство объявило результаты выборов аннулированными, а глава правительства провозгласил себя президентом. Сунь Ятсен опять вынужден был бежать за границу.

Но власть первого президента Китая оказалась еще уязвимее, чем старая монархия. Воспользовавшись ослаблением центрального правительства после 1911 г., мировые державы начали открыто делить Китай на сферы влияния. Юго-западная часть страны была закреплена за Францией, восточная провинция Шаньдун была оккупирована войсками Германии. Северные провинции были разделены между Россией и Японией, юго-восточная часть страны с центром в г. Шанхай стала вотчиной Британии. Когда через два года умер первый китайский президент, страна уже вошла в полосу смутного времени.

В течение десятилетия по всему Китаю были созданы сотни марионеточных правительств, поддерживаемых разными империалистическими державами, друг другу не подчиняющихся и перманентно воюющих между собой. В каждом из этих правительств, кроме того, шли внутренние разборки между разными группировками. Разумеется, внутри каждой группировки также были “минигруппировки”, которые друг друга особенно не жаловали. Лидеры этих минигруппировок, группировок и “правительств” украшали себя такими внушительными титулами как президент, маршал, генерал. На самом деле их вернее всего было бы называть “полевыми командирами”, правившими страной методами разбойников. С 1915 по 1927 г. в Китае каждый год велось от трех до пяти крупных междоусобных войн с участием от сотни тысяч до миллиона солдат. Одновременно вспыхивали мелкие стычки на разных уровнях, которых насчитывались сотни и тысячи.

Революционные республиканцы потеряли политическую инициативу, они не ожидали такого поворота. Старая династия пала, но ожидаемая эра демократии и прогресса не наступила. К началу 20-го века Китай ЕЩЕ находится в раннем периоде индустриализации. Но национальная буржуазия была так слаба, что ее самостоятельное развитие УЖЕ не представлялось реальным. Китай стал периферийной частью мирового капитализма без какого-либо шанса выбраться из своего зависимого положения. Большинство революционных демократов либо, отбрасывая прежние идеалы, приспособивались к этой кровавой смуте, либо вообще уходили из политики. Единицы из них через много лет

приняли марксизм-ленинизм, став первыми членами Коммунистической партии Китая. Сунь Ятсен был верен себе. Он не разочаровался в своей мечте о процветающем капиталистическом Китае, и продолжал руководить своим гонимым и беззубым движением за создание “истинной республики”. В течение десятилетия его будут с издевкой называть политическим бомжем, пока его не найдут и возвысят эмиссары из Коммунистического Интернационала.

Начало Первой мировой войны дало мощный толчок китайской экономике. Благодаря войне экспорт китайских товаров за четыре года увеличился на 40%. Рост промышленности тоже впечатляет: производство угля в 1923 г. по сравнению с 1914 г. увеличилось на 183,5%, экспорт шелка - на 152,3%, производство железа - на 180,6%, количество веретен - на 403,9%.

В 1917 г. в России произошла первая социальная революция в капиталистическом мире. Ее громоподобное влияние дошло до самого отдаленного уголка на планете. Китай вместе со всем мировым капитализмом вошел в новую эпоху, эпоху войн и революций. Новое поколение азиатских народов начало свою борьбу за свободу, независимость и равенство под красными знаменами. С тех пор древний континент на много десятилетий оказался охвачен революционным потоком. Эта книга как раз посвящена одной из славных и трагических страниц этой великой и продолжительной борьбы. Борьбы, которая не прекращается и по сегодняшний день.

Глава 2 Накануне великих социальных битв

Рост экономики Китая совпал по времени с Первой мировой войной, давшей толчок преобразованиям в экономической, а также во всех других сферах общественной жизни. Новые понятия, новые идеи, новые надежды захлестнули Китай, подобно девятому валу. Многовековые идейные устои стремительно размывались под натиском этой гигантской волны. В среде интеллигенции постепенно исчезали отчаяние и разочарование, вызванные поражением революции 1911 г. Очень быстро развивалось движение, направленное на культурное возрождение, оно приняло широкий размах и включало в себя самые различные идейные течения. Это движение захватило всю образованную часть молодого поколения. Появлялись новые лидеры и новые политические силы.

Среди революционной интеллигенции особенно выделялась личность Чен Дусю. Он выделялся тем, что смелее и четче остальных поставил вопрос о необходимости коренных преобразований, подняв лозунг “Народ имеет право на восстание”. Чену и его сторонникам суждено было вскоре выйти на поле классовых битв, став во главе пробудившегося пролетариата. Чен Дусю провозглашал: “Долой конфуцианство! Долой старую мораль, долой старые традиции, старую нравственность и старую политику!”. Он предлагал всю эту ветошь заменить демократией и наукой. В 1919 г. Чен пишет в своем знаменитом журнале “Новая молодежь”: “Мы должны отбросить все “естественные и постоянные” предрассудки. Мы, с одной стороны, избавляемся от старого понимания жизни, с другой стороны, обретаем новый взгляд на политику, экономику и мораль. Мы создаем дух нового времени. Наш идеал нового времени и нового общества таков: в новом обществе должны воцариться честность, порядочность, прогрессивность, свобода, равенство, творчество, красота, добро, взаимопомощь и миролюбие, радость от труда и всеобщее счастье. Для этого мы разгромим лицемерие, консерватизм, пассивность, классовое угнетение, косность, злобу, убогость, лень и духовную пустоту”. Он также писал: “Я надеюсь только на свежую и энергичную молодежь - она всегда готова к борьбе! В чем ценность молодежи? - Она ощущает силу своей энергии и ту обязанность, которая лежит на ее плечах. И она не ощущает никакой ущербности. Чем отличается борьба молодых? - Когда они берутся искоренять гниль и старье, то ведут себя с беспощадностью хищников и неодолимостью наводнения, не испытывая при этом ни малейшей жалости. Увы, наша молодежь часто не оправдывает возлагаемых на нее надежд. С виду молодой человек может быть в душе глубоким стариком. Если мы не изменим эту ситуацию, наше общество обречено на гибель. Спасение в том, что лучшая часть молодежи, используя все свои способности и таланты, найдя верный путь, мобилизует и поведет за собой все общество”.

В этих словах уже ощущалось наступление нового времени. Та возбужденная реакция, которая последовала на Манифест Чена, была ярко выражена в одном из писем читателей: “Ваш Манифест, словно гром среди ясного неба, пробудил меня от глубокого сна. Этот номер Вашего журнала мы размножили самостоятельно, сколько смогли. Убежден, что по всей стране этот номер разойдется тиражом не меньшим, чем 200 тыс. экземпляров”.

Смелость и презрение к старым идолам, исходящие от Манифеста, подвигли многих молодых людей на поиски новой жизни. Их смелость была предвестником того мощного движения, которое могло смести прогнивший строй по всей стране.

В связи с заявлением президента США В. Вильсона “О праве нации на самоопределение” на Версальской мирной конференции 1919 г. китайское общество имело столь сильные иллюзии, что моментально взорвалось, когда вместо возврата Китаю оккупированных немцами перед Первой мировой войной китайской провинции, она была передана Японии. Новая молодежь дала выход своей силе: 4 мая 1919 г. в Пекине произошла крупная манифестация студентов. Личная квартира министра иностранных дел была разгромлена, а сам министр был жестоко избит.

Протестное движение против передачи китайских территорий Японии развивалось чрезвычайно быстрыми темпами, оно охватило всю страну, и в нем впервые зазвучали новые ноты - забастовки фабричных рабочих в знак солидарности со студентами.

Рост промышленности в Китае дал возможность пролетариату проявить себя в качестве новой реальной силы. К концу 1916 г. в стране насчитывалось около 1 млн. рабочих. К 1922 г. эта цифра увеличилась вдвое. Во время Первой мировой войны 200 тыс. китайских рабочих были отправлены в страны Антанты на фортификационные работы. Там они впервые узнали о том, как их европейские собратья борются за свои права. Они возвращались домой с новыми знаниями, закрытыми еще для их земляков. Их возвращение на родину совпало по времени со студенческими волнениями. Эти рабочие стали авангардом зарождающегося массового движения. В великом коллективе индустриальных рабочих Китая люди, видевшие классовые бои в Европе, стали сознательным ядром. Это ядро помогало юному китайскому пролетариату решать те вопросы, ответ на которые уже нашел более зрелый рабочий класс Европейских стран. Промышленные рабочие, став во главе движения мелких ремесленников, подмастерьев, кустарей приступили к созданию собственных, независимых рабочих организаций.

Повсюду стремительно разрушались старые цеховые структуры и возникали рабочие профсоюзы. Китайские рабочие, не имея еще даже достаточного опыта экономической борьбы, тем не менее, смело ринулись в борьбу политическую. Именно их забастовки в Шанхае и других городах привели к освобождению арестованных студентов и наказанию дипломатов, виновных в подписании невыгодных для Китая Версальских соглашений, а также аннулированию самой подписи китайской делегации.

Но молодое поколение не остановилось на этих протестах, оно поднялось на борьбу, чтобы решить главную задачу - переустроить все отношения в Китае. Инертность общества сменилась бурным политическим оживлением. Отныне у образованной части китайского общества в моду вместо Парижа вошла Москва. Русская революция показала пример и внедряла в умы китайцев мысль о неизбежности социализма во всем мире. Именно в связи с Октябрьской революцией китайцы узнали обо всех социалистических течениях: марксизме, демократизме, анархизме, синдикализме. Молодежь открывала для себя целые

новые миры в области литературы, морали, философской мысли. Эти революционные процессы охватывали все новые слои общества. В старые политические организации вливались свежие силы, создавалось множество новых организаций.

На фоне бурно развивавшихся с 1919 г. политических течений партия Сунь Ятсена, бесспорного лидера революции 1911 г., выглядела крайне слабо и беспомощно. Эта партия по сути состояла из самого “отца нации” и нескольких сотен его верных сторонников и к этому времени была переименована в Гоминдан (Народная партия). Ее правая часть давно слилась с различными политическими группировками правящих классов. Сам Сунь Ятсен представлял наиболее радикальную часть буржуазной интеллигенции. Он пытался действовать, используя одних военных диктаторов в борьбе против других, чтобы реализовать свой план преобразований в стране. Его учение содержало три основных положения: народный патриотизм, народную демократию и всенародное благополучие. Сунь надеялся, что мировые державы помогут ему возродить Китай. Он составил план, согласно которому ведущие державы должны были чистосердечно сотрудничать с ним в освоении природных богатств Китая на пользу китайского народа. По его утопической теории империалистические разбойники должны были принимать участие в кардинальном переустройстве мира на принципах справедливости. Сунь писал: “Думаю, в результате реализации этого плана исчезнут существующие сферы влияния, международные войны и бесчеловечная капиталистическая конкуренция. А самое главное - можно будет избавиться от противостояния труда и капитала”.

В “народном патриотизме” Сунь Ятсена содержались с трудом скрываемые имперские амбиции. Он полагал, что такие народности, как монголы и тибетцы, а также мусульманское население Средней Азии должны быть ассимилированы в Великом Китае под главенством ханьского народа. Право нации на самоопределение также как и борьба с империализмом отсутствовали в его учении.

Его вторая идея, идея “народной демократии” заключалась в трехступенной демократизации общества. Из них первая ступень - это “период воспитания”. В этот период мудрый вождь должен шаг за шагом вводить нищие и непросвещенные массы в светлое будущее самоуправления. На этом этапе непосредственное участие народа в политике не предусматривалось, что само по себе говорит о многом.

Идея “всенародного благополучия” содержала два необходимых условия: “ограничение капитала” и “уравнивание землевладения”. Сунь надеялся, что этих условий будет достаточно для того, чтобы избавить Китай от всех бед капитализма. “Уравнивание землевладения” предполагало следующие: при согласии землевладельцев государство выкупит часть земель для распределения среди безземельных крестьян. Но Сунь долгое время боялся откровенно проповедовать собственное учение, чтобы не оттолкнуть своих сторонников из имущих классов. Идея непосредственного участия масс в политическом процессе всегда его настораживала. Он надеялся на захват власти военным путем, после которого сказочным образом можно будет мирно преобразовать общество. Это и было главной причиной его бесконечных военных авантур и беспринципных союзов в течение

десятилетий.

Но времена изменились. Дряхлый Гоминдан под влиянием мощного политического подъема несколько активизировался. Сунь начал выступать на митингах перед студентами. В своей политической вотчине, городе Кантон, Сунь наладил связь с возникшими профсоюзами. Как раз в это же время была создана первая политическая организация китайского пролетариата - Коммунистическая Партия Китая (КПК). После 1919 г. марксистская литература начала распространяться в Вузах и школах. Перед интеллигенцией открылись новые горизонты. Социалистические кружки в 1921 г. были преобразованы в КПК.

В июле 1921 г. в Шанхае состоялся первый Съезд КПК. Среди делегатов практически не было пролетариев, многие были всего лишь мелкобуржуазными демократами, пробужденными новыми историческими событиями. Они, не имея опыта совместной борьбы, слились в единую организацию. Но, вопреки первоначальным ожиданиям большинства, железная логика классовой борьбы поставила каждого из них на свое место: многие вскоре отошли от политической деятельности, несколько человек перешли в буржуазный лагерь и в последствие выделялись особым рвением в расправе над коммунистами, будучи чиновниками Гоминдана, третьим было суждено стать мучениками революции. Уцелевшие, такие как Чен Дусю, Мао Дзэдун и Чжан Готао, изначально были преданы делу коммунизма, но их пути тоже разошлись.

КПК рождалась под непосредственным влиянием русского Октября. На первом своем Съезде она поставила перед собой задачу объединения китайских рабочих в классовые организации. Первыми ее шагами в этом направлении было создание первого профсоюза железнодорожников вблизи Пекина, первой вечерней школы для рабочих. В Шанхае был создан центральный руководящий орган по координации рабочего движения по всей стране. В своей работе КПК пришлось столкнуться со многими трудностями, обусловленными тем, что задачи, которые стояли перед молодым промышленным пролетариатом Китая, требовали его гораздо более высокой политической зрелости.

Первым существенным вопросом для КПК было отношение к буржуазно-патриотической партии Гоминдан. Формы и методы участия Компартии в национально-освободительном движении должны были определить весь дальнейший ход событий. Необходимость принять участие в национально-освободительном движении из-за его бесспорной прогрессивности была ясна. Ленин на Втором конгрессе Коминтерна говорил, что в эпоху империализма национально-освободительное движение колоний и полуколоний может вливаться в основное течение международного движения пролетарской революции. Сотрудничество с национально-освободительным движением желательно и необходимо, но при одном важнейшем условии - сохранении самостоятельности пролетарской организации, "даже в самой зачаточной его форме".

На Втором Съезде КПК в 1922 г. обсуждался вопрос союза КПК и Гоминдана. После этого Съезда некий московский представитель Коммунистического Интернационала Молодежи в Китае сделал от имени КПК Сунь Ятсену предложение об объединении, но получил отказ.

Сунь заявил, что коммунисты могут в индивидуальном порядке вступить в Гоминдан, но он возражает против объединения двух партий.

Спустя несколько месяцев эмиссар Коминтерна в Китае Г. Сневлит на очередном пленуме ЦК КПК предложил коммунистам вступить в Гоминдан, с тем, чтобы использовать ее широкую известность и влияние, а также политический вес Сунь Ятсена для агитации среди широких народных масс. Сневлит аргументировал свое предложение тремя соображениями. Во-первых, имелся положительный опыт работы голландских социал-демократов во главе со Сневлитом в Индонезии внутри Саракет Ислам - национально-освободительного движения, находящегося под сильным влиянием мусульманского духовенства. Левая часть Саракет Ислам имела контакты с социал-демократическим союзом Индии, также созданным при активном участии Сневлита. Социал-демократы внутри Саракет Ислам агитировали за создание профсоюзов, и во время Первой мировой войны их работа дала положительные результаты - влияние левых в Индонезии сильно возросло.

Вторым аргументом было решение о тактике в колониальных странах, принятое на Втором конгрессе Коминтерна.

Третий довод Сневлита заключался в том, что на Юге Китая, по его сведениям, Гоминдан уже имел связи с зарождавшимся рабочим движением, а профсоюзы Юга под влиянием Сунь Ятсена уже принимали участие в освободительном движении и представляли собой благодатную почву для деятельности коммунистов.

По словам Сневлита, большинство членов ЦК КПК одобрило это предложение. Противники этого решения аргументировали свою позицию тем, что воспринимать Гоминдан как реальную политическую силу в тот момент было сомнительно, тем более сомнительно, что Гоминдан сможет возглавить нарождающиеся массовое движение. Эта партия, по их мнению, просто “дохлой собакой”. Сневлит позже утверждал, что главным противником вступления был Чжан Готао, а Чен Дусю на этом пленуме был за вступление в Гоминдан. В свою очередь, много лет спустя, сам Чен Дусю в своем открытом письме членам КПК в 1929 г. отрицал это; он также заявлял, что все 5 членов ЦК изначально были против вступления, считая, что это “смешает политические организации разных классов и свяжет руки нашей независимой политике”. Как бы то ни было, очевиден один факт: в конце концов, большинство лидеров Компартии встало на точку зрения Сневлита. Уже в марте 1923 г. Чен Дусю открыто высказывал такую точку зрения: “Сотрудничество с революционной буржуазией является неизбежным для китайского пролетариата”. Окончательное решение ЦК КПК по этому вопросу было положительным.

Индивидуальное вступление коммунистов в Гоминдан было основано на той надежде, что они смогут завоевать рабочих Юга, которые до этого шли с Гоминданом. Коммунисты предложили программу революционного преобразования Гоминдана. Но Сунь отреагировал на нее сухо. Только после того, как в июне 1922 г. руководитель недавно созданной военной организации Гоминдана, один из старейших приверженцев Сунь Ятсена, поднял против

него мятеж в Кантоне, сильно разочаровавшийся в своих военных авантюрах “отец нации” стал более внимательно прислушиваться к предложениям представителей Коминтерна.

Хотя Сунь не рассматривал перспективы коммунистического движения в Китае всерьез, его привлекала возможность прямой и конкретной материальной помощи из Москвы. То обстоятельство, что в ответ на свои обращения к империалистическим державам Сунь в течение долгих лет получал то холодный прием, то прямой отказ, также подтолкнуло его к сближению с Коминтерном.

В 1922 г. американское правительство организовало в Вашингтоне международную конференцию якобы для “защиты национальной независимости Китая”. Истинной ее целью было стремление не дать Японии окончательно установить свое единоличное господство в Китае. Но эта конференция, в отличие от Версальской, уже не породила в китайском обществе никаких надежд на великодушные империалистов. С другой стороны, то, что Советская Россия так быстро победила совместную военную интервенцию крупнейших держав, показывало Китаю пример успешной борьбы с империализмом. Еще 25 июля 1919 г. Советское правительство заявило о своей готовности аннулировать все кабальные договоры, заключенные между Китаем и царской Россией. 27 октября 1920 г. Советское правительство снова подтвердило свое предложение, и его представители в Пекине пытались заключить на этой основе новый договор с Китаем. Хотя из-за вмешательства мировых держав китайское правительство не пошло на подписание этого договора, тем не менее, советское предложение произвело громадное впечатление на все китайское общество и особенно на интеллигенцию. Авторитет Советской власти поднялся в Китае до небывалых высот.

В это время в советской дипломатии постепенно начала развиваться тенденция превалирования государственных интересов России над интересами мировой революции. Первая советская делегация, в неофициальном порядке прибывшая в Пекин, пыталась договориться с прояпонским правительством. Слабое и гонимое движение, возглавляемое Сунь Ятсеном, еще не рассматривалось в качестве союзника. Ставка подковерной борьбы была сделана на генерала У Пэйфу, называвшего себя демократом и даже социалистом. И когда тот в 1920 г. сверг пекинское правительство, советская газета “Известия” отреагировала на это следующим образом: “Над Китаем поднялось знамя генерала У Пэйфу. Новое правительство, без сомнения, будет проводить просоветский курс”. На деле У Пэйфу оказался марионеткой британского империализма, ему не нужна была дружба с большевистской Россией. Это и привело к срыву советско-китайских переговоров 1921 г.

Весной 1921 г. в Китай прибыл Сневлит. После встречи с Сунь Ятсеном он пришел к выводу, что будущее национально-освободительного движения именно за этим политиком. В январе 1922 г., когда вспыхнула забастовка гонконгских моряков, Сневлит, по его словам, еще раз убедился в наличии тесных контактов Гоминдана с молодым рабочим движением. Сневлит начал предлагать китайским коммунистам вступить в Гоминдан, хотя это и противоречило позиции Иркутского бюро, отвечавшего в Коминтерне за политику в Восточной Азии.

В августе 1922 г. в Шанхае Сневлит снова встретился с Сунем и убедил его вместо новой

военной авантюры заняться массовой агитацией. Сневлит был принят очень радушно, так как Сунь Ятсен уже всерьез начал рассчитывать на помощь Советов. В сентябре в Москве Сневлит в своем докладе Коминтерну сумел убедить руководство Интернационала сделать ставку на Сунь Ятсена. Его статья в защиту союза с национально-освободительным движением Суня была опубликована в официальных московских изданиях.

26 января 1923 г. известный советский дипломат Адольф Иоффе встретился с Сунь Ятсеном в Шанхае. В их совместном коммюнике было написано: “В современном Китае отсутствуют условия для социализма и коммунизма... Основная задача Китая заключается в завершении объединения страны и достижении подлинной независимости”. Иоффе обещал Сунь Ятсену, что в борьбе за достижение этих целей национально-освободительное движение Китая может рассчитывать на Советскую Россию. Так был официально объявлен союз Сунь Ятсена с Москвой. Сунь увидел, что русские относятся к его партии настолько серьезно, что готовы поддержать его деньгами, вооружением, советниками, наконец, своим авторитетом.

Этот союз поставил перед китайскими коммунистами задачу всемерно содействовать Гоминдану и помочь ему стать решающей политической силой в стране. Осенью 1923 г. пост “верховного консультанта” Сунь Ятсена занял представитель ВКП(б) М. Бородин. Своей работой на этом посту он должен был способствовать революционному преобразованию и укреплению Гоминдана. Этому же была подчинена работа китайских коммунистов. Перспективы самостоятельной политики КПК исчезли за горизонтом.

В резолюции Исполкома Коминтерна от 12 января 1923 г. говорилось: “Ввиду того, что самостоятельное рабочее движение в Китае еще слабо, а центральная задача борьбы китайского народа в данный исторический период заключается в завершении национальной революции против империалистов и их феодальных марионеток в Китае. А также из-за того, что победа национальной революции непосредственно выгодна рабочему классу, Исполком Коминтерна считает необходимым сотрудничество молодой КПК с Гоминданом”.

В июне 1923 г. на Третьем Съезде КПК после бурной дискуссии был принят лозунг “Вся работа - в Гоминдане!”. В заявлении Съезда провозглашалось: “Гоминдан должен стать центральной руководящей силой национальной революции”. Этот курс подразумевал, что антиимпериалистическая борьба важнее классовой. Идея о возможности соединения различных классов, чьи интересы противоположны, в одной партии базировалась на том предположении, что борьба с империализмом временно примирит разные классы угнетаемой нации, а не углубит противоречия между ними. Следующим шагом в этом направлении было признание за буржуазией руководящей “революционной” роли в национально-освободительном движении. Этот резкий поворот в политике Коминтерна в корне противоречил основным позициям, выработанным на Втором конгрессе, в первую очередь, положению о независимости рабочего класса. Принятая тактика отдала национально-освободительное движение в руки буржуазной демократии и ликвидировала организационную, а главное, политическую самостоятельность Компартии. Уже в 1923 г. КПК признала руководящую роль Гоминдана. В недрах Коминтерна начала разрабатываться теория о том, что Гоминдан является не буржуазной партией, а партией разных классов,

объединенных борьбой с империализмом. Эта теория скоро нашла свое отражение в официальных документах Коминтерна и стала определять всю дальнейшую работу Интернационала.

Бородин убеждал Сунь Ятсена, что Гоминдан должен стать партией со строгой дисциплиной и широкой массовой поддержкой. В ноябре 1923 г., когда один из гуандунских полевых командиров “генерал” Чен Дзюмин попытался захватить исконную политическую базу Сунь Ятсена в Кантон, Бородин советовал Суню обратиться за помощью к рабочим. Быстрая победа вооруженных рабочих над войсками генерала Чена резко повысила в глазах Суня авторитет Бородина.

При согласовании с Сунь Ятсеном Бородин разработал программный документ, который содержал три основных пункта: союз с Россией, борьба с империализмом и коренное улучшение жизни трудового народа. Бородин конкретизировал идею Сунь Ятсена о “всенародном благополучии” в требованиях снижения арендной платы за землю и издании закона о труде.

В январе 1924 г. на первом Съезде “обновленного”, т.е. пополненного коммунистами Гоминдана, этот документ был принят, было принято также решение о радикальной реорганизации Гоминдана. День открытия Съезда совпал с днем кончины В. И. Ленина. Это историческое совпадение наводило на прямую аналогию: Коминтерн, созданный под руководством Ленина, скатился к политике капитулянтства перед буржуазией, а независимая политика пролетариата уходила в прошлое вместе с Лениным.

Гоминдан по своей структуре стал точной копией ВКП(б), им были приняты на вооружение также методы агитации большевиков. В мае 1924 г. советские консультанты из РККА организовали под Кантоном в городке Хуанпу военное училище с целью подготовить для Гоминдана собственные военные кадры. Училище функционировало исключительно за счет советских средств, а обучение велось советскими преподавателями. Вскоре Советская Россия стала поставлять в Кантон оружие для формирующихся собственных вооруженных сил Гоминдана: Национально-революционная армия (НРА). Эта армия создавалась советскими командирами при активном участии китайских коммунистов, но действовать должна была под знаменем и руководством Гоминдана.

Вступив в Гоминдан, коммунисты в своей работе должны были придерживаться концепции “национально-буржуазной революции”, которая не предусматривала ликвидации китайской буржуазии. Кадры КПК в первое время рекрутировались из студенческой среды, но уже очень скоро начался быстрый приток квалифицированных рабочих. Но партийные работники воспитывались на основе программы буржуазно-демократической, а не пролетарской революции. Естественно, их повседневная агитация ограничивалась рамками антиимпериализма и борьбы против военных диктаторов и олигархов. Так КПК превращалась просто в левое крыло Гоминдана. В своей работе коммунисты отличались от гоминдановцев не своей марксистской позицией, а энтузиазмом. Их самоотверженность порождалась верой в то, что они в конечном итоге служат интересам рабочих и крестьян.

Коммунисты уже больше не выступали перед массами от имени собственной организации и, не задумываясь над тем, каковы их собственные политические перспективы, активно работали на обновление и укрепление дряхлого организма Гоминдана, вербуя для него свежие кадры.

Массовое движение ширилось огромными темпами. Оно было вызвано системным кризисом китайского общества. На заводах и фабриках в Кантоне, Шанхае, Ухане и других городах условия труда рабочих были сравнимы с условиями труда британских рабочих раннего капитализма. Рабочие, работницы и даже дети работали по 12, 14, 16 часов в сутки. Средняя зарплата составляла чуть больше двух юаней в месяц. На предприятиях не соблюдали самые элементарные требования техники безопасности, всюду царила антисанитария. Система ученичества являлась по сути системой массовой эксплуатации детского труда: детям ежедневно приходилось работать по 18 часов за ночлег и тарелку риса. При таком благоприятном инвестиционном климате капиталисты, особенно располагавшие передовыми технологиями и значительными капиталами западные предприниматели, получали гигантские прибыли. Так как жизнь рабочих не стоила и гроша, то никому неизвестны данные о смертности среди них, ясно лишь, что она была чрезвычайно высока. Бытие определяет сознание, поэтому организованное сопротивление рабочих быстро росло.

В 1920 г. в Кантоне произошла первая крупная забастовка. В 1922 г. причинившая немало хлопот британскому правительству стачка гонконгских моряков закончилась победой: им было разрешено создавать профсоюзы, заработная плата была значительно увеличена. Стачка потрясла всю страну и уже в мае 1922 г. под влиянием этого первого крупного успеха рабочих в борьбе с хозяевами в Кантоне состоялся Первый конгресс трудящихся. На этот конгресс прибыли представители 230 тыс. организованных рабочих. Под давлением нарастающего рабочего движения гоминдановское правительство в Кантоне отменило репрессивные по отношению к рабочим законы, что в свою очередь способствовало новому подъему рабочего движения. В то же время в Северном и Центральном Китае развернулась борьба за увеличение заработной платы, заключение коллективных договоров, а также за право создания профсоюзов. Наиболее ярким эпизодом этого движения стала стачка железнодорожных рабочих магистрали Пекин - Ухань. Эта стачка была жестоко подавлена войсками "генерала-социалиста" У Пэйфу. В результате резни, устроенной ими, погибло 60 рабочих, был расстрелян адвокат профсоюза, коммунист Ш Ян. Но эта расправа лишь на время замедлила процесс самоорганизации железнодорожников по всей стране. Спустя год состоялся первый Съезд железнодорожников Китая. На нем был выбран Исполком и принят Манифест, в котором заявлялось о намерении бороться за повышение уровня жизни, за право рабочих и их детей на образование, и провозглашалось единство всех железнодорожников Китая в отстаивании своих прав.

В начале 1923 г. в Шанхае 40 тыс. рабочих было объединено в 24 профсоюза. В 1918 г., по официальным данным, в Китае произошло 25 забастовок, в которых приняли участие не менее 10 тыс. рабочих. В 1922 г. число стачек выросло до 91, в них приняло участие 150 тыс. рабочих. Рабочее движение развивалось лавинообразно.

Первого мая 1924 г. в Шанхае состоялась стотысячная демонстрация. В Ухане, где в этот день было объявлено чрезвычайное положение, над рабочими кварталами развевались красные знамена. В Кантоне на улицы вышло несколько сот тысяч демонстрантов. Традиционный первомайский лозунг “Восьмичасовой рабочий день!”, поднятый в этом городе, вызвал неопишуемый восторг среди рабочих, которые до сих пор боролись только за замену 16-часового рабочего дня 14-часовым. В листовках, раздававшихся на этой демонстрации, провозглашалось: “8 часов работать, 8 часов учиться, 8 часов отдыхать! Это будет здорово! Рабочий класс уже сорок лет проливает свою кровь ради осуществления этой мечты. Пролетариат не будет больше рабочим скотом для капиталистов! Довольно! У нас остается только один выход - революция. И мы приветствуем ее наступление! - Рабочие, помните, что Вы люди и должны жить по-человечески. Поднимайтесь и организуйтесь!”. Маршируя по улицам, демонстранты пели: “Работа станет радостью, и каждый день нас будут звать на труд колокол свободы”. Демонстрация в Кантоне завершилась скандированием “Да здравствует рабочий класс!”.

Радикальная реорганизация Гоминдана проходила одновременно с мощным подъемом рабочего движения, отличавшегося смелостью и боевитостью. В начале движение с подозрением относилось к своему буржуазному “союзнику”. Но эти подозрения вскоре были смягчены совместными усилиями Гоминдана и КПК.

На первомайском митинге 1924 г. в Кантоне Сунь Ятсен перед рабочими сказал: “Китайские рабочие отличаются от рабочих других стран тем, что тех угнетают свои собственные капиталисты... Китайские же рабочие еще не подвергались угнетению со стороны китайских капиталистов. наших рабочих угнетают чужеземные капиталисты”. Спустя месяц на Первом конгрессе транспортников тихоокеанского региона в Кантоне один из выступавших гоминдановцев ораторствовал в том же духе. Новым эмиссаром Коминтерна в Китае стал Г. Войтинский, который блестяще справился с работой по подчинению рабочего движения буржуазному руководству. Войтинский в своей статье, напечатанной в ЦО Коминтерна, отмечал, что “китайские железнодорожники, приехавшие издалека, находившиеся на нелегальном положении и еще хорошо помнившие кровавый эпизод с подавлением стачки железнодорожников Пекин - Уханьской магистрали, приняли выступление Гоминдановца весьма сухо. Они вместе с индонезийскими товарищами составили левое крыло Конгресса. В Индонезии год назад также произошла крупная, имевшая историческое значение забастовка железнодорожников. После нее левые в Индонезии откололись от Саракет Ислам. Хотя индонезийские делегаты и признавали необходимость единого фронта в борьбе с империалистами, но считали, что этот единый фронт должен находиться под революционным руководством коммунистической партии”. Такие “крамольные” настроения также были весьма распространены среди китайских делегатов, поэтому большая часть работы Войтинского и его коллег была направлена на то, чтобы искоренить среди рабочих и коммунистов недоверие к Гоминдану и его политике.

Нельзя сказать, что КПК изначально безропотно шла за меньшевистской линией Коминтерна. 13 июля 1924 г. в своем секретном письме эмиссару Интернационала

Войтинскому Чен Дусю проанализировал ситуацию в Гоминдане:

“В прежнем Гоминдане были либо откровенные антикоммунисты, либо центристы, которые, не выступая резко против компартии, четко отмежевывались от марксизма. Сейчас в Гоминдане появились левые массы, это, во-первых, наши товарищи из КПК, во-вторых, привлеченные усилиями наших товарищей массы. Сам Сунь Ятсен является центристом.

Поддержать Гоминдан фактически означает поддержать его открытое правое крыло, так как оно контролирует весь партийный аппарат и определяет реальный курс партии. Вы должны требовать от Бородина правдивый доклад по развитию ситуации в Гоминдане. Мы не должны безусловно поддержать все начинания Гоминдана без разбора. Стоит поддержать только мероприятия, проводимые левыми элементами Гоминдана вместе с нами. Иначе получится, что сами выращиваем себе противников”.

На все замечания Чена Войтинский отвечал цитатами из директив Интернационала, стараясь успокоить его и других лидеров партии. Надо отдать Войтинскому должное, он быстро сумел рассеять сомнения у Чен Дусю.

Крестьянство также начало организовываться. Новое крестьянское движение было неразрывно связано с именем Пэн Пая. Он стал легендой Китайской революции. Будучи сыном крупного землевладельца, он работал школьным учителем в родном селе. В 1921 г. за участие вместе со своими учениками в первомайской демонстрации он был уволен из школы, после чего вплотную занялся работой по организации крестьян. Поначалу к нему относились с недоверием и ненавистью из-за его происхождения. Пэн, тем не менее, продолжал настойчиво вести агитацию по деревням, выступая в качестве фокусника. Он показывал фокусы и крутил грампластинки, одновременно агитируя за восстание.

Вскоре под его руководством был создан первый Союз крестьян в провинции Гуандун, который почти сразу же вступил в конфликт с вооруженными наемниками землевладельцев. Это привело к созданию крестьянских отрядов самообороны. Пример этого Союза оказался заразительным: в первой половине 1923 г. подобные Союзы были созданы по всему Гуандуну. В Манифесте Учредительного Съезда Союзов заявлялось: “Принято считать, что земли богачей куплены ими. Это вранье! Все эти земли были отняты их предками у нас. Но допустим даже, что кто-то купил свои земли. Но мы платим аренду за них уже тысячи лет! Эта земля пропитана нашими потом и кровью”.

Борьба крестьян за землю быстро переросла в борьбу с местной администрацией и полицией. Требования снижения арендной платы почти сразу же сменились требованиями отмены аренды. Уже в 1923 г. в одном из районов Гуандуна, как сообщали СМИ, “члены Союза крестьян посмели отказаться платить арендную плату землевладельцам”. То здесь, то там по всей провинции вспыхивали частые конфликты и вооруженные противостояния крестьян и землевладельцев. В 1924 г. организованные в Союзы крестьяне контролировали уже значительную часть провинции Гуандун.

Коммунисты пропагандировали программу Гоминдана, как в городе, так и в деревне. И хотя эта программа звала трудящихся к организованной борьбе, крестьяне продолжали смотреть на чиновников из Гоминдана как на своих врагов.

Но сам Гоминдан был еще очень слаб и окружен массой врагов. Летом 1924 г. в Кантоне образовался “Корпус в защиту свободного предпринимательства” - военная организация местных бизнесменов, ориентированных на Британский капитал. Корпус возглавил банкир Чен Лэнбо. 10 августа, после того, как Корпус воспротивился решению Сунь Ятсена о его разоружении, последовал приказал конфисковать часть оружия Корпуса. Ситуация накалялась. 26 августа Генеральное консульство Британии в Кантоне предупредило Сунь Ятсена, что в случае подавления Корпуса силами Гоминдана, британские ВМФ выступит на стороне “свободолюбивого бизнеса”. Сунь отправил ноту протеста в Лондон на имя премьер-министра Макдональда (лейбориста). Макдольд промолчал. Сунь также послал протестную телеграмму в Лигу Наций. Реакция нулевая. В октябре того же года против Корпуса совместно выступили курсанты Хуанпуского военного училища, рабочие дружинники Кантона и крестьянские отряды самообороны: после короткого, но кровопролитного боя Корпус был разгромлен. Лондон был ошеломлен такой дерзостью и не посмел вмешаться. Спустя четыре месяца, в феврале 1925 г. известный гуандунский полевой командир - бывший союзник Сунь Ятсена - Чен Дзюмин предпринял попытку захватить Кантон. Чэн был наголову разбит: в его тылу действовали партизанские отряды, его коммуникации были перерезаны, оружейные склады взорваны.

1 мая 1925 г. в Кантоне состоялась мощная демонстрация. К этому дню был приурочен Второй Всекитайский Конгресс Трудящихся. А также был созван Первый провинциальный Съезд Союзов Крестьян Гуандуна. На Всекитайском Конгрессе Трудящихся присутствовало 230 рабочих делегатов, представлявших 570 тысяч организованных рабочих из всех крупных городов страны. На Съезде Союзов Крестьян присутствовало 117 крестьянских делегатов, которые представляли 180 тысяч членов Союзов Крестьян Гуандуна. Во время первомайской демонстрации по улицам прошли приехавшие со всех концов страны рабочие делегаты, тысячи рабочих и крестьян из предместий Кантона. Это была настоящая демонстрация силы. В ходе празднования Первого мая перед простыми рабочими с черными, натруженными руками распахнулись двери вузов (где им читали лекции, демонстрировали новейшие достижения техники, способной существенно облегчить их труд), музеев, других культурных учреждений.

Несколько недель спустя в Кантоне вспыхнул новый мятеж. В это время у Сунь Ятсена осталось еще два военачальника, открыто враждебные в отношении массового движения. Сунь сам никогда не порвал бы с ними. Тем не менее, генералы были настолько запуганы размахом массового движения в Кантоне, что решили покончить с этой “большевистской заразой” раз и навсегда. Мятеж был сразу же подавлен курсантами Хуанпуского Военного Училища и рабочими ополченцами. Отступившие из города остатки мятежников были уничтожены крестьянскими отрядами, организовавшими засаду.

В это время новые события в Шанхае ознаменовали собой новый виток подъема рабочего движения. В течение последних нескольких лет на Шанхайских фабриках и заводах не затихала борьба против рабского состояния рабочих. В начале 1925 г. особенно среди работавших на японских фабриках шло сильное движение с требованием увеличить зарплату и упразднить засилье японских надсмотрщиков на заводах. В это же время произошел расстрел Шаньдунских забастовщиков их японскими хозяевами, а также новое убийство китайского рабочего-коммуниста японскими надсмотрщиками в самом Шанхае. Возмущенные рабочие и студенты провели совместную демонстрацию в центре города. Несколько человек были задержаны. Толпа манифестантов направилась к зданию полиции “Международной Концессии” с требованием освобождения товарищей. Один из британских офицеров приказал открыть огонь по народу. 12 студентов были убиты на месте. Это произошло вечером 30 мая.

После этого события развивались стихийно и молниеносно. Шанхай, эта незабываемая опора империализма с его шикарными зданиями банков и офисов международных корпораций, оказался, как показала всеобщая стачка, колоссом на глиняных ногах. Всеобщая стачка охватила даже гувернанток и прислугу. Надменные европейцы, привыкшие за десятилетия рассматривать народ Китая как массу грязных и послушных скотов, моментально убавили свою спесь, как только эта масса восстала и стала махать кулаками перед их сиятельными носами. Эта стачка настолько глубоко парализовала иностранную деловую диаспору, что там говорили: “Весь бизнес парализован, для нас (европейцев) не осталось другого занятия, кроме как служить в созданных в Концессии отрядах самообороны”. Стачки солидарности с Шанхайской забастовкой прокатились по всей стране. По весьма неполным данным, волна протеста привела к 135 стачкам, в которых приняло участие 400 тысяч человек.

11 июня произошло новое кровопролитие - в Ухане британские морские пехотинцы открыли огонь по рабочей демонстрации, 8 человек было убито и 12 ранено. 18 июня китайские моряки на британских торговых судах бросили работу. Спустя три дня все заводы в Гонконге и иностранных концессиях в соседнем Кантоне были охвачены забастовкой. 23 июня студенты, рабочие и курсанты маршировали по улицам Кантона. Когда демонстрация подошла к кварталам концессии, британские и французские солдаты открыли огонь из пулеметов. В результате 52 человека было убито и 117 ранено. В Гонконге сразу же был объявлен бойкот британским товарам и всеобщая стачка. В Гонконге, этом аванпосте британской империи в Китае, воцарилась полная тишина: не вращалось ни одно колесо, не дымили трубы ни одного завода, недвижимо замерли пароходы. Сто с лишним тысяч гонконгских рабочих предприняли беспрецедентные действия - они коллективно выехали из Гонконга в Кантон. Работа еще 150-ти тысяч наемных работников, оставшихся в Гонконге, была парализована этой забастовкой. В Кантоне прибывшие туда забастовщики очистили наркопритоны и казино, превратив их в общежития и столовые для себя. Стачечниками была создана двухтысячная Рабочая дружина. Отныне Гонконг был надежно блокирован со стороны Китая.

Это рабочее выступление поражало своей исключительной организованностью. Каждые 50 забастовщиков выдвинули по одному делегату на рабочий Съезд. На этом Съезде был

избран Исполнительный комитет в составе 13 человек. Первым китайским Советом были организованы больница и 17 школ для рабочих и их детей. При Совете действовали отделы по делам финансов, кампании бойкота, конфискации и распределения среди бедняков британских товаров. Начал функционировать также рабочий суд. Его юрисдикции передавались лица, саботирующие бойкот британских товаров и занимающиеся иными диверсиями. Рабочая дружина присвоила себе полномочия полиции и судебных исполнителей, она исполняла свою работу с быстротой и прямотой, свойственными пролетариату.

Один европейский наблюдатель писал: “В Кантоне кампанией по бойкоту британских товаров занимается Стачком (Исполком первого китайского Совета - прим. переводчика). Стачком опирается на свою вооруженную Дружину. В Гуандуне Дружина контролирует все основные магистрали, по которым перевозятся товары. Проверка товаров и обыск проезжающих стало обычным явлением. Европейцы, также как китайцы, подвергаются обыскам. Забастовщики добиваются полной блокады Гонконга и всех европейских концессий в Гуандуне, в том числе продовольственной. Те, чьи действия нарушают блокаду, передаются так называемому “Рабочему Суду”. Эта блокада действительно осуществляется в полной мере. Нам нельзя не рассматривать это как войну против Гонконга и Великобритании, в которой Дружина является вражеской армией. Иначе нельзя объяснить решимость и беспощадность, с которой обеспечивается блокада”.

Блокаде содействовали также Союзы крестьян. Активисты Союзов патрулировали всю прибрежную линию провинции. Таким образом, блокада была действительно полной. Раздраженная британская диаспора напрасно пыталась найти лазейки. Лишь от случая к случаю доставляли им товары первой необходимости. “Привозите побольше продовольствия. У нас больше нет свежего молока. Ночной клуб больше не работает, т.к. вся прислуга удрала”, - так жаловался из концессии в г. Шаньюу один англичанин своим компаньонам в Британии. Забастовщики с удовольствием наблюдали за тем, как в Гонконге высокомерные британцы сами готовят себе обед и стирают рубашки. Во время стачки мусор не вывозился, поэтому китайцы переименовали Гонконг, что значит ароматный порт, в Чоуган - вонючий порт. А когда в этой некогда оживленной британской колонии замерла торговая жизнь, они стали называть его Мертвый порт.

Британский наместник в Гонконге заявил прессе: “Анархисты атакуют нас, тех, кто является олицетворением цивилизации”. Каждый день “анархии” стоил международному капиталу 250 тыс. фунтов стерлингов или 2 млн. китайских юаней. В докладе Союза британских предпринимателей Гонконга сообщалось, что “в 1924 году с августа по декабрь количество торговых британских кораблей, прибывших в Кантон, колебалось от 160 до 240 в месяц, в тот же период в 1925 г. эта цифра колебалась от 2 до 27”. Деловые люди Гонконга все громче требовали вооруженной интервенции в Китай, чтобы защитить цивилизацию. “Добропорядочные британские и китайские жители в Гонконге убеждены, что необходимы незамедлительное вмешательство и решительные действия британского правительства. - Писала одна из гонконгских газет. - Без помощи Британии ожидать победы над красными в Кантоне не приходится. В то время военная акция может быстро привести к власти в

Кантоне дружественное нам правительство”.

Лондон предпочел решить этот инцидент с помощью денег, а не штыков: за период всеобщей стачки, во всей провинции Гуандун не было ни одного авторитета организованной преступности, который не получал бы деньги от Британии за нападения на рабочие дружины и за организацию вооруженных банд против Кантонского правительства. Тем не менее, забастовка и блокада продолжались. С помощью массового движения Гоминдан все более укреплялся. В конце июня в Кантоне было официально создано Национальное правительство, которое заявило о своем намерении объединить под своим знаменем страну. В сентябре этого года войска Гоминдана при поддержке отрядов Союза крестьян на голову разбили последние остатки армии Чен Дзюмина, несмотря на то, что Чен пользовался колоссальной финансовой и вооруженной поддержкой со стороны Гонконга. К концу 1925 года Гоминдановская власть окончательно установилась в провинции Гуандун.

Таким образом, в течение менее чем двух лет Гоминдан из забытой всеми тусовки нескольких сотен старомодных республиканцев превратился в мощный фактор политической жизни страны. На плечах крепчающего массового движения Гоминдан поднялся до решения задачи объединения всего Китая. После установления своей власти в Гуандуне следующей целью для этой партии стал Север, находящийся под контролем многочисленных генералов, которые были в шоке от стремительных успехов Гоминдана на Юге за последний год.

Все успехи Гоминдана были заслугой поднявшихся рабочих и крестьян. Само массовое движение смогло развернуться благодаря преданности и самоотверженности коммунистов. Так было выковано мощное оружие. Теперь на очередь встал вопрос, кто и как им распорядится. Все китайское общество было в огне, и все классы стремительно перегруппировывались. Приближалось генеральное сражение.

Глава 3 Единый революционный фронт: Кто в доме хозяин?

Сунь Ятсен любил говорить, что в Китае нет “богатых и бедных”. Есть только “бедные” и “очень бедные”. Если бы он прожил чуть больше, то он увидел бы собственными глазами, что случается, когда желание “очень бедных” превратится в просто “бедных” сталкивается со стремлением “бедных” превратиться в богачей. Он увидел бы, что этот “единый фронт в борьбе с империализмом” сам распадается на непримиримые стороны. Разгорается острая борьба нищих масс против их “бедных” работодателей. Он увидел бы массу веских доказательств факту, наличие которого он отрицал. Это факт классовой борьбы. Тогда, когда уровень глубина и напряженность классовой борьбы достигает определенного предела, все противоречия внезапно вырываются наружу. Смешно было надеяться, что рабочие будут долго делать различия между своими китайскими и зарубежными нанимателями, а крестьяне будут довольствоваться жалкими крохами. Недолго думая, рабочие перешагнули через это разделение, все имущие классы, предприниматели и землевладельцы также стали готовить контрнаступление.

Китайская буржуазия предпочитала пойти на компромисс со своими иностранными конкурентами на основе общего пользования ресурсами Китая, чем навстречу бурно развивающемуся массовому движению, которое в конце концов, привело бы к их уничтожению. Хотя китайская буржуазия довольно быстро определила свою принципиальную позицию к массовому движению, нельзя принимать ее как единую команду, строго действующую по общему плану. Из-за массового вмешательства народа в публичную политику вся социальная жизнь умчалась вперед настолько быстро, что прежнее равновесие в обществе было разрушено. В этой мутной воде составлялись самые невероятные политические комбинации между классами. В самой китайской буржуазии происходили изменения. В конечном итоге все составные части правящего класса сошлись на том, что они должны стоять на одной стороне баррикад, чтобы противостоять угрозе со стороны эксплуатируемых. С их точки зрения, конечная цель национальной революции заключалась в создании новой централизованной буржуазной власти. Эта власть будет более устойчива, более сильна и более предсказуема, чем прежняя разобшенная власть военных диктаторов.

Но из-за различий между сиюминутными интересами группировок внутри буржуазии, ее отношение к массовому движению с 1925 года претерпевало различные изменения. Та часть китайского капитала, которая была плотно завязана с международным рынком и западными партнерами, изначально категорически выступила против бушующего массового движения. Китайские компрадоры предлагали объединить страну при полном мире и согласии с мировыми державами, а отдельные представители этой группировки и вообще требовали сохранить статус-кво. В некоторых случаях, например, в 1924 году в Кантоне эти буржуа дошли до того, что сами вооружились и вступили в открытую борьбу с “обновленным” Гоминданом. Но обычно они боролись с революцией чужими руками. Их политические представители были самыми старыми, коррумпированными, консервативными и поэтому самыми близорукими правыми деятелями в Гоминдане. После сближения Гоминдана с

Советской Россией в 1924 г. эта наиболее маразматическая часть Гоминдана сразу встала против нового курса партии. В оппозиции стояли сплошные правые реакционеры, которые в каждом чиновнике советской России видели воплощение революционного духа. Она заявляла в своем манифесте о возможной гибели Гоминдана: “С тех пор, как коммунисты вступили в Гоминдан, их агитация за борьбу с международным империализмом была направлена на то, чтобы разрушить международный авторитет нашей партии. Их план состоит в уничтожении Гоминдана”. Ими был создан целый ряд организаций с целью “спасения Гоминдана”. Их основные кадры действовали с благословения северных и маньчжурских диктаторов.

После смерти Сунь Ятсена в 1925 г. правыми гоминдановцами была начата новая кампания по борьбе с “большевизмом”, чтобы спасти чистоту учения Сунь Ятсена. Одна из основных их трибун называлась “Ассоциация по изучению наследия Сунь Ятсена”. В ноябре 1925 года под Пекином состоялась объединенная конференция всех правых элементов в Гоминдане. Результатом этой конференции стало создание консолидированной фракции наиболее отъявленных правых сил в Гоминдане. Фракция обосновалась на Севере, ожидая своего часа.

У империалистов дела шли не слишком хорошо, под натиском массового движения они вынуждены были отступать. Вскоре появилось множество симптомов того, что они не прочь сотрудничать с китайской буржуазией и идти на компромиссы. Сначала многие из них еще верили, что бандитских методов времен подавления тэпинского восстания достаточно, чтобы усмирить “бунтовщиков”, но времена изменились. Британия не смогла спасти “Корпус в защиту предпринимательства” в Кантоне. Расстрелы в Шанхае, Шаньдуне, Ухане и Кантоне не запугали китайский народ, а только вскрыли истинное лицо “Европейской цивилизации”.

Увидев, что иностранные пули порождали лишь все больше и больше новобранцев революции, империалисты не бросили свою старую дубинку, но стали подыскивать себе новое оружие. Мы уже знаем, что британская администрация в Гонконге открыто снабжала генерала Чен Дзюмина деньгами и оружием, чтобы тот противостоял кантонской власти. К неудовольствию лондонских политиков, Чен не отработал их “инвестиции”. На Севере ситуация обстояла ненамного лучше. В 1925 г. с помощью японской армии маньчжурский диктатор Чжан Дзолин смог подавить революционное выступление среди своих войск, но массовое движение на Севере продолжало набирать мощь. Империалистам ничего не оставалось, кроме как метаться по всему Китаю, чтобы затушить очередной пожар. Дряхлые правые Гоминдановцы как реальные силы никем всерьез не воспринимались.

В самый разгар всеобщей стачки в Шанхае, в июне 1925 г., главная финансовая газета города, защищавшая интересы иностранного капитала, открыто обратилась к китайским деловым кругам: “Многолетнее общение и дружеская совместная работа между нами давно привели нас к убеждению, что Вы отнюдь не сочувствуете бесчинствующим забастовщикам”. Там же от китайской буржуазии требовали доказательств того, что “они не имеют отношения к бездельничающим рабочим”. “Как долго будет длиться анархия и

угроза не только нашего, но и Вашего собственного благополучия и безопасности в основном зависит от Вашего собственного желания...”.

Иностранные бизнесмены спешно шли на уступки китайским, изъявляя желание обговорить все детали совместных действий в будущем. Эти действия должны были быть направлены на поддержку северных диктаторов в их борьбе с массовым движением. В 1922 году на Вашингтонской конференции планировалось обсудить вопрос о суверенитете Китая над его собственными таможенными и ликвидацию экстерриториальности в Китае. Но этот вопрос не был решен. Теперь эти вопросы стали решаться. В октябре 1925 года в Пекине состоялась конференция по таможенным сборам. На ней было принято решение о возврате Китаю с 1 января 1929 суверенитета над таможенными. В конце 1925 года была создана международная комиссия по ликвидации экстерриториальности. В 1926 году Британия “проявила желание” вернуть крупную сумму контрибуции, полученную ею еще во времена правления в Китае Маньчжурской династии. Эти шаги были сделаны для того, чтобы привлечь китайскую буржуазию на сторону империализма.

Тем временем ситуация все больше осложнялась. Нарастающая стачечная волна давно вышла за пределы заводов иностранных владельцев. Некоторые китайские либералы с одной стороны были вдохновлены тем, что рабочее движение подняло, “прокатившуюся через всю страну волну социальной активности, т.к. эта активность необходима для создания возрожденной и обновленной республики”, но с другой стороны либералы с осторожностью отмечали “досадные перегибы: в последнее время стачки нарастают чрезмерно”.

Представители имущих классов осознали силу рабочего движения. Благодаря именно этой силе, империалисты отступали не по дням, а по часам. Но отечественные капиталисты все сильнее ощущали, что “использовать рабочих это одно дело... но отдавать им так много, что у нас ничего не остается, это другое дело. Неплохо иметь мощную дубинку в лице организованных рабочих. Но любая дубинка имеет два конца”. Когда рабочие наносили сокрушительный удар по опорам иностранного капитала, все были в восторге, но когда они, вопреки всяким увещаниям, не делали различия между “чужими” и “своими” предпринимателями, то это очень многим не нравилось.

В конце концов, неутешительное развитие событий заставило китайских фабрикантов обнаружить, что они находятся на одном корабле со своими иностранными конкурентами. Чем дальше продвигалось рабочее движение, тем яснее это становилось. В таких промышленных центрах первой величины, как Шанхай, китайские заводы особенно остро нуждались в электроэнергии, вырабатываемой на электростанциях принадлежащих иностранному капиталу. Во время всеобщей стачки в Шанхае в 1925 г. империалисты вырубали электричество, чтобы заставить китайских предпринимателей (на их заводах по решению коммунистов рабочие продолжали работать) отозвать свою поддержку стачке, что и было немедленно выполнено. Представители национальной буржуазии перестали поддерживать стачку своими пожертвованиями. Первоначальные требования забастовщиков были изменены в пользу империалистов, а вскоре вся стачка была окончательно сорвана.

В конце лета 1925 г. при полном согласии и поддержке Генеральной Торговой Палаты Шанхая военная комендатура города вместе с администрацией Международной концессии запретила Объединенные профсоюзы Шанхая. Около 120 рабочих клубов было закрыто. Шанхайское рабочее движение потерпело временную неудачу и восстановилось только к началу 1926 г. В этот период взаимные заигрывания китайской и международной буржуазии становились все откровеннее. Обе стороны открыто высказывались против коммунистов, делая заявления одно страшнее другого. Один британский джентльмен Иванс в своем выступлении призывал: “Вставайте, пока не поздно спасать бесценное наследие Вашей древнейшей цивилизации”. Преданность этих британских джентльменов древней цивилизации Китая воистину трогательна.

Президенты шанхайских компаний, подсчитывая свои жалкие доходы, заявляли перед своими акционерами: “Мы надеемся, что власти в будущем предпримут жесткие меры, чтобы не допустить дальнейшей деятельности профессиональных подстрекателей”. Что подразумевалось под “жесткими мерами” несколько прояснилось после 18 марта 1926 года. В тот день Пекинские студенты проводили манифестации против решения правительства о передаче важнейшего северного порта Тяньцзинь в руки нескольких европейских держав на правах коллективного протектората. Силы полиции и президентской гвардии открыли по демонстрантам огонь. Погибло несколько десятков человек.

В тот же день в Шанхае в одном из самых престижных ресторанов собрался весь цвет деловых кругов. Сам сбор был назван “историческим событием в шанхайской истории”. Действительно, для высокомерных европейских буржуа то, что происходило в тот вечер в ресторане, было необычным. Обычно они общались с китайцами в собственных клубах, куда тех приводили с черного хода. Китайские “гости” - банкиры, брокеры, фабриканты, коммерсанты и чиновники - чуть не упали в обморок от такой оказанной им чести.

Американский представитель в администрации Международной концессии в своем выступлении сказал следующее: “Мы как хозяева сегодняшнего приема польщены оказанной нам честью присутствия таких представительных китайских джентльменов... На этом приеме присутствуют люди, за которыми стоит гигантская сила, эта сила называется общественным мнением”. Оратор прямо начал излагать то, ради чего все собрались: “Наступает тяжелый период, необходимо продумать меры для разрешения наших проблем. Наверное, понадобится военная сила, но это не лучший способ. В рабочей среде - брожение, потеря уважения к законному порядку и своим работодателям. Почему бы нам не использовать “фантастическое легкоеверие” китайского рабочего класса, чтобы было и им и нам хорошо? Почему бы не создать альтернативное руководство движения, которое бы оттеснило коммунистов? По-моему, некоторые серьезные деятели из сегодня собравшихся обязаны взяться за это дело...”.

Юй Чачин, известный банкир, в своем ответном слове заявил: “Все мы хорошо осведомлены, насколько напряжена ситуация... Без малейшего преувеличения можно сказать, что достаточно только бросить маленькую искру, и вспыхнет новый пожар. Этот

новый пожар будет таким, по сравнению с которым, боюсь, события прошлого года покажутся нам детскими шалостями. Ради наших общих интересов мы обязаны сделать все, чтобы предотвратить его”.

Времени остается немного, говорили на собрании, и нельзя сидеть сложа руки. “Нужно налаживать координацию действий не только во всей стране, но и с привлечением наших международных друзей”. Юй заявил без обиняков: “Согласие в наших рядах нужно позарез”. “Но, честно говоря, - продолжал он, - мы не хотим получить его “любой ценой””. По мнению Юя, принцип “равенство для всех” должен быть в какой-то мере признан европейскими партнерами: представители китайской буржуазии должны участвовать в работе администрации международной концессии Шанхая.

Спустя три недели, на ежегодной отчетной конференции “Ассоциации иностранных налогоплательщиков” (своеобразный парламент Международной концессии) было принято решение о допущении китайцев к участию в муниципальной работе концессии (в так называемом “Департаменте исполнительной власти”). Вскоре Департамент принял в свои ряды трех китайцев, чему предшествовал самый настоящий торг.

Приснопамятный банкет был четким сигналом от китайской буржуазии империалистам. На этом банкете они открыто объявили свою цену (достаточно скромную) и были готовы немедленно действовать сообща против рабочего движения. Их сфера интересов не ограничивалась Шанхаем и Севером, но распространялась также на сердце революционного движения - Кантон.

Для состоятельных обывателей Кантон представлялся однородным “рассадником красной заразы”. Но наиболее проницательные из них видели, что реальность совершенно не такова. Иностранцы инвесторы многому научились за эти непростые для них несколько месяцев. Они поняли, что решение вопроса зависит не столько от их собственных сил, сколько от внутренних противоречий революционного движения, движения поставившего под угрозу все их интересы. Один из них писал следующее: “Мы совершили серьезную ошибку, когда смешали патриотов и коммунистов в одну кучу. Пока антикоммунизм ассоциируется с гегемонией иностранцев и ущемлением национальных чувств, надеяться, что добропорядочные граждане выступят против коммунистов, не приходится”.

Кантон являлся центром массового движения и здесь классовое противостояние выражалось ярче всего. Вопреки воплям недовольства со стороны правых, давно отколовшихся от Гоминдана, “левые” гоминдановцы не побоялись работать с коммунистами и использовать их. С помощью коммунистов они уже возглавили массовое движение. Чтобы понять, как “левый” Гоминдан смог отодвинуть коммунистов и возглавить движение, надо рассмотреть способ действий Чан Кайши в это время.

Чан был одним из тех людей, которые из-за их амбиций, жизненного опыта и социального происхождения оказались наиболее подходящими для выполнения особых задач своего класса в переломные исторические моменты. Когда старые политики растеряны перед

невиданным потрясением, на сцену выходят “бешенные” - решительные и лишенные предрассудков, они не брезгают ничем, чтобы достичь вершины славы и власти. Таким высоко взлетевшим авантюристом и был Чан Кайши.

Чан Кайши являлся выходцем из богатой купеческой семьи в провинции Чжэцзян. К началу революции 1912 года он был курсантом военного училища в Токио. Чан спешно вернулся в Шанхай и, примкнув к революционной армии, работал в ее штабе. В это время он впервые встретился с Сунь Ятсеном. В его круге общения появились такие значимые фигуры, как банкир Юй Чачин и известный бизнесмен Чжан Цзинцзян. Чан стал одним из подручных известного “авторитета” организованной преступности Шанхая Хуан Дзинчжона. Во время своего пребывания в Шанхае Чан Кайши черпал жизненный опыт у этих мошенников и бандитов. Прошло время, но он не только не избавился от их влияния, а напротив еще больше “углубился” в этот мир.

Некоторое время спустя мы видим его брокером на бирже в Шанхае. То ли из-за жадности, то ли из-за бестолковости вскоре он погорел на финансовых спекуляциях и был спасен своими “друзьями” из преступного мира. Они отправили его в Кантон к Сунь Ятсену. Последний как раз находился в очередном кризисе и был весьма рад новому стороннику. Чану было поручено отправиться в Москву на полгода для изучения опыта Красной армии и политических институтов Советской России.

В июле 1923 года Чан выехал из Китая. Во время своего пребывания в Москве он был мало замечен. Но сам он был весьма внимателен ко всему происходящему в России. Чан был выходцем из страны кишевшей частными “армиями”. Он был поражен высоким боевым духом и новыми, ранее неизвестными ему, отношениями между солдатами и командирами в Красной Армии. Он увидел, как мощная идея может вызвать безграничную самоотверженность и преданность. Он осознал, что сила масс может быть мощнейшим оружием, как в политике, так и в военных делах.

Возвратившись домой, Чан имел гораздо более четкое понимание, того, как надо вести борьбу за власть, чем доморощенные милитаристы-марионетки. Теперь он не боялся во всеуслышанье произносить: “Да здравствует мировая революция!”, если только видел, что это в интересах той борьбы за власть, которую он вел. Классовый инстинкт подсказывал ему, что это очень опасная игра, но Чан был прирожденный игрок. Он сделал свою ставку и ринулся в эту азартную игру с головой.

В конце 1923 года Чан прибыл в Кантон. Он сразу стал любимцем Бородина и советской военной делегации. В мае 1924 года было организовано военное училище в городке Хуанпу под Кантоном. Чан был назначен ЦИК Гоминдана его ректором. В этом училище обучались командиры для будущей революционной армии. Одновременно училище стало источником кадров для будущей власти Чан Кайши. Тысячи молодых энтузиастов приезжали, чтобы поступить туда. Многие из них впоследствии стали известными деятелями Китая. Рост массового движения, все возрастающая сила профсоюзов и Союзов крестьян вскоре заставили военных курсантов разойтись по разные стороны баррикад.

В своих первых боях Чан и его курсанты сражались в первых рядах зарождавшейся революционной армии. Каждая победа поднимала их авторитет, власть и влияние. Особенно с того момента, как курсанты училища стали офицерами в частях Национально-революционной армии. Многие из курсантов при этом происходили из семей землевладельцев, и они не могли равнодушно наблюдать, как поднимается мощное крестьянское движение выступающее за аграрную реформу. Классовая дифференциация быстро принимала организационные формы. “Ассоциация по изучению наследия Сунь Ятсена” вела активную агитацию среди курсантов. В ответ коммунисты и их сторонники организовали “Союз молодых воинов”. В течение 1925 года эти две группировки несколько раз вступали в открытые столкновения, но Чан Кайши тогда хотел сохранить во чтобы то ни стало равновесие политических сил внутри армии. В более широком политическом плане Чан пытался играть ту же роль в отношениях между КПК и Гоминданом.

В Октябре 1925 года Чан пригласил своих учеников на банкет. В своем выступлении там он обрушил на них резкую критику и настаивал на публичном, хотя бы и видимом, примирении двух враждующих организаций. В вопросе единства рядов НРА позиция Чана совпадала с позицией Бородина. Чан также как и его класс еще не были вполне уверены в своих силах. Ему еще были нужны коммунисты, массовое движение, советские деньги и оружие. Нужны были военные советники из России и ее политическое благословение. Внутри Гоминдана Чану приходилось подчиняться старшим лидерам. Среди военачальников НРА у него оставалось еще много конкурентов. Чан Кайши надеялся, что мощь массового движения в конце концов вознесет его над всеми.

Бородин, его московские учителя и китайские ученики из КПК стремились к единству с Гоминданом по иным соображениям: союз с буржуазией, считали они, необходим для победоносной революции. Мысль о непосредственной защите рабочих и крестьян через их самоорганизацию не приходила им в голову. Официальная теория Коминтерна в этой части гласила, что Гоминдан не является партией либеральной буржуазии, с которой КПК вступает во временный союз, а является “революционным союзом рабочих, крестьян, интеллигенции, всех демократических сил. Этот союз был создан перечисленными слоями в борьбе с империализмом и феодальными реакционерами для защиты общих классовых интересов, для создания однородного революционно-демократического правительства”. Исходя из той иллюзии, что буржуазия сможет выступить против империализма вместе с широкими массами, эксплуатируемыми ею, Москва рассматривала Чан Кайши как наиболее перспективного союзника. Коминтерн был уверен, что часть буржуазии может вести настоящую антиимпериалистическую борьбу. И Чан Кайши казался ему как раз представителем этой части.

Но и лично Чан своими радикальными фразами сознательно поощрял иллюзии Бородина и масс о том, что он является красным генералом. Поэтому Бородин всячески продвигал его вверх по лестнице власти. Чан, в свою очередь, часто ссылался на фразу Сунь Ятсена “Слушай Бородина, как ты слушал бы меня”. Бородин же, в свою очередь, часто повторял: “И коммунисты, и гоминдановцы, все должны подчиняться генералу Чану”.

В августе 1925 года в результате интриги правых гоминдановцев был убит начальник политчасти Хуанпуского военного училища Ляо Джункай, он был одним из немногих сторонников КПК в руководстве Гоминдана. Следствие вышло на старейшего руководителя Гоминдана Ху Ханминя и одного из военачальников Сюй Цунчжи. С помощью ряда хитроумных комбинаций Бородин вынудил Ху Ханминя выехать за границу, а генерал Сюй и другие лица, замешанные в этом инциденте, были принуждены покинуть Кантон.

Кантонским рабочим преподнесли новых вождей - Ван Тинвея, который стал одновременно председателем партии, главой правительства и Военного совета, и Чан Кайши, в чьих руках было сосредоточено командование над всеми войсками в Кантоне. Во время вступления в свою новую должность он провозгласил: “Да здравствует мировая революция!”

В то время, как Бородин и лидеры КПК заключали сомнительные сделки со своими сомнительными союзниками, массовое движение все расширялось. Бастовавшие рабочие Гонконга, организованные в “Съезд рабочих делегатов”, объединились с Кантонскими рабочими в единую организацию “Комитет Рабочих Депутатов Кантона” (КРДК). Первый китайский Совет подошел к высшей точке своего существования. КРДК фактически выполнял в это время функции власти. Одновременно, по официальным сообщениям, гуадунские крестьяне “уже открыто выступали против землевладельцев в шести районах провинции”.

Национально-революционная армия представляла благодатнейшую почву для социалистической агитации, особенно после военных побед 1925-го года (эти победы были одержаны главным образом благодаря активному участию рабочих и крестьян). В результате этих побед Гоминдановское правительство в Кантоне могло существовать и чувствовать себя в относительной безопасности. Даже Чан Кайши публично признал этот факт. Организованные массы и революционные солдаты являлись основным мотором всего движения. Тем не менее, курс КПК на союз с патриотической частью буржуазии мешал им отстаивать их собственные интересы. Некоторые налоги, правда, были упразднены. Некоторые, наиболее заметные коррупционеры из правительства были убраны, но священное право частной собственности все еще оставалось нерушимым.

В январе 1926 года Сталин и другие члены Президиума 14-го Съезда ВКП(б) в своей телеграмме к Президиуму Второго Съезда Гоминдана заявили следующее: “Славная историческая задача руководить первой в мире победоносной пролетарской революцией легла на плечи нашей партии... Мы убеждены, что в будущем Гоминдан сможет сыграть аналогичную роль на Востоке... Таким образом, будут подорваны позиции империализма в Азии. Если, конечно, Гоминдан будет крепить союз рабочего класса с крестьянством и в своих действиях будет руководствоваться интересами двух этих основных сил революции...”. Сталин в своем выступлении перед студентами 18 мая 1925 г. сказал, что в Китае единый антиимпериалистический фронт “принимает форму единой рабоче-крестьянской партии - Гоминдан”.

В то время ЦО Коминтерна не переставал трубить: “Национальное правительство, очень похожее на Советскую власть, было создано 1 июля 1925 года в Кантоне”. 18 марта 1926 г. ЦО Коминтерна опубликовал выступления Чан Кайши и Ван Тинвэя на январском Съезде Гоминдана. В этом выступлении Чан в частности заявил: “Наш союз с СССР и мировой революцией подразумевает наш союз со всеми революционными организациями, которые выступают против мирового империализма и за мировую революцию”. Ван Тинвэй в своем выступлении на Съезде сказал: “Если мы хотим бороться с империалистами, то мы не должны выступать против коммунистов (аплодисменты). Если мы выступим против коммунистов, то не имеем больше права называться антиимпериалистами (аплодисменты)”. В своих комментариях к этим выступлениям главный рупор Коминтерна пришел к выводу, что “Борьба Гоминдана доказала, что он по-прежнему предан основам учения Сунь Ятсена”.

На Шестом пленуме Исполкома Коминтерна в феврале 1926 года было одобрено решение Гоминдана об изгнании из своих рядов открытых правых элементов. Это изгнание было оценено пленумом как “усиление революционных тенденций в политике Кантонского правительства, которое заслуживает революционной поддержки пролетариата”.

На этом пленуме Исполкома Коминтерна известный лидер правого крыла Гоминдана Ху Ханминь, как ни странно, был встречен присутствовавшими бурными приветствиями. Ху был замешан в убийстве Ляо Джункая (активного приверженца КПК в руководстве Гоминдана), из-за чего вынужден был покинуть Кантон, и был отправлен ЦИК Гоминдана в... Москву.

В столице мирового коммунизма он был избран в руководство Крестинтерна в качестве “лидера борющегося китайского крестьянства” (Ху был крупным землевладельцем). Он был приглашен выступать как представитель Гоминдана на открывшемся Шестом пленуме Коминтерна, этого генерального штаба мировой пролетарской революции. В официальной стенограмме пленума записано: “Когда товарищ Ху в парадной военной форме вышел на трибуну, Андреевский зал представлял собой неопишемую картину всеобщего ликования. Оратор несколько минут не мог ничего сказать из-за непрекращающихся оваций. Так было продемонстрировано единство революционного пролетариата на Западе и угнетаемых народов Востока”.

Делегат КПК также был встречен овациями, но большая их часть досталась товарищу Ху Хамину. Выступление Ху стоит того, чтобы с ним ознакомиться. Нельзя забывать, что Ху не только стал в последствие одним из самых жестоких палачей рабочих и коммунистов в гоминдановском правительстве, но и то, что, когда он стоял на трибуне Коминтерна, он уже был причастен к убийству одного из лидеров революционного движения и формально был в розыске. Ху заявил: “Я имею честь лично присутствовать на этом международном собрании в качестве представителя китайского народа, китайских рабочих и крестьян, китайских эксплуатируемых масс. Мировая революция едина и китайская революция является частью этой мировой революции. Лозунги нашего великого вождя Сунь Ятсена совпадают с основными положениями марксизма-ленинизма. Никто больше не верит во Второй

Интернационал. Влияние Третьего Интернационала сильно выросло в Китае за последнее время. Оно охватило интеллигенцию и большинство рабочих и крестьян. Лозунг Гоминдана - "За народ!", т.е. вместе с массами захватить власть. Этот лозунг совпадает с политикой Третьего Интернационала... Я как один из борцов мировой революции желаю этому собранию всяческих успехов. Да здравствует единство мирового пролетариата! Да здравствует победа мировой революции! Да здравствует Третий Интернационал! Да здравствуют все коммунистические партии в мире! Да здравствуют все присутствующие товарищи!"

Влияние Третьего Интернационала действительно охватывало громадную часть китайских народных масс. А революционный накал в 1926 г. уже был настолько силен, что буржуазия вынуждена была тщательно маскироваться, прикрываясь знаменем коммунизма. Даже во многих декларациях Союза предпринимателей Кантона в 1926 году был провозглашен лозунг "Да здравствует мировая революция". Выступление Ху Ханмина в Москве было лишь одним из бесчисленных реверансов китайского капитала в адрес Коминтерна с целью поддержать иллюзорные ожидания руководства Интернационала. Шестой пленум Коминтерна в свою очередь объявил: "Кантонское правительство революционной демократии является авангардом в борьбе за освобождение китайского народа, а установленные им порядки образцом для будущего общественного устройства во всем Китае. Все революционеры Китая должны объединиться в одном едином революционном фронте, который охватывал бы наибольшую часть населения (рабочих, крестьянство, буржуазию) под руководством организаций революционной демократии".

Заметная роль коммунистов в новом революционном движении вызвала беспокойство лидеров Гоминдана, и Бородин был весьма озабочен этим. В течение 1925 года он часто обсуждал этот вопрос с Ван Тинвэем, Чан Кайши и Ху Ханмином. "После реорганизации Гоминдана в 1924 г. на основе "трех принципов" (сотрудничество с Советской Россией; антиимпериализм; улучшение жизни рабочих и крестьян), партия раскололась на две части, - говорил Бородин, - на тех, кто были за новый курс, и тех, которые выступили против него. Но этот раскол не был опасным, так как левые, стоящие за реорганизацию, доминировали в руководстве Гоминдана. Опасность заключается в возможности раскола в рядах самих левых. Единственный способ преодолеть будущие трудности для лидеров левых - это стремление к единству". Бородин заявил, что левые лидеры Гоминдана должны стремиться к единству с КПК. Это единство означало попросту подчинение масс политическому руководству буржуазии.

В сочинении сталинистского историка Л. Фишера "Мировая политика Советов", написанного в защиту "китайской политики" Коминтерна, были выставлены следующий аргумент против радикальных реформ в Кантоне: они не могут быть осуществлены (в том числе и аграрная реформа), потому что "из-за смешанного классового состава Гоминдан не может конфисковать частную собственность". Этот "смешанный классовый состав" Гоминдана защищал почему-то только интересы буржуазии. Иными словами, Гоминдан не являлся партией сотрудничества разных классов. Тем более не являлся он "рабоче-крестьянской" партией. Гоминдан был буржуазной партией, в которой буржуазия

заставляла другие классы подчиняться ей. Почему нельзя было организовать независимое выступление рабочего класса? Потому что Кантонский пролетариат, по свидетельству Фишера, “слаб”. Бородин считал, что “мы могли бы взять власть в Кантоне, но мы наверняка не смогли бы ее сохранить. Мы бы утонули в море крови коммунистов и рабочих”.

В чем была “слабость кантонского пролетариата”? Кантонское правительство родилось на волне массового движения. Поддержка организованных масс являлась единственной гарантией его существования. В этом плане Кантонские рабочие и Гуандунские крестьяне занимали решающее положение. Их “слабость” заключалась в отсутствии какой-либо независимой политической программы для мощных массовых организаций этих классов. Даже если и не надо было сразу ставить в повестку дня вопрос о рабочей власти (“массы не поймут”), то необходимость подавления буржуазной контрреволюции была бесспорна для самого последнего участника движения.

А эта контрреволюция уже повсюду поднимала голову. Чтобы эффективно осуществить ее подавление, надо было идти путем создания органов власти из самих рабочих и крестьян. Только руками вооруженных рабочих и крестьян можно было подавить контрреволюцию. Был ли кантонский пролетариат слишком “слаб” для этой задачи? Но разве Комитет рабочих депутатов в Кантоне (КРДК) не достиг уже фактического двоевластия в городе и частично в провинции? Эта организация уже выполняла такие функции государства, как судебные и милицейские, создание школ и больниц. Они даже решали такой вопрос, как строительство шоссе от Кантона до Хуанпу. Рабочие депутаты интуитивно подошли к вопросу о взятии полной власти, так как в самый разгар гонконгской стачки именно Комитет Рабочих Депутатов Кантона вместе с Союдами крестьян представляли собой подлинную власть во всем Гуандуне.

Однако, руководство КПК никогда даже не ставило перед собой задачу возглавить выступление этих организаций. Почему? Потому что это выступление неизбежно посягло бы на имущество буржуазии, а это автоматически положило бы конец единому фронту с ней.

Бородин считал, что в случае перехода в наступление рабочие наверняка бы “утонули в море крови”. Да, это возможно - никакой успех заранее не гарантирован. Утверждать сегодня, что любая иная политика наверняка победила бы, было бы бессмысленно и бесполезно, но один момент ясен - соглашательская политика 1925 года дезориентировала рабочих. Она только отложила кровопролитие до того момента, когда буржуазия более основательно подготовилась, а массы оказались идейно (и не только идейно) обезоружены. Мы могли бы предположить, что независимая, наступательная политика тоже в конце концов привела бы к поражению. Результат схватки определяется очень многими факторами, но это было бы поражение, подобное поражению в революции 1905 года в России, которое произошло в открытом бою против известного и общепризнанного врага. Это подразумевало бы, что кадры КПК выдержали новое испытание, и политическое развитие китайских рабочих поднялось бы на новый уровень. Это привело бы к большей ясности и

четкости (относительно русского опыта) в грядущем “китайском 17-м году”. Отказ от независимой политической линии из-за боязни разрушить единый фронт не мог не привести к поражению, в котором рабочие понесли невиданные потери и, в конце концов, оказались деморализованы. Это результат того, что лидеры, которым рабочие доверяли, фактически воткнули им нож в спину

Глава 4 Кантон: Переворот 20 марта 1926 года

Чан Кайши в течение нескольких лет выступал на политической арене Кантона в качестве Цербера. Одна его голова в образе тайного союзника Дай Чжитау, являвшегося также духовным лидером правого крыла Гоминдана, следила за тем, что происходило справа. Через Дай Чжитау была налажена связь между открыто действовавшими в Северном Китае правыми гоминдановцами и их скрытыми сторонниками в Кантоне. Само существование подобных связей полностью опровергало предположение о каком-то резком разделении на “левых” и “правых” внутри Гоминдана. Это разделение было не более чем политической фантазией резидентов Коминтерна. На первый взгляд казалось, что между “левыми” и “правыми” в Гоминдане существовала глубокая трещина, жизнь, однако, показала, что эта трещина была лишь функциональным разделением внутри однородной группировки. Правые на Севере выполняли функцию моста, левые через него вступали в соглашения с империалистами.

Дай Чжитау при молчаливом согласии Чан Кайши развернул свою деятельность в Кантоне еще в июле 1925 г., как только было создано Национальное правительство. Он массовым тиражом издал брошюры против коммунизма, в которых писал о естественном праве “разумной части человечества управлять неразумной его частью”. Дай отмечал также существенное отличие теории Сунь Ятсена от коммунистической теории. Дай Чжитау поднял вопрос о необходимости “сохранить в чистоте” теорию “отца нации” (т.е. Сунь Ятсена), чтобы не быть одураченными коммунистами. Дай смело и открыто учредил собственную организацию “Ассоциацию по изучению наследия Сунь Ятсена”. Эта организация изначально осторожно дистанцировалась от одиозных правых лидеров, находившихся на Севере. В ее учредительных документах провозглашалось: “Мы в трех пунктах отличаемся от других правых: во-первых, они были против реорганизации партии в 1924 году, мы поддерживаем эту реорганизацию; во-вторых, они представляют собой коррумпированных бюрократов и анархистов, а мы активные революционеры; в-третьих, старые правые выступают против руководства нашей партии в лице Чан Кайши и Ван Тинвэя, мы же признаем их вождями партии... Мы относим себя к левому крылу нашей партии, но мы требуем разрыва с коммунистами...”.

Вторая голова “Цербера” - Чан Кайши - смотрела влево. Она была очень похожа на самого Чан Кайши и постоянно выкрикивала пламенные слова о преданности революции: “Я с удовольствием лягу рядом с теми мучениками, которые погибли ради национальной революции, учения Сунь Ятсена и коммунизма. Национальная революция не может победить без теории Сунь Ятсена, международная революция также не может победить без учения коммунизма, мы не можем отрицать, что китайская революция всего лишь часть мировой революции. Теория Сунь Ятсена и есть по существу коммунистическая теория. Если мы и так знаем, что нельзя разделить нашу революцию и мировую, то о чем тут спорить?”. Такие выступления можно было слышать от самого Чан Кайши сотни раз в течение 1924-1925 гг.

Третья голова “Цербера” находилась в середине, с виду она казалась все тем же Чан Кайши, но это был совсем иной Чан Кайши - не революционный романтик, но реалист и здоровый прагматик. Он соглашается со сходством в теориях Сунь Ятсена и коммунизма, когда беседует с коммунистами, но одновременно, говорит и о существенных различиях между ними, совсем как правые. Слева он получает поддержку масс, оружие и советников из Советской России, справа он черпает кадры для создания своей собственной политической структуры. При назначении на ключевые посты его выбор был строго ограничен антикоммунистами. Правда, несколько известных коммунистов являлись членами ЦИК Гоминдана, но никто из них не был даже членом Секретариата ЦИК (Гоминдан копировал структуру ВКП(б)). В своем стремлении не допустить коммунистов в руководство Гоминдана Чан Кайши получил полную поддержку со стороны Ван Тинвэя. Ван был вождем мелкобуржуазных радикалов, и в этом качестве был обречен выступать в роли половой тряпки для крупного китайского капитала.

Советские консультанты сосредоточились на военно-технических вопросах. Главное политическое управление Национально-революционной армии находилось в руках коммунистов, но коммунисты изначально не имели доступа к генеральному штабу и финансовым ведомствам в армии. Само Национальное правительство было образовано без коммунистов, разве что Бородин со своим почетным названием “верховного советника” имел туда доступ. Тем не менее, коммунисты и их сторонники проделали колоссальную кропотливую работу среди рядовых членов массового движения, а также выполняли основную работу по созданию организаций Гоминдана в тех регионах, в которых правили реакционные режимы. При содействии коммунистов левые гоминдановцы в январе 1926 г. успешно провели Второй Съезд партии.

Этот Съезд происходил на фоне грандиозного подъема массового движения. По всей стране количество организованных рабочих достигло 800 тысяч. Союзы крестьян Гуандуна насчитывали более 600 тысяч членов. Гонконг несколько месяцев был парализован всеобщей стачкой. В Кантоне рабочие дружины контролировали улицы и порты.

На китайский капитал произвело яркое впечатление это проявление силы организованных масс. Буржуазия давала себе отчет, что в будущей битве за политическую власть им понадобится эта сила. Своим представителям в Гоминдане она поручила максимально “сглаживать углы и укреплять позицию генерала Чана”, что и было сделано.

На Втором Съезде Гоминдана большинство делегатов с готовностью принимали просоветские резолюции, повторяли клятвы верности “союзу четырех классов против империализма”. Антикоммунизм Дай Чжитао был официально осужден. Впервые Чан Кайши был избран в члены ЦИК. Чан принял это решение Съезда возгласом “Да здравствует Советский Союз! Да здравствует мировая революция!”. Чан Кайши давно выставлял себя бесспорным вождем среди учеников Сунь Ятсена. После целой серии кровавых разборок и борьбы за власть среди “старших товарищей” только Ван Тинвэй мог бы с ним соперничать. Ван тогда занимал пост главы и партии, и правительства, а также являлся председателем Военного совета Гоминдана. Чан в этот момент все еще являлся

только ректором Военного училища в Хуанпу и командиром первого корпуса Национально-революционной армии. В Военном совете Гоминдана последнее слово оставалось за Ван Тинвэем, и остальные командиры корпусов имели равные права с Чаном в распределении всех ресурсов.

В феврале 1926 года на банкете в честь советской военной делегации один советский военачальник в своем тосте произнес фамилию Ван Тинвэя перед фамилией Чан Кайши. Один из присутствовавших впоследствии рассказывал, что он видел как Чан побледнел, сжал губы и не произнес потом ни одного слова за весь вечер. Чан завидовал главенствующему положению Ван Тинвэя, и буржуазия хорошо знала, как использовать эту зависть. Правые ветераны Гоминдана открыто выдвинули лозунг: “С Чан Кайши против Ван Тинвэя”. Чан хотя публично и осудил этот лозунг, но в тайне поощрял своих сторонников. Несмотря на формальную победу левых на Съезде и торжественные поздравления от Коминтерна, провозглашавшие, что “Гоминдан превратился в решительную силу борьбы, став настоящей революционной партией”, влияние правых в Кантоне ощущал каждый. В статье одного весьма дальновидного китайского журналиста из Кантона отмечалось, что “штаб правого крыла Гоминдана находится в Пекине, правые имеют немалую поддержку среди умеренных гоминдановцев на Юге, и это обстоятельство генерал Чан и его соратники хорошо понимают”.

Влияние правых проявлялось все явственнее: банкир Чжан Цзинцзян, давнишний “меценат” генерала Чана, стал его официальным политическим консультантом. Основная деятельность Чжана заключалась в налаживании контроля над стремительно нараставшим массовым движением со стороны буржуазии. Для того, чтобы массовое движение не покушалось на коренные интересы буржуазии, нужно было заставить коммунистов действовать лишь в качестве “помощников” Гоминдана. Иными словами наступило время, когда нужно было уменьшить политическую зарплату коммунистов, чтобы увеличить политическую прибыль буржуазии для того, чтобы огромный политический капитал массового движения находился в распоряжении последней. В руководстве Гоминдана все понимали, что пора нанести по коммунистам первый удар, и боролись между собой за право нанести этот удар. Чан вышел из этой борьбы победителем, он и стал действовать.

Амбиции, хитрость Чана, а также его зависть к своим политическим и военным конкурентам, его жажда власти, сливаясь воедино создавали горючую смесь. Для того, чтобы завоевать контроль для буржуазии над массами, ему нужно было раздавить коммунистов; чтобы завоевать доминирующее положение для себя, нужно было раздавить политических конкурентов. Все эти хитросплетения различных интересов завязались в один тугой узел, подобный Гордиеву, оставалось только ждать, когда Чан Кайши, новоявленный “Александр Македонский” разрубит его одним решительным ударом.

На рассвете 20 марта 1926 г. войска Чан Кайши приступили к действиям. Поводом для них послужило прибытие в Кантонский порт крейсера им. Сунь Ятсена. Капитан корабля был коммунистом, команда настроена соответственно, они прибыли в порт без приказа и были обвинены в попытке переворота. Началась облава, в ходе которой были арестованы более 50

коммунистов. Рабочая дружина была разоружена, все советские “консультанты” были разоружены и посажены под домашний арест, начальник Главного политического управления Дэн Яньда, активный сторонник коммунистов, также был арестован. Чан действительно нанес удар своим врагам там, где они меньше всего этого ожидали.

После рассвета он был уже настоящим хозяином Кантона, а все остальные вожди партии находились в состоянии крайней растерянности. По свидетельству одного из официальных историков КПК, все “не только не готовились к подобному повороту, но никому даже в голову не приходила мысль о возможности подобного развития событий”. Члены ЦИК Гоминдана спешно собрались на внеочередное собрание, в своей резолюции они заявили, что “так как товарищ Чан Кайши всегда боролся за революцию, надеемся, что он осознает ошибочность своего поведения”. Но, тем не менее, “ввиду сложившейся ситуации левые товарищи должны временно отойти от активной деятельности в партии” - для Ван Тинвэя это означало немедленную эмиграцию в Европу. В своем письме к Чан Кайши перед отъездом он умолял Чана “оставаться революционером. (...) В этом случае, я не задумываясь, пожертвую собой”, - писал Ван.

Левые вожди Гоминдана позорно капитулировали, так как переворот Чан Кайши не встретил мощного отпора масс. Массы были запутаны и совершенно не имели представления о том, что произошло. В те же дни в Кантон прибыл один европейский наблюдатель. Он был очень рад тому, что все коммунисты “исчезли”, а среди советских консультантов царит чемоданное настроение. Но Чан еще не был готов к тому, чтобы ударить непосредственно по массовому движению, ему нужен был только контроль над ним. Вытеснив левых вождей, он сразу стал “дружить” с рабочими, объясняя им, что события 20 марта и, особенно, разоружение рабочих было недоразумением. Он также обещал наказать виновных в этом инциденте. Коммунисты чесали затылки и не знали верить ему или не верить.

Тем временем, деятели правых гоминдановцев из Шанхая и Гонконга стремительно прибывали в Кантон. 15 мая был созван пленум ЦИК Гоминдана. Напряжение воцарилось в городе, всюду распространялись слухи о возможном перевороте коммунистов, власти все время предупреждали “не поддаваться на провокации”. Началась банковская паника, вкладчики начали изымать свои вклады. Накануне пленума в городе вдруг было объявлено чрезвычайное положение. Кроме Чана и его окружения никто не знал, что произойдет дальше.

На пленуме Чан предлагал “упорядочить внутрипартийную деятельность”; настоящей целью этого предложения было предельно сузить организованную деятельность коммунистов внутри Гоминдана. Коммунисты “впредь обязаны не сомневаться и не критиковать Сунь Ятсена и его учение. Компартия обязана представить ЦИК Гоминдана полный список своих членов, являющихся членами Гоминдана. Квота коммунистов в составе руководящих органов Гоминдана всех уровней не должна превышать одну треть. Коммунисты не могут быть первыми лицами партийных структур и Национального правительства. С другой стороны, членам Гоминдана запрещено “многочленство”, т.е.

коммунисты могут вступать в Гоминдан, но гоминдановцы не могут вступать в Компартию. Отныне все директивы ЦК КПК, адресованные коммунистам - членам Гоминдана, заранее должны быть известны ЦИК Гоминдана". Пленум без обсуждения одобрил все предложения Чана.

В то время, как коммунисты позволили связать себя по рукам и ногам, Чан Кайши сосредоточил всю власть в своих руках. Пленум ЦИК 15 мая санкционировал уход Ван Тинвэя и назначил Чана председателем партии. Тот, в свою очередь, сразу перепоручил Чжан Цзинцзяну исполнять обязанности председателя. Был принят план проведения Северного похода. Чан был назначен главнокомандующим всеми войсками Национально-революционной армии. По решению пленума, во время похода Чан мог пользоваться "чрезвычайными полномочиями". Теперь все официальные учреждения были подчинены Верховному командованию. Министерство финансов также оказалось под его непосредственным контролем. В его руках было сосредоточено Политическое управление НРА, военные заводы, Генеральный штаб, все военные училища. В Кантоне восторжествовала военная диктатура.

Этим переворотом без единственного выстрела было установлено руководство буржуазии над национально-освободительным движением. Ленин предупреждал в свое время компартии отсталых стран о том, чтобы они всеми силами выступали против верховенства национальной буржуазии в освободительном движении. В сложившейся в Китае ситуации именно национальная буржуазия имела верховенство над массами. Те, кто командовал революционным движением в Китае из Кремля, давили революционные идеи Ленина его мертвым телом. Они зубрили отрывочные цитаты из его выступлений, как буддистские монахи зубрят непонятные им иероглифы.

Ленин в свое время отметил, что существует "...необходимость решительной борьбы с перекрашиванием буржуазно-демократических освободительных течений в отсталых странах в цвет коммунизма; Коммунистический Интернационал должен поддерживать буржуазно-демократические национальные движения в колониях и отсталых странах лишь на том условии, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистических не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их нации; Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме..." ("Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала" стр. 307).

Китайские события снова и снова доказывали правоту этого анализа. Но Кремль уже не проводил пролетарскую политику, он надеялся, что с помощью тактики беспринципного союза революционное движение сможет получить необходимых для победы союзников - прежде всего мелкую буржуазию в целом, а также патриотически настроенную часть крупной и средней буржуазии. Поэтому моральная и материальная помощь от Советского государства и Коминтерна направлялась не коммунистам, а Гоминдану. Гоминдан был

провозглашен партией всех классов, и коммунисты вместе с массами обязаны были подчиняться ей. Эта политика уже привела к перевороту 20 марта. И пусть вожди Коминтерна не были способны предвидеть развитие ситуации, как Ленин, но они уже столкнулись с фактами, они опоздали, но еще не вечер: “кремлевские прагматики” все еще могли развернуть борьбу против буржуазного господства в движении. Иначе они оставляли руководство революцией в руках буржуазной демократии, хотя на самом деле не “демократии”, а военной диктатуры.

Вожди Коминтерна Сталин и Бухарин пошли по наихудшему пути. Они стали скрывать произошедшее от других членов Коминтерна, они не уведомили не только простых советских рабочих и другие секции Интернационала, но даже Исполком, даже Президиум Исполкома Коминтерна. Когда вести о событиях в Кантоне появились в СМИ буржуазных стран, центральные органы Коминтерна начали резко отрицать эту информацию.

ЦО Коминтерна в передовице от 8 апреля пишет: “Агентство Рейтер сообщает, что командующий армией Чан Кайши совершил в последнее время в Кантоне переворот, но эта ложная информация была вскоре опровергнута... Гоминдан является не мелкой партией, а настоящей массовой организацией, на базе которой в Кантоне созданы революционная армия и революционное правительство. За одну ночь произвести переворот против таких мощных сил явно не реально”. Кантонское правительство не превратилось, по словам передовицы, в орудие буржуазной политики, оно сейчас даже больше, чем раньше предано мировой революции и расширяет свою власть в соседних провинциях в качестве “Советского правительства”.

В той же передовице дальше было написано: “Перспективы Национального правительства Кантона хороши как никогда... В провинции Гуанси в ближайшее время будет создано Советское правительство... Из-за революционного движения генералы - марионетки империалистов потеряли свою власть... Революционное правительство проводит создание советов в провинции Гуандун”.

“Рабочая газета” в Нью Йорке, ЦО компартии США, 21 апреля 1926 г. перепечатала сообщение из Москвы, в котором говорилось, что “реакционные британские газеты в Гонконге и Лондоне в своей империалистической пропаганде не знают границ, распространяя невероятные рассказы о расколе в революционном правительстве Кантона. Эта информация не обоснована, в Кантоне не произошло никакого переворота, разногласия одного из главнокомандующих Чан Кайши с Кантонским правительством не имели принципиального значения, тем более они не имеют ничего общего с вооруженным захватом власти. Эти разногласия уже урегулированы. Кантон остается оплотом народно-освободительного движения в Китае. Попытка британского империализма спекулировать на третьестепенных разногласиях в Кантоне потерпела поражение...”.

Если отрицание такого рода в США могло исходить из-за неосведомленности, то для эмиссаров Коминтерна в Китае не было такого оправдания. Посмотрим, что они говорили по поводу мартовского переворота. 6 мая 1926 г. Войтинский опубликовал свою статью

“Ситуация в Китае и планы империалистов” в ЦО Коминтерна. В ней он докладывал, что “британские империалисты... замыслили совершить переворот в Кантоне и разглагольствовали на весь мир о том, что Национальное правительство пало и правые гоминдановцы взяли власть, что эта “новая власть” якобы вступила в соглашение с британским правительством и арестовала левых лидеров Гоминдана. Все это ложь империалистов... “Свергнутое” буржуазными газетами Национальное правительство Кантона сейчас стало гораздо сильнее...”.

Во время переворота Бородин был в Северном Китае. Он возвратился в Кантон 15 мая - накануне пленума ЦИК Гоминдана. По рассказу одного иностранного наблюдателя, впоследствии работавшего консультантом правительства Чан Кайши, “русские были близки к мнению, что все кончено, местные коммунисты скрывались... антикоммунисты были в восторге... Бородин и Чан обменялись мнениями, Чан хотел знать, в какой степени Россия готова ему помочь в “Северном походе”. Бородин раньше всегда выступал против этого похода. Чан заявил ему, что продолжение просоветской политики будет связано с тем, какую позицию займет Бородин в вопросе о “Северном походе”. Они пришли к единому мнению, что Россия поддержит Северный поход, и союз Гоминдана с Россией сохранится”. По другому свидетельству, “отношения Чана с Бородиным стали хороши как никогда, все решения на пленуме 15 мая были полностью одобрены Бородиным, так как по решению пленума, все чрезвычайные полномочия Чан Кайши были в полной мере распространены и на Бородина”.

По существу произошло следующее: Бородин и его Китайские подопечные, не колеблясь, согласились с военной диктатурой, сложившейся после переворота. Бородин заменил часть советских консультантов на более сговорчивых, так как прежние отличались по мнению Чана “чрезмерной самостоятельностью”. Даже Чан Кайши не ожидал такой уступчивости, поэтому он сразу же удалил некоторых правых приехавших, чтобы ему помочь. Его правые соратники возвращались в Шанхай зная, что когда они ему понадобятся, он их наверняка позовет.

Те историки, которые пользуются репутацией “друзей Советов”, обычно лишь мельком рассказывают об этом перевороте в своих произведениях. Так, например, прокремлевский историк Луи Фишер описывал произошедшее следующим образом: “Чан не отличался смелостью, он был явно потрясен собственными поступками, поэтому он послал подобострастное письмо Бородину, в нем он умолял того немедленно вернуться... Перед Бородиным Чан оправдывался как мог... Он спрашивал Бородина: “Что мне делать?”. “Готовитесь к Северному походу” - последовал ответ. Бородин требовал исправить ущерб причиненный переворотом, и Чан вынужден был осуществить второй переворот, на этот раз против правых... Почему Бородин, левый Гоминдан и КПК не убрали Чана? Потому что они были слишком слабы. Несмотря на большое сочувствие масс, в Кантоне у них не было сил, чтобы подчинить себе Чан Кайши и буржуазию. Обе стороны знали, что борьба между ними неизбежна, но лучше отложить этот вопрос до победы над реакционными генералами на Севере. На пленуме 15 мая каждая фракция высказала примерно следующее: “Господа, мы знаем, что смертельная схватка между нами произойдет, но сейчас наше оружие должно

быть направлено на общего врага, давайте сведем счеты между собой позже””.

Л. Фишер в своем красноречивом рассказе умолчал те существенные резолюции принятые на этом пленуме, которые были не компромиссом, а полной победой над КПК. Кровавое пролитие действительно было отложено, но мартовский переворот, майские резолюции и капитулянтство КПК уже гарантировали, что прольется только рабочая кровь. Так называемая “единая победа” на деле оказалась победой буржуазии над массами. В рассказе Фишера Бородин выглядел - вопреки желанию Фишера - как человек, который очень хотел вступить в смертельную схватку в будущем, и занялся подготовкой к этой схватке... крепким связыванием своих рук и ног.

Если Чан Кайши действительно чем-то выделялся, то это умением драться насмерть ради интересов своего класса. С другой стороны, Сталин, Бухарин, Бородин полностью подчинили интересы рабочих новому “хозяину” революционного движения. Непосредственным поводом для переворота, произведенного Чан Кайши, был якобы замысел прямого захвата власти рабочими в Кантоне. Как ни удивительно, этот замысел имел место. Чан и его правые помощники действовали исходя из логики событий. Именно они, а не коммунисты увидели значение бурного роста организаций рабочего класса, они увидели вооруженные отряды этих организаций, их боевитость и их силы. Они понимали, что рабочий класс Кантона в принципе уже в состоянии взять руководство революцией в свои руки. Поэтому именно они поняли, что наступил момент действовать, в отличие от коммунистов.

Никто иной, как вожди КПК, оказались в шоке и обиде из-за обвинений их в организации рабочего восстания. Генеральный секретарь КПК Чен Дусю в конце марта заявил: “Во-первых, КПК, если она не партия сумасшедших, не будет создавать рабоче-крестьянское правительство в Кантоне. Во-вторых, Чан Кайши является одним из столпов национально-освободительного движения. Если КПК не является орудием в руках империалистов, то она никогда не разрушит единство революционных сил, политика КПК в противоположность тому, что утверждает пропаганда правых реакционеров, опирается не только на объединение революционных сил в Кантоне, но и на единение революционных сил во всей стране. Иначе мы не победим”.

4 июня Чен в своем открытом письме к Чан Кайши развивал эту мысль дальше: “Когда реакционные силы на Севере при попустительстве империализма подавляют революционное движение, интрига против Вас в Кантоне в такой степени способствовала бы реакции, что была бы самой настоящей контрреволюцией. Товарищ Кайши! если наша партия такая контрреволюционная, Вы должны ее разгромить... Если среди коммунистов кто-то замышлял такую интригу, Вы должны его расстрелять, не надо стесняться. Но я знаю нашу партию и уверен что среди нас таких нет”.

Вскоре Чан в своем выступлении привел фразу одного коммуниста, чтобы доказать, что враждебность к нему среди коммунистов действительно существует. Оказалось, что этот коммунист сказал следующее: “В нашем движении тоже есть контрреволюционные

генералы, чтобы уничтожить наших северных врагов, нужно сначала уничтожить здешних”. Чан был разгневан: “Что это такое, если не контрреволюция?!”. Бедный “контрреволюционер” сразу же написал покаянное письмо Чан Кайши с разъяснением, что он имел ввиду идейного врага, т.е. феодальные пережитки. “...Я никогда не клеветал на Вас. Уверяю, из-за моей преданности национальной революции я воистину Вас люблю и везде и всегда открыто демонстрировал свою преданность Вам... Помню, после событий 20-го числа при встрече с Вами я чистосердечно выразил наше доверие Вам. Если Вы считаете меня своим товарищем, Вы должны меня учить. Если Вы видите неправильность в моей позиции, Вы должны строжайшим образом наказать меня, чтобы я исправился. Вы тогда в добром тоне ответили: “Ничего, ничего, я думаю все будет хорошо”. Почему же сейчас Вы называете меня клеветником?”. Письмо это написал Гао Юйхан, который, между прочим, не был мелкой шестеркой в партии, он состоял в руководстве КПК, заодно являясь членом ревизионной комиссии Гоминдана.

Коммунисты были потрясены обвинениями в попытке захвата власти. Парализованные, они уже не могли сопротивляться резолюциям пленума ЦИК Гоминдана от 15 мая. В официальном письме к ЦИК Гоминдана, ЦК КПК высказал свое одобрение этим карательным по отношению к коммунистам мерам: “Империалисты заявляют о Вашем поправении и разрушении революционного фронта... Считаем, что ситуация сегодня сложилась таким образом так же не без нашей вины, за последние годы наша позиция вызвала законные сомнения и подозрения части Ваших товарищей... Чтобы рассеять эти сомнения прежде всего нужно менять форму сотрудничества, чтобы достичь полного единства внутри революционного фронта. Совместными усилиями ударим по империализму и его китайским марионеткам. Если это является целью Вашей партии, то сотрудничество с нами не вредит ей. Если так, то единство наших двух партий никак не пострадало. Как Вы поступите со своими внутривнутрипартийными порядками, касается только Вашей партии. Какое решение Вы бы ни приняли, другие партии не имеют права в него вмешиваться”. Автор этого письма Джао Шиен был обречен погибнуть в результате этой политики “соблюдения нейтралитета рабочего класса” во время классовой борьбы. Через год он был расстрелян палачами Чан Кайши.

26 мая 1926 г. ЦО КПК следующим образом определил свою позицию к резолюциям, принятым ЦИК Гоминдана 15 мая: “На пленуме Гоминдана было принято заявление о единстве всех революционных элементов в борьбе с реакцией, а также не была отвергнута политика союза с революционной пролетарской партией. Поэтому только по резолюциям об ограничении прав коммунистов отнюдь нельзя судить о поправении ЦИК Гоминдана. Коммунисты видят ситуацию в данный момент так, что требуется укрепление единого революционного фронта. Все наши действия основаны только на этих принципах. Коммунисты в ЦИК Гоминдана не имеют абсолютно никаких претензий по поводу организационных вопросов внутри Гоминдана”.

Такая подобострастная политика руководства КПК не везде нашла поддержку среди коммунистов. В Шанхае группа товарищей требовала немедленного выхода партии из Гоминдана. Они считали, что после 15 мая коммунисты уже не могут эффективно работать

внутри Гоминдана. Шанхайский ЦК отверг это продиктованное пролетарским инстинктом требование. Гуандунский комитет КПК под влиянием Войтинского и Бородин выступил с заявлением, в котором говорилось: “Выход из Гоминдана означал бы, что мы перестаем работать среди широких рабочих и крестьянских масс, оставляем революционное знамя Гоминдана буржуазии, это невозвратимая потеря. В данный момент мы должны временно отступить, чтобы остаться в Гоминдане”.

Несмотря на официально принятую политику капитулянтства, ЦК КПК также начало сознавать необходимость нового курса. В Кантоне в середине апреля был в тайне создан “Особый комитет”, в задачу которого входило “объединение всех вооруженных рабочих, всех коммунистов и их сторонников из командного состава Второго и Шестого корпусов НРА” в качестве военного крыла КПК. В своем секретном письме к Интернационалу Чен Дусю предлагал союз двух независимых партий вместо работы внутри Гоминдана. В июне 1926 года на пленуме ЦК КПК предложение Чен Дусю было официально принято в виде резолюции. Эта резолюция немедленно была подвергнута жесткой критике со стороны Коминтерна.

Внутри Коминтерна Левая оппозиция, возглавляемая Троцким, также поставила вопрос о необходимости для КПК избавиться от удушающего контроля со стороны Гоминдана. В одной из официальных статей Коминтерна, опубликованной через год после мартовского переворота, официально признавалось, что КПК требовала после переворота возможности действовать самостоятельно, а также и то, что это требование было проигнорировано руководством Коминтерна. Даже предложение КПК об организации левой фракции внутри Гоминдана, что само по себе являлось удивительным разоблачением (оказывается, левые в Гоминдане не были официально организованы как фракция), также было отвергнуто Москвой ради того, чтобы КПК продолжала “толкать Гоминдан влево”.

В Китае Бородин на корню подавлял любые стремления к проведению независимой политики внутри КПК. Именно в это время он сказал свою знаменитую фразу: “Сейчас коммунисты должны работать в Гоминдане как чернорабочие”. В мае 1926 г. состоялась серия конфиденциальных совещаний “Особого комитета” КПК под Кантоном. На них Бородин не уставал убеждать: “Сейчас китайская революция нуждается в якобинской диктатуре, кто сможет ее осуществлять? Коммунисты? Откровенно говоря, конечно, нет. По-моему, Чан Кайши при всех своих недостатках единственный человек, который может претендовать на роль Робеспьера”. Отказавшись присутствовать на последнем совещании, Бородин донес до его участников свое мнение: “Нужно не преждевременно провоцировать Чана, а помочь ему в его Северном походе. Особый комитет нужно распустить”. Члены “Особого комитета” долго сидели в полной тишине, наконец, один из присутствовавших предложил: “Давайте проголосуем за предложение тов. Бородина”. “За” предложение Бородина проголосовали единогласно. Таким образом, “окончилась” короткая жизнь “Особого комитета” КПК.

Выходить из Гоминдана было нельзя, потому что это означало бы оставить революционное знамя Гоминдана буржуазии. - Это было самообманом: после марта знамя Гоминдана

надежно находилось в руках этой самой буржуазии. Несмотря на преобладание коммунистов в руководящих органах массового движения и фактическую зависимость Кантонского правительства от этого движения, КПК не стала использовать свое влияние, чтобы предельно способствовать развитию классового сознания масс в повседневной борьбе с эксплуататорскими классами.

Переворот показал некий удивительный феномен: мощнейшее массовое движение под руководством компартии безболезненно отказалось от самостоятельности, стало действовать по указке собственных классовых врагов. Так как массы безраздельно доверяли своим вождям, в начале они даже не осознали этого изменения. А их вожди перед всеми оправдывались, что они никогда и не мечтали вырвать массы из под руководства буржуазии.

В мае 1926 года Чан Кайши присутствовал на Третьем Съезде Объединенных профсоюзов Китая. На Съезд прибыло 500 делегатов от 400 профсоюзов, насчитывавших 1 миллион 240 тысяч организованных рабочих. Из них 800 тысяч в течение года принимали участие более чем в 200 стачках. Чан был вежлив и скромен, называл всех братьями. Он благодарил рабочее движение за то, что рабочие выступления сыграли решающую роль в двух битвах с реакционными генералами в 1925 году. На этом Съезде Чан заявил: “В данный период рабоче-крестьянские массы способствуют единству Гоминдана, защищают Национальное правительство Кантона от реакционных сил, поэтому мы можем сказать, что рабочие и крестьяне уже могут своими собственными силами выступить против империализма и не зависеть в этом деле от кого бы то ни было”.

Чан Кайши посмел сказать рабочим то, что не смели говорить коммунисты, т.е. то, что рабочие могут победить за счет собственных сил. Он закончил свое выступление лозунгом “Да здравствует мировая революция” и ушел под продолжительные овации всего зала. Теперь он уже знал, что он может использовать мощь этого движения в своей военной кампании. Благодаря отступлению и компромиссам со стороны компартии, Чан, получив контроль над массами, не пожертвовал никакими интересами буржуазии. Организованные рабочие и крестьяне разгромили бы буржуазию после первого же сигнала, но они оказались призваны для другой работы - для Северного похода.

В июле 1926 г. армия Чан Кайши двинулась на Север. Она побеждала своих врагов повсюду. Военное наступление сопровождалось новым революционным подъемом, этим подъемом были охвачены провинции Цзянси, Хунань и Хубей. Миллионы и миллионы людей вливались в борьбу. Вскоре революционная волна докатилась до Уханя и Шанхая.

В Кантоне результаты мартовского переворота, между тем, уже стали ощутимы, буржуазия открыто начала брать реванш. “Временному отступлению” коммунистов не видно было конца. 29 июля Верховное командование НРА объявило о чрезвычайном положении - все общественные организации, СМИ, публичные собрания, рабочие дружины были поставлены под контроль военного режима. Через три дня поступил новый приказ, который запретил любые трудовые конфликты на время Северного похода.

Из боевиков криминальных группировок Кантонской “Триады” формировалась “Рабочая дружина” так называемых “Центральных профсоюзов” - подручной организации правых Гоминдановцев. Эта вооруженная банда сразу начала нападать на революционных рабочих на улицах. Кантонские пролетарии вдруг проснулись, видимое спокойствие исчезло. Начались вооруженные столкновения рабочих с нападавшими на них боевиками Триады. Рабочие использовали обычно палки, бамбуковые копыя, кинжалы, иногда пистолеты. За время шестидневных уличных боев погибло около 60 рабочих.

9 августа правительство объявило, что любой трудовой спор будет разрешаться правительством в принудительном порядке. Ношение любого оружия рабочим было запрещено. Митинги и демонстрации запрещались. В одном из приказов кантонской полиции было написано, что “любые беспорядки во время Северного похода считаются контрреволюционными и антипартийными”. Армейские патрули контролировали все проспекты города. Вооруженные штрейкбрехеры от “Центрального профсоюза” сорвали забастовку печатников, которая перед этим парализовала весь издательский бизнес. Комитет Рабочих Депутатов, представлявший 170 тысяч рабочих и мелких служащих, угрожал провести всеобщую забастовку. Но их угрозы длились слишком долго, а действий за ними не последовало, т.к. по этому вопросу не было решения ЦК КПК!

Немногие уступки, завоеванные в последние годы Кантонскими рабочими, опять были потеряны. Была восстановлена уже исчезнувшая было система найма рабочих через полномочных представителей капиталиста, которые отвечали за все и были для рабочих самыми жестокими эксплуататорами. Снова возродились и начали процветать наркопритоны. Грабительские налоги росли не по дням, а по часам.

В Гуандунской деревне мартовский переворот послужил сигналом к контрнаступлению землевладельцев на мятежных крестьян. В докладе Союзов крестьян этой провинции от февраля 1927 года перечислялось множество ужасающих фактов: убийства крестьянских вожаков, разрушение отделений Союзов, избиения активистов. Эти репрессии, начавшись в июне 1926 года, не прекращались вплоть до того, как революционное крестьянское движение было полностью уничтожено. Тем не менее и в этом докладе коммунистические вожди продолжали скрывать суть происходящего. В нем говорилось: “Мартовские события на самом деле не повлияли на политику Гоминдана, но недобросовестные чиновники, местные землевладельцы использовали его для распространения сплетен о том, что якобы наши Союзы распущены и Гоминдан прекратил свою поддержку движению... На майском пленуме решались только внутривнутрипартийные вопросы, но реакционные силы истолковали их в том смысле, что распускаются Союзы крестьян и возвращаются прежние права землевладельцев”.

Сельская буржуазия и их слуги как раз правильно понимали суть дела, а крестьянские лидеры не понимали или не хотели понимать, что репрессии по отношению к ним были вполне в русле новой политики Гоминдана. Мартовский переворот по существу объявил крестьянское движение вне закона.

В такое же положение попала и всеобщая стачка в Гонконге, длившаяся к тому времени уже почти год. После мартовского переворота снова возобновились переговоры о прекращении этой стачки. Переговоры остановились в январе 1926 г. из-за того, что Британское правительство категорически отказалось удовлетворить требования Гонконгских рабочих, а Кантонское правительство настаивало на том, что оно является всего лишь посредником между рабочими и Гонконгской администрацией. Когда забастовка началась (в июне 1925 г.) вновь созданное Национальное правительство Гоминдана потребовало вернуть часть иностранной концессии в Кантоне Китая, а также потребовало эвакуации всех иностранных военных кораблей их ближних вод Гуандуна.

Гонконгские рабочие требовали свободы слова, печати, выборов чиновников колониальной администрации, установления 8-часового рабочего дня, отмены детского труда, а также отмены решения о повышении квартплаты. Англичане отказались от всяких переговоров. Когда же они обнаружили, что несмотря на их ультиматумы забастовка и блокада продолжаются, их ярости не было предела. 4 февраля 1926 года британский наместник Гонконга заявил: “Только незаконные действия большевистских мерзавцев из стачечного комитета препятствуют возобновлению нормальных взаимоотношений между нами и правительством в Кантоне. Мы надеемся, мы требуем, чтобы Кантонское правительство положило конец этим злодеяниям. И я также заявляю от чистого сердца, что мы никогда не заплатим забастовщикам за потерянное время по принципиальным соображениям”.

Через несколько недель это требование было удовлетворено. Новые власти были совсем не прочь возобновить с Гонконгом нормальные взаимоотношения. 9 апреля состоялись неофициальные переговоры между прокурором Гонконга и министром иностранных дел Кантонского правительства. По официальному сообщению беседа выглядела как “дружеская встреча между старыми друзьями”. Кантонское правительство официально пригласило Гонконг к возобновлению переговоров, что было с одобрением воспринято другой стороной.

В июле 1926 г. в Кантоне состоялась встреча между Национальным правительством и представителем генерал-губернатора Гонконга. Требования, выдвинутые Гонконгскими рабочими, были проигнорированы обеими сторонами. Представитель Кантона заявил: “Требования стачкома были выдвинуты при всеобщем возбуждении, и были необдуманными. Наше правительство, руководствуясь стремлением скорейшего разрешения конфликта, готово вступить в конструктивный диалог с британской стороной. Мы считаем, что главное - это прекратить дальнейшее ущемление чести и интересов одного из основных наших международных друзей - Британии”. Речь за переговорным столом шла не об удовлетворении требований рабочих, а о возможности предоставления кредита в размере 10 миллионов серебряных китайских монет британскими властями Национальному правительству. Основным условием предоставления кредита было прекращение бойкота британских товаров, а также всяких других антибританских мероприятий на территории, подконтрольной Кантонскому правительству.

Кантонский представитель даже не притворялся озабоченным интересами забастовщиков.

Стачечный комитет требовал своего участия в этих переговорах. В ответ Чан Кайши приказал начальнику Кантонской полиции “не допустить вмешательства профсоюзов в идущие переговоры”. Во время переговоров армия и полиция наводнили главные проспекты Кантона.

31 июля 1926 г. один европейский комментатор сделал следующее сообщение: “Профсоюзные лидеры были взяты под наблюдение, “чтобы предотвратить любые возможные волнения среди рабочих”, так как волнения такого рода способствуют мнению о беспомощности правительства и бесполезности переговоров с таким слабым партнером. Стачком требует, если он не может участвовать в переговорах, то хотя бы позволить ему высказать свое мнение. Говорят, если британская сторона не будет возражать, то созданная подкомиссия сможет выслушать мнение рабочих делегатов по отдельным вопросам. Складывается такое впечатление, что еще до возобновления переговоров все проблемы уже были решены обеими сторонами. Генерал Чан Кайши прислушивается к стачкому лишь ради сохранения лица стачкома в глазах рабочих”.

Итак, “Лицо” Чан Кайши оставил рабочим, а 10 миллионов серебряных монет он решил положить в свой карман. Неплохая комбинация! Но переговоры кончились ничем, потому что Британская сторона раскусила своего переговорщика: Национальное правительство во главе с Чан Кайши мечтало только о восстановлении дружеских отношений с Британией, и последняя справедливо рассудила, что может расправиться с рабочими по собственному усмотрению, не откупаясь от Чан Кайши. 3 сентября отряд Британской морской пехоты в одностороннем порядке приступил к зачистке портов вблизи Кантона от рабочих дружинников. Министр иностранных дел Национального правительства протестовал, но его просто не стали слушать. 10 октября 1926 года Национальное правительство объявило о безоговорочном прекращении гонконгской стачки и бойкота британских товаров. Официальные лица Гоминдана и стачкома объяснили это тем, что “национальная революция победоносно распространяется по всей стране, и поэтому мы все равно одержали великую победу”.

Эта пятнадцатимесячная борьба имела историческое значение, но она не принесла рабочим никаких конкретных результатов. Что скажут коммунисты рабочим? Бородин объяснял: “В этой борьбе дело дошло до того, что либо империализм капитулирует, либо капитулирует Китай. Но так как нельзя допустить поражения Китая, то надо прекратить бой в одном отдельном регионе, чтобы собрать еще больше сил для борьбы с империализмом”. По сути этот эмиссар мировой революции рассуждал так: империализм все равно нам не победить, почему вовремя не договориться с ним, чтобы спасти то, что еще можно спасти?

Серьезные возможности и прочные позиции были без боя отданы врагу, но еще необходимо было скрыть этот факт. Прошедшая стачка открыла широкие перспективы независимой борьбы рабочего класса. Этой стачкой была блестяще продемонстрирована способность рабочих бескомпромиссно бороться за собственные интересы. Но, наставляемая Бородиным и спецами из Коминтерна, КПК без сожаления отнеслась к этой упущенной возможности. А гонконгские рабочие заплатили высокую цену за тупость своего руководства.

После прекращения стачки Британский наместник с радостью сообщал: “Есть все основания надеяться, что Кантонская власть сделает решительные шаги для восстановления закона и порядка в Гонконге”. “Мы рады иметь дело с сильным, устойчивым и просвещенным правительством”, - говорил он далее.

В декабре 1926 г. Национальное правительство переехало в Ухань. Губернатором Кантона стал генерал Ли Дишэнь. При нем все антирабочие законы вступили в полную силу. Организованные рабочие получили распоряжение от своего руководства “ходить тише воды, ниже травы”, их активная деятельность была фактически свернута. Чтобы “не спровоцировать” Ли Дишэня коммунисты сами отозвали своих людей с руководящих постов в городских правительственных учреждениях. После чего генерал Ли просто-напросто назначил своих доверенных лиц на все ключевые должности. Так Кантон оказался в железных тисках генерала.

17 февраля 1927 года в Кантон прибыла делегация Коминтерна во главе с генеральным секретарем компартии США Э. Браудером. При встрече генерал Ли заверил их, что Национальное правительство никогда не нарушит интересы рабочего класса. Делегация послала приветствие Чан Кайши и получила благожелательный ответ. В своем материале, посланном из Кантона и опубликованном в прессе Коминтерна, члены делегации с гордостью писали о том что находятся в “революционном Кантоне”, но ни единым словом не упомянули о репрессиях против рабочих, которые одновременно происходили в городе.

Только спустя шесть месяцев эти “верные бойцы мирового большевизма”, спохватившись (на деле получив новую директиву Москвы), описывали совсем иную картину: “В самый разгар Северного похода Кантонские дельцы хитроумно использовали лозунг единого фронта чтобы переложить всю тяжесть борьбы на плечи рабочего класса... Некоторые лидеры Кантонского пролетариата, одураченные этой хитрой тактикой, не могли разобратся что к чему. Они поступились основными классовыми интересами пролетариата, дабы не разрушать единый фронт с буржуазией... Как будто только революционный пролетариат и его вожди должны соблюдать все обязанности в этом едином фронте... Безусловно это была ошибка. Эта ошибка впоследствии стоила колоссальных жертв и моря крови рабочего класса Китая”.

Глава 5 От Кантона до Уханя.

Северный поход был задуман как распространение власти Гоминдана на те регионы страны, где правили бесчисленные военные диктаторы, поддержанные международным капиталом. Для Гоминдана этот поход был мероприятием чисто военного характера, изгнание империалистов из Китая не входило в планы ЦИК Гоминдана, наоборот он надеялся найти с ними общий язык. Тем не менее, поднявшиеся массы связывали надежду на изменение своей жизни и положения в стране с победой Северного похода. С помощью этих поднявшихся масс Национально-революционная армия уже очень скоро достигла регионов вблизи реки Янцзы. Успехи НРА превзошли все мыслимые и немыслимые ожидания. Громадная пропагандистская машина революционного движения сделала это вооруженное наступление лишь формальным закреплением успеха в массах. Энергия масс, вызванная этой пропагандой, подавила всех противников революции. Войска генерала У Пэйфу и его союзников были парализованы этим новым видом “военной кампании”, ранее им не известным.

По свидетельству одного очевидца, “подпольные организации со своими разветвленными связями готовы в любой момент помочь Национально-революционной армии захватить те населенные пункты, вблизи которых она в данный момент находилась. Надежные проводники проводили части Национально-революционной армии в обход сил ее противников, в некоторых случаях города захватывали группы энтузиастов от имени Национального правительства еще до того, как туда подходили регулярные войска НРА”.

Местами крестьянские отряды принимали непосредственное участие в боевых действиях, и именно они отличались наибольшей решительностью в подавлении реакционных сил. Рабочие железных дорог и телеграфисты дезорганизовали все тыловое обеспечение противников НРА. Все их передвижения были под пристальным наблюдением неимоверного количества добровольных агентов Национально-революционной армии. Генерал Тан Шэнчжи, один из основных военных диктаторов провинции Хунань, поспешил перейти в лагерь победителей. 12 июля он объявил об установлении в Хунане “революционного порядка”.

Через несколько недель, когда Национально-революционная армия под городом Юэчжоу встретилась с ожесточенным сопротивлением, местные Союзы крестьян и железнодорожные рабочие помогали отрядам НРА обходить и атаковать своих противников с тыла. Как сообщалось в кантонских газетах, “испуганные враги моментально разбежались”. Через двенадцать часов, утром 22 августа над городом уже развивалось знамя Кантонского правительства. Национально-революционная армия окружила Ухань. В самом городе рабочие оружейного завода сразу же начали забастовку. Городской гарнизон после неудачной попытки подавить забастовщиков был изгнан из рабочих кварталов. 8 сентября 1926 г. Ухань пал. Во время последнего штурма погиб коммунист, командир ударного батальона Цао Иоань. В середине октября знамя Гоминдана уже развивалось над всеми основными городами вдоль Янцзы.

Сам Чан Кайши лично командовал наступлением на Востоке. Он жестко ограничивал революционную пропаганду, временами силой подавляя массовое движение на местах. Благодаря этому, его противник генерал Сунь Чуанфан смог продержаться до октября, когда Чан несколько ослабил свой контроль над революционной агитацией. После этого кампания пошла гораздо успешнее. 5 ноября войска Чан Кайши подошли к Янцзы.

По мере нарастания военных побед нарастало массовое движение. В провинции Хунань до конца ноября профсоюзы увеличили свою численность с 60 до 150 тысяч человек. Число охваченных профсоюзами районов провинции увеличилось с 5 до 50. В Ухане в течение 2 месяцев после прихода Национально-революционной армии более 300 тысяч рабочих вступили в профсоюзы. Все профсоюзы были объединены под знаменем Единых профсоюзов провинции Хубей.

Для рабочих победа Национально-революционной армии стала сигналом к изменению той тяжелой, невыносимой жизни, которой они жили раньше. Ухань захлестнула невиданная забастовочная борьба. Тем временем крестьянское движение нарастало еще интенсивнее. В ноябре в провинции Хунань существовало 54 секции Союзов крестьян, в которых состояло 1 млн. 71 тыс. человек. В январе 1927 года эта цифра перевалила за 2 миллиона. Крестьяне требовали отмены грабительских налогов, снижения арендной платы за землю, а также вооружения против местных землевладельцев. Большинство из крестьянских союзов превратилось во властные органы. Вскоре в Хунане открыто стали отказываться от всех налогов, а также стали отбирать помещичью землю.

При переезде Кантонского правительства в Ухань в декабре 1927 года, оно застало именно такую ситуацию. В атмосфере победоносной революции левые в Гоминдане снова подняли голову. С трибун массовых митингов эти мелкобуржуазные радикалы лили потоки революционных фраз. Но эти потоки моментально же разбивались о скалу классовой борьбы. В кабинетах различных министерств раздавались стоны: “Массы зашли слишком далеко!”.

Но Уханьские капиталисты не испугались энтузиазма рабочих. 3 декабря Торговая палата Уханя предупредила: “Если немедленно не будут приняты меры по ограничению требований рабочих, то мы объявим локаут”. Бородин, вожди КПК и их союзники в Гоминдане сразу же с этим согласились. Спустя три дня был создан арбитражный орган, с целью “упорядочить правильное увеличение заработной платы, убеждать работодателей в необходимости установления максимума рабочего времени и улучшения социального положения рабочих. Право найма и увольнения рабочих остается у работодателей”.

Членами этого арбитражного органа становились представители Гоминдана, Объединенных профсоюзов и Торговой палаты города. Решения этого органа были обязательны и для рабочих и для работодателей. Планировалось принять Закон о труде, который бы установил минимальную месячную зарплату в 13 юаней (эта цифра хотя и совсем мизерная, тем не менее, в конце концов не была принята). Вмешательство рабочих в дела управления было

запрещено, “но если решение управленцев явно не в пользу рабочих, решение может быть опротестовано”. Фактически была создана система принудительного арбитража, т.е. тесные рамки для улучшения положения рабочих, установленные правительством с одобрения КПК и лично Бородина. Все действия, выходящие за эти рамки, однозначно считались контрреволюционными и подавлялись.

Бородин и Национальное правительство в Ухане не хотели отвечать за действия крестьянского движения. Бородин опасался, что чрезмерная самодеятельность крестьян в конце концов повредит единому фронту четырех классов. С подачи Бородина ЦИК Гоминдана так и не огласил конкретную аграрную программу. Тормозились даже те аграрные требования, которые были записаны в “учении Сунь Ятсена”. Северный поход предоставлял уникальный шанс освободить массовое движение от буржуазного руководства, взявшего верх после “мартовского переворота” в Кантоне. Но коммунисты не видели вокруг никого, кроме “Левого” Гоминдана. Ублажить Гоминдан было для лидеров КПК важнее всего.

Трое критически мыслящих работников Коминтерна в Шанхае в своем знаменитом открытом письме к руководству в Москве обрисовали аграрную политику КПК и представителей Коминтерна в тот период следующим образом: “Вплоть до октября 1926 года ни представители Исполкома Коминтерна, ни представители ЦК КПК, не рассматривали аграрный вопрос всерьез. Была лишь резолюция по этому вопросу июльского пленума ЦК. Она допускала лишь умеренную борьбу в деревне. И даже призывала крестьян не трогать “нереакционных землевладельцев”.

“В октябре в принципе были выработаны тезисы ЦК КПК о текущих требованиях крестьян. Но представители Интернационала и руководство КПК затормозило их оглашение, и только в январе 1927 г. эти тезисы были разосланы местным организациям. Но и сейчас, по существу, Компартия не изменила свою позицию по текущей борьбе в деревне... Боязнь крестьянского движения была и остается в партии. Самозахват земель крестьянами расценивается ЦК как опасная “детская болезнь левизны”.

“ЦК с одобрением смотрит на болтовню о “едином фронте с добропорядочными землевладельцами против реакционных сил” (цитата из доклада Хунаньской организации, датированного 30-м декабря). Определение “добропорядочного землевладельца” остается во всех официальных документах партии (т.е. КПК) и статьях ее ведущих руководителей. Если так и дальше будут подменять социальные категории моральными, то движение в деревне будет погублено.

“На декабрьском пленуме, на котором присутствовал представитель Интернационала, была принята резолюция по аграрному вопросу. В этой резолюции нет ни единого слова о земле и о классовой борьбе в деревне. Эта резолюция проигнорировала все наисущественнейшие вопросы. Лозунг о необходимости передачи власти в деревне местным Союзам крестьян был отвергнут. В резолюции говорится, что такое требование нельзя выдвигать, чтобы не отпугнуть мелкую буржуазию. Исходя из подобных соображений партия перестала

вооружать крестьян...

“Партия рассматривает свою политику в рабочем движении отдельно от крестьянского движения. Но даже в рабочем движении партия действует недостаточно активно. В ЦК нет отдельной структуры, курирующей профсоюзы. Свыше миллиона организованных рабочих не охвачены идейной пропагандой. Профсоюзное руководство часто оторвано от масс и местами является чисто верхушечным. Партийная работа повсюду заменяется бюрократическим формализмом. Но самое главное, что поднимает голову в нашем революционном, рабочем движении реформизм... Дело доходит до отказа в поддержке экономических требований рабочих. Партия в Кантоне не сопротивлялась наступлению буржуазии на рабочих, так же она поступает и в Ухане. Понятие “принудительного арбитража” придумано самим Бородиным. Партийные вожди особенно боятся развития движения пролетариев, занятых в мастерских и сфере торговли...

“На декабрьском пленуме ЦК отчитывался: “Определить политику нашей партии по отношению к средней и мелкой буржуазии пока весьма затруднительно. Сейчас участились забастовки рабочих, занятых не на крупном производстве, а также наемных работников торговой сферы против своих работодателей. По своей классовой природе эти конфликты являются внутренними противоречиями мелкой буржуазии. Обе стороны конфликтов такого рода, как наниматели, так и рабочие, нужны для единого фронта. Мы не можем поддержать ни одну из сторон против другой, но мы не можем и сохранять нейтралитет... На тех малых предприятиях, где производится ширпотреб, рабочие должны использовать все возможные способы для мирного решения конфликтов. Забастовка в подобных случаях может рассматриваться только как крайняя мера”. Компартия этим своим двусмысленным решением фактически перестала поддерживать борьбу большей части китайского рабочего класса, которая как раз занята именно в мелком производстве. КПК предпочла дружбу с мелкой буржуазией солидарности с работниками, нанимаемыми этой мелкой буржуазией... К всему этому надо добавить, что в последнее время руководство партии стало панически бояться вооружать рабочих.

“Товарищ Чжоу Эньлай в своем докладе о нашей военной политике говорил: “Мы должны работать внутри Национально-революционной армии, укреплять ее, повышать ее боеспособность, но еще преждевременно вести какую-либо самостоятельную политическую работу”. До сих пор в Национально-революционной армии нет нашего идейного ядра. Коммунисты, которые являются политработниками в армии, тащат на себе рутинную административную работу... Наши китайские товарищи надеются с помощью уступок и хитроумных приемов сохранить равновесие в армии, но они не смеют и думать о завоевании руководящих позиций в НРА... Только на последнем пленуме ЦК КПК было принято решение о создании партийных ячеек среди коммунистов-командиров НРА. Представитель Интернационала (т.е. Войтинский - прим. переводчика) особенно возбужденно выступал в защиту тезиса о невозможности вести политическую работу в НРА.

“В январе этого года (т.е. 1927-го), когда многие советские товарищи поставили вопрос о

развертывании полномасштабной политической работы в НРА, товарищ Войтинский выступил резко против. Сначала он заявил, что Москва против создания партийной организации КПК в армии. Вслед за этим он указал, почему нереально создать ее: во-первых, мы этим испортим отношения со старшими офицерами, особенно с Чан Кайши, которые наверняка расценят это как нечистоплотную интригу коммунистов; во-вторых, среди Национально-революционной армии мало сторонников компартии - просто не среди кого работать... По поводу предложения привлечь рабочих и крестьян к массовому вступлению в Национально-революционную армию он заявил, что “никто из рабочих не хочет идти в армию, это бесплодное занятие, Командование НРА не объявляло новый призыв” и т.д. и т.п.

“Кстати, при обсуждении вопроса о вооружении рабочих та же картина. Так как Войтинский не смел открыто возражать против вооружения рабочих, то он подыскивал любой повод, чтобы убедить всех, что вооружение рабочих сейчас рискованно, отнимает у нас много времени, мы не можем нигде добыть оружие и т.д.

“На самом деле до полусотни командиров рот и несколько командиров полков уже состоят в партии. Есть целые полки, рекрутированные из рабочих и крестьянских активистов (так наз. “рабоче-крестьянские полки” - прим. переводчика), они находятся под полным контролем коммунистов. Через этих людей мы могли бы проделать колоссальную политическую работу, но из-за боязни политизировать армию (некоторые партийные вожди воистину бояться этого), некоторые товарищи, посланные работать в армию в конце концов “затерялись”, стали просто военачальниками... Хотя представитель Интернационала после долгого сопротивления в конце концов обещал нам, что работа в армии будет “улучшена”, но эти обещания оказались пустыми словами. Нам до сих пор неизвестно обсуждал ли он хоть раз этот вопрос с товарищами из ЦК КПК”.

В этом своем письме авторы не могли сказать, что Бородин и Ко являлись всего лишь исполнителями политики Сталина и Бухарина. В марте 1926 года накануне Кантонского переворота пленум Исполкома Коминтерна санкционировал тактику союза рабочих и крестьян с буржуазией. Последней была обещана полная поддержка пролетариата. После переворота 20 марта тот факт, что кантонская власть перешла в руки правых гоминдановцев в лице Чан Кайши, был тщательно скрыт в Москве даже от большинства ЦК ВКП(б), не говоря уже о рядовых членах и иностранных товарищах. Вскоре политбюро ВКП(б) одобрило (при одном голосе против- Троцкого) вступление Гоминдана в Коминтерн в качестве “сочувствующей” секции. Троцкий писал: “Чан Кайши готов стать палачом, но ему нужно было прикрытие мирового коммунизма, теперь он его получил”.

В октябре 1926 года руководство Сталина-Бухарина телеграфировало КПК о том, что нужно сдерживать крестьянское движение, чтобы не отпугнуть революционных офицеров из НРА. Сталин впоследствии признал наличие этой телеграммы и назвал ее “ошибкой”, но добавил при этом, что это указание через несколько недель было “аннулировано”. Это “аннулирование” содержалось в директиве 7-го пленума Коминтерна. В ней была подчеркнута важность аграрного вопроса в антиимпериалистической борьбе в Китае. Но

при этом была составлена другая подробная директива (такой способ руководить, при котором правая рука как будто не знает, что делает левая, стал к этому времени в Коминтерне нормальным), в которой требовалось от китайских коммунистов ни в коем случае не допускать самодеятельности многомиллионного крестьянства.

Разрыв между декларациями и практикой был порожден оппортунизмом в ВКП(б) и Коминтерне в целом. Московские вожди в абстракции признавали принцип политической независимости пролетариата, на практике они проводили капитулянтскую политику перед буржуазией. Сталин и Бухарин выделялись удивительным умением соединять эти несовместимые элементы в своих пустозвонных и бессмысленных заявлениях как некую стройную концепцию. Каждый раз, когда их практика оборачивалась бедствиями для международного коммунистического движения, они могли цитировать те или иные свои открытые выступления и обвинять во всех грехах конкретных исполнителей.

В “Тезисах о Китайском вопросе”, принятых на Седьмом пленуме Исполкома Коминтерна в ноябре 1926 года, провозглашалось, что “крупная буржуазия Китая неизбежно покинет революционный лагерь”. Когда впоследствии нужно было доказать “проницательность” Коминтерна в китайском вопросе, всегда ссылались на эту фразу. Но, если смотреть на суть провозглашенного, то она заключалась в следующем: буржуазия как класс не отстранялась от борьбы за национальную независимость, т.к. какая-то часть крупной буржуазии какое-то время еще может вместе со средней и мелкой буржуазией поддерживать революцию, а пролетариат, конечно, должен использовать эту часть буржуазии постольку, поскольку она еще активно помогает революционной борьбе против империализма и его китайских марионеток. В своих “Тезисах” Сталин и Бухарин предупреждали, что буржуазия замышляет “подорвать революцию”, но находящиеся в водовороте событий китайские рабочие не могли расшифровать в этом “гениальном предупреждении” имя конкретной партии, время и место. Фраза “подорвать революцию” предполагает весьма конкретные действия. Кто ее замышляет подорвать? Где и как? Кто такой Чан Кайши? Что стоит за переворотом 20 марта, подавлением Кантонских рабочих и репрессиями против восставших крестьян в Гуандуне? Обо всех этих событиях нет ни единого слова в “Тезисах”, что не помешало упомянуть там один факт: “рабочему и крестьянскому движению приходится очень трудно даже в Гуандуне”.

Делегат от КПК на этом пленуме Тэн Пиньшэн в своем докладе отметил, что “мартовские события в Кантоне являлись попыткой буржуазии захватить руководство движением”. Но, если верить официальной стенограмме, он больше нигде не упомянул об этом. 30 ноября Сталин уверял китайских делегатов, что “крупная буржуазия весьма слаба... Руководящая роль в крестьянском движении неизбежно попадет в руки китайского пролетариата. Китайский пролетариат активнее и лучше организован чем, китайская буржуазия”.

Когда личный представитель Чан Кайши появился на трибуне, он был встречен бурной овацией и пением Интернационала всем залом стоя. От имени Гоминдана он заявил: “Мы ожидаем поддержку от Коминтерна и всех его секций... Да здравствует Коминтерн! Да здравствует мировая революция!”. На пленуме царил невообразимый энтузиазм.

Сталин был в курсе кровавого подавления стачек и крестьянского движения, разгона профсоюзов армией Чан Кайши в Кантоне и многих других городах. Но он настаивал, что “продвижение кантонцев на север обычно рассматривают не как развёртывание китайской революции, а как борьбу кантонских генералов против У Пейфу и Сун Чуанфана, как борьбу за первенство одних генералов в отношении других генералов. Это глубочайшая ошибка, товарищи. Революционные армии в Китае являются важнейшим фактором борьбы китайских рабочих и крестьян за своё освобождение... продвижение кантонцев означает удар по империализму, удар по его агентам в Китае и свободу собраний, свободу стачек, свободу печати, свободу организации для всех революционных элементов в Китае вообще, для рабочих в особенности. Вот в чём особенность и важнейшее значение революционной армии в Китае...

“В Китае не безоружный народ стоит против войск старого правительства, а вооруженный народ в лице его революционной армии. В Китае вооруженная революция борется против вооружённой контрреволюции. В этом одна из особенностей и одно из преимуществ китайской революции.

“Дело не только в буржуазно-демократическом характере кантонской власти, являющейся зачатком будущей всекитайской революционной власти, но дело, прежде всего, в том, что эта власть является и не может не являться властью антиимпериалистической, что каждое продвижение этой власти вперёд означает удар по мировому империализму, — стало быть, удар в пользу мирового революционного движения” (“О перспективах китайской революции” 30.11.1926 г.).

Национальное правительство “хотя по своей сути и буржуазно демократическое, но фактически содержит в себе зачатки революционно-демократической мелкобуржуазной диктатуры основанной на революционном союзе пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии” (“Тезисы о китайской революции”). Разве можно придумать более запутанный и дезориентирующий тезис, чем этот?

В “Тезисах” Коминтерна по поводу аграрного вопроса все таки было смело высказано следующее: “Аграрный вопрос является центральным вопросом... Его нельзя решить радикальным образом, не поддержав все требования крестьянских масс. Иначе революцию подстерегает серьезная опасность. Было бы ошибкой, если бы мы не поставили требования крестьянского движения на первое место в программе национального освобождения из-за боязни потерять неустойчивое сотрудничество с частью буржуазии”. Это место, наверное, и было “аннулированием” октябрьской телеграммы, которая была написана с целью ограничить крестьянское движение, чтобы не мешать “неустойчивому” сотрудничеству с буржуазией.

Но это смелое заявление в Тезисах перекрывалось и сводилось на нет буквально через несколько строк следующим разъяснением: “Хотя Китайская Компартия должна объявить о национализации земли как об основном требовании своей политики в деревне, но сейчас

она должна определять свою конкретную политику по земле, исходя из экономической и политической специфики разных районов страны”.

Таким образом, аграрная часть “Тезисов о китайской революции” фактически была составлена в духе программы Гоминдана: много красивых слов и ни единого намека на прямую борьбу против землевладельцев. “Тезисы” провозглашали уменьшение арендной платы за землю, упорядочение налоговой системы, введение льготного кредитования крестьянским хозяйствам, правительственную поддержку крестьянских организаций и отрядов самообороны. В “Тезисах” содержалось также требование конфискации монастырских земель и земель, принадлежащих известным приспешникам империализма. Там отсутствовало только объяснение, что делать крестьянам, если Национальное правительство не пожелает осуществлять эти прекрасные меры? Этот документ смахивал скорее на научный доклад нейтрального профессора по аграрной тематике, а не на программу, предназначенную для революционных масс.

На деле получалось так, что коммунисты должны были поддерживать все требования крестьянства (а крестьянство требовало земли), в то же время коммунисты должны были следить, чтобы союзники национальной революции не пострадали от перегиба в действиях крестьян. Но каждый раз, когда войска НРА захватывают новый регион, разве не оказываются все местные реакционеры сторонниками Гоминдана? Все они сразу становятся частью “вооруженной революции”, а значит их земли становятся неприкасаемыми, так же, как все земли их близких, родственников и сторонников, т.е. практически всех имущих классов.

Когда крестьяне Гуандуна и Хунана стали экспроприировать землю, они сразу же обнаружили этот неприятный “нюанс”. В “Тезисах Китайской революции” Коминтерна была особая статья о защите земельной собственности революционных офицеров, что стало главным тормозом проведения реальной аграрной реформы. А такую аграрную реформу и Чан Кайши был не против одобрить. На Седьмом пленуме Исполкома Коминтерна его личный представитель заявил: “Товарищ Чан Кайши в своем выступлении подчеркнул, что, если китайская революция не сможет правильно решить аграрный вопрос, т.е. вопрос о земле, то она лишится всякого смысла...”. Опираясь на такого рода обещания, руководство Коминтерна усердно продолжало привязывать коммунистов и массы к боевой колеснице буржуазии, а “Тезисы о китайской революции” Коминтерна были еще одним шагом в этом направлении.

В “Тезисах” неустанно подчеркивалось, что революция должна делаться руками Гоминдана, а “задача компартии заключается в контроле над осуществлением этих реформ Кантонским правительством”. “Тезисы” внезапно признали, что “Национальное правительство в данный момент уже попало в руки правых Гоминдановцев”, тем не менее, “последние события показывают, что коммунисты должны участвовать в работе правительства, чтобы поддержать левое крыло Гоминдана в его борьбе с официальной политикой партии, навязанной ей правыми Гоминдановцами”. Вот еще одно доказательство того, что коминтерновские вожди давно уже осознали, что левые гоминдановцы находятся в плену у

своих сильных и открыто наступающих правых соперников. В такой ситуации вступление коммунистов в правительство сделало бы их пленниками пленников. Именно эту невероятно глупую перспективу и навязывали вожди Интернационала китайским коммунистам...

Бухарин в своем выступлении на февральской конференции Ленинградской партийной организации ВКП(б) сказал, что “сейчас китайская революция имеет собственный центр, этот центр уже превратился в государственную власть. Это событие имеет громадное значение. В китайской революции уже пройден период, когда народ восстает против старого правительства. Основная специфика данного периода китайской революции заключается в следующем: революционные силы уже преобразовались в государственную власть, эта власть имеет регулярную дисциплинированную армию. Продвижение этой армии и ее блестящие победы... представляют собой особую форму революционного процесса”.

Вот так. Народным массам уже не приходится вести борьбу против “нынешнего правительства”, несмотря на то, что “нынешнее правительство” в Кантоне даже по определению Москвы, все еще представляет интересы буржуазии, а генералы “регулярной дисциплинированной армии” уже подавляют массовое движение. Как сложна эта “особая форма революционного процесса”! На Седьмом пленуме Исполкома Интернационала Тэн Пинсян сдуру публично высказал следующую мысль: “С одной стороны, мы должны защищать интересы крестьянства, с другой стороны, необходимо поддержать и укрепить единый фронт национального революционного движения. В такой противоречивой ситуации нелегко найти правильную линию... Мы совершенно согласны со взглядом тов. Бухарина: надо развивать крестьянское движение и в тоже время поддерживать единый фронт всех классов в антиимпериалистической борьбе...”. Эта была попытка примирить непримиримые вещи. Невозможно развивать крестьянское движение, логическим концом которого является конфискация земельной собственности имущих классов, и одновременно сохранять союз с буржуазией.

Левая оппозиция в ВКП(б) расценила бухаринский рецепт аграрного движения как попытку сидеть на двух конях, бегущих в разные стороны. Но верхушка ВКП(б) к ее мнению не прислушалась. Требование левой оппозиции выхода китайских коммунистов из Гоминдана было подвергнуто жесткой критике. Сталин заявил: “это было бы огромнейшей ошибкой”. В резолюции о китайском вопросе на Седьмом пленуме Исполкома Коминтерна был упомянуты “некапиталистический путь развития” и “аграрная революция”. Но официальная тактика КПК, которая вроде бы должна была способствовать этому “некапиталистическому” пути, делала акцент прежде всего на союз с отечественной буржуазией. Основная задача представителей Интернационала в Китае была сохранить этот союз любой ценой. И это происходило на фоне исторического сражения миллионных масс с эксплуататорами.

Громадный рост крестьянского движения в 1926 году шел рука об руку с ростом массового стачечного движения. Даже неполные данные свидетельствовали о 535 крупных забастовках, в которых приняло участие больше миллиона рабочих. Большинство

требований были экономического характера: увеличение заработной платы, улучшение условий труда. Один социолог, опираясь на имевшиеся у него данные, утверждал, что в половине случаев забастовщиками была одержана полная победа, 28% забастовок окончились частичным успехом и лишь 22% потерпели неудачу. Китайские рабочие с невиданной ранее смелостью поднимались на борьбу, экономическая борьба смешивалась с политическими требованиями. К началу 1927 г. рабочие снова вырываются за те “разумные рамки”, которые были установлены перепуганными борцами с империализмом из ЦИК Гоминдана.

3 января 1927 г. вблизи от британской концессии в Ухане проходила грандиозная рабочая манифестация. Запуганная британская администрация концессии на следующий день начала эвакуацию своей морской пехоты, призванной несколько раньше из Британии защищать концессию. Левые гоминдановцы были напуганы еще сильнее. Они поставили солдат из войск НРА на охрану “концессии”. Вечером 4-го января рабочие снова скопились вдоль территории концессии. Когда они обнаружили, что концессию охраняют китайские солдаты, рабочие бросились на оборонительную линию концессии, солдаты не мешали им. В течение нескольких часов все ограждения были разобраны. Таким образом закончилось британское правление в этой концессии. В европейской прессе описывались зверства погромщиков, при этом одна ложь громоздилась на другую. По свидетельству очевидцев, победители праздновали два дня на главных улицах концессии свою победу. Было несколько случаев ругани и угроз в адрес жителей-европейцев концессии, но нападений на них не было. В частные дома никто не врвался, их неприкосновенность была соблюдена. Два дня спустя, Британская диаспора в другом городе Дзюзянь, испугавшись разыгравшейся стихии масс, в срочном порядке эвакуировалась. Таким образом, Дзюзяньская концессия также была ликвидирована.

Спустя шесть недель, один известный британский журналист посетил г. Дзюзянь, чтобы проверить слухи о мародерстве погромщиков. Впоследствии он писал: “Если мародерства имели место, то, по-моему, они были осуществлены крайне не эффективно. В тех покинутых квартирах, в которых я был, на полу валялись порванные газеты, видимо это были следы поспешного ухода хозяев, но мебель была почти не тронута, окна целы, даже крайне убогая лампа над подъездом не была разбита, хотя я бы ее разбил...”.

Захват британской концессии в Ухане был стихийным действием рабочих. В том памятном письме троих коминтерновских работников, на которое мы уже ссылались раньше, было написано, что “никто не предвидел событий третьего января. Захват концессии был самодеятельностью рабочих. Ими не руководили ни Гоминдан, ни наша партия. Обе партии (Гоминдан и КПК) были застигнуты этим событием врасплох и обе вынуждены были корректировать свои действия в соответствии с новой ситуацией”.

Империалистов, особенно британских, последние события заставили еще дальше отступить перед напором масс. Это отступление началось уже в 1926 г. и было рассчитано на встречное понимание китайской буржуазии с целью заключить с ней союз против массового движения. Еще в декабре 1926 г., когда Кантонское правительство только переехало в Ухань,

член правительства Британии лорд Милс Лансин был отправлен в Ухань с официальной миссией для поиска возможных компромиссов. В то же время Национальное правительство вело аналогичные переговоры с американскими и японскими представителями. 18 декабря 1926 г. Британское правительство официально предложило отменить экстерриториальность своих граждан в Китае. 27 января 1927 г. это предложение было официально донесено до Национального правительства в Ухане. Спустя несколько дней, Госсекретарь США заявил о готовности его правительства присоединиться к этому предложению. 2 марта было подписано соглашение между Уханьским правительством и Британией. По этому соглашению две захваченные рабочими концессии были задним числом ликвидированы, а территории на которых они находились, были официально возвращены Китаю.

Одновременно в иностранные концессии в других городах прибывали все новые войска из Европы, США, Японии. Активно готовясь к вооруженной интервенции, империалисты все же рассчитывали на то, что их китайские партнеры сами возьмутся за подавление массового движения, которое не только завоевывало суверенитет Китаю, но и грозило существованию самой отечественной буржуазии.

Лидеры Национального правительства в Ухане в начале были шокированы смелыми действиями рабочих. Но как только пришли в себя, они поняли, что теперь Британская империя готова идти на уступки. Они с радостью вступили в переговоры и были весьма довольны достигнутым соглашением. Они считали его победой исключительно своего дипломатического искусства, хотя в реальности это была победа безымянных уханьских рабочих. Как всегда, вожди компартии пребывали в растерянности. “Как реагировал на уханьские события ЦК КПК? - читаем в письме трех коминтерновских работников. - Сначала ЦК хотел сохранить молчание... Мнение ЦК было таким, что провоцировать иностранцев и мелкую буржуазию было бы нежелательным... Действия уханьских рабочих по захвату британской концессии не только не были одобрены местным партийным руководством, но и впоследствии были расценены ЦК КПК как неправильные”.

Ощущая поддержку масс, левые гоминдановцы стали более жестко разговаривать с Чан Кайши. Последний расположился в южном городе Наньчан и вел переговоры сразу с несколькими десятками политических группировок со всего Китая. Его взор прежде всего был обращен к Шанхаю, но пока он еще не захватил это сердце финансового капитала страны. Чан намеревался сначала установить полный контроль над Гоминданом. Он потребовал, чтобы Национальное правительство переехало в Наньчан, а также, чтобы именно там собирался ЦИК Гоминдана. 10 января Чан лично прибыл в Ухань, чтобы добиться этого. Но ему был оказан весьма холодный прием со стороны левых Гоминдановцев. В “письме трех” описывалось, как Бородин на приеме, на котором присутствовал и Чан Кайши, позволил произнести несколько иронических слов о “властолюбивых генералах”, но тут же сам испугался и разъяснил своим подчиненным из местного аппарата Коминтерна: “Боюсь, что я совершил ошибку... Мои нападки на Чан Кайши были вызваны общим настроением в Ухане, не знаю, правильно ли я поступил”.

Чан поспешил уехать. Вернувшись в Наньчан, он стал открыто провозглашать свое

намерение полностью уничтожить коммунистов. Во время выступления 12 февраля он сказал: “Во время революции 1911 года мы не смогли создать настоящую республику как раз из-за того, что наша организация была слишком неоднородна и вести плодотворную работу ей было невозможно... Реакционеры и контрреволюционеры мешали нам работать, их среди нас и сейчас пруд пруди. Раз они нам не настоящие товарищи, пора их исключить... Среди нас больше не должно быть разногласий и фракционности. Как преданный ученик Сень Ятсена я имею право заявить, что каждый настоящий партиец должен быть преданным учеником Сунь Ятсена. Те, кто таковыми не являются, нам не товарищи, а враги. Врагам нет места среди нас”.

7 марта была распространена листовка за подписью Чан Кайши. В ней содержались резкие выпады против советских консультантов. Однако, там же Чан Кайши заявил о намерении сохранить “дружбу” с СССР: “Официальная политика России к нам дружелюбна, хотя ее представители (в нашем правительстве) действуют нечистоplotно. Оскорбляют наше национальное достоинство, мешают нашей революционной работе. Но это их личные действия, я убежден, что они действовали вопреки официальной политике России”. Чан опроверг слухи о его тайных переговорах с представителями северных противников. “Неужели Вы верите этой злонамеренной клевете, направленной против моей репутации революционера?!” - восклицал он в своей листовке.

10 марта левые гоминдановцы создали пленум ЦИК Гоминдана в Ухане. На пленуме был принят целый ряд резолюций, направленных на ограничение власти Чан Кайши. Все чрезвычайные полномочия, врученные Чан Кайши год назад были аннулированы. ЦИК снял Чана с поста председателя партии, попутно был упразднен сам этот пост. В других своих резолюциях ЦИК Гоминдана приглашал КПК “направить ответственных товарищей на работу в Национальное правительство и структуры власти на местах...”. А также обращался к Коммунистическому Интернационалу с предложением о том, что “в своей повседневной агитации и вам, и нам лучше не подвергать единый фронт излишней критике”. Цель этих резолюций, а также назначения двух коммунистов министрами правительства заключалась в еще большей привязке рабочих организаций к политике и делам буржуазного Гоминдана. Вожди Гоминдана в своем ЦО открыто объяснили свой курс тем, что “обновление единого фронта важно, так как оно означает, что наша партия укрепит свое положение среди всех сил, участвующих в революции... Коммунисты обязаны помочь нашей партии и правительству в полной мере руководить массовым движением”.

Все резолюции, касавшиеся коммунистов, были реализованы, так как шли в русле политики, проводившейся самой КПК. Резолюция же о Чан Кайши осталась на бумаге, так как Чан Кайши плевать хотел на эти резолюции. Слухи о противоречиях в Гоминдане были для левых гоминдановцев и их коммунистических союзников страшнее всего. Уханьские вожди уверяли общественность, что “военные ведомства Национального правительства добровольно и с удовольствием вернули все политические функции партии... Партия и армия едины”. Подобное замазывание трещин в партийном руководстве было весьма кстати для Чан Кайши. Ему еще только предстояли захват Шанхая и поиск новых союзников. Пока этого не произошло, Чану был невыгоден открытый разрыв с левыми Гоминдановцами. На

тех территориях, которые находились под его контролем, коммунисты и активисты рабочего и крестьянского движения уже подвергались террору. СМИ каждый день сообщали о его переговорах с представителями генералов с Севера. СМИ сообщали, что на этих переговорах обсуждали возможность “единого выступления здравомыслящих сил Юга и Севера против красного беспредела”. Тем не менее, уханьское правительство твердило каждый день о том, что кризис позади и “национальная революция, вопреки провокациям врагов, смело идет вперед”.

Как действовала КПК в это время? Еще раз процитируем “письмо трех”: “Как вел себя ЦК КПК в этой ситуации? Нужно было развернуть широкую кампанию в массах с целью разоблачения истинных мотивов этих резолюций, нужно было заставить левых гоминдановцев как можно скорее официально выдвинуть программу аграрной реформы - только так мы могли заставить Чан Кайши публично раскрыть свое истинное лицо. Но ничего подобного не было сделано, и ему еще долгое время удавалось, прячась за пустыми и неопределенными обещаниями, делать свои черные дела. ЦК КПК и представители Интернационала слишком долго смотрели на все происходящее сквозь пальцы... Еще раз повторим, партийное руководство в течение двух месяцев ни разу не высказало своего мнения по последнему конфликту между левыми Гоминдановцами и Чаном. ЦК отмалчивался, не желая отвечать на насущные вопросы, поставленные перед ним текущей ситуацией”.

18 марта ЦК КПК в лице Чен Дусю все-таки отреагировал на происходящее. Чен Дусю писал, ссылаясь на сообщения буржуазных СМИ о сближении Чан Кайши с северными реакционными генералами, что Чан должен “публично опровергнуть эти сплетни, запущенные империалистами”. “Наша обязанность... честно заявить лидеру национальной революции, генералу Чан Кайши, что он должен немедленно доказать как словами, так и делами, что так называемые “единые выступления против красного беспредела” не более чем фантазии империалистов”.

Классовые противоречия внутри революционного движения, из-за военных успехов Национально-революционной армии и громадного роста массового движения быстро достигли предела. Наступило время, когда рост движения масс стал прямой угрозой для самого существования китайской буржуазии как класса. Империалисты готовились к отпору массовому движению, китайская буржуазия - тоже. В то же время левые гоминдановцы утешали себя тем, что “кризис миновал”, а коммунисты честно уговаривали “заблудшего лидера национальной революции Чана” опомниться. И все свои действия в этом направлении ЦК КПК аккуратно скрывал от масс, особенно от шанхайских рабочих. Последние напряженно готовились к вооруженному восстанию, чтобы содействовать скорейшему приходу НРА с Чан Кайши во главе. Они понятия не имели о том, что Чан Кайши действительно спешил в Шанхай, но только чтобы покончить с “красным беспределом” шанхайского пролетариата.

Глава 6 Шанхайское восстание

Во время победоносного наступления НРА на Север, в Шанхае поднималась очередная стачечная волна. В течение 1926 г., по официальным данным, в городе произошло 169 забастовок на 165 предприятиях, в которых участвовали 202 тыс. рабочих. 82 из этих стачек закончились победой. По другим данным (также официальным), произошло 257 забастовок, из которых 53,8% закончились победой или частичной победой рабочих. Стаечники выдвигали такие требования, как повышение зарплаты, отмена телесных наказаний для рабочих, улучшение условий труда, введение бесплатного обеда, выплата компенсаций за производственные травмы. Рабочие также выступали против массовых увольнений.

Некоторые требования были отклонены работодателями, расценившими их как наглость быдла. “Наглостью” они сочли, например, требование организации медпункта при заводе, оплачиваемый месячный отпуск для работниц во время родов, оплата больничных, запрет детского труда, введение пенсионной страховки. Стачки всегда жестоко подавлялись работодателями при посильном содействии коменданта Шанхая. Редкими были случаи, когда забастовка не сопровождалась кровавым столкновением рабочих с полицией и арестами лидеров стачкома. Но стачечная волна все нарастала и нарастала. Вести о захвате городов Ухань и Цзюцзян войсками НРА сильно подняли и без того весьма боевое настроение шанхайских рабочих. Они все больше и больше были готовы к тому, чтобы самостоятельно вмешиваться в политическую жизнь страны и менять все и вся в пользу своих интересов.

В октябре 1926 г. попытка группы офицеров из армии диктатора юго-восточного региона страны Сунь Чунфана совершить военный переворот провалилась. Этот путч готовился эмиссаром Чан Кайши в Шанхае. Эмиссар Чана должен был, с одной стороны, максимально дестабилизировать ситуацию в тылу противников НРА, с другой стороны, стараться ограничить чрезмерный рост влияния компартии. Эмиссар сделал ставку на военный заговор и рассчитывал обойтись без участия профсоюзов. Тем не менее, неудавшийся путч был воспринят шанхайскими рабочими как сигнал к восстанию. 23 октября, когда после провала путча эмиссар Гоминдана прятался где-то в Шанхае, сам город уже захлестнула всеобщая стачка. Но после согласования с эмиссаром Чана эмиссары Коминтерна и коммунисты быстро дали рабочим команду “отбой”. Несколько отрядов вооруженных рабочих пытались захватить полицейские участки, но, получив этот приказ, быстро отступили. Несмотря на неудачи, рабочие сохраняли бодрость духа. 28 ноября и 12 декабря 1926 г. в рабочем районе состоялись два крупных антиимпериалистических митинга, на которых прямо пахло новым восстанием.

В эти напряженные и неопределенные месяцы шанхайская политическая жизнь складывалась весьма интригующе. Внимание буржуазной общественности было приковано к так называемому “Движению за независимость Шанхая”. Его возглавляли банкиры финансовых кругов Юга, откровенные правые лидеры Гоминдана, с ними заигрывали многие политические авантюристы, питающиеся крохами со стола сильных мира сего.

Заметное влияние в “Движении...” также имела организованная преступность Шанхая. При всем этом “Движение...” находилось под контролем генерала Сунь Чуанфана, против которого оно формально было направлено. Будучи авторитетным руководителем динамичного массового движения, КПК и подконтрольные ей профсоюзы бестолково плелись в хвосте всего этого политического балагана, не зная толком, что делать с собственными гигантскими силами.

Тем временем войска Сунь Чуанфана разбивались о наступающую НРА. Сунь с отчаяния призвал на помощь другого военного диктатора Чжан Цзунчана из восточной провинции Шаньдун. Чжан среди своих “коллег” отличался патологическим интересом к деньгам и буйным поведением по отношению к своим подчиненным. Получив приглашение, армия Чжана немедленно отправилась на Юг. У шанхайских толстосумов перехватывало дыхание от одной мысли о жизни под властью этого натурального разбойника. Где искать спасения? Финансовые тузы обратили свое внимание на фигуру Чан Кайши. Именно Чан, считали в салонах шанхайских банкиров, является оптимальным кандидатом для защиты предпринимателей. Революционный генерал Чан Кайши должен, по мнению банкиров, оградить их как от покушения рабочих и городской бедноты, так и от ненасытных вымогателей в лице бесчисленных туземных царьков, вроде Чжана.

В это изменчивое и смутное время международный капитал (особенно американский и британский, в меньшей степени - японский) поначалу плохо ориентировался во всех хитросплетениях китайской политики. До начала 1927 г. представители западного бизнеса в Китае занимали выжидательную позицию в отношении революционных процессов. Европейские и американские коммерсанты, миссионеры и дипломаты, находящиеся в постоянном страхе за себя, вынуждены были оградить свои концессии железным занавесом из штыков и колючей проволоки. Все больше и больше военных кораблей из Европы и Америки прибывали в Шанхай, чтобы защитить их от “взбесившихся китайских бандитов”.

Лишь очень немногие проницательные деятели из этой паникующей публики догадывались, что далеко еще не все потеряно, и если туземные китайские банкиры видят в Чан Кайши своего спасителя, значит, и иностранцы могут с ним иметь дело! Пусть этот человек докажет, что он способен уgomонить зарвавшуюся чернь, а цивилизованный мир, со своей стороны, отмечали эти деятели, должен оказать ему всю возможную помощь. К началу февраля 1927 г. переговоры представителей западных компаний с Чаном шли уже полным ходом. Эти контакты были широко известны в деловых кругах Шанхая. С начала 1927 г. секретные донесения об этих контактах через спецслужбу КПК непрерывно поступали в адрес ЦК и представительства Коминтерна во главе с Войтинским. Войтинский заявил своим китайским подопечным: “Не надо паниковать. Не надо провоцировать Чана. Главное для нас - это освобождение Севера”. Информация дальше ЦК, разумеется, не пошла.

17 февраля Национально-революционная армия освободила г. Ханчжоу, на следующий день - г. Цзясинь. Вскоре солдаты Чана появились уже под Шанхаем. В городе воцарилась напряженная неопределенность. 19 февраля ЦК КПК принял решение провести всеобщую стачку в помощь наступающей НРА. На 48 часов 350 тыс. рабочих бросили работу.

Остановились трамваи и пароходы, закрылись отделения почты, встали крупные заводы, замерла торговля. Процветающий мегаполис мгновенно превратился в мертвый город. На улицах всюду шли столкновения рабочих с полицией. Что дальше? Рабочие с минуты на минуту ожидали нового приказа профсоюзов, подконтрольных компартии. Приказ не поступал... Руководство коммунистов во время стачки отчаянно пыталось разыскать спрятавшегося эмиссара Чана, чтобы добиться какого-либо внятного указания по дальнейшим действиям, но его не удалось найти.

Лозунги, выдвинутые коммунистами во время этой стачки, ограничивались здравицами в честь Национально-революционной армии и Чан Кайши и призывами к свержению Сунь Чуанфана. Все лозунги против империализма были сняты.

Цитируемый ниже документ КПК более позднего времени - красноречивое свидетельство о деятельности ЦК во время февральского восстания:

“После начала забастовки партия не отнеслась к ней как к началу восстания. Не только среди мелкобуржуазных масс не проводилась агитация за восстание, но даже среди рабочих мало кто понимал цели и направленность этой забастовки... И хотя нами был выдвинут лозунг о созыве “Конгресса народных депутатов”, никто не занимался созданием рабочих комитетов на заводах под этот лозунг. Тем более никто не думал созывать этот “Конгресс” с целью превратить его во властный орган, в котором можно было бы обсуждать все вопросы от забастовки до вооруженной самообороны или даже восстания. Иными словами, не превратили его в фактическое временное революционное правительство. Наша партия тогда создавала организацию, подобную временному революционному комитету, состоящую из представителей профсоюзов и буржуазии. Но массы “с улицы” не имели осведомленности о том, что происходило в этом “Временном революционном комитете”. А произошло вот что: наши представители на заседаниях этого комитета уступали по каждому пункту крупному капиталу... Наша партия призвала массы на улицу и бросила их там на целых три дня. Мы не руководили ими, чтобы вести вперед к восстанию, мы даже не руководили ими, чтобы обороняться. Рабочие захватывали оружие и расстреливали штрейкбрехеров по собственной инициативе... Вся наша работа заключалась в бесконечных переговорах с банкирами, правыми и центристами из Гоминдана, а эти переговоры использовались ими исключительно в борьбе за власть между собой.

“Наша политика была такова - рабочие должны были подниматься, но не делать ни шагу без разрешения буржуазии. Мелкая буржуазия была оставлена нами на произвол судьбы. Ответственные товарищи в ЦК надеялись, что крупный капитал Шанхая поддержит наше восстание. Мало того, мы рассчитывали на поддержку коменданта города, палача рабочего движения генерала Ли Баочжана. Разумеется, что в конечном итоге представители крупного капитала нас не поддержали. Поведение нашей партии во время февральского восстания нужно объективно расценить как предательство рабочего класса”.

Генерал Ли Баочжан и полиция Международной концессии начали действовать, не дожидаясь результатов переговоров. Студенты и забастовщики, раздававшие листовки,

арестовывались и расстреливались. В первый же день забастовки генерал Ли послал специальные отряды патрулировать улицы. Руководители забастовки выявлялись агентами Международной концессии и передавались китайским властям для казни. Полиция обыскивала прохожих, из-за чего большинство улиц опустело. Двум металлистам и одному кондуктору трамвая отрубили головы на месте за раздачу листовок. В районе “Старых западных ворот” некоторым берущим листовки прохожим также отрубили головы. Три студента пытавшиеся вести агитацию за стачку в Шанхайском порту, были задержаны, им тоже отрубили головы. Точные цифры убитых неизвестны, предположительно, их было около 200. Вот свидетельство иностранного журналиста ставшего очевидцем этих расправ: “Палачи, после того как отрубили головы своим жертвам, поднимали их вверх на бамбуковых копиях и несли по улицам. Казни проводились обычно в наиболее людных местах. Палач с мечом в сопровождении группы солдат приводил свои жертвы в какое-нибудь многолюдное место и там их казнил. Многотысячная толпа при этом замирала от ужаса”.

21 февраля в Шанхае все-таки вспыхнули уличные бои. Рабочие захватывали оружие всюду, где только могли. Когда вожди КПК, наконец, объявили 22 февраля в 18 часов о начале восстания, это восстание шло уже более двадцати часов. Коммунисты рассчитывали на помощь Национально-революционной армии. Все были убеждены что она вот-вот придет на помощь. Всеобщая забастовка продолжалась уже три дня. На улицах уже было пролито много рабочей крови, а переговоры между коммунистами и буржуазией все еще не давали какого-нибудь конкретного результата. В это время Национально-революционная армия не сделала и шага со своих позиций к Шанхаю. Хотя расстояние между ней и Шанхаем было всего 25 километров. “Противостояли” ей лишь несколько частей Сунь Чуанфаня, деморализованных и занимавшихся мародерством в окрестных деревнях.

Национально-революционная армия остановилась не случайно. Накануне стачки Чан Кайши получил секретную телеграмму от своего эмиссара в Шанхае о том, что нужно “временно остановиться”, и Чан отдал команду: “Наступление НРА в направлении Шанхая остановить, на других направлениях продолжать”. Впоследствии выяснилось, что была достигнута договоренность между комендантом Шанхая Ли Баочжаном и эмиссаром Чана. Через эмиссара генерал Ли согласовывал свои действия с Командованием Национально-революционной армии, чтобы иметь достаточно время усмирить Шанхайскую стачку. В начале марта ведущие шанхайские СМИ сообщили, что “генерал Ли Баочжан фактически присоединился к Национально-революционной армии. Главнокомандующий НРА Чан Кайши уже дал свое согласие на это... Говорят, что Гоминдан смотрел на смелые действия генерала Ли в февральские дни не без симпатии. По мнению Гоминдана, под удары Ли попали экстремисты, особенно вожаки коммунистов, и это хорошо”. 18 апреля Ли Баочжан уже был официально назначен командиром 8 корпуса Национально-революционной армии.

Февральское восстание было подавлено в крови. Последние вспышки уличных боев пришлось на 24 февраля. В то время большинство рабочих, дезориентированные бестолковостью ЦК КПК, уже вернулись к своим рабочим местам. Аресты же и казни все

продолжались и продолжались. Многие из арестованных были расстреляны из-за наличия у них листовок с восхвалением “храброго командующего Чан Кайши”. В этой драме абсурда солдаты одного из генералов Чан Кайши Ли Баочжана убивали рабочих, видевших в Чан Кайши своего защитника.

Несмотря на широчайший размах всеобщей забастовки, несмотря на то, что она была подавлена варварскими способами, несмотря на продолжающееся замешательство вождей КПК, события с 12 по 24 февраля являлись лишь только прологом еще более удивительных событий. Рабочие организации понесли серьезные потери, но не были разрушены и рабочие сохранили волю к борьбе. Недавнее поражение их не обескуражило, и они не поддались панике, не боялись новых, грядущих боев.

Но чему научились их вожди на этих тяжелых событиях? Последняя забастовка уже напрямую поставила вопрос о власти, но руководство КПК все еще обсуждало нужно ли восстание, когда восстание уже происходило. Мало того, в самый разгар рабочей борьбы оно ведет, правда безуспешно, верхушечные переговоры с буржуазией. “В результате мы пропустили чрезвычайно выгодный исторический момент. Когда власть лежала на улице, партия не понимала как ее взять. Хуже того, она не желала ее взять, она боялась ее взять”. - Так констатировали итоги февральского восстания в своем открытом письме три работника Коминтерна в Шанхае. Они сравнивали это поражение с поражением немецкого рабочего класса 1923 года, но добавили несколько фраз: “В одном Шанхай отличался от Германии: здесь пролетарии имели гораздо больше сил, и, если бы они решительно атаковали буржуазию, они бы наверняка завоевали Шанхай, таким образом, кардинально изменив расклад сил внутри Гоминдана”.

Хотя февральское восстание потерпело неудачу, но всего через 24 дня рабочие получили новый, еще более удачный, чем предыдущий, момент для взятия власти. На этот раз они покажут, что они уже, кажется, научились бороться и побеждать, но руководство КПК намертво слившееся в союзе с Гоминданом, оказалось способно превратить любую победу в поражение. После поражения февральского выступления группа арестованных лидеров профсоюзов (членов КПК) была приговорена к смерти. В камерах смертников эти товарищи получили приказ от ЦК называть себя только членами Гоминдана и использовать все возможности для агитации за учение Сунь Ятсена. Сказано, сделано: с криками “Да здравствует учение Сунь Ятсена! Да здравствует Гоминдан!” рабочие-коммунисты шли на расстрел.

Через две недели после подавления восстания головорезы генерала Чжан Цзучаня вошли в город. Генерал Сун Чуанфан сбежал в Северный Китай. “Международная концессия” непрерывно укрепляла свою оборону. В конце февраля в Шанхае было расквартировано 7000 британских солдат, 1500 морских пехотинцев США и 600 японских солдат. Пребывало все больше и больше иностранных войск.

25 февраля все консулы западных стран в Шанхае обнародовали жесткое совместное заявление о том, что они предпримут все необходимые меры, чтобы обеспечить

безопасность “Международной концессии” и всех иностранцев. Тем временем военные действия разворачивались на трех фронтах. Часть НРА, двигаясь по берегу Яньцзы, захватила города Аньчин и Уху и подошла к Нанкину. Другая армейская группировка НРА продвигалась вдоль железнодорожной ветки Цзиндэчжань - Сучжоу с целью захвата железнодорожной магистрали Пекин - Шанхай. Третья группировка концентрировалась вблизи Шанхая: на этом фронте во время февральского восстания царил затишье, но в начале марта военные действия снова активизировались. Войска Чан Кайши под командованием генерала Бай Цзунси подошли к городу. Вечером 20 марта они вошли в населенный пункт Лунхуа под Шанхаем, который сразу стал сосредоточием бесчисленных интриг. Здесь эмиссар Чан Кайши в Шанхае встретился с генералом Бай Цзунси и посоветовал последнему в город не вступать. Чан Кайши тоже телеграфировал генералу Бай: “Не вступайте в город. Не конфликтуйте с Международной концессией. Подождите”.

Но рабочие не хотели ждать. От имени профсоюзов коммунисты призвали начать всеобщую забастовку в 12 часов 21 марта. Заодно провести и восстание. Их представители срочно выехали в Лунхуа просить генерала Бай помочь рабочему выступлению. Генерал Бай наотрез отказался.

Стачка была действительно всеобщей, фактически каждый рабочий принимал в ней участие. В их ряды влилась городская беднота и конторские служащие. Общее число участников стачки было от 500 до 800 тысяч человек. План восстания был составлен очень тщательно. Была создана пятитысячная Рабочая дружина. Она была разбита на отряды по 20-30 человек. На всю дружину было 150 маузеров, то есть менее одного на отряд. Большинство дружинников вступало в рукопашный бой с палками, топорами и мечами. К тому времени гарнизон генерала Чжана уже был дезорганизован своим повальным мародерством. Основным противником рабочих дружинников оказался отряд наемников, завербованных генералом Чжаном из русских белоэмигрантов в Шанхае. Такое убогое вооружение у рабочих было неслучайным: подавляющая часть колоссальной материальной помощи от Советской России направлялась в Гоминдан во главе с Чан Кайши, а также нескольким “полевешим” военным диктаторам на Севере. Коммунистам же Коминтерн помогал всегда очень скудно. По данным КПК, она получала меньше 1% от всей помощи из СССР для китайской революции 1925-1927 гг.

Восстание началось сразу в семи местах. Во всех районах - за исключением одного - рабочие уже к вечеру 21 марта захватили здания районной полиции и военных учреждений. Многие полицейские и солдаты побросав оружие и переодевшись в гражданское платье, скрылись. К вечеру Дружина была вооружена уже куда лучше. На улицах спешно строились баррикады. В бесчисленных китайских чайных было организовано бесплатное питание для вооруженных рабочих. Все дружинники - рабочие и работницы - имели на правой руке красную повязку - таким был знак отличия новорожденной пролетарской армии. К ночи все полицейские участки, телефонные станции и телеграфы были захвачены.

По официальным данным КПК, “в Южном районе, когда началось вооруженное восстание, дружинники первым делом захватывали полицейские участки: к 2 часам все участки, как и

районные телефонные станции, были захвачены безоружными рабочими. Полицейские патрули были в кратчайшее время разоружены. Основные силы Дружины атаковали оружейный завод и он был захвачен без особого сопротивления к четвертому часу, попутно с оружейным заводом был захвачен и вокзал. Железнодорожники предоставили свои составы для перевозки дружинников. К 5 часам все отряды соединились перед зданием центрального офиса транспортной компании города. Громадный район в течение четырех часов был захвачен рабочими. В районе Хункоу не было военных частей - только полиция. Там раньше всех поднялись на восстание рабочие металлургического, текстильного и электромеханического заводов. Полицейские, отступая, объединялись с большой группой бандитов "Триады" и пытались напасть на дружинников. Поэтому помимо полиции рабочим пришлось подавлять также сопротивление вооруженной банды уголовников".

В Восточном районе рабочие без труда захватив все полицейские участки, разоружили солдат, многие из последних тут же присоединялись к восставшим. Вслед за этим вооруженными рабочими были захвачены все государственные учреждения в районе. Эмиссар Чан Кайши тоже пытался ловить рыбку в мутной воде: он послал группу боевиков "Триады" взять этот район под свой контроль, но они сразу же были изгнаны. Эмиссар Чана решил больше не рыпаться.

В Усунском районе рабочие разгромили местные воинские части, и солдаты, не зная о происходящем в других районах, двинулись на электричках к центру города. Когда их электричка доехала до района с названием "Речной пролив", бегущие солдаты обнаружили разобранные рабочими рельсы. Солдаты заняли оборону на ближайшей железнодорожной станции "Храм Тэтун". Вокруг скопились дружинники из разных районов, которые после успешного захвата своих целей пришли помочь отбить у солдат станцию.

В западной части города ситуация была примерно такой же. Рабочие отряды после ожесточенного боя захватили главное полицейское управление города, во время этого боя погиб командир одного из подразделений Рабочей дружины. Немало убитых было и среди полицейских. Северный вокзал в этой части города был местом, где солдаты оказали особо яростное сопротивление. К вечеру бои продолжались главным образом в крупнейшем рабочем районе "Северные ворота". Русские наемники патрулировали этот район по главным магистралям на бронетранспортерах, из которых обстреливали дома рабочих из пулеметов. Один из бронепоездов на Северном вокзале, находящийся в руках этих русских наемников, также вел огонь по рабочим. Так как главный проспект, ведущий к Северному вокзалу, находился рядом с "Международной концессией", то наступающим по проспекту рабочим приходилось иметь дело также и с интенсивным огнем со стороны британских солдат, охранявших концессию.

Кроме Северного вокзала и ж/д станции "Храм Тэтун" в руках солдат гарнизона находилась крупнейшая типография. В ней располагалось несколько сотен отлично вооруженных солдат. В этих трех точках бои продолжались всю ночь. О ходе боя мы узнаем из доклада об итогах восстания ответственных партийных работников в ЦК КПК: "В районе Северного вокзала солдаты подожгли прилегающие жилые дома... Было подожжено несколько сотен

жилых домов... Дружинники бросились тушить пожар, местные жители были возмущены злодеяниями солдат и поражены благородством рабочих. Во время штурма вокзала вооруженными рабочими местные жители разных возрастов таскали доски, мешки с песком, битый кирпич для строительства баррикад. Солдаты не смели высовываться, лишь время от времени они обстреливали рабочих из пушек бронепоезда. Бронетранспортеры британских частей тоже иногда открывали огонь по позициям рабочих... К рассвету 22 марта солдаты находились в состоянии крайней усталости, а рабочие отчаянно наступали, к полудню “Храм Тэтун” капитулировал... В 16 часов капитулировала типография... Командование дружины решило перенести штаб на Северный вокзал, чтобы, сконцентрировав все силы, захватить его. После часового генерального штурма белогвардейцы бежали на территорию концессии, а солдаты выбросили белый флаг. В 18 часов 22 марта Северный вокзал был захвачен революционными частями”.

Первая дивизия Национально-революционной армии, находящаяся в Лунхуа, под влиянием выступления шанхайских масс, вопреки приказу сверху, пришла на помощь восставшим, но к этому времени дело было уже сделано: весь Шанхай был в руках восставших, кроме попрятавшихся за железной проволокой “Международной концессии” и “Французской концессии” иностранцев, с удивлением и ненавистью наблюдавших за происходящим.

На главных проспектах города вместо ружейных выстрелов и пулеметных очередей уже раздавались радостные крики и выстрелы салюта в честь победы. Профсоюз железнодорожников принял решение восстановить все железные дороги, для этого были организованы бригады общим количеством в 300 человек. Это были первые рабочие, приступившие к работе после победоносного восстания.

Глава 7 Тень Чан Кайши над Шанхаем

Еще находясь на берегу Янцзы, Чан уже наладил контакты с местной группировкой “Триады”. Это преступное сообщество процветало в Китае с начала 16 века. Оно торговало оружием, рабами, а с середины 19-го века еще и наркотиками; оно похищало людей с целью получения выкупа, промышленно вымогательствами, разбоями и убийствами как в крупных городах, так и в малолюдных горных районах. В Южной и Юго-Западной части Китая все коммерсанты - крупные и мелкие - платили им дань. Шанхайский клан “Триады” возглавлял в то время Хуан Тинчжон по кличке Рябой Хуан. Одновременно он был также начальником “Отдела китайских сыщиков” полицейского управления “Французской концессии” Шанхая. Среди простого народа существовала легенда, что он лично дал рекомендацию Чан Кайши при вступлении того в “Триаду”. Когда в ноябре 1926 г. Чан Кайши, этот “революционный генерал номер один” вошел в город Цзюдзянь, Рябой Хуан в качестве представителя шанхайских деловых кругов возобновил с ним контакты. Результатом их встречи было решение о привлечении “Триады” к нападению на профсоюзы. Раньше “Триада” была просто криминальной организацией, теперь она превратилась в нечто среднее между “Черной сотней” и “Обществом 10 декабря” (организация люмпенов, на которую опирался Луи Бонапарт).

Чан откомандировал одного из своих подручных в “Триаду” для координации совместных действий. В его планах также было создание “альтернативных профсоюзов”. Весь сброд и отморозки из “Триады” были отобилизованы в эти “профсоюзы”. Было налажено снабжение этих “рабочих структур” советским оружием из арсенала НРА.

Открытое подавление массовых организаций началось в феврале 1927 года. Тогда войсками Чан Кайши был расстрелян председатель единого профсоюза города Ганьчжоу. Профсоюз вынужден был уйти в подполье. 17 марта Чан разогнал местную организацию Гоминдана в г. Нанчан, которая считалась левой. Дело в том, что в организациях Гоминдана, находящихся на территориях подконтрольных реакционным генералам, сплошь да рядом состояли одни коммунисты. В Нанчане были произведены аресты известных коммунистов и их сторонников, запрещены рабочие и студенческие организации, в местных СМИ была введена цензура.

В тот же день в городе Цзюдзянь также произошли погромы. Несколько сотен боевиков “Триады”, заявивших себя в качестве “здоровых элементов рабочего движения”, разгромили помещения профсоюзов, городской комитет Гоминдана, представительство Союзов крестьян, а также штабы студенческих и женских организаций. Было разгромлено и Политуправление Шестого корпуса Национально-революционной армии, где большое влияние имели коммунисты. Во время погрома 4 боевика было убито, 10 ранены. По свидетельству очевидца, “рабочие уже захватили бандитов в плен, но тут подоспела рота солдат, которая и освободила пленных боевиков”.

По сообщению одного иностранного журналиста, “погромщики уже были обращены в

бегство, но в этот момент армия встала на их сторону. Она разрушила помещение объединенного профсоюза, завершив таким образом “работу” погромщиков. Лидер профсоюза пропал без вести. Говорят, что сами профсоюзы реорганизованы. В городе объявлено чрезвычайное положение. Митинги и шествия запрещены. Ношение оружия гражданскими лицами запрещено. Улицы патрулируются войсками... Во время конфликта сам генерал Чан находился в городе. Говорят, что он поощрял это выступление. Во время пика конфликта Чан послал крупные воинские силы для охраны иностранной концессии нашего города... (...) Мэр Цзюдзянь из-за того, что экстремисты в свое время сожгли мэрию, вынужден был скрыться, но теперь он уже вернулся вместе с охраной из 150 бойцов, лично отобранных генералом Чан Кайши... Влияние умеренного курса, который представляет генерал Чан Кайши, начинает распространяться по всей провинции. Ветер действительно стал дуть в другую сторону...”.

По мере того как Национально-революционная армия захватывала новые территории, на них происходили похожие события. 23 марта боевики “Триады” напали и захватили помещение профсоюзов в г. Аньчин. Через день буквально то же произошло в городе Уху. Рабочие лидеры всюду либо скрывались, либо были убиты. Их профсоюзы быстро “реорганизовались”. 24 марта НРА захватила город Нанкин, но здесь произошел неожиданный погром неизвестными вооруженными лицами в европейском квартале. Погром привел к убийству нескольких иностранцев. Британские и американские военные корабли, стоящие на Янзи, обстреляли Нанкин - погибло 12 и было ранено еще 12 китайцев. Вся иностранная диаспора из Нанкина была эвакуирована.

Этот инцидент породил множество всяческих версий и слухов. Одни считали, что это провокация коммунистов и левых Гоминдановцев, преследующая цель рассорить Чан Кайши с Западом. Другие подозревали, что это было сделано агентами самого Чана, чтобы подготовить почву для разрыва с коммунистами. Во всяком случае, существовавшему в Южной Китае массовому движению не были свойственны погромы иностранцев. У рабочих и крестьян был миллион причин ненавидеть зарубежных коммерсантов и христианских миссионеров. Во многих сотнях китайских городов имущество иностранцев было конфисковано, а сами они убежали. Но только в крайних, чрезвычайно редких случаях дело доходило до убийств. Расследование, проведенное одним иностранным экспертом, ясно и точно указывало на то, что этот погром был делом рук превратившихся в мародеров солдат из разбитых частей северных диктаторов.

Из Нанкина Чан Кайши направился в Шанхай. Вечером 26 марта 1926 г. Чан прибыл в Шанхай. Его радушно встретили его прежние коллеги по финансовым спекуляциям и братки из “Триады”. В Шанхае был сконцентрирован также финансовый капитал, контролируемый его земляками из провинции Чжэцзян. Все эти люди совместно с западными бизнесменами и чиновниками управляли крупнейшим китайским мегаполисом.

В это время разрозненные стачки в Шанхае на глазах банкиров и предпринимателей вливались во всеобщую забастовку, а та превращалась в вооруженное восстание. Рабочее восстание в Шанхае, создав смертельную угрозу заморским империалистам, в то же время

повысило престиж местной буржуазии в глазах международного капитала. Западные боссы видели теперь в лице китайских буржуа необходимых посредников в борьбе с восставшими массами. Но и для местной буржуазии тоже пришла пора избавиться от такого обоюдоострого и смертоносного оружия, как организованные массы. Ее интересы находились в такой же смертельной опасности, как и интересы иностранной буржуазии. Одним из ключевых моментов сделки, заключенной между ними, было уничтожение массового движения рабочих. В этом вопросе был достигнут полный консенсус. Человек, который должен был выполнить эту задачу, прибыл в Шанхай вечером 26 марта.

В Шанхае первым, с кем встретился Чан Кайши, опять был Рябой Хуан. Вторым человеком был представитель администрации Международной концессии, который вручил генералу пропуск в “Европейский квартал” с привилегией входить туда вместе с вооруженной охраной. Чан также был великодушен и обещал, что он обязательно будет “сотрудничать с правоохранительными органами Международной концессии”. Сразу же состоялось его совещание со своими помощниками и сторонниками по вопросу восстановления “закона и порядка” в Шанхае.

Генерал Чан развернул бурную деятельность в своем “родном” городе. Состоялась его встреча с ветеранами правых Гоминдановцев, отошедшими от партии три года назад. Он нанес также визит крупнейшим представителям финансовых и торговых кругов. Чан принял вместе с Рябым Хуаном других лидеров шанхайской группировки “Триады” Ду Юэшена и Чжан Сеолия. Разговор шел без обиняков. “Как отнять город у рабочих?” - задал вопрос “революционер” Чан Кайши. “Мочить их!”, - последовал ответ “революционеров” из “Триады”.

Чтобы разгромить рабочих и коммунистов Чану была уже обещана солидная финансовая поддержка, но Чан и его соратники нервно ежились от неопределенности ситуации. В тот период один осведомленный иностранец в своем дневнике писал: “Завтра он может стать на сторону экстремистов и больше не будет сопротивляться мощному коммунистическому потоку, несущему нас в ад”.

Шанхай был целиком в руках восставших. 500 тысяч рабочих были готовы в любой момент с оружием в руках защищать свои интересы и завоевания. Рабочая дружина, которая вместо полиции контролировала город, насчитывала всего 2700 человек и имела 1700 винтовок и несколько пулеметов. Но не было ни одного серьезного препятствия к тому, чтобы в случае необходимости резко увеличить количество дружинников и их вооружение. Нужен был только приказ со стороны руководства профсоюзов, и ни один рабочий не остался бы в бездействии. Рабочие были воодушевлены своей недавней победой и представляли собой огромную силу. Одним словом, над Шанхаем витала самая настоящая революция.

Гнев и страх иностранной диаспоры Шанхая, укрывшейся за колючей проволокой и солдатскими штыками, не знали предела. По словам одного из иностранцев, они были убеждены, что скоро все будут перерезаны в собственных постелях своими слугами. 21 марта администрация Международной концессии объявила о введении чрезвычайного

положения. 24 марта было обнародовано заявление администрации, в котором было написано: “Мы применим все необходимые средства, чтобы ситуация не вышла из под контроля”. К тому моменту в Шанхае было расквартировано 30 тысяч иностранных солдат. На одного “мирного” гражданина Британии в Международной концессии приходилось два британских солдата. Тридцать иностранных военных кораблей находились в территориальных водах вблизи Шанхая на случай “экстренной необходимости”. Над городом часто летали самолеты из эскадрилий британских ВВС. Спустя несколько дней количество иностранных военных кораблей в территориальных водах вблизи Шанхая возросло до 45.

Некий американский журналист Родней Жильберт каждый день писал публицистские заметки для британской прессы. То, что он писал, точно отражало настроения иностранной диаспоры: “Шанхай целиком и с самого начала был построен нашим трудом, теперь его хотят у нас отнять и передать китайскому быдлу из трущоб. (...) Ныне в городе барствуют анархические бездельники из профсоюзов, этого логова уголовников. (...) Меня всякий раз охватывает ужас при мысли о том, что, если эта бешеная большевистская собака не будет уничтожена в Китае, то она сможет пересечь океан и попасть в мою любимую Америку. В результате пострадает весь христианский мир, от тех страшных язв коммунизма, от которых страдаем мы здесь. Я не на секунду не сомневаюсь, что большевистский Китай стал бы крупнейшим бедствием в нашем мире. (...) В Китае коммунисты вселяют в людей ненависть, жадность, зависть, и социальное людоедство. (...) По достоверной информации наших уханьских друзей, местные коммунисты подбирают женщин, имеющих высокую грудь и белоснежное тело, для организации манифестации, в которой они должны будут идти обнаженными. Для тех, кто знаком с тысячелетней нравственностью Китайских женщин, это неопровержимое доказательство проникновения заразы русского коммунизма. (...) В наше время изящные способы решения проблем ни к чему, коммунисты в Шанхае должны быть искоренены, как чума... Китайские коммунисты должны быть подвергнуты строжайшим карам, также как и русские звери-большевики. (...) Чан Кайши стоит на распутье, без преувеличения можно сказать, что он - единственная гарантия Южного Китая от коммунистического потопа... Но если генерал Чан хочет спасти своих соотечественников от рук красных, он должен действовать быстро и беспощадно, он должен показать себя как решительного человека действия”.

В своей загородной резиденции под Шанхаем Чан Кайши тоже думал над вопросом о своих действиях. В своем обширном интервью иностранным журналистам он успокаивал иностранную диаспору, заявляя: “Лидеры Гоминдана всегда последовательно поддерживают дружеские отношения с ведущими державами. Мы с Вами друзья... Мы не стремимся изменить существующее положение с иностранными концессиями силовым способом или путем массовых бесчинств. Это наша безусловная позиция”. В конце интервью он уверял иностранных корреспондентов, что “в данный момент существует множество проблем, но мы надеемся на преодоление этих проблем и установление между Китаем и мировыми державами равноправных отношений, которые будут базироваться на взаимопонимании и дружбе”.

Несмотря на дружелюбный жест Чана, за исключением нескольких человек, большинство западных бизнесменов из Международной концессии продолжали настороженно выжидать. Как было написано в редакционной статье одной из ведущих буржуазных газет Шанхая, “интервью Чана пропитано фальшью, лицемерием и ложью”. Но чуть позже в этой статье признавалось, что “генерал Чан старался говорить от чистого сердца, и в принципе на территории ему подконтрольной он старается поддерживать порядок”. Через несколько дней командующий британскими войсками, расквартированными в Шанхае, генерал Дункан, заявил китайскому журналисту: “Чан завоевал мое уважение: он не только знает, как усмирить этих смутьянов, он уже на деле их усмиряет”.

Если империалисты от слепого страха перед “бешеной большевистской собакой” несколько теряли головы, то китайский бизнес в этот ответственный момент вел себя по-деловому. 29 марта представители 50 крупных китайских банков, промышленных предприятий и торговых компаний учредили “Координационный совет шанхайского бизнеса” (КСШБ), который был предназначен для организации технической поддержки войскам Чана в их работе по восстановлению порядка. Советом руководил Ван Итэн, который работал крупным менеджером в пароходной компании, принадлежащей японскому капиталу. Он был знаком с Чаном по меньшей мере 15 лет. В КСШБ были представлены также “Ассоциация работодателей Шанхая” и целый ряд других объединений предпринимателей. Фактически весь китайский бизнес Шанхая был объединен в одну команду. В день учреждения КСШБ состоялась встреча его представителей с Чаном. По сообщению буржуазной прессы, “Чан принял их с высочайшим пиететом. (...) Делегация передала поздравления китайских предпринимателей Шанхая и подчеркнуто заявила о необходимости немедленного восстановления порядка в городе. Предприниматели уверяли Чана, что коммерсанты любят его от всей души. Генерал ответил несколькими вежливыми словами и пообещал взять на себя всю ответственность за защиту жизни и имущества всего Шанхайского народа. Он также обещал делегации, что отношения труда и капитала скоро будут урегулированы. (...) Делегация рассталась с генералом в приподнятом настроении, т.к. они обнаружили, что генерал - человек высокой нравственности и является настоящим лидером”.

Несколько дней спустя, было официально обнародовано заявление Шанхайских предпринимателей об их преданности Национально-революционной армии и лично Чан Кайши. 9 апреля делегаты от 20 коммерческих структур приняли заявление в котором они выдвинули следующие лозунги: “За подлинное, не искаженное учение Сунь Ятсена!”, “За главнокомандующего Чана!”, “Долой всех контрреволюционеров!”.

Конечно, кроме криков требовались и конкретные действия. Богачам пришлось здорово раскошелиться. Ситуация требовала чего-то более существенного, чем просто проклятия по адресу “античеловечного коммунизма”. Первая часть кредитов была предоставлена Чан Кайши 4 апреля 1927 г. в сумме 3 миллиона юаней. Через несколько дней ему дополнительно было предоставлено 7 миллионов юаней. По сообщению иностранного корреспондента, “китайские банкиры и коммерсанты... при встрече с Чаном подарили ему 15 миллионов юаней с условием, что он станет защитить нормальный порядок от

коммунистов и рабочих”. Спустя две недели, для продолжения военной кампании Чана был выделен очередной кредит в 30 миллионов юаней.

Чем были заняты уважаемые вожди из ЦК КПК в эти дни? После победоносного восстания коммунистами была создана временная администрация города. Но эта временная администрация изначально не была задумана как орган рабочей власти, несмотря на то фундаментальное обстоятельство, что Шанхай находился под контролем восставших вооруженных рабочих. Чан Кайши не желал власти шанхайских рабочих? Естественно! Но у Чан Кайши было в городе только 3 тысячи солдат, из них много было “неблагонадежных”. Чан мог рассчитывать на помощь из г. Ханьчжоу, находившегося в 5 часах ходьбы от Шанхая, но и там было только 10 тысяч солдат, причем эти солдаты прошли школу массового движения, и, если бы туда были посланы агитаторы рабочих организаций, еще неизвестно выступили бы они с оружием в руках против рабочих. На самом деле Чан сам не был уверен в собственных войсках. Первая дивизия, которая была расквартирована в рабочем районе “Северные ворота”, целиком была на стороне пролетариев. 22 марта ее командир, вопреки приказу, пришел со своей дивизией на помощь восстанию. Этот факт говорит о многом.

Но коммунисты лишь пассивно наблюдали, как Чан энергично устанавливал собственный контроль над Шанхаем. Один офицер из его окружения стал начальником полиции. Был создан особый финансовый комитет, состоящий из ряда крупных банкиров, для снабжения его войск. Он прибрал к своим рукам администрацию двух основных железнодорожных веток, проходящих через Шанхай. 28 марта было объявлено чрезвычайное положение в городе. Все гражданские организации отныне были подчинены Верховному командованию НРА, находящемуся за городом в местечке Лунхуа. Был объявлен приказ о запрете ношения оружия лицами, не имеющими на это разрешения. Одновременно под шефством “Триады” создавались “умеренные” профсоюзы под названием “Конфедерация труда”. Все быстро шло к тому, чтобы в Шанхае использовать тактику, уже проверенную в других городах.

30 и 31 марта в Ханчжоу состоялась генеральная репетиция шанхайской резни. Вечером 30 марта большая группа боевиков “Триады” под именем “Рабочей дружины Конфедерации труда” ворвалась в помещение ханчжоуских профсоюзов. Во время драки несколько рабочих погибло, было много раненых, были потери и со стороны нападавших. По опубликованным материалам, поступившим от местного профсоюза и появившимся в Шанхайской прессе, на следующий день городской профсоюз призвал ко всеобщей забастовке, но на этот призыв откликнулись лишь телефонисты и почтовые служащие. Зато был созван крупный митинг протеста, после него состоялась демонстрация. Армейские подразделения поджидали ее на одном из перекрестков. Военным внушали, что профсоюз саботирует продвижение Национально-революционной армии. Когда рабочие подошли, по ним был открыт огонь. По данным военных, 6 рабочих погибло, сотни были арестованы. Дружинники, которые были вооружены только палками, были разоружены и разогнаны. Сколько погибло всего народу во время этих событий, неизвестно. Профсоюзы были запрещены до того как их “реорганизуют” по уже известному сценарию.

Ханьжоуский инцидент был репетицией последовавших вслед за тем шанхайских событий. Это было зеркальное отражение не только будущих действий Чан Кайши, но и последующей реакции КПК. Когда Чан назначил своих людей на ответственные посты в Ханьжоуской администрации, местный профсоюз направил ему телеграмму с просьбой снять их ввиду их реакционности. Чан телеграммой же ответил: “В военное время я имею право назначать чиновников по своему усмотрению”. Профсоюзные лидеры проглотили этот ответ молча. После ареста и побоища 31 марта профсоюз вторично телеграфировал Чану с просьбой “Прибыть в Ханьжоу, наказать виновных, спасти город от разгула реакции”. К сожалению, Чан был занят, он готовил этот самый разгул реакции у себя в Шанхае. Шанхайский же профсоюз был занят улаживанием генерала Чана, ему тоже было некогда учиться на Ханьжоуской трагедии.

При всей мыслимой и немыслимой “лопоухости” руководства КПК с его коминтеновскими менторами, Чан Кайши не мог не знать по какому опасному пути он идет, вступая в бесповоротную борьбу с организованными рабочими. Революционное движение было настолько мощным, что Чану пришлось пойти по пути постепенных и осторожных действий вместо нанесения лобового удара. За каждым его шагом вперед, всегда следовало полшага назад. Все те, кого он стремился уничтожить, были запутаны и обмануты его уловками. Ему удалось запутать даже некоторых своих соратников. Накануне переворота 20 марта 1926 г. в Кантоне многие из его сторонников из НРА были с ним в ссоре, так как им были непонятны его подлинные цели, скрывааемые за туманными фразами. Сейчас в Шанхае ситуация была похожей. Многие, особенно среди западных наблюдателей, были раздражены внешней противоречивостью действий генерала Чана. 8 апреля в одной из ведущих буржуазных газет был опубликован следующий угрожающий комментарий: “В политических кругах говорят, что генерал Чан наверняка получит поддержку цивилизованного мира, если он будет последователен в своем антикоммунизме, но своей половинчатостью Чан заставляет нас сомневаться в том, что он безвозвратно порвал с красными бандитами”.

На самом деле Чан лучше всех знал, что он делает и куда он идет. В его планы не входил компромисс с коммунистами в Шанхае. Он был полон решимости разгромить организованных рабочих, но ему нужно было время на перегруппировку сил. Революционно настроенные части НРА, например Первая дивизия, должны были быть выведены из города. Их надо было заменить надежными войсками. Мобилизация боевиков шанхайской “Триады” также находилась в самом разгаре, и ее требовалось завершить. Пока шла вся эта подготовка, Чан всеми способами стремился поддерживать благодушное настроение среди своих врагов.

Сразу же по прибытии в Шанхай Чан Кайши опроверг слухи о своем намерении разорвать отношения с Национальным правительством в Ухане. 27 марта Чан официально заявил: “Нет никакого раскола, ряды Гоминдана едины... Среди нас и в помине нет никаких серьезных разногласий”. Через два дня в интервью японскому журналисту он заявил о своем полном признании авторитета ЦИК Гоминдана, находящегося в Ухане. Москва также не была оставлена без внимания. Один из соратников Чана, генерал Бай Цунси заявил

корреспонденту “Правды”: “Мы знаем, что империалисты рассчитывают на раскол между революционной армией и народом, но это невозможно. Нашим основным принципом было и есть единство вооруженных сил и народных масс... Китайская революция является частью мирового революционного фронта. Империалисты стараются разрушить этот фронт своими инсинуациями и ложью. Сунь Ятсен учил нас сотрудничать с коммунистами, и коммунисты стали частью Гоминдана. Мы не будем разрушать сотрудничество с ними. Различные иностранные издания в Шанхае распространяют сплетни о нашем мнимом разрыве. Эти издания должны быть запрещены”.

Мы увидим, как высоко ценили эти обещания Москва и китайские коммунисты. Мы также увидим и какова подлинная цена этим обещаниям.

Первого апреля 1927 г. вернулся из Европы в Китай Ван Тинвэй, который приехал по настоятельной просьбе ЦИК Гоминдана занять пост Главы Национального правительства в Ухане. Так у Чан Кайши появился еще один помощник в осуществлении его плана. Ван всегда был склонен уступать более сильному противнику, ведь он по сути всегда был типичным представителем мелкобуржуазных радикалов. Новый Глава Национального правительства поспешил заключить союз с Чаном, который лишь год назад с позором изгнал его не только с трех постов (Главы Национального правительства, председателя партии и председателя Военного совета Гоминдана), но и вообще из Кантона. Торг двух “борцов национальной революции” продолжался два дня. Третьего апреля Чан публично заявил, что он-де “полностью подчиняется” ЦИК Гоминдана в Ухане. В этом заявлении он клялся, что “убежден в том, что возвращение товарища Вана наверняка укрепит партию, усилит правительство и позволит завершить национальную революцию... Отныне все партийные и политические решения должны исходить от председателя Вана при полной согласованности их с ЦИК. Все войска, возглавляемые мной, будут беспрекословно подчиняться ЦИК”.

В официальной биографии Ван Тинвэя этот эпизод описывается следующим образом: “Заявление Чана показалось Вану некорректным, он соглашался с необходимостью расстаться с КПК, но был против любого необдуманного раскола... причем он предпочитал мирное разрешение всех споров...”. Чтобы избежать прямого конфликта с коммунистами, Ван настойчиво уговаривал Чана добиваться своего, не прибегая к насилию. Ходили слухи, что Ван обещал снять Бородину со всех постов, изменить решение последнего пленума ЦИК Гоминдана по поводу упразднения поста председателя партии и Главнокомандующего, а также Ван был намерен разоружить Шанхайскую дружину и вручить Чану полномочия назначать чиновников мэрии. Впоследствии, когда он снова находился в оппозиции к Чан Кайши, Ван наотрез отрицал все это. Но автор его официальной биографии зафиксировал, что Ван в это время был в Ухане для консультаций с членами ЦИК, “планировалось собраться в Нанкине для созыва пленума ЦИК с участием Чан Кайши, чтобы удержать партию от раскола. Ван был уверен, что большинство ЦИК готово изменить неугодные Чану мартовские решения”.

Но Чан Кайши и его единомышленники понимали, что нужнее сейчас пулеметы, а не

бумажные соглашения. Бурная деятельность Вана была использована Чаном всего лишь в качестве дымовой завесы для прикрытия своих планов. Ван оправдал его ожидания. Его примирительных по сути и радикальных по форме речей оказалось достаточно, чтобы коммунистические лидеры шанхайских рабочих снова понесли свои жертвы на “святой алтарь единого национального фронта”.

Глава 8 Заговор молчания

Годами лидеры КПК внушали шанхайским рабочим, что приход Национально-революционной армии приведет к освобождению всех эксплуатируемых. Центральным лозунгом победоносного восстания 21 марта было “Да здравствует Национально-революционная армия! Да здравствует Чан Кайши!”. Рабочие упустили из виду, что войска Чана пассивно наблюдали за их восстанием со стороны и не пришли им на помощь. Вечером 22 марта передовые части НРА были восторженно приняты шанхайскими массами. Два дня спустя, в своей корреспонденции один иностранный журналист описал следующую картину: “1800 фабричных рабочих (из них 300 работниц) пришли в штаб генерала Бай Цунси, чтобы передать его солдатам собранные ими подарки. Это были самые различные бытовые вещи”. На следующий день по прибытии Чан Кайши в Шанхай состоялся митинг в его честь. Более 50 тысяч рабочих пришли на митинг, на котором ораторы, в основном коммунисты, “превозносили в своих выступлениях Чан Кайши”, - невозмутимо комментировал этот журналист.

Все национальные секции Коминтерна одинаково восторженно приветствовали успехи НРА. Складывалось впечатление, что вместе с Чаном в Шанхай вступила чуть ли не сама мировая революция, а Чан был ее знаменосцем. За несколько дней до восстания 21 марта ЦО ЦК КПК “Роте фане” опубликовал фотографию Чан Кайши с жизнеописанием “бесстрашного лидера Реввоенсовета Гоминдана”. 23 марта эту фотографию перепечатала “Юманите” вместе с сообщением о создании “Китайской коммуны” и о новом периоде мировой революции после вступления войск Чана в Шанхай. Такое изображение китайской ситуации компартиями разных стран отражало позицию руководства Коминтерна по китайскому вопросу. Если газета “Правда” до последнего момента защищала идею “союза четырех классов”, и если представители Коминтерна снова и снова настаивали на руководстве Гоминдана в этом союзе, то ничего странного нет в том, что иностранные коммунисты воспринимали приход Чана в Шанхай как начало “Китайской Коммуны”.

К несчастью, реальность складывалась совсем иначе. Мы уже показали, что стремление любой ценой сохранить “единый фронт четырех классов” сделало КПК заложницей Гоминдана. В Кантоне эта политика позволила генералу Ли Дишэну установить военную диктатуру и разгромить рабочие организации. Одновременно эта политика связала по рукам и ногам массовое движение, заставив его подчиняться буржуазии. Благодаря массовому движению, Национально-революционная армия сумела дойти до Янцзы, и теперь в Шанхае буржуазия почти открыто готовила контрреволюционный переворот, опираясь на эту “революционную армию”. КПК тем временем еще свято хранила верность “союзу четырех классов”. Это в тот момент, когда реакция уже торжествовала во многих городах, куда пришли войска Чан Кайши.

Чтобы заблаговременно отмывать руки, по указанию Сталина и Бухарина в начале 1927 года в ЦО Коминтерна не прекращались предупреждения о грядущем предательстве китайской национальной буржуазии. Правда, эти предупреждения ограничивались общими словами. В

марте эти предупреждения зазвучали снова, но в них сила левых гоминдановцев всегда преувеличивалась и всегда подчеркивалось искреннее намерение Чан Кайши “подчиниться” руководству Гоминдана. Все сообщения о предательствах самого Чан Кайши назывались Коминтерном “ложью и инсинуациями”. Однако их количество все возрастало и возрастало, а коминтерновские чиновники продолжали отмалчиваться от жгучих вопросов китайских событий. Это был поистине заговор молчания со стороны Коминтерна по отношению к людям, которых в скором времени ждали жесточайшие испытания.

Просто смешно говорить, что руководство Коминтерна не было осведомлено о событиях, происходивших в этот период. Мы увидим, что буквально через несколько недель вся коминтерновская пресса заклеит Чан Кайши. И вся информация, скрываемая в течение года от широкой публики, прорвется на ее страницы подобно потоку.

Мы уже ссылались на “Письмо трех” московскому руководству, чтобы доказать, что действия Чана для московской верхушки вовсе не были секретом. Но существуют и другие доказательства. В феврале 1927 года в Кантон прибыла официальная делегация Коминтерна. В течение марта эта делегация проследовала маршрутом армии Чан Кайши на Север. Они прошли через провинцию Цзянси и всю дорогу наблюдали воцарившийся белый террор. Тем не менее, “дорогие гости” остались в живых: подчиненные Чана по его приказу, принимали коминтерновских посланцев весьма тепло. Сами делегаты впоследствии признавали, что куда бы они ни пришли, пока их принимали официальные власти, уличные столкновения прекращались. Делегаты Коминтерна собирали подробные данные: имена жертв, даты и названия мест, где имели место репрессии в отношении рабочих и коммунистов. Везде профсоюзы уже были вынуждены уйти в подполье. В г. Ганчжоу делегаты получили подробную информацию об убийстве рабочего лидера Чэн Цзансэня. Чэн был коммунистом, председателем местного профсоюза и за несколько дней до прибытия делегации был расстрелян по приказу Чан Кайши.

Но делегаты хорошо знали, что КПК официально признает Чан Кайши главным столпом антиимпериалистической борьбы. Делегаты не менее хорошо знали, что за границей все коммунисты верят в романтический образ Чана как “революционного генерала”, который, подобно рыцарю без страха и упрека, стремится на Север, чтобы освободить народ. Почему известные лидеры секции Коминтерна не стали торопиться поведать КПК и миру о подлинном положении вещей!? Может быть они не поняли суть увиденного ими? Давайте послушаем, что говорили они сами: “Ганьчжоуские события стали для нас ценным уроком, мы тогда (до апрельского переворота в Шанхае) хорошо понимали, что конфликт китайской буржуазии и рабочего класса обязательно примет форму кровопролития”. Послушаем одного из делегатов Э. Браудера: он говорит, что предвидел в Ганьчжоуских событиях “всю картину того глубокого разрыва, который расколел Гоминдан на два непримиримых лагеря”. Мало того Браудер признал, что был информирован офицерами НРА о скорых событиях в Шанхае. “Главкомандующий сейчас молчит - заявил 26 марта генерал Чэн Чизнь генеральному секретарю компартии США Браудеру - у него нет полной свободы, у него нет полного контроля над завоеванной территорией, но он уже в Шанхае и там он скажет свое слово. Он еще покажет!” Одним словом, делегация Коминтерна тогда точно знала, что

раскол в Гоминдане уже произошел. Чан Кайши специально поехал в Шанхай, чтобы разгромить там рабочих, как он сделал это в других местах.

Коминтерн обязан был предостеречь рабочих Китая, но этого сделано не было. Делегация прибыла в г. Цзюцзянь буквально сразу после того, как оттуда уехал Чан. Мы знаем, что незадолго до отъезда Чана там происходили антирабочие погромы. Ситуация была нестабильна, у рабочих оставалось еще много сил. Если бы в этот ключевой момент делегаты от имени Коминтерна предупредили революционные массы, объяснив им, что Чан им не друг, а заклятый враг, мы не знаем, изменило бы это предупреждение дальнейший ход китайской революции, но мы знаем, что этого предупреждения не было.

Во время своего путешествия посланники Коминтерна не переставали изображать восхищение перед “увиденным ими железобетонным единством в Гоминдане”. 31 марта делегаты прибыли в Ухань. В первом своем выступлении в Ухане руководитель делегации Э. Браудер не только не осудил Чан Кайши, но и заявил: “Меня везде по пути следования восхищало слаженное взаимодействие между армией, профсоюзами и организациями крестьян... Везде мы видели безоговорочную поддержку Гоминдану со стороны народа... Крестьяне активно взаимодействуют с остальными силами национальной революции...”. Этот будущий ликвидатор Компартии США осторожно отметил, что “в провинции Цзянси движение испытывает трудности”, не преминув при этом добавить, что “рабочие, тем не менее, не деморализованы”. Он не упомянул только, что главным создателем этих “затруднений” был сам Чан Кайши. Через восемь дней после прибытия делегации в Ухань был опубликован ее официальный доклад. В этом докладе, в частности, было написано следующее: “Официальные лица из Национального правительства уверяли нас, что революционная армия вместе с Гоминданом везде помогают укрепляться и расширяться профессиональным и крестьянским союзам”.

У этих новоиспеченных бюрократов из национальных секций Коминтерна хватило аппаратного интриганства, чтобы, с одной стороны, полностью соответствовать официальной политической линии Коминтерна, но, с другой стороны, в своем докладе упомянуть о “глубоком расслоении в революционном лагере”, о котором свидетельствовали увиденные делегатами похороны рабочего лидера, убитого реакционерами. В докладе не указывались конкретные имена этих реакционеров. Браудер и Ко упомянули этот факт исключительно для того, чтобы в случае чего иметь политическое алиби. В конце доклада выражалась “уверенность в том, что Национальное правительство и Гоминдан имеет решимость уничтожить феодальный режим и все реакционные силы”.

В свою очередь, коминтерновская пресса сообщала: “Делегация была обрадована тем фактом, что революционная армия везде помогает рабочим и крестьянским массам в их самоорганизации”. Лишь после того, как Чан нанес свой страшный удар, тогда и только тогда эти безымянные “реакционные силы” были опознаны: “войска, действовавшие от имени генерала Чан Кайши”. “Оказалось”, что “по всей провинции Цзианси профсоюзы вынуждены были собираться в тайне, все их помещения захвачены солдатами”. Это и было на самом деле “слаженным взаимодействием” между армией и профсоюзами. “Оказалось”,

что во всей провинции Цжанси “Гоминдан представляет только капиталистов, а рты рабочих и крестьян давно заткнуты”.

Соккрытие такой информации в самый разгар революции 1927 г. не было случайным. Официальная политика Коминтерна этого периода была отражена в передовой статье ЦО Интернационала 23 марта: “Сейчас, накануне захвата Нанкина и Шанхая, империалисты специально распространяют дезинформацию по поводу раскола внутри Гоминдана. Результаты последнего пленума Гоминдана доказывают обратное... Внутрипартийное единство сегодня крепко, как и прежде... Гоминдан не расколот, как утверждают империалисты, он наоборот только сплотил свои ряды”. В статье под заголовком “Победа Шанхайских рабочих”, опубликованной 30 марта в ЦО Интернационала, было написано следующее: “Слухи о расколе в Гоминдане, а также о конфликте китайских рабочих с революционными солдатами оказались абсолютно ложными... Чан Кайши лично заявил о своем полном подчинении партийным решениям. Революционер, каким является Чан Кайши, не станет подавлять освободительное движение, как мечтают об этом империалисты. Действительно, в ноябре прошлого года между ним и реакционным диктатором Манчжурии Чжан Цзолином были какие-то переговоры, но это был тактический ход. (...) Гоминдан пообещал удовлетворить все требования рабочих. Сегодня единственная угроза шанхайскому пролетариату исходит от провокаций со стороны империализма”.

Подобные уверения в то время были направлены против Лево́й оппозиции, которая предупреждала о грядущем разгроме китайской революции и требовала организационной и политической независимости китайских коммунистов от Гоминдана. 16 марта в “Правде” была опубликована статья под заголовком: “Китайская революция и Гоминдан”. В ней заявлялось, что “сейчас основным вопросом в Китайской революции является военный вопрос”. Дальше ее автор рассказывал о том, как “разные правые элементы в Гоминдане пытаются сторговаться с империализмом”, но, с другой стороны, “у нас в Гоминдане есть мощный левый союзник, он отражает интересы масс... Поэтому империалистические газеты всячески пытаются пускать людям пыль в глаза, разглагольствуя о том, что якобы правые гоминдановцы уже заставили революцию перейти на “умеренный” курс, и что они уже концентрируют власть в своих руках; империалисты даже предсказывают окончательный переход Гоминдана на сторону реакции, раскол и разгром китайской революции”. Дальше статья резко осудила требования Лево́й оппозиции о выходе КПК из Гоминдана: “Оппозиция видит правых Гоминдана, но она не понимает их суть, она также не понимает силу масс... Все, будь то самые отъявленные правые гоминдановцы, будь то их умеренные сторонники, будь то отдельные военачальники НРА - все они вынуждены отступать перед давлением революционных масс... В связи с этим заявление Чан Кайши представляет собой важнейший документ, Чан Кайши вынужден лавировать, клясться в верности руководству. Планы предательства, на осуществление которых рассчитывали крайне правые гоминдановцы потерпели фиаско. Сейчас даже американская буржуазная пресса вынуждена признать поражение правых гоминдановцев...”.

Мартынов, в прошлом виднейший теоретик крайне правого толка меньшевизма, во время описываемых событий официальный теоретик Коминтерна, в своей статье “Перегруппировка сил китайской революции”, опубликованной в коминтерновской прессе 15 марта, написал много утешительных слов. Он заявил, что “левые представляют большинство в Гоминдане... 9 из 10 местных организаций Гоминдана находятся под руководством левых или коммунистов”.

Наиболее ловким из всех оказался сам “великий стратег” Иосиф Сталин. 5 апреля на конференции, в которой принимало участие около 3 тысяч партийных кадров, (она проходил в Колонном зале Дворца Советов) он ответил на предупреждение Троцкого илевой оппозиции:

“Чан Кайши подчиняется дисциплине... Гоминдан есть блок разных сил, и представляет собой разновидность революционного парламента, в котором есть правые, левые и коммунисты... У нас есть большинство, и правые подчиняются нам, зачем же в этом случае выгонять правых? Крестьяне не выгоняют даже старую клячу. И мы также поступаем. Когда нам больше не будут нужны правые, мы их выгоним. Но сейчас нам нужны правые гоминдановцы. У них есть много умелых кадров, и именно они руководят революционной армией против империалистов. Наверное, в душе Чан Кайши не сочувствует революции, но он командует армией, и не может делать ничего, кроме как сражаться против империализма. Правые гоминдановцы поддерживают контакты с северными генералами. Они умело перетягивают многих из реакционных генералов на сторону революции и, таким образом, облегчают продвижение революционной армии на Север. С богатыми предпринимателями у правых тоже прекрасные отношения, и они могут достать у предпринимателей средства на революцию. Поэтому правые для нас как лимон: прежде чем выбросить его, мы должны выжать из него весь сок”.

Текст этой уникальной речи Сталина впоследствии был спрятан от публики. Его не стали публиковать и не включили в сборники сочинений Сталина.

В эту судьбоносную неделю в ЦК КПК была направлена еще одна “замечательная” директива Коминтерна. В своей статье “Почему КПК не смогла выполнить свою задачу?”, опубликованной в ЦО Коминтерна 23 и 30 июля, один из работников Коминтерна в Китае Мандальян свидетельствовал, что “31 марта, когда всем было известно о готовившемся буржуазией перевороте, из Исполкома Коминтерна поступило следующее указание: “Необходимо мобилизовать массы против возможного переворота и провести пропагандистскую кампанию против правых Гоминдановцев. Но сейчас нельзя вести открытую борьбу (расклад сил изменился не в нашу пользу). Рабочим не следует бросать оружие, а если ситуация обострится, надо его спрятать””.

Если коммунистам, по совету Коминтерна, нельзя было вести открытую вооруженную борьбу с Чан Кайши, то им не оставалось ничего другого кроме как по возможности не провоцировать его на агрессивные действия. Исходя из установок Коминтерна, нужно было бороться против правых Гоминдановцев, но нельзя было провоцировать самого Чан Кайши.

Но ведь бороться против сподвижников Чан Кайши означало бороться и против него самого, а значит кампанию против правых лучше было не вести, чтобы не спровоцировать Чана!

Почему мы подробно остановились на разборе официальной политики Коминтерна по китайскому вопросу? Потому что давно возник миф, придуманный советской бюрократией, который до сих пор существует во всех документах Коминтерна. Этот миф заключается в том, что ответственность за поражение китайской революции 1925-1927 гг. лежит на лидерах КПК и особенно на Чен Дусю. Их обвиняли в упорном игнорировании верных директив из Москвы. Мы уже знаем, что это были за “верные директивы” и на чем они основывались. И эти документы самым красноречивым образом дают нам понять, почему КПК во всех отношениях была разоружена перед лицом контрреволюции.

Слухи о перевороте в Шанхае официально опровергались китайскими коммунистами с тем же возмущением, что и московскими вождями. Профсоюзы в своем открытом заявлении негодовали: “Как могут шанхайские рабочие конфликтовать с армией, это ведь их армия. Армия, это единственное, что есть у рабочих. (...) Распространяется ложь о том, что возможен раскол между революционной армией и рабочим классом... Бесспорно, что эти слухи лишены всякого основания. Мы призываем общественность не верить им...”. Когда в буржуазной прессе участились материалы о готовящихся репрессиях против коммунистов, ЦК КПК призвал Чан Кайши запретить все издания, где появлялись такие сообщения.

Одновременно, в соответствии с указаниями Москвы о ведении кампании против правых гоминдановцев, коммунисты каждый день клеймили позором безымянные “реакционные силы”. Профсоюзы даже открыто предупредили о проведении всеобщей забастовки в случае нападения на революционных рабочих. Под “реакционными силами” коммунисты обычно подразумевали таких деятелей, как Дай Дзитао или Чжан Чжинцзян, с которыми Чан Кайши был в дружбе. Но этот факт тщательно замалчивался. Ведь нельзя же было провоцировать Чана! После прибытия Чана в Шанхай коммунисты организовали в его честь пышный банкет, но он предпочел присутствовать на банкете предпринимателей. Коммунисты не унывали, они ловили каждую улыбку на лице Чан Кайши, чтобы воодушевлять самих себя и смотрящих на них рабочих. Заявление Чана о его готовности подчиняться руководству Гоминдана вызвало среди них бурю восторга.

Именно после этого было обнародовано совместное заявление для прессы за подписью Ван Тинвея и Чэн Дусю. Этот документ представляет собой концентрированное выражение политики “любой ценой сохранить единый фронт всех прогрессивных сил”.

Вот полный текст этого заявления:

“Товарищи из Гоминдана и КПК!

Хотя наша национальная революция и одержала победу, но наши враги еще не уничтожены. Они используют малейшее наше расслабление для покушений на нашу революцию. Наше единство приобретает в этих условиях особо важное значение. КПК безусловно признает

фундаментальное значение для китайской революции роли Гоминдана и учения Сунь Ятсена. Только те, кто не хочет, чтобы китайская революция продвигалась дальше, замышляют свергнуть Гоминдан, отвергнуть учение Сунь Ятсена как руководящий принцип революции. КПК, какую бы ошибку она ни совершила, не станет нападать на своего союзника, не выступит против революционного учения Сунь Ятсена, вызывающего постоянную ненависть наших врагов. Мы не доставим этого удовольствия империалистам и реакционерам.

Диктатура пролетариата представляет программу-максимум коммунистических партий, и эта диктатура существует в России. Но будет ли процесс перехода от капитализма к социализму при конкретных политических и экономических условиях в колониях и полуколониях носить характер диктатуры пролетариата - этот вопрос остается открытым. Нельзя догматически подходить к этому вопросу.

Тенденции развития национальной революции в нашей стране заставляют нас прийти к тому выводу, что вопрос о диктатуре пролетариата для нас не актуален не только сейчас, но и в обозримом будущем. Китаю нужна демократическая диктатура всех угнетаемых империалистами классов, которая будет подавлять контрреволюцию, а не так называемая диктатура пролетариата.

Сотрудничество двух наших партий выражается в разных формах, но ключевой момент заключается во взаимных симпатиях большинства членов этих партий. Большинство товарищей в Гоминдане - те из них, кто знает революционную теорию КПК и ее доброжелательный подход к Гоминдану - не сомневается в дальновидности политики Сунь Ятсена, направленной на союз с коммунистами.

Сейчас национальная революция взяла важнейшую крепость империализма - Шанхай. Это обстоятельство заставило все контрреволюционные элементы, как в Китае, так и за границей, развернуть клеветническую кампанию, изобилующую нелепостями самого низкого пошиба. Одни говорят, что КПК организует рабочее правительство, захватывает концессии, громит революционную армию и Гоминдан, другие говорят, что Гоминдан собирается прогнать коммунистов, раздавить профсоюзы и Рабочую дружину. Но и то и другое есть ложь. Решение пленума ЦИК Гоминдана показало всему миру, что у Гоминдана нет намерения разогнать профсоюзы и разгромить дружественную партию. Военачальники в Шанхае подчиняются ЦИК Гоминдана, и хотя случаются недоразумения, но все они разрешимы. В своем стремлении к соблюдению порядка и спокойствия КПК ничуть не уступает своим союзникам. Решение Национального правительства о мирном способе возвращения иностранных концессий под юрисдикцию Китая находит полное понимание КПК. Объединенные профсоюзы уже объявили о своем намерении не вторгаться на территории концессий.

КПК также согласна с действиями администрации города по сплочению всех революционных классов. Факты упрямая вещь, и для лжи здесь не остается места.

Товарищи из Гоминдана и КПК! Наши коварные враги воюют с нами не только с оружием в руках, но и с помощью лжи. Они стремятся уничтожить одних красных руками других красных, но мы должны стоять на революционных позициях. Отбросить подозрения друг против друга. Отбросить сплетни. Между нами должно быть взаимное доверие и уважение. Должна быть полная честность и открытость во всех делах. Если даже у нас имеются разные мнения по каким-то отдельным вопросам, единство должно быть сохранено. Товарищи, станьте друг другу братьями! Этим Вы не оставите провокаторам ни единого шанса!

Если мы будем придерживаться этих принципов, то будущее за Китайской революцией! Будущее за Гоминданом и КПК!

С искренним уважением

Ван Тинвэй, Чень Дусю

5 апреля 1927 года”.

Такова была позиция руководства КПК. А у рядовых рабочих доверия к своему коммунистическому руководству было хоть отбавляй. Победа восстания настолько укрепила авторитет коммунистов, что предприниматели в основной своей массе ожидали экспроприации со стороны вооруженных рабочих. Эти страхи были небеспочвенны. Когда все заводы перестали работать и классовая борьба разворачивалась буквально на каждом шагу, капиталисты интуитивно услышали колокол звонивший по их имуществу. Его звуки смешивались со звуками пулеметных очередей. Капиталисты своими глазами увидели, что вооруженный рабочий класс может опрокинуть их в любой момент. Правда, у буржуев оставались еще военные, но за верность солдат никто не мог поручиться. Истерический страх буржуев на самом деле исходил от их совершенно ясного понимания ситуации. Единственное в чем они ошиблись, так это в политической оценке руководства КПК. Капиталисты принимали их за русских большевиков, которые ни минуты не колебались в деле упразднения частной собственности. Но шанхайскими рабочими руководили другие коммунисты. У этих коммунистов было достаточно решительности для руководства успешным восстанием. Но они оказались в тисках ошибочной тактики “союза четырех классов” и не смогли противостоять наступлению реакции.

22 марта газета “Правда” с воодушевлением писала: “Передача Шанхая восставшими рабочими в руки революционной армии показала беспримерное мужество шанхайского пролетариата”. На самом деле это “беспримерное мужество” было ни чем иным, как сдачей только что завоеванной власти в руки буржуазии.

29 марта силами КПК была организована временная администрация Шанхая. По замыслу компартии большинство постов в этом правительстве должны были занять представители шанхайской буржуазии. При этом 5 из 12 комиссаров правительства должны были быть представителями профсоюзов. Тем не менее, Чан Кайши был недоволен: ему нужно было

правительство на 100% состоящее из его людей. Поэтому он не признал легитимности этой временной администрации. После того, как позиция Чана стала известна, представители буржуазии вышли из “Администрации”. Среди отказчиков оказались Генеральный директор “Торгово-Сберегательного Банка Шанхая” Чэнь Гуанпу, крупный бизнесмен Ван Ханлянь, а также председатель Генеральной торговой Палаты Шанхая Ван Селан, который, несмотря на свой отказ, был назначен коммунистами Главой “Администрации”. Несчастному Вану пришлось немедленно снова подать в отставку ссылаясь на свою занятость в бизнесе. Известная судья Чжэнь Шусю, несмотря на свои всем известные связи с организованной преступностью, также была назначена коммунистами в эту “Администрацию”. Ей так же пришлось проигнорировать “знаки внимания” со стороны коммунистов. Главный редактор газеты “Чайна пост” Се Фушэн, известный своим вызывающим антикоммунизмом, вынужден был изображать из себя больного, чтобы не работать в “Администрации”. Столкнувшись с явным бойкотом со стороны буржуазии, наши горе-коммунисты хлопали от удивления глазами и не знали, что предпринять.

3 апреля на 5-м заседании конференции городских делегатов Исполнительный секретарь “Администрации” Линь Цзюнь (член КПК) заявил: “После того, как городская администрация приступила к работе, к нам поступила масса просьб с мест помочь в оперативном решении проблем и споров, но большинство комиссаров в администрации из-за заявления главнокомандующего Чана о том, что он не признает легитимности нашей Администрации, активной работы не ведут”.

“Администрация” решила обратиться к Чану с просьбой содействовать налаживанию муниципальной работы, хотя и слепым было видно, что Чан уже полным ходом захватывает всю полноту власти и управления в городе. “Администрация” обнародовала определенную программу социальных реформ, но никаких реальных шагов вслед за декларацией не последовало. О мобилизации профсоюзов и Рабочей дружины для реализации этой программы речь тем более не велась. Единственным конкретным делом “Администрации” была организация ряда мероприятий в честь “главнокомандующего Чан Кайши”.

Несмотря на свою беспомощность, “Администрация” могла рассчитывать на вооруженную поддержку шанхайских профсоюзов. Она могла рассчитывать и на поддержку по крайней мере части солдат НРА, если бы она от имени КПК и профсоюзов призвала рабочих и солдат выступить в защиту революции. В Шанхае и его предместьях среди рабочих и городской бедноты были сильны ожидания такого призыва. Но целью такого призыва могло быть только завоевание власти. У КПК, находящейся в смиренной рубашке Гоминдана, была совсем другая цель. Лидеры коммунистов пристально наблюдали за настроениями банкиров и предпринимателей, без помощи которых, по их мнению, рухнул бы “единый фронт”, а значит и революция.

В нескольких рабочих районах, например в Пудоне, рабочие действовали более энергично. Они создали свою администрацию, свои суды, отрядам Дружины были предоставлены полномочия арестовывать, допрашивать и расстреливать контрреволюционеров. Такое “самоуправство” сразу же вызвало критику коммунистов из “Администрации”. Коммунисты

не только через свою администрацию, но и через профсоюзы ограничивали самовольные выступления рабочих дружинников. 4 апреля решением городского исполкома Единых профсоюзов в Шанхае были запрещены всяческие несанкционированные забастовки. По правилам, принятым на заседании Исполкома, требования рабочих не должны были выходить за “разумные пределы”. Любой забастовке должны предшествовать переговоры с работодателями. При неудачном исходе таких переговоров рабочие должны были обратиться к районному или городскому Исполкому профсоюзов, которые и должны были урегулировать конфликт с работодателями.

Исполком профсоюзов почему-то забыл распространить обязательность своих решений и на работодателей. В нескольких случаях локаутов профсоюз обращался в “Администрацию” с тем, чтобы она призвала работодателей “не закрывать заводы без уважительных причин”. Эти просьбы были оставлены без последствий. Дружине также было отказано в праве на обыски и аресты. В ее обязанности теперь входило только “совместное с полицией поддержание общественного порядка”. Любые действия дружинников, выходящие за эти рамки, строго наказывались.

Особое внимание профсоюзными лидерами было уделено безопасности военачальников и их окружения. Однажды несколько родственников генерала Лю Чжи были задержаны патрулем Дружины. Новоиспеченный “революционный генерал” Лю в прошлом был одним из тех военных диктаторов, которые прославились своими карательными акциями против рабочих. На следующий день утром к генералу от имени “Единых профсоюзов” поступило официальное извинение с просьбой простить грубое поведение дружинников, которые “нечаянно оскорбили честь и достоинство Ваших родственников, нарушители уже разоружены, исключены из Дружины и сейчас ожидают строго наказания”.

Итак, с национальными буржуями нельзя бороться, так как они революционны, и эта революционная буржуазия нужна для борьбы с империализмом - такова была установка Коминтерна, непреклонно исполнявшаяся КПК. Если же мы посмотрим, как шла борьба с империализмом, то увидим только, что, пока международные капиталисты вводили в Шанхай все больше и больше войск, рабочие лидеры были заняты бесчисленными заявлениями и жестами, направленными на то, чтобы убедить империалистов в своем нежелании вторгаться в иностранные концессии.

Призывать рабочих штурмовать концессии было в то время, без сомнения, преждевременно из-за военной неподготовленности. Но одно дело, сложа руки, уверять эксплуататоров, что те, кого они угнетают, не имеют к ним претензий, другое дело - вести основательную подготовительную к будущим сражениям с западными интервентами работу: на базе Рабочей дружины создать первые части будущей Красной армии со всем необходимым вооружением, заблаговременно перерезать все каналы снабжения, все коммуникации, связывающие концессии с остальной частью Китая. Намерение национальной буржуазии договориться с империалистами было в этот момент очевидно. Для заключения этого союза нужно было только сломать сопротивление рабочих. И что делает КПК? Может быть, оно организывает рабочих для широкого наступления на эксплуататоров? - Ничего подобного!

Руководители партии додумались до того, что специально во всех буржуазных газетах опубликовали следующее заявление: “По вопросу о будущем статусе иностранных концессий наша партия обязуется согласовывать свою позицию со всеми представителями НРА и деловых кругов во имя успешного дипломатического решения этого вопроса нашим правительством. КПК не будет агитировать за силовой захват концессии. Для поддержания общественного порядка наша партия обязуется соединить свои усилия со всеми конструктивными силами”.

“Доброжелательность” коммунистов осталась неоцененной империалистами. 7 апреля на территории Международной концессии американским патрулем была разогнана демонстрация текстильщиков. 8 апреля 200 британских солдат ворвались в один из университетов, чтобы провести там обыск. Восемь студентов было ранено и еще больше арестовано. Японские морские пехотинцы дежурили на всех заводах, принадлежащих японскому капиталу. Городской Исполком профсоюзов был весьма озабочен ситуацией на территории концессии. Еще в своем заявлении от 30 марта он провозглашал: “Нужно набраться терпения и ожидать результатов переговоров Национального правительства с мировыми державами. Мы должны верить в мирное решение этого вопроса... Мы должны широко вести пропаганду, чтобы рассеять беспочвенную панику: мы отнюдь не планируем незамедлительный возврат концессии. Этот вопрос всецело лежит в компетенции Министерства иностранных дел Национального правительства... В вопросах дипломатии мы идем нога в ногу с Национальным правительством”.

Через год один из ответственных чиновников Коминтерна по фамилии Миф так описывал ситуацию в руководстве КПК: “Шанхайские товарищи еще не избавились от влияния старой политики, они не могли и думать о создании революционного правительства без буржуазии... Для них было неколебимым правилом, что руководящая роль должна оставаться за буржуазией. Они не последовали за новым курсом Интернационала...”.

Новый курс? В чем он заключался и когда он был объявлен? Может быть речь шла о предсказаниях Сталина и Бухарина о неизбежности разрыва между буржуазией и пролетариатом? Но раз они так мудро предвидели это, то почему приказали рабочему классу плестись в хвосте буржуазии, пока та пинком не прогнала его? Революционное правительство без буржуазии? Но этого попытался требовать Троцкий и ему немедленно заткнули рот.

22 марта в своей статье “По поводу китайской революции” Троцкий так изложил свое видение ситуации:

“Чем шире территория национального правительства, чем более государственный характер принимает Гоминдан, тем он становится буржуазней. В этом отношении включение Шанхая в территорию национального правительства имеет прямо-таки решающий характер.

“Одновременно читаешь речи Калинина и Рудзутака, в которых излагается и повторяется та мысль, что национальное правительство есть “правительство всех классов населения

Китая” (буквально!). Таким образом, оказывается, что в Китае возможно существование сверхклассового правительства... а ведь Калинин и Рудзутак в этом вопросе полностью выражают политику Китайской компартии, т.е., вернее сказать, нынешнюю политику Коминтерна в китайском вопросе. Чем больше успехи национальной революции, тем большие опасности нас ждут при нынешней политике...

“По-видимому, руководители этой политики представляют себе ход развития так: сперва доведем дело до полной победы национальных войск, т.е. до объединения Китая; затем начнем отделять коммунистическую партию от Гоминдана. Концепция насквозь меньшевистская. Сперва совершим буржуазную революцию, затем... и пр. пр.

“Вопрос о полной организационной самостоятельности коммунистической партии, т.е. о выходе из Гоминдана, не должен более откладываться ни на один день. Мы и так ужасно запоздали...

“Можно ли продолжать дальше кокетничать с суньятсенизмом, который становится идейными оковами для китайского пролетариата и завтра станет (становится уже сегодня) главным орудием китайской буржуазной реакции?! Я думаю, что такое кокетничество преступно. Но для того, чтобы разрезать пуповину суньятсенизма, надо чтобы было кому ее резать. Нужна самостоятельная коммунистическая партия. На этом произойдет несомненно революционный отбор внутри самой коммунистической партии, т.е. ее большевизация не на словах, а на деле.

“Ссылки на национальный гнет, в оправдание меньшевистской политики, абсолютно несостоятельны. Прежде всего, приходится вспомнить, что весь Второй Интернационал, требуя единства большевиков не только с меньшевиками, но и с эсерами, исходил из гнета царизма. Как будто борьба против царизма или против национального гнета не есть классовая борьба!...

“Мне кажется, что надо снова, ...поставить этот вопрос перед политбюро. (...) Можно ли молчать, когда дело идет буквально о голове китайского пролетариата?”, - этим вопросом закончил свою статью Троцкий. Можно ли? Оказалось, что можно. Статья Троцкого не была опубликована, а политбюро продолжало напутствовать китайских коммунистов в духе “блока четырех классов”.

Сталин гордился тем, что он умеет “выжимать лимон”, т.е. использовать временных союзников. У него оставался еще большой “лимон” на Севере по имени Фэн Юйсян, еще не использованный им. По замыслу Сталина, Чан должен был “направить армию” на “ликвидацию компрадоров и реакционных генералов - марионеток империалистов”. Правда, генерал Чан в это время активно собирал средства с бизнесменов, чтобы помочь империалистам перебить революционных рабочих. Может быть, неопытный генерал не осознавал, что им руководят умелые руки из Москвы? Во всяком случае для Сталина ни о каком выступлении вооруженных рабочих в Китае не могло быть и речи. Сталин всегда предпочитал договариваться и хитрить, прямые действия масс не входили в его

политический арсенал.

На этом благодушном фоне произошел инцидент с Первой дивизией. Первая дивизия НРА, стоявшая тогда в Шанхае, была самой революционной частью во всех войсках Чана. В начале апреля дивизия по приказу Чан Кайши должна была перебраться в другой город. Командир дивизии сразу же пришел к руководителям КПК в Шанхае за советом. К тому моменту большинство членов ЦК уехало в Ухань по решению Войтинского, чтобы помочь укрепиться Национальному правительству. В Шанхае осталась небольшая группа членов ЦК во главе с Чжоу Энлаем и сам эмиссар интернационала. Комдив их спрашивал: “Мне приказывают уйти из города, что делать?”, он предлагал арестовать Чан Кайши как контрреволюционера и заговорщика. Члены ЦК колебались, Войтинский отмалчивался. На предложение комдива они не ответили ни да, ни нет. Они посоветовали ему всячески тянуть время. Но Чан оказался не дурак, и 1-й дивизии в категорической форме было приказано немедленно покинуть город. Командир дивизии повторно обратился к коммунистам, и на этот раз они приняли решение. От имени КПК и самого Войтинского коммунисты обратились к Чан Кайши с просьбой оставить Первую дивизию в Шанхае, и получили вежливый, но холодный отказ. Решающий момент был упущен. Первая дивизия сперва была выведена из рабочего района Джабэ, а потом на поезде вывезена из города. Солдаты с недоуменными физиономиями покидали Шанхай. Но они не сопротивлялись, так как авторитет КПК среди них был чрезвычайно высок. От партии не поступило приказа о сопротивлении, значит так и надо. В рабочий район перевели войска генерала Чжоу Фунчи, который был одним из реакционеров и записался в НРА буквально несколько дней назад.

В первую неделю апреля, начались разрозненные нападения на вооруженных рабочих Шанхая, несколько подразделений Дружины были разоружены. Районные помещения КПК подвергались обыскам, многие коммунисты были арестованы. Горком Гоминдана Шанхая, в котором состояли одни коммунисты, был разогнан приказом Чана. 5 апреля 19 коммунистов - политработников в НРА были арестованы как контрреволюционеры.

На все срочные запросы КПК Чан Кайши спокойно отвечал, что “некоторые политработники поощряют реакционные силы, готовят реванш империалистов”. В конце первой недели апреля один из офицеров генерального штаба НРА коммунист Чан Иолян получил от сочувствующих офицеров предупреждение о секретном плане подавления рабочих силами НРА. Информация была немедленно передана ЦК КПК в лице Чжоу Энлая. Чжоу приказал: “Организовать в наших газетах несколько статей против Чан Кайши, но его фамилию непосредственно указывать не надо”.

5 апреля в Пекине солдаты маньчжурского диктатора Чжан Цзолина ворвались в Советское посольство и арестовали спрятавшихся там 19 руководителей северных организации КПК. Впоследствии они были повешены. Чан Кайши в своей протестной телеграмме пекинским властям возмущенно заявил: “Это неслыханное насилие!”. В своей телеграмме советскому послу он написал: “Примите мое искреннее сочувствие и чистосердечное пожелание скорейшего освобождения арестованных борцов с империализмом”.

За две-три недели до запланированного переворота Чан Кайши не скупился на дружественные жесты в адрес КПК, профсоюзов, ВКП(б), Коминтерна и мировой революции вообще. Рабочая дружина получила от него почетное знамя с надписью “Вместе победим!”. Одновременно Чан приказал своим подчиненным “разоружать все незаконные вооруженные формирования в городе, нарушители порядка должны наказываться по законам военного времени”. Маскарад должен был скоро закончиться.

Лидер правых гоминдановцев У Чжэхой в своем публичном выступлении заявил: “Мы терпеливо относимся к коммунистам, исходя из соображений единства всех сил национальной революции. Но коммунисты, которые работают на революцию, не должны пропагандировать свой русский коммунизм. Такой принцип также относится к советским консультантам. Если красные элементы воображают, что они могут от имени национальной революции реализовывать свою абсурдную выдумку о классовой конкуренции (так было в выступлении У), которая натравливает китайцев друг против друга, то нам придется немножко поломать им шею...”. Г-н У произнес эту речь уже в качестве главы временной Мэрии Шанхая, назначенного Чан Кайши.

В частях НРА, подконтрольных Чану, спешно проводилась чистка. Проклятое массовое движение за последние два года заразило столько военных своей “русской краснухой”, что приходилось расформировать целые корпуса НРА! Второй и Шестой корпуса, расквартированные в г. Нанкин, находились под влиянием коммунистов. Командир Второго корпуса по фамилии Лу в начале апреля сообщил одному из членов ЦК КПК, инспектировавшему партийную работу Нанкина: “Нас хотят расформировать. Видимо, Чан хочет совершить контрреволюционный переворот. Немедленно отрубить голову (так было в тексте) Чану? У меня все войска готовы выступить против Чана”. Инспектор доложил о запросе Лу лидерам партии в Шанхае: Чен Дусю, Чжоу Энлаю и Ло Инону. Те были согласны на выступление, но нужно было еще одобрение большинства ЦК КПК, уже находившегося к тому времени в Ухане. Через пару дней из Ухана ответили так: “Не подавайтесь на провокацию!”. Что делать, как Лу со своими войсками реагировать на приказ Чана о расформировании, в ответе не было ни слова. Оказалось, что эмиссар Интернационала в Шанхае Войтинский и представитель ВКП(б) в Ухане Бородин категорически возражали против предложения командира Второго корпуса. Наоборот, они предлагали Чен Дусю вместе с Ван Тинвэем выступить перед общественностью, чтобы стабилизировать ситуацию, а также торопили Чена скорее приехать в Ухань, чтобы усилить борьбу левых гоминдановцев против правых. После этого и появилось пресловутое “Совместное заявление Чен Дусю и Ван Тинвэя”, а Чен уехал в Ухань.

Но стоит заметить, что сами Войтинский и Бородин предпочли отмолчаться: на запрос комкора Лу эмиссары публично никак не отреагировали. Видимо, чтобы потом отделаться по принципу “нас не правильно поняли...”.

К этому моменту лихорадочная мобилизация боевиков шанхайской “Триады” завершилась. Их снабдили оружием советского производства со складов войск генерала Бэ Цунси. Во время расквартирования своих войск в Шанхае генерал Бэ лично контролировал сочинение

лозунгов, расклеиваемых на стенах казарм. Со временем их содержание менялось следующим образом:

6 апреля: “Долой империализм! Искореним феодальный режим!”.

7 апреля: “Долой контрреволюционеров - противников учения Сунь Ятсена!”.

8 апреля: “Долой контрреволюционеров - вредителей национальной революции!”.

9 апреля: “Долой реакционных подстрекателей в тылу!”.

10 апреля: “Да здравствует временная Мэрия Шанхая!”.

11 апреля: “Рабочие! не поддавайтесь на провокации! Ради вас мы, революционные солдаты, сражаемся на фронте!”.

12 апреля: “Быть единому революционному фронту рабочих, крестьян, студентов, солдат и купцов! Быть революционному учению Сунь Ятсена”!

12 апреля Чан Кайши дал сигнал своим войскам и боевикам “Триады” выступить...

Глава 9 Переворот 12 апреля 1927 года

12 апреля в четыре часа утра из здания штаба Чан Кайши раздался длинный сигнальный гудок армейской трубы. Одновременно на одном из китайских военных кораблей, курсировавшем вблизи Шанхая включили гудок. Этому дуэту в разных частях города начали подпевать звуки пулеметных очередей. Все это вызвало недоумение только у рабочих людей, так как все заинтересованные лица до полуночи были информированы о предстоящих событиях.

Боевики “Триады” действовали по заранее разработанному сценарию: у всех у них должна была быть такая же форма как у Рабочей дружины, на левой руке - белая повязка с иероглифом “рабочий”. Эта маскировка дала повод буржуазным СМИ назвать боевиков “вооруженными рабочими из Гоминдана”. По замыслу организаторов переворота все должно было выглядеть как борьба Гоминдановских рабочих с “красными бандитами”.

На помощь боевикам пришли войска Чана, исполнявшие в городе обязанности полиции. Первые удары “мафиозно-правоохранительных сил” были направлены на штабы рабочих организаций, разбросанные по всему Шанхаю. С короткими боями, а где-то и без, большинство этих штабов было захвачено. Вся операция была проведена молниеносно. Пленных дружинников немедленно расстреливали прямо на улицах города или вблизи штаба Чана.

В случаях упорного сопротивления со стороны рабочих, применялась другая тактика. Во время нападения на центральный штаб Единых профсоюзов Шанхая дружинники в течение 20 мин. разбили на голову нападавших боевиков, которых насчитывалось около 60 чел. К этому времени подоспела рота солдат из Второй дивизии “Национально-революционной армии” якобы на помощь профсоюзам. Командир роты на глазах у рабочих приказал разоружить боевиков и даже их крепко связать. После этого его впустили в здание. Офицер предложил лидерам профсоюзов вместе пройти в штаб Чана для дальнейшего разбирательства данного инцидента. Ему поверили. Начальник дружины Гу Шэнчжан пошел с ним. Пройдя несколько сот метров, офицер вдруг заявил доверчивому Гу: “Простите, но я должен и вас разоружить”. Гу недоумевал и начал протестовать. Но было поздно. Несколько минут спустя, отряд боевиков из двух сотен человек ворвался в здание центрального штаба Единых профсоюзов при полном бездействии солдат. Штаб профсоюзов пал.

Гу Шэнчжан и его заместитель Чжоу Энлай в царящей неразберихе сумели вырваться и... пошли жаловаться в штаб Второй дивизии: так, мол, и так, Ваши подчиненные нарушают дисциплину. В штабе, к их счастью, люди были настолько заняты истреблением коммунистов, что не сообразили арестовывать двух добровольно явившихся на убой. Гу и Чжоу, просидев некоторое время в штабе, сумели незаметно покинуть его и скрыться. К шести часам утра последней позицией рабочей дружины было главное здание типографии “Щань У”. Его обороняли четыреста вооруженных рабочих. На призыв армейских

офицеров вступить в переговоры рабочие ответили залпом из ружей, после чего армия приступила к штурму здания. Теперь все политические маски окончательно были сброшены. Непрерывные артиллерийские удары наносились по позициям дружинников, у которых было всего несколько пулеметов и пятьдесят винтовок. Эти не оставившие своих имен в истории рабочие-герои живыми так и не сдались. После полудня солдаты осторожно вошли в развалины бывшей типографии. По данным полиции Международной Концессии, во время утренней операции боевиков Чана было убито примерно четыреста рабочих, не считая “пропавших без вести”; среди “пропавших” числился и председатель единых профсоюзов Шанхая Ван Шаохуа. В последствие правительство Чана признало, что Ван был тайно похищен и убит киллерами “Триады” в ночь с 11 на 12 апреля 1927 года.

Чен Чион, “авторитет” уголовного мира и по совместительству начальник политуправления одного из корпусов Чана, был назначен ответственным за “реорганизацию” профсоюзов. В связи с этим Чен сделал угрожающее заявление: “Политика правительства направлена на добровольное сотрудничество рабочих с революционной армией. На те несознательные элементы, которые будут упорствовать в своей контрреволюционной деятельности, у правительства найдется управа”.

Спешно созданная Чен Чионом “Конфедерация Труда” немедленно начала конфисковать имущество прежних профсоюзов. Конфедерация провозгласила себя “истинно рабочей организацией”: “Прежние так называемые “Единые профсоюзы” являлись верхушечной конторой, под контролем красных экстремистов. Эти лжепрофсоюзы обманом и запугиванием заставляли рядовых тружеников быть пешками в их безумных планах. Спекулируя на идее рабочей солидарности, эти штрейкбрехеры предавали интересы рабочих ради своих политических амбиций... Из-за стачек число людей, ставших безработными, все увеличивалось, профбоссы ни сколько не заботились о них, продолжая использовать народные массы в своих корыстных целях... Наши новые рабочие профсоюзы ставят перед собой цель реализации революционного учения Сунь Ятсена, суть которого в защите коренных интересов рабочего класса. Недалек тот день, когда процветающий Китай займет достойное ему почетное международное положение... Банда вышибал, или так называемая “Рабочая дружина” из “Единых профсоюзов” разоружена и большее не сможет терроризировать народ. Все рабочие люди теперь свободны от их притеснений и могут спокойно пройти регистрацию в рабочие профсоюзы...”.

Организация Компартии в Шанхае была сильна и многочисленна, но настолько запутана политически, что имела глупость составить очередное обращение в адрес Чан Кайши в разгар ведущегося им истребления коммунистов. Шанхайский горком партии в своем обращении просил Чана “вернуть оружие рабочим, на деле, а не на словах защитить рабочие организации”. Одновременно коммунисты обратились к генералу Бю Ционси, напоминая, что “Рабочая дружина на свой страх и риск содействовала Национально-революционной армии в освобождении Шанхая от марионеток империалистов... Общественный порядок в городе в последнее время поддерживали совместно армейские и рабочие отряды, что было целиком одобрено главнокомандующим Чаном. От товарища Чана рабочие организации Шанхая получили почетное знамя с

подписью лично тов. Чана “Вместе победим!”...”. В конце обращения коммунисты осторожным тоном просили генерала Бэ вернуть дружине оружие.

Вечером 12 апреля в рабочих районах коммунисты организовали митинги, на которых их ораторы перечисляли заслуги шанхайских рабочих перед Национальной революцией: “В последние годы рабочие постоянно помогали укреплять Национальное правительство, недавно помогли ему отвоевать Шанхай... рабочие всегда подчинялись дисциплине и делали все, чтобы ее не нарушали и другие”. В резолюциях митингов содержалось обращение к военным с требованием “обязательно вернуть оружие, изъятое у Рабочей дружины”. На следующий день Единые профсоюзы Шанхая объявили всеобщую стачку с призывом “Будем бороться за революцию до конца! Не поддадимся на провокацию! Рабочие и Революционная армия едины! Все на манифестацию к штабу Второй дивизии! Умрем, но сохраним единый фронт!”. В чем причина такого политического маразма? - В тактике, принятой в этот роковой момент теми членами ЦК КПК, которые находились в это время в Шанхае при непосредственном руководстве эмиссара Коминтерна Войтинского. Она заключалась в следующем: ни в коем случае не вступать в конфликт с частями НРА; как можно скорее объясниться с командованием революционной армии по поводу происшедшего недоразумения; продолжать борьбу с правым крылом Гоминдана путем усиления единого фронта рабочего класса с Революционной армией.

На призыв коммунистов к стачке откликнулось свыше 100 тыс. рабочих. Руководство в этот момент было озабочено только одним - как можно лучше выполнить последнюю директиву из Москвы. За их беспомощность в революционное время пролетарии будут расплачиваться своими головами.

Полдень 13 апреля. Митинг состоялся в рабочем районе Жабэй. На митинге приняли резолюцию с требованием возвратить оружие, наказать виновных в погроме рабочих организаций и действительно защитить профсоюзы. Под сильным дождем митингующие отправились к штабу Второй дивизии передать принятую резолюцию.

Вторая дивизия уже ждала их. Когда толпа подошла к штабу, пулеметчики с двух сторон улицы перекрестным огнем одним мигом уложили сотни людей. Солдаты, выскакивая из соседних переулков, стреляли в спасающихся бегством. По словам одного очевидца, “все, кто пытался оказывать сопротивление, были убиты на месте или ранены. Многие притворялись мертвыми. Менее, чем за час улица была расчищена от манифестантов”.

Чан Кайши объяснил прессе свой поступок исключительно чувством долга перед революцией: “коммунисты-наймиты империалистов были в сговоре с северными реакционерами. Была попытка контрреволюционного переворота. Мы ее сорвали”.

Империалисты активно содействовали в эти дни “Революционной армии” в ее борьбе с “наймитами империализма”. Полиция Международной Концессии плотно работала с боевиками “Триады”, благо начальник у них был один - Рябой Хуан. Броневики британских частей и японские морские пехотинцы бок о бок патрулировали заводские кварталы.

Повальные обыски на частных квартирах проводились день и ночь. Арестовывалась масса людей с последующей передачей их военно-полевым судам. Эти суды были созданы приказом Чана, объявлявшим чрезвычайное положение. Государственный террор обрушился на революцию.

Белый террор был нацелен прежде всего на рабочих и коммунистов. Но репрессивная машина вскоре коснулась и представителей имущих классов.

Чем больше звереет “революционный генерал”, тем чаще его удары попутно задевают и “приличное общество”: “Масштабную чистку красных в Шанхае давно пора приостановить..., - слышим жалобный голос банкиров, - благонравные горожане до сих пор живут в страхе быть обвиненными в экстремизме. Под предлогом борьбы с коммунистами вымогают у пристойных семей огромные суммы денег на военные расходы... Наши жалобы никто не слушает, закон бездействует... Сегодня даже миллионеры не имеют гарантии, что завтра их не арестуют, как коммунистов. Опасность красной анархии раздули до такой степени, что никто уже не находится в полной безопасности от тяжелой руки военно-полевых судов”.

“В Шанхае, предприниматели находятся в жалком состоянии, - так комментировала ситуацию в Китае американская пресса. - При диктатуре генерала Чан Кайши, никто не знает, что с ним будет завтра: конфискация имущества, добровольно-принудительные займы на военные расходы, тюремное заключение, а кого-то и расстреляют.. Военная власть отдала команду реорганизовать Генеральную Торговую Палату Шанхая и другие общественные организации деловых кругов. Все неудобные члены правлений этих организаций “переизбираются” так, как это было в случае с профсоюзами, после чего кто-то из них попадает в темницу, кого-то ставят к стенке. На Юге добропорядочные социальные слои находятся буквально вне закона, словно красные бандиты, что это, если не самый настоящий беспредел?”.

Когда ожидаемые 30 млн. юаней кредита для правительства Чана задерживались, южные “олигархи” немедленно были предупреждены людьми из окружения Чана: “Делитесь! А то сядете!”. Текстильный король Жон Зонтин не пожелал откупиться и тут же был отправлен в КПЗ. Генерал не любил шутить с деньгами. Свобода Жона стоила ему 250 тыс. юаней.

Так же, как французская буржуазия в 1852 г., китайская буржуазия нуждалась в кулаках уличных бандитов, чтобы справиться с “вирусом краснухи”. Но ей – как 75 лет назад французским капиталистам -пришлось столкнуться с тем, что эти кулаки порой попадают по ее собственной физиономии. История повторилась: “Она обоготворила саблю - сабля господствует над ней. Она уничтожила революционную печать - ее собственная печать уничтожена. Она отдала народные собрания под надзор полиции - ее салоны находятся под полицейским надзором. (...) Она ввела осадное положение - осадное положение введено по отношению к ней. (...) Она ссылала без суда - ее ссылают без суда. Она подавляла всякое движение общества с помощью государственной власти - государственная власть подавляет всякое движение ее общества. (...) Буржуазия неутомимо кричала революции, как святой

Арсений христианам: “Fuge, tace, quiesce! Беги, умолкни, успокойся!”, - Бонапарт кричит буржуазии: “Fuge, tace, quiesce! Беги, умолкни, успокойся!” (К. Маркс “18 брюмера Луи Бонапарта”).

Если Чан Кайши вел себя как властелин, то только потому, что прекрасно справился с поставленной перед ним задачей. Та доля, которую он стал получать из общего “котла” буржуазных интересов, не шла ни в какое сравнение с теми капиталами, которые он сумел спасти для имущих классов от революции. Куда бы не пришла армия Чана, местные банкиры и купцы моментально “консолидировались” вокруг нее. Они знали, что делают.

Во всех промышленных центрах на Юге после Шанхайского переворота с коммунистами расправлялись такими же варварскими методами. Рабочие организации этих городов были застигнуты врасплох, растерялись и поддались панике так же, как их шанхайские товарищи.

Накануне Шанхайского переворота лидеры Коминтерна в своей прессе поставили Гоминдану следующий политический диагноз: “Болезнь заключается в нехватке в его организме крови рабочих и крестьян. Компартия обязана немедленно сделать такое вливание, чтобы резко переломить ситуацию”. Страшные слова! Гоминдан действительно затребовал свою долю рабочей крови...

В Ухане информационные агентства сообщали, что из Нанкина Чан Кайши объявил о созыве “плenums ЦИК Гоминдана из “подлинных революционеров - учеников Сунь Ятсена””. На простом языке это означало, что образовался второй ЦИК Гоминдана из сторонников Чана. Какой ужас! Гоминдан раскалывается! Делегация Коминтерна, находящаяся в Ухане, спешно телеграфировала Чану: “Мы все время жаждали встретиться с Вами. Эта встреча до сих пор не состоялась из-за того, что члены нашей делегации находились в разных городах. Говорят, что Вы намерены созвать пленум ЦИК Гоминдана в Нанкине. Это явно нарушает Вашу договоренность с тов. Ван Тинвэем, согласно которой, все спорные вопросы, возникшие внутри революционного лагеря, разрешаются ЦИК Гоминдана. Очередной пленум состоится в Ухане, и Вы обязаны в нем участвовать. В нынешний тревожный момент, Ваш поступок (созыв нескольких членов ЦИК Гоминдана в Нанкине в качестве полномочного пленума) предоставляет нашим врагам повод раздувать слухи о мнимом расколе в Гоминдане. В данный момент международный империализм настолько мощно наступает на Национальную революцию Китая, что единство революционного лагеря важно как никогда... Мы просим вас отказаться от этого непродуманного решения, которое может поставить Гоминдан на грань раскола. Ответственность за раскол революционного лагеря, таким образом, будет на Вашей совести. Если Вы согласны следовать прежней договоренности с Ван Тинвэем, мы готовы приехать в Нанкин, чтобы детально обсудить с Вами все спорные вопросы между Вами и Уханем. Коммунистический Интернационал прилагает все усилия, чтобы сохранить единый фронт Национальной революции”.

13 апреля 1927 г.

подпись: М. Н. Рой кланяется.

В Москве, представители национальных секций Интернационала не были осведомлены о последних событиях в Китае; их рядовые товарищи по секциям и подавно понятия не имели о подлинных лицах “революционных” генералов Гоминдана. Весь день 13 апреля советская столица жила слухами о перевороте, происшедшем в далеком Китае. Вести о шанхайской резне буквально потрясли Москву. Прошел день, а официальной позиции Москвы по этому поводу не было заявлено. 14 апреля: корреспонденты мировых агентств из Москвы с нескрываемым злорадством сообщали о том, что “после долгого и упорного отрицания слухов о расколе Чан Кайши с экстремистским крылом Гоминдана сегодня Советский режим подтвердил этот факт. Советы огорчены и встревожены кровавыми конфликтами “Национально-революционной армии” с вооруженными рабочими на Юге Китая”.

Руководство Коминтерна было в шоке. Вплоть до дня переворота пресса Интернационала решительно выступала против “нападок империалистов на доброе имя товарища Чан Кайши”. В силу инертности бюрократической машины компания в защиту Чана продолжалась и после переворота. 16 апреля в ЦО Коминтерна была опубликована статья Тельмана, лидера Компартии Германии, в которой он приветствовал “разгром правых сил в Гоминдане”. Тельман писал так: “Чан Кайши не может не подчиниться Верховному Военному Совету, а этот Совет состоит из коммунистов и левых Гоминдановцев”. Коммунисты и левые Гоминдановцы, по словам Тельмана, направляют совместные усилия “для создания демократической диктатуры всех революционных классов китайского народа”. В конце своей статьи Тельман издевался над “иллюзией” империалистов на счет возможного предательства Чана.

Четыре дня спустя после переворота в ЦО Коминтерна была опубликована статья Виктора Стона из Праги, где говорилось: “Крахом закончились мечты империалистов о расколе Гоминдана и сговоре Чан Кайши с северными реакционными генералами. Ложь чистой воды, не имеющая под собой никакого основания”. В этот же день вышел “специальный выпуск” этой газеты, посвященный китайским событиям. Передовая статья “Предательство Чан Кайши” этого спецвыпуска была написана тем же самым Виктором Стоном из Праги.

23 апреля. Пришедшее в себя руководство Коминтерна снова обрело уверенный тон в своих речах, и заявило: “Измена Чан Кайши не была для нас неожиданностью”.

Сохраняя хорошую мину при плохой игре, Сталин торжественно заявил: “(Последние) события полностью подтвердили правильность тактики Коминтерна”. Этому наглому заявлению хором подпевала коминтерновская пресса, обратившая теперь свой огонь на “предателя Чана”.

В Пекине журналист Walter Duranty писал в это время свою пророческую статью, ставшую впоследствии знаменитой. В ней он пришел к следующему выводу: “Видимо, московские лидеры Коминтерна решили любой ценой восстановить единство в рядах Гоминдана, даже

если ради этого им понадобится отдавать радикальных коммунистов на съедение сторонникам умеренной линии”.

Коммунисты и рабочие тысячами погибали во имя единства. Они его получили - единство всех эксплуататоров против всех эксплуатируемых. Логика классовой борьбы оказывается сильнее, чем непререкаемый авторитет Москвы. Наступил час расплаты Коминтерна за свой “Блок четырех классов”, который оказался чудовищной западней для китайского пролетариата. А тем временем банкиры и генералы праздновали свою победу, превознося друг перед другом свои заслуги в усмирении черни и пытаясь отхватить куски пожирнее.

Глава 10 Гоминдан раскололся: что дальше?

Шанхайский переворот нанес революции жестокий, но не смертельный удар. Громадный подъем массового движения весной-летом 1927 г. в центральном регионе Китая был еще достаточно грозной силой. Аграрное движение в деревне, рабочее движение в городах захлестнуло две наиболее активные провинции этого региона : Хунань и Хупэй. В Шанхае, несмотря на все репрессивные меры, пущенные в ход против массовых организаций, буржуазия была готова в любой момент удрать куда подальше. Режим Чан Кайши был хрупок, ему не до конца доверяли международный капитал и его китайские партнеры. “Решил ли наш генерал окончательно порвать с коммунистами? Не обыгрывает ли нас этот авантюрист?”, - так ставили вопрос в шанхайской прессе западные и китайские банкиры. Их смущала антиимпериалистическая риторика, продолжавшая господствовать в официальной пропаганде Чана.

Ведущая газета деловых кругов Шанхая в своей передовице от 26 апреля предостерегающе, но любя наставляла Чан Кайши: “Мы отнюдь не недооцениваем далеко идущий замысел в действиях генерала. Но по нашему глубокому убеждению, генерал и его соратники непременно должны сделать главное - окончательно раздавить красную гадину! У Чана, надеемся, хватит твердости и решимости выполнить эту миссию. Нам, конечно, хорошо известна пословица “Рим построился не за один день”. Генералу, без сомнения, предстоит совершить титаническую работу, чтобы доказать себя как человека дела”.

Положение армии Чана в это время было очень тяжелым. Ряды НРА раскололись, значительная часть осталась верна национальному правительству в Ухане. Новое контрнаступление северных противников вытесняло его войска из ряда крупных городов, а г. Нанкин, где находилась резиденция Чан Кайши, постоянно обстреливался. Оставшись без поддержки массового движения, “непобедимая” Национально-революционная армия начала терпеть поражение за поражением. Нарастало явное недовольство среди солдат. В этот момент было достаточно одного крепкого ответного удара, чтобы свалить режим Чана.

Массовое движение было все еще очень и очень сильно и способно добиться многого. В этом не сомневались Чан Кайши и его друзья-банкиры, и они активно готовились к новой схватке. А массы? Массы были хорошо организованны, зато их горе-руководители из КПК решительно ничего не предпринимали без оглядки на Москву. Шанхайские события должны были быть ими изучены самым пристальным и детальным образом, чтобы иметь ответы на вопросы “кто виноват?” и “что делать дальше?”. Без этого вся дальнейшая работа по организации массового движения потеряла бы смысл. И тем не менее...

21 апреля в газете “Правда” в Москве были опубликованы тезисы Сталина о вопросах китайской революции. Иосиф Виссарионович превозносил “победу” политики Коминтерна. Он писал: “Это была линия на дальнейшее развёртывание революции, на тесное сотрудничество левых и коммунистов внутри Гоминдана и в составе национального правительства, на укрепление единства Гоминдана и одновременно — на разоблачение и

изоляция правых гоминдановцев, на подчинение правых дисциплине Гоминдана, на использование правых, их связей и их опыта, поскольку они подчиняются дисциплине Гоминдана, или на изгнание правых из Гоминдана, поскольку они ломают эту дисциплину и изменяют интересам революции.

Последующие события целиком подтвердили правильность этой линии”.

По мнению Сталина, вся надежда теперь оставалась только на Левый Гоминдан. Под руководством левого крыла Гоминдана китайские рабочие и крестьяне должны довести войну с империалистами до победного конца. Сталин считал, что “переворот Чан Кайши знаменует собой отход национальной буржуазии от революции, нарожение центра национальной контрреволюции и сделку правых гоминдановцев с империализмом против китайской революции.

“Переворот Чан Кайши означает, что в южном Китае отныне будут два лагеря, два правительства, две армии, два центра — центр революции в Ухане и центр контрреволюции в Нанкине...

“Но из этого следует, что политика сохранения единства Гоминдана, политика изоляции правых внутри Гоминдана и использования их для целей революции уже не отвечает новым задачам революции. Эта политика должна быть заменена политикой решительного изгнания правых из Гоминдана, политикой решительной борьбы с правыми, вплоть до полной их политической ликвидации, политикой сосредоточения всей власти в стране в руках революционного Гоминдана, Гоминдана без правых его элементов. Гоминдана, как блока между левыми гоминдановцами и коммунистами.

“Из этого следует, далее, что политика тесного сотрудничества левых и коммунистов внутри Гоминдана приобретает на данном этапе особую силу и особое значение, что это сотрудничество отражает складывающийся союз рабочих и крестьян вне Гоминдана, что без такого сотрудничества невозможна победа революции.

“Из этого следует, дальше, что основным источником силы революционного Гоминдана является дальнейшее развёртывание революционного движения рабочих и крестьян и укрепление их массовых организаций революционных крестьянских комитетов, профсоюзов рабочих и других массовых революционных организаций, как подготовительных элементов Советов в будущем...”.

Идея о Советах неактуальна на данном этапе Китайской революции, и Сталин объясняет почему:

“Оппозиция требует немедленного создания Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в Китае. Но что значит создать Советы теперь?

“Во-первых, их нельзя создать в любой момент, — они создаются лишь в период особого

подъёма революционных волн.

“Во-вторых, Советы создаются не для болтовни,— они создаются прежде всего как органы борьбы против существующей власти, как органы борьбы за власть. Так было дело в 1905 году. Так было дело в 1917 году.

“Но что значит создание Советов в данный момент в районе действия, например, уханского правительства? Это значит дать лозунг борьбы против существующей власти в этом районе. Это значит дать лозунг к созданию новых органов власти, дать лозунг борьбы против власти революционного Гоминдана, куда входят и коммунисты, блокирующиеся с левыми гоминдановцами, ибо никакой другой власти, кроме власти революционного Гоминдана, нет теперь в этом районе.

“Это значит, далее, смешивать задачу создания и укрепления массовых организаций рабочих и крестьян в виде стачечных комитетов, крестьянских союзов и комитетов, советов профсоюзов, фабрично-заводских комитетов и т.д., на которые уже теперь опирается революционный Гоминдан, с задачей создания советской системы, как нового типа государственной власти, взамен власти революционного Гоминдана”.

Почему шанхайские рабочие не смогли дать бой перевороту Чана? Сталин заявил, что вопрос сам по себе нелеп:

“Оппозиция недовольна, что шанхайские рабочие не приняли решительного боя против империалистов и их приспешников.

“Но она не понимает, что революция в Китае не может развиваться быстрым темпом, между прочим, потому, что международная обстановка теперь менее благоприятна, чем в 1917 году (нет войны между империалистами).

“Она не понимает, что нельзя принимать решительный бой при невыгодных условиях, когда резервы еще не подтянуты, так же как, например, большевики не приняли решительного боя ни в апреле, ни в июле 1917 года.

“Оппозиция не понимает, что не избегать решительного боя в невыгодных условиях (когда его можно избежать), — значит облегчить дело врагов революции”.

Разумеется, коммунистам ни в коем случае уйти из Гоминдана нельзя:

“Оппозиция считает нецелесообразным участие компартии в Гоминдане. Оппозиция считает, стало быть, целесообразным уход компартии из Гоминдана. Но что значит уход компартии из Гоминдана теперь, когда вся империалистическая свора со всеми ее прихвостнями требует изгнания коммунистов из Гоминдана? Это значит покинуть поле битвы и бросить своих союзников в Гоминдане на радость врагам революции. Это значит ослабить компартию, подорвать революционный Гоминдан, облегчить дело шанхайских

Кавеньяков и отдать знамя Гоминдана, самое популярное из всех знамен в Китае, в руки правых гоминдановцев”.

До 1929 г. вся дискуссия между большинством ЦК ВКП(б) илевой оппозицией, в частности по Китайской революции, так и не стала достоянием не только широких китайских масс, но даже таких лидеров КПК, как Чен Дусю. Китайские коммунисты смутно слышали, что против большевиков выступают несколько бузотеров - бывших меньшевиков. В то же время статьи Сталина и Бухарина перечитывались ими от первой до последней строки.

В более грубой форме защищали официальную политику Коминтерна новоиспеченные “большевики” из национальных секций. Один из них, E. Eichenwald, доказывал, что “болтовня о том, что якобы ничего не было предпринято, чтобы предупредить возможную измену Чана, это ложь... КПК проводила широкую кампанию по разоблачению Чан Кайши буквально накануне его предательства... Компартия активно старалась вооружать массы... Конечно, можно и нужно разобраться, были ли принятые меры достаточными. Но призыв к шанхайским и нанкинским массам предотвратить готовящееся предательство Чан Кайши был бы безумием. Это красивый, но пустой жест, не более того. Только левацкие болтуны могут пойти на этот безответственный, если не сказать безмозглый шаг. Когда в Шанхае стояло несколько десятков тысяч иностранных войск и несколько десятков их военных кораблей, ни в коем случае нельзя было поддаваться на провокацию! Вот что главное. Нужно было выждать более выгодный для нас момент. Переворот Чана происходил при всестороннем содействии империалистов как в политическом, так и в военном отношении. Как можно после этого говорить о каком-то “предотвращении”? Понимают ли эти демагоги, что несут?...”.

Бухарин в своей статье, опубликованной сразу после шанхайского переворота пророчил: “После того как массы поймут, что именно Компартия давно ведет кампанию против правых реакционеров в Гоминдане, авторитет КПК наверняка повысится”. Слегка осудив КПК за то, что она “зря спрятала оружие”, Бухарин добавил: “Нам надо признать тот факт, что, даже если китайские коммунисты сделали бы все, что от них зависело, на данном этапе они все равно не победили бы... За один день империалисты потопили бы рабочее выступление в крови”.

Уханьское правительство, по мнению лидеров Коминтерна, “не только ведет борьбу с империализмом и его китайскими марионетками - генералами, но и с пережитками феодализма... В его намерения входит демократизация Китая и создание власти трудящихся масс... Оно уже поставило в повестку дня аграрный вопрос”. Одним словом, Гоминдан почти стал “коммунистическим Гоминданом”.

27 мая Троцкий в своей статье “Пора понять, пора пересмотреть, пора изменить” отметил, что “...после того, как национальная буржуазия, использовав Гоминдан и нашу политику в Гоминдане, разгромила рабочих, так называемый левый Гоминдан, которому по-прежнему

подчинена компартия, обращается с воззваниями, в которых провозглашает, что “крестьяне, рабочие, предприниматели, купцы – все являются союзниками национальной революции... Гоминдан ставит перед собой задачу не только освободить рабочих и крестьян, но и промышленников и купцов от угнетения”. Именно поэтому левый Гоминдан требует от рабочих соблюдения “революционной дисциплины” - по отношению к промышленникам и купцам. Левый Гоминдан запрещает профессиональным союзам арестовывать контрреволюционера, - как он запрещает крестьянам захватывать помещичью землю. Сбитая нами с толку китайская компартия помогает в этом Гоминдану.

Шаг за шагом события разбивают политику, основанную на иллюзиях, на соглашательстве, на игнорировании классовой борьбы, на блоке четырех классов...”.

Резолюции Бухарина Троцкий противопоставил в этой статье следующие лозунги:

“Крестьянам и рабочим не верить вождям левого Гоминдана, а строить свои Советы, объединяясь с солдатами.

Советам вооружать рабочих и передовых крестьян.

Коммунистической партии обеспечить свою полную самостоятельность, создать ежедневную печать, руководить созданием Советов.

Земли у помещиков отбирать немедленно.

Реакционную бюрократию искоренить немедленно.

С изменяющими генералами и вообще контрреволюционерами расправляться на месте.

Общий курс держать на установление демократической диктатуры через советы рабочих и крестьянских депутатов”.

Эта статья не была опубликована...

Оставим московскую дискуссию пока в стороне и посмотрим, кто есть кто в этом “Левом Гоминдане”.

Ван Тинвэй. Самый что ни на есть отъявленный болтун, любитель резких фраз и пустых обещаний. Еще год назад в Кантоне решительный Чан без особого труда заставил его спешно эмигрировать в Европу. Только недавно коммунисты с трудом уговорили его вернуться, чтобы возглавить революцию.

Сюй Цзянь. Одновременно он являлся истовым приверженцем Конфуцианства и “истинным христианским коммунистом”. Сюй был известен тем, что сегодня он может призывать

народ “истребить всех империалистов до последнего”, завтра же он сбежит при первом же намеке на опасность.

Гу Мыньюй. Этот “революционер” еще в мае 1925 г. назвал аграрное движение “сборищем бандитов, бездельников и балбесов”. И он же на тот момент являлся главным редактором ЦО “Коммунистического Гоминдана”!

Сунь Ко. Сын покойного Сунь Ятсена. Товарищ Сунь Ко отличился умением одновременно придерживаться сразу нескольких противоположных взглядов. Даже его коллеги в ЦИК Гоминдана презрительно называли его “жуликоватым фокусником”.

Вот эти господа и были властным ядром “Левого Гоминдана” после измены Чана.

В Нанкине буржуазия нашла своего заступника в лице Чан Кайши. В Ухане эта самая буржуазия прибегала к услугам генерала Тан Шэенчжи. Тан был влиятельным землевладельцем в провинции Хунань. К тому времени Торговая Палата Уханя и все знатные люди уже находились под его защитой.

Американская левая журналистка Anna Loadist Strong однажды задала Бородину такой вопрос: “Кто в уханьском правительстве доминирует? Лидеры Гоминдана или же все-таки военные?”.

Бородин, по словам Strong, “громко засмеялся. Он сказал: “Вы когда-нибудь видели, как удав глотает кролика? Кролик всем телом дрожит, знает, что его съедят, но все равно не перестает делать какие-то движения, надеясь перехитрить удава. Вот в этом кролике все гоминдановские лидеры””.

Strong прокомментировала это так: “Он (Бородин) хотя и сотрудничал с этими радикальными интеллигентами, помог им создать уханьскую власть, но не питал иллюзий по поводу их политического мужества. Для этой публики Бородин был единственным источником решимости и воли “завершить революцию””.

Когда однажды мисс Strong на встрече с Бородиным и Чен Дусю сказала им, что в свое время она слишком поздно оказалась в России, чтобы участвовать в революции, “поэтому поспешила приехать в Китай”. Бородин весело сказал Чену, что “мисс Strong все время не везет. В Россию приехала поздно, в Китай рановато”.

Прессу всего мира - прежде всего коминтерновскую - захлестнуло море победных донесений из “красного Уханя”.

Один из представителей Коминтерна в Китае, член компартии Франции в газете “Юманите” писал следующее: “Сила революционного правительства и Гоминдана целиком заключается в поддержке рабочих и крестьянских масс... Единые профсоюзы и их трехмиллионные члены безоговорочно подчинены Национальному правительству. Союзы крестьян со своими

15 млн. членами поддерживают Национальное правительство... Все эти силы сплотились вокруг знамени Гоминдана, и борются за освобождение страны от империалистического угнетения, ликвидацию феодализма и реакционных генералов, за осуществление социализма... Цель этой борьбы - направить китайскую экономику по некапиталистическому пути”.

Сталин, Браудер, Дулю и прочие коминтерновские вожди перепутали две вещи: одно дело, что массы поддерживают Ухань, другое дело, что Ухань совсем не поддерживает массы с их “вольностями”. Задним числом Бородин так описывал реальную ситуацию в Ухане: “Весь мир думал, что Ухань “коммунистический”. На деле в Ухане правили левые гоминдановцы. Эти люди не были большевиками, и даже социал-демократами. Уханьские генералы бешено выступали против любого начинания социалистического направления, и они всегда побеждали”.

Пресса Коминтерна утверждала, что “основная черта данного этапа, заключается в коренном противоречии двух центров (контрреволюционного центра Нанкина и революционного центра Уханя)”. Спустя несколько месяцев, и она сообщит своим читателям, что “генералы Уханя не унимаются в своих попытках взять под контроль профсоюзы... революционные генералы мало чем отличаются от контрреволюционных генералов, если между ними вообще есть какие-нибудь различия... В конце концов уханьские лидеры встали на колени перед контрреволюцией”.

КПК в своем позднее официально изданном учебнике о революции 1925-1927 гг. так проанализировала ситуацию в Ухане летом 1927 г.: “Разрыв левого крыла Гоминдана с его правым крылом не привел к торжеству единого фронта рабочих, крестьян и мелкой буржуазии. Не только буржуазия, но и старая сельская аристократия не потеряла прежние привилегии. Политическое противостояние в Ухане носило классовый характер: демократическая революция рабочих и крестьян противостояла контрреволюции имущих классов. Измена уханьской власти была заранее очевидна”. Таково было истинное положение вещей.

Доминирующая группировка Сталина и Бухарина в Коминтерне настаивала на одном - толкать левое крыло Гоминдана дальше налево, что в конечном счете, по ее мнению, привело бы к появлению “демократической диктатуры рабочих и крестьян” в Китае. Как и предполагалосьлевой оппозицией, подчинение Компартии “левому крылу” буржуазной партии Гоминдан оказалось также преступно, как раньше подчинение КПК “центристской фракции” Чан Кайши в Гоминдане. И тогда и сейчас эта политика не дает коммунистам и массовому движению самостоятельно развиваться.

По мнению Москвы, Гоминдан вовсе и не являлся буржуазной партией. Мало того, это даже не партия, а “революционный парламент”. В нем враждующие классы стоят в одной колонне, объединенные общими целями. Ухань, таким образом, рано или поздно, если коммунисты и их сторонники наберутся достаточного терпения, встанет на путь “некапиталистического развития”. Судьба революции, таким образом, находилась в руках

лидеров “резко полевевшего Гоминдана” в Ухане.

Глава 11 Деятельность “Революционного центра”

Руководство Коминтерна хвасталось тем, что шанхайский переворот предвиделся им давно, что и доказывало его (руководства) мудрость. Правда, предотвратить переворот не удалось из-за “непреодолимых трудностей”. Левые Гоминдановцы в своем открытом обращении к народу по этому поводу оправдывались так: “Нам давно были известны интриги Чана. К сожалению, мы не смогли остановить его вовремя. Произносим наши искренние сожаления трудящимся”. “По нашей оплошности такой чуждый элемент как Чан Кайши, попал на важный военный пост, что и привело к нынешней бедственной ситуации. Ради сохранения единства в наших рядах, мы долгое время, скрепя сердце, закрывали глаза на его незаконные действия. Мы считали, как оказалось ошибочно, что действуем во благо революции”.

В это время Москва уже всю яростно обличала коварного предателя Чан Кайши. Еще три недели назад вся пресса Коминтерна защищала генерала от тех, кто называл его проводником контрреволюции. Теперь же ею опубликованы подробные данные о белом терроре, проводившемся армией Чана еще в 1926 г. Делегация Коминтерна в Китае публично перечисляла конкретные имена жертв, места и даты случаев белого террора (недавно эта же делегация воспевала “полное единение революционной армии с народом”!). “Контрреволюционные действия Чан Кайши дошли до того, - читаем в заявлении делегации Коминтерна, сделанном после переворота в Шанхае, - что он создал свое карманное “Национальное правительство” в Нанкине. Это превзошло все его прежние преступления, в том числе кантонский переворот 20 марта 1926 г., притеснение левого крыла в Гоминдане, репрессии против массового движения рабочих и крестьян на Юге и резню шанхайских рабочих. Мы были глубоко потрясены этими событиями. Но в наших сердцах теплилась надежда, что Чан таки не посмеет открыто встать на путь измены. Национальная революция переживает судьбоносный период, и единство необходимо, как никогда; поэтому нам нужны все участники антиимпериалистической борьбы, пусть некоторые из них даже не вполне надежны... Но Чан не ограничился репрессиями против рабочих и крестьян, распоясавшись, он поднял руку на Гоминдан и Национальное Правительство! Когда Чан созывал Пленум своего карманного ЦИК Гоминдана, мы сразу же телеграфировали ему, чтобы он не делал этого, и передал бы все спорные вопросы на рассмотрение легитимному ЦИК Гоминдана, что соответствовало его договоренности с Ван Тинвеем. А также выразили нашу готовность выехать к нему для обсуждения способов сохранения единства революционных сил в антиимпериалистической борьбе, при условии, что он не выступит против ЦИК Гоминдана. Чан, проигнорировав наше предложение, продолжал свое черное дело”.

Судя по этому тексту, лидеры Коминтерна заняли такую позицию: пока человек не назовет себя белым, его можно смело принимать за красного. Чан оказался врагом, но остался еще Ван Тинвэй, вроде надежный. Ван и в самом деле был несколько обижен на Чана. Генеральская шашка оказалась эффективнее в усмирении масс, чем болтовня Вана. Медлительность и мягкотелость последнего портит его имидж сильного политика в глазах

буржуазии. Чувствуя холодок во взгляде со стороны элиты общества, Ван начал терять выдержку. Сначала он решил показать свои мускулы: 17 апреля 1927 г. уханское правительство сняло Чана и его сподвижников со всех постов, одновременно исключив их из партии. После этого все стали ждать похода на мятежников. Момент подходящий: армия Чана не консолидирована, несет большие потери на северном фронте, в ее рядах растет неуверенность и недовольство. Казалось, налицо все условия для разгрома Чана.

Ничего подобного не произошло. Лидеры Уханя не уставали уверять, что антинародный режим Чана падет сам собой. Бородин в своем интервью японскому журналисту оптимистично заявил: “Нет ни малейшей необходимости в этом варианте (т.е. в походе против Чана). Режим мятежников разлагается, Чан пошумит еще денек-другой и наступит конец”. Он только забыл сказать, чей конец наступит. Чан тоже не собирался нападать на Ухань. “Пошумит еще денек-другой и наступит конец”, - рассуждал про себя реалистичный генерал. Много позже Бородин признал, что “формально раскол (Гоминдана) был налицо, причем он усугублялся личной взаимной неприязнью и борьбой за власть между группировками Нанкина и Уханя, но между ними (с начала до конца) были сохранены негласные связи. У них было много причин, чтобы рассориться окончательно, но нечто более существенное объединяло их”.

Чтобы устоять, решило Национальное правительство Уханя, совсем не обязательно вступать в смертельную схватку с Чаном, главное - отвоевать Север. “И тогда у нас будет политический вес, с которым должны будут считаться, в том числе Чан Кайши и Ко”, - так объяснил Бородин. Вскоре уханьские войска двинулись в сторону северной провинции Хэнань. Пока левым министрам пришлось уживаться с массовым движением. Пока.

К моменту шанхайского переворота достигло своего пика аграрное движение в центральной части страны. Крестьяне прямыми действиями боролись за землю с землевладельцами. Формальное лидерство движения осталось за Уханем, и мы увидим, какими губительными бывают результаты, когда руководство социальной революцией оказывается в руках мелкой буржуазии.

С 1925 г. международный капитал в Китае ушел в глухую оборону, отбиваясь от наступления масс. Но по мере укрепления “конструктивных сил”, чьим выразителем был Чан Кайши, ситуация начала меняться. Шанхайский переворот ускорил этот процесс. Последние события в Китае комментировались империалистами таким образом: “Период (нашего) отступления закончен” (японский премьер-министр); “налицо кардинальное изменение политического климата Китая” (британская пресса). Одновременно продолжалась переброска иностранных военных сил в Китай. К концу апреля 1927 г. на реке Яндзи стояло до 42 военных кораблей стран Европы, США и Японии. Конструктивный диалог удобнее вести с позиции силы.

В Ухане лидеры левых гоминдановцев тоже старались не отставать от жизни: для начала срывались антиимпериалистические лозунги со стен на улицах города, а дальше - больше. Имуущество иностранной диаспоры, в первую очередь церкви, захваченное

революционными массами, возвращалось их прежним владельцам. Профкомитет провинции Хубэй принял решение об ограничении полномочий своей рабочей дружины, особенно по отношению к иностранцам. На встрече с генеральным консулом США в Ухане и делегацией американских предпринимателей министр иностранных дел Национального правительства уверял их в “безусловном подчинении рабочего класса революционной дисциплине”, а также в “проведении комплексных мер, направленных на восстановление нормальной деловой атмосферы”. В г. Чанша стачка на предприятиях американского капитала (рабочие возмущались тем, что военные корабли США во время шанхайского переворота помогали Чан Кайши) была запрещена правительством. Чаншайские рабочие были вынуждены уйти из захваченных ими офисов американских компаний. Как объяснялось в официальном постановлении Национального правительства по этому поводу, “любая самодеятельность масс, независимая от своего конкретного содержания, наверняка причиняет вред едному фронту, что, в свою очередь, наносит удар по антиимпериалистической борьбе... такие действия ...нужно немедленно исправлять и впредь не допускать их повторения”.

Ухань энергично взялся за поиски союзников среди ведущих держав. Надежды на США не оправдались, оставалась Япония. ЦО Гоминдана в те майские дни настроил столько лестных замечаний в адрес Токио, что невольно возникала мысль, что именно Япония, а не Советская Россия своими средствами и вооружениями помогает Китайской революции. 9 мая 1927 г. японская армия вторглась в восточную провинцию Китая Шаньдун, что было как гром среди ясного неба для “Левого Гоминдана”. В ее руках оказались железные дороги и центр провинции - г. Дзинан. В тот же день премьер-министр Британии Чемберлен в своей парламентской речи торжественно поздравил доблестных воинов Японии с успехом. Чемберлен заявил: “ ... Меньше двух месяцев назад казалось, что Гоминдан и его армия в ближайшее время объединят Китай, но Чан Кайши сорвал этот план. (...) Коммунисты уничтожаются руками Гоминдана, их организации в Шанхае, Кантоне и др. городах разгромлены. Ведущие лидеры экстремистов уничтожаются, и вообще гоминдановцам нет равных в деле борьбы с коммунистами. А дни уханьской власти в ее нынешнем виде сочтены”.

26 мая дипломатические отношения Британии с СССР были прерваны. Международное положение СССР резко ухудшилось. Москва рассчитывала на победу Китайской революции, чтобы сдерживать британский империализм, ради этой цели и затевалась великая любовь с Гоминданом, и вот результат. Пожалуй, пора менять курс? - Нет уж. Советская бюрократия продолжала молиться на Ухань до последнего.

Не так давно иностранные войска в Китае способны были лишь на грозную позу, нынче они опять превратились в едва ли не решающую силу в этой стране. “Революционная демократия” ахала и охала, но сделать ничего не могла. Вместе с ней сокрушался Рой, приехавший на смену Войтинскому: “Иностранные военные корабли теперь добрались и до Уханя. Этот революционный центр фактически находится в осаде... Город наводнили матросы ВМФ империалистических держав, которые тем самым недвусмысленно дают понять Уханю, что его песенка спета. Революционное правительство Уханя унижено и

малейший предлог достаточен, чтобы его свергли империалисты...”.

Ухань действительно был унижен. Месяц назад к нему относились с уважением и даже со страхом. Переворот Чана и “дипломатичность” левых гоминдановцев не оставили от всего этого никакого следа. Чувствуя насмешливые взгляды из Лондона, Токио и Парижа, “революционный Гоминдан” сожалел, досадовал и... продолжал разыгрывать важный вид перед своей единственно верной публикой - КПК и ее московскими вожжами. “В течение трех месяцев, - заявил министр иностранных дел Уханя Чен Иоджин, - наши войска освободят Пекин. Тогда мои слова не будут так игнорироваться Чемберленом, как сейчас... Наша победа близка...”.

Уханьские предприниматели напряженно наблюдали за действиями Чан Кайши. Один тот факт, что профсоюзы легально существуют при уханьской власти подтолкнул их в сторону Чана, для которого хороший профсоюз - мертвый профсоюз. Пример шанхайской буржуазии вдохновлял их уханьских коллег также перейти в контрнаступление. Множились локауты фабрик и магазинов. Отток благородных металлов в приморские города, такие как Шанхай и Кантон, принимал в это время в центральном Китае чудовищный размах.

В деревне ростовщики припрятавали наличные деньги, отказывая крестьянам в кредитах. Многие из-за нехватки денежных средств не могли вести посевные работы. В то же время крестьяне не имели достаточных запасов зерна, чтобы просуществовать до нового урожая, а цены на рис взвинтились посредниками так, что это угрожало голодом в центральной части страны.

В экономическом саботаже активно участвовал и иностранный капитал. Под его давлением южная буржуазия настолько сократила торговлю с центральными провинциями, что фактически можно говорить об эмбарго в отношении Уханя. В мае 100 тыс. уханьских рабочих потеряли работу в результате локаутов, в июне эта цифра достигла 160 тыс. Буржуа предпочитают пойти на банкротство, чем на уступки рабочим.

Опыт Октябрьской революции показывает, что, только взяв власть в свои руки, пролетариат может дать достойный отпор буржуазии. Национализация промышленности и централизация управления ею в руках рабочей власти могли в значительной мере смягчить последствия саботажа и эмбарго даже в условиях гражданской войны. Конфискация зерна и денежных средств у сельских богачей для развития крестьянских кооперативов имела бы громадную поддержку в деревне, жаждущей перемен. Но для осуществления этих мер было необходимо установление диктатуры пролетариата в форме Советов рабочих и крестьянских депутатов. А это было немыслимо как для левых министров Уханя, так и для их московских друзей.

Коминтерновское руководство уговаривало Ухань пойти на национализацию промышленности, банков и крупной торговли; Ухань, в свою очередь, уговаривал “Генеральную Торговую Палату Уханя” - самую авторитетную организацию местной буржуазии - прекратить саботаж. Взамен он обещал “обуздать” массы в их “перегибах”.

“Вы разоряете всю промышленность!”, - вопили неистовым голосом левые министры несговорчивым рабочим.

Чего требовали рабочие? С января до апреля 1927 г. в Ухане портовые рабочие добились повышения зарплаты с 3 до 7 юаней поденно; женщины и дети текстильной промышленности в это время стали получать 0,2 юаня вместо 0,12 юаня; рабочие спичечных фабрик вместо 0,05 юаня стали получать 0,16 юаня в день, а их рабочее время было сокращено до 12 часов в сутки; рабочие шелковой промышленности весной 1927 г. работали уже “всего лишь” 12 часов вместо недавних 17 часов в сутки. Все эти улучшения жизни рабочих были завоеваны исключительно на волне победоносных стачек. Не смотря на то, что средний уровень месячной заработной платы уханьских рабочих с 10 юаней поднялся до 14 юаней, эта цифра все еще значительно отставала от официального прожиточного минимума, который составлял 27,46 юаня на одну семью из четырех человек. Даже высококвалифицированный рабочий не получал больше чем 20 юаней в месяц.

Проблема с рабочим временем оставалась остро актуальной. Дети, из которых многие были не старше 10 лет, работавшие столько же времени сколько и взрослые, получали обычно не больше 0,1 юаня в день; официально установленный 8-часовой рабочий день для детей игнорировался их хозяевами. В конце июня 1927 г. социальное исследование приведенное Департаментом Гоминдана по трудовым вопросам показало, что работники торговой сферы трудились больше 12 часов в сутки, причем сами работники еще не смели выдвигать лозунг о 8-часовом рабочем дне и лишь требовали заменить 17-часовой рабочий день на 15-часовой, 16-часовой на 14-часовой, 14-часовой на 12-часовой. Ученики на фабриках и в магазинах остались при своем прежнем рабочем положении, их требования удовлетворялись в еще меньшей степени, чем требования остальных рабочих.

В марте 1927 г. на пресс-конференции группы уханьских профлидеров был задан вопрос о том, что они думают о “необоснованных требованиях рабочих”. Они, смеясь, ответили, что сами - а это были рабочие от станков - всю жизнь хотели узнать, где обоснование всего на свете. “Боссы бьются с жиру, мы пухнем с голоду. Может пора покончить с этими обоснованиями?” - отвечали они вопросом на вопрос.

В глазах левых министров попытка “покончить со всеми этими обоснованиями” есть неслыханное нахальство черни. Еле сдерживая гнев, они возмущенно указывали на “перегибы”, которые необходимо исправить. Под это словечко попадали и самосуд голодных горожан над спекулянтами рисом, и взятие рабочими заводов в свои руки, чтобы наладить производство самостоятельно (г. Ханьян), и контроль рабочих за ценами на продукты (г. Пусин), и экспроприация зерна крестьянами у землевладельцев (в начале лета 1927 г. эти акции прокатились по всему Центральному Китаю), и появление контрольных пунктов, созданных дружинниками рабочих и крестьян на главных дорогах с целью прекратить нелегальный вывоз зерна спекулянтами. Одним словом: рабочие и крестьяне ХОТЕЛИ ЖИТЬ, это и было тот пресловутый ПЕРЕГИБ.

Реакция Левого Гоминдана не заставила себя ждать. Приказом Ван Тинвэя были распущены

кооперативы на 15 заводах и фабриках г. Ханьян, городской комитет Гоминдана Ханьяна также был распущен за его примиренческое отношение к этим перегибам. В конце апреля было обнародовано постановление правительства о лишении профсоюзов судебных и полицейских полномочий. Теперь профсоюзы могли наказывать только своих членов. Исполнительный секретарь профсоюзов провинции Хупэй Сиан Чуонфа (член КПК) по поручению правительства призывал рабочих “проявить сознательность” и “временно прекратить борьбу с капиталистами”.

Рабочие организации за последние два года успели много сделать: их усилиями открывались школы, поликлиники и больницы для рабочих, освобождались домашние рабы, организовалась помощь безработным, подавлялись контрреволюционеры. По словам одного европейского очевидца, “во многих местах центральных провинций ни одно решение властей не проходит без согласия профсоюзов”. Теперь же на профсоюзы пытаются надеть смирительную рубашку с надписью “единый фронт”. Сомнение в сердцах рабочих росло. В Ухане рабочие одного оборонного завода на встрече с делегацией профсоюзов Советской России буквально осаждали гостей вопросами:

“Скажите, пожалуйста, когда у вас была революция, как Вы поступали с саботажем богачей? Вы их терпели, или...”.

“Когда у вас была революция, Ваши рабочие сразу же стали хозяевами, или же им пришлось терпеть буржуев во имя победы революции?”.

Нам неизвестно, что ответили на эти вопросы советские делегаты. Должны быть, многие (если не все) из них прошли революционную школу 1917 года. Говорили старые большевики, что думали, или пересказывали какую-то казенщину своим китайским братьям? Мы не знаем. Но мы знаем точно, что уханьские рабочие сделали все, чтобы защитить “революционный центр”. “Собственными глазами видела, - сообщает нам журналистка Strong, - на уханьских заводах люди каждый день работают по тринадцать-семнадцать часов, особенно на оружейных заводах. Дети по прежнему работают больше десяти часов в день. Мне говорят в профсоюзах, что Ухань находится в блокаде, и нельзя подрывать его экономику”.

20 мая ЦИК Гоминдана от своего имени распространил программный документ, называвшийся “Классовая природа нашей революции”. Вот несколько отрывков из этого любопытнейшего документа:

“Победа революции зависит от того, настолько велика у нее поддержка со стороны буржуазии, а позиция буржуазии, в свою очередь, определяется доброжелательностью рабочих и крестьян в отношениях с нею как со своей союзницей.

“В последние годы рабочие и другие массовые организации были опьянены своими успехами и до сих пор не осознают допущенных ими ошибок, что весьма печально... Не заботясь о перспективах революции, они постоянно пренебрегают интересами своих

союзников, таких как промышленная и торговая буржуазия. Рабочие и крестьянские организации не перестают требовать от своих работодателей немислимых уступок, сопровождая свои требования угрозами и даже насильственными захватами имущества буржуазии. Предприниматели ощущают себя вне закона, потому что лишены права на защиту личности и имущества. В результате, они усомнились в благородной цели революции и считают, что революция угрожает их безопасности и благосостоянию. Уход их из революционного лагеря приведет к политической изоляции рабочих и крестьян. Основа революции, таким образом, разрушится.

“Наша партия... не имеет права допустить политическую изоляцию рабочих и крестьян, хотя это происходит из-за их собственной несознательности и отсутствия грамотного руководства в их рядах, и в полной мере берет на себя ответственность за защиту интересов буржуазии в качестве союзницы революции. Наша политика основана на единстве всех революционных классов в борьбе с общим врагом - империализмом. Это единство обеспечит всем классам, участвующим в революции равные завоевания в будущем, после нашей победы. Во имя этой великой цели, Национальное правительство считает, что оно обязано принять следующие неотложные меры:

- 1). Обязать министерство труда и местные власти при разрешении трудовых споров опираться исключительно на постановление правительства об организации принудительных арбитражей;
- 2). Принять закон о труде. Установить максимум рабочего времени... Индексировать зарплату рабочих в соответствии с инфляцией; конкретизировать меры по защите прав рабочих;
- 3). Запретить необоснованные требования отдельных рабочих, особенно их попытки вмешиваться в управление предприятиями... Все их требования должны рассматриваться прежде всего на совместном совещании представителей профсоюзов и заводской администрации. Уполномочить это совещание корректировать требования рабочих;
- 4). Запретить профсоюзам и их дружинам налагать штрафы на работодателей, угрожать их безопасности; не допускать и любые другие формы незаконного давления на собственников”.

Кажется, в этом документе “революционного Гоминдана” было сказано все, чтобы наглядно показать его буржуазную суть. И, тем не менее, коммунисты снова пошли навстречу своим будущим палачам. Профсоюзы по указанию КПК вскоре после опубликования этого документа приняли следующие меры самоограничения:

- 1). Любой рабочий, нарушающий революционную дисциплину, немедленно наказывается;
- 2). Наиболее серьезные нарушители передаются официальным властям для дальнейшего разбирательства;

3). Профсоюзы не должны предпринимать репрессивных мер против любого нерабочего человека.

Коммунисты в своих заводских организациях призывали своих сторонников “не забывать об интересах союзников: промышленной и торговой буржуазии”, поэтому “дисциплина, товарищи, еще раз дисциплина!”.

При поддержке Коминтерна и КПК левые гоминдановцы разыгрывали роль третьей стороны, стоящего над классами и представляющего интересы сразу всех классов, кроме “кучки компрадоров”. Только одно обстоятельство выпирало, как шило из мешка: постоянно приходилось жертвовать почему-то одними рабочими и крестьянами, в то время как их буржуазные союзники всячески ублажались. “Как не крути, национально-демократической революции без буржуазии не получится”, - утешали себя лидеры КПК. Как будто само собой разумеется, что тяжесть “буржуазной революции” ложится исключительно на рабочих и крестьян. Все эти мелкобуржуазные социалисты типа левых гоминдановцев никогда так ясно не показывают свою классовую несостоятельность, как во время революционного подъема масс. Сами левые гоминдановцы постоянно осознавали эту несостоятельность и интуитивно примыкали к тому, кто посильнее. Осознавали ли это московские бюрократы?...

По аграрному вопросу левые гоминдановцы поступили примерно так же, как в отношении буржуазии. Сталин предсказал решимость Гоминдана в аграрном вопросе. Прогноз сбился... с точностью, да наоборот.

Правительство “революционной демократии” использовало неиссякаемую революционную энергию масс, которые бросил в его объятия Коминтерн. Чтобы не потерять доверие масс, левые министры не скупались на радикальные высказывания: в своей революционной фразеологии Ухань зашел так далеко, что некоторые его постановления походили на резолюции Коминтерна. По аграрному вопросу правительство высказывалось следующим образом: “Наша партия всегда защищает интересы крестьянства, без сознательной поддержки которого победа революции невозможна... Только тогда, когда не будет угнетения крестьян имущими классами, можно считать освобождение крестьянства окончательным и бесповоротным”. В заявлении правительства от 19 марта 1927 г. говорилось, что “революция неизбежно вызовет колоссальные потрясения в деревне. Взятие власти в деревне самим крестьянством, уничтожение землевладельцев, контрреволюционеров и других социальных паразитов - единственный путь к победе революции... Если крестьяне не получают землю, они не пойдут за нами до конца....”.

Левые гоминдановцы даже выдвинули лозунг “вооружить крестьян!” и объяснили, что “победа в борьбе за землю требует вооружения крестьян. Частные армии крупных землевладельцев должны быть разоружены, а их оружие должно быть передано в руки крестьян. Наша партия обязана предоставить возможность крестьянам свободно и дешево скупать оружие. Т.е. мы должны обеспечить вооружение крестьян, это будет гарантией

победы над реакцией в деревне и победы демократии над феодализмом вообще”.

Разрыв между словом и делом Гоминдана объясняется тем, что в эпоху господства крупного капитала мелкая буржуазия больше не способна играть самостоятельную роль на политической арене. Радикальная аграрная реформа рано или поздно должна замахнуться на земельную собственность городской буржуазии, которую та не отдаст без боя. Наиболее радикальная часть Гоминдана могла бы пойти за пролетариатом, как левые эсеры в свое время пошли за Октябрьской революцией. Но китайский рабочий класс, в отличие от своих русских братьев в 1917 г., был лишен зрелого марксистского руководства, и не смог повести за собой широкие слои эксплуатируемых. Мало того, по вине своего руководства он сам плелся в хвосте у мелкой буржуазии. В этой ситуации единственно волевым классом оказался крупный капитал, все это время именно он и диктовал свои условия уханьским радикалам, пока те не помогли ему окончательно растоптать революцию, утопив ее в крови.

Вернемся к аграрному вопросу. В марте 1927 г. ЦИК Гоминдана принял решение о создании специальной комиссии по выработке комплексных мер правительства по аграрному вопросу. А пока было решено создать аграрный банк, чтобы через него выдавать дешевые кредиты крестьянам. В апреле 1927 г. на первом заседании комиссии присутствовало большинство лидеров Гоминдана и один из членов ЦК КПК Тэнь Пиншань.

На совещании первым вопросом было, так сказать, “определение объекта революции”. Ван Тинвэй однозначно выступил в защиту мелких землевладельцев. “Наша партия берет их под защиту, так как они являются частью революционного лагеря, по своему социальному статусу это мелкая буржуазия”. Ван этими словами дал совещанию понять, что вопрос о мелких землевладельцах касается основного принципа революции, т.е. сохранения единого фронта. Другие товарищи были не менее изощрены в теории о едином фронте. Генерал Тан Шэнчжи раскритиковал самовольные захваты крестьянами земель революционных офицеров. Он рассказал случай, когда один командир полка революционной армии был схвачен односельчанами, ему на голову надели бумажный колпак с надписью “помещик поганый” (этот господин и в самом деле был крупным землевладельцем), после чего он был выведен на показ всему селу. Генерал Тан заявил, что офицерство такого глумления над собой терпеть не собирается: быдлу это бесчинство, наверное, понравилось, забитым солдатам, пожалуй, тоже. Но офицеры не простят!! Это будет раскол в армии! “Вы хотите раскола в армии?”, - обратился генерал к своим коллегам. “Нет конечно!”, - хором отвечали все.

“Значит, будем конфисковывать только имущество крупных и неревolutionных землевладельцев?” - осведомился кто-то. “Как будем различать крупных с мелкими? Надо установить норму”, - предложил другой, но не настаивал на своем предложении. Сюй Цянь откуда-то достал сведения о том, что в данный момент лишь 15% всей земли в Китае обработаны. “Подарим безземельным бесхозные земли, и никого не надо будет трогать”. Сюй был доволен своей находчивостью. Ему сделали замечание по поводу того, что эти бесхозные земли по большей части находятся на Тибете, во Внутренней Монголии и Восточном Туркестане, а массовая иммиграция миллионов крестьян в эти отдаленные

регионы не представлялась реальной. Тэнь Янькай предлагал провести аграрную реформу за счет земель “недобропорядочных землевладельцев”. Зал оживился, но достичь консенсуса по определению “добропорядочности” не удалось. “Давайте выкупим землю у хозяев и раздадим ее крестьянам!”. На это предложение возражал сам Тэнь Янькай. Он отметил, что землевладельцы, вообще говоря, не доверяют революционному правительству Уханя, и правительство на свои векселя - наличных средств у власти нет - едва ли что-нибудь выкупит у них.

Коммунист Тэн Пиншань предлагал экспроприацию земель контрреволюционеров. Все засмеялись. Ван Тинвэй с насмешкой ответил так: “Видимо, Ваша фантазия не богата. Дай волю крестьянам, они всех богачей перебыют как контрреволюционеров. Экстремистская часть наших Союзов крестьян и так уже рвется захватывать все земли подряд. В этом случае страдают прежде всего мелкие землевладельцы, т.е. наши союзники. Этого нельзя допускать. Нельзя, товарищ Тэн!”. Товарищ Тэн, смутившись, снял свое предложение.

После трехнедельной дискуссии, проходившей в таком же духе, совещание пришло к выводу, что пока революция не победит, проводить аграрную реформу преждевременно. В принятой по этому вопросу резолюции заявлялось, что “в принципе допускается” экспроприация крупных землевладельцев, но в данный момент “желательно ограничиться” снижением земельной ренты до 40% годового дохода арендаторов. Это решение оказалось консервативнее даже Программы Гоминдана. Вдобавок совещание решило не разглашать подробности заседаний, “чтобы не вышло какого-нибудь недоразумения”. На все это коммунисты только кивали головами. Итак, армия удовлетворена, землевладельцы тоже, а Гоминдан спасен от раскола. Все довольны, кроме крестьян. Теперь дело за коммунистами: пусть разъясняют эту политику своим сторонникам...

В эти дни произошли первые военные контрреволюционные выступления уханьских войск, направленные на усмирение “обнаглевшей черни” в деревне. Офицеры таки были недовольны. Генерал Ся Доуинь со своей частью пошел прямо на Ухань, а командир частей, направленных правительством на подавление мятежа, присоединился к мятежникам. К счастью, один из “рабоче-крестьянских полков” пришел на помощь Уханю и разбил мятежников. Тем не менее, измены случались все чаще.

Все это не запугало КПК. Ее оптимизм был прямо безграничен. Уханьская газета “Народная трибуна”, подконтрольная коммунистам, высмеивая “паникеров” и “фантазеров”, предсказывающих скорую кончину революции, уверяла своих читателей в неизбежной победе народных масс. 27 апреля 1927 г. в Ухане состоялся 5-ый Съезд КПК. Идейное руководство со стороны Коминтерна на нем осуществлялось Роем. Пресса Коминтерна в то время характеризовала резюмирующий доклад Роя на этом Съезде как “глубокий анализ Китайской революции, основанный на ленинизме”. Молодая КПК “впервые, благодаря этому докладу, имеет ясные, обдуманые перспективы революционного движения”, получив “много ценных указаний по основным вопросам революции”. Рой “передал опыт мирового большевизма... молодой КПК”. Недолго придется ждать, когда Москва откажется от этих ценных указаний; еще некоторое время спустя и сам Рой будет изгнан из

Коминтерна. Но давайте заслушаем сам доклад, воспринимавшийся тогда как прямая директива Интернационала:

“В повестке Пятого Съезда КПК стояло множество сложных и трудных вопросов... Нужно было обсудить перспективы революции и твердо руководствоваться этими перспективами в своих дальнейших действиях, выработать правильный политический курс для пролетариата, помочь ему подобрать ряд теоретически подготовленных, смелых и преданных руководящих кадров, которые необходимы для победоносной революции. Такова историческая задача 5-го Съезда КПК. Съезд выполнил эту задачу”. - Так Рой констатировал итоги Съезда в своем докладе.

Как Рой видел текущую ситуацию? - “Классовая дифференциация внутри Гоминдана сблизила его левое крыло с КПК. Уход крупной буржуазии из Национальной революции способствует превращению Гоминдана в революционный союз промышленного пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии, а также некоторой части средней буржуазии... Китайская революция развивается на основе единства революционных классов, и пока преждевременно говорить о руководящей роли пролетариата... То, что лидеры Гоминдана присутствовали на этом Съезде и выразили желание укрепить союз двух партий, говорит о многом”.

Суть “роизма” была изложена в одном разоблачительном материале КПК в 1928 г. Его автор так характеризовал позицию Роя летом 1927 г.: “Рой считал, что левые гоминдановцы пойдут за революцией до конца, так как у них нет иного политического выхода. Он считал, что предательство лидеров Левого Гоминдана было невозможно, и как-то сама собой отпадала для нас задача по предотвращению потенциальных измен. Наш Съезд прошел под лозунгом “Да здравствует единство коммунизма и учения Сунь Ятсена!””.

В своем докладе на Съезде Чен Дусю признал, что “наша позиция по аграрному вопросу чересчур мягка”. Но сразу добавил: “Единство с мелкими и средними землевладельцами необходимо сохранить, левацкая политика нам только повредит. Лучше всего придерживаться золотой середины. Темп аграрной реформы должен соответствовать военным успехам (революционной армии)”.

На Съезде приняли двусмысленную резолюцию по вопросу о земле, призывающую “экспроприировать крупных сельских богачей”, в то же время “мелких землевладельцев, а также революционных офицеров трогать не следует”. Фактически это означало самоликвидацию аграрной реформы; как заметил на Съезде Чен Дусю, “почти весь командный состав революционной армии - выходцы из семей землевладельцев”.

Манифест КПК, принятый на Пятом Съезде, так обозначил свою “обновленную опытом мирового большевизма” политическую позицию : “Будем добиваться полного единства всех демократических сил под знаменем Гоминдана. Укрепление Гоминдана как союза революционных сил есть основная задача пролетариата в данный период революции. Единая революционная демократия есть безальтернативное руководство нашей народной

революции”. Этот манифест был принят тоже не спроста. Кулуарная борьба на Съезде, по разоблачительным материалам предоставленным в 1928 г. новым составом ЦК КПК, выглядела следующим образом:

“Позиция Бородина на Съезде заключалась в том, что нужен временный отказ от проведения аграрной реформы... Примиряя мелкую, промышленную и торговую буржуазию, он рассчитывал на единый фронт с прогрессивными генералами, подобными Фэн Юйсяну, для разгрома Чан Кайши. Он надеялся этими мерами помочь левым гоминдановцам в их борьбе с правыми - как с маскирующимися в Ухане, так и с явными в Нанкине. (...)

“Рой выступил с инициативой повернуться лицом к торговой буржуазии, при этом проводить жесткую линию в отношении землевладельцев... Но (по его мнению) можно допускать незначительные уступки мелким землевладельцам и лицам, связанным с революционной армией”. ЦК КПК, в свою очередь, отстаивала свою позицию: “Не надо трогать торговую буржуазию. Нельзя поддаваться на провокацию при проведении аграрной реформы. ...Радикальная и немедленная аграрная реформа невозможна. Необходим длительный период агитации... Лучше отойти от непосредственной работы в деревне, и переложить ее на Гоминдан. Таким образом, мы перевели бы революцию на более медленный темп, что весьма полезно....”.

Теперь понятно, почему Ван Тинвэй присутствовал на Съезде как главный гость и заявил публично, что он-де “полностью согласен с докладом тов. Роя”. Еще бы он не был согласен! Пятый Съезд КПК представлял собой образец классового соглашательства. Коммунисты, реально руководящие всем движением в деревне, были политически дезориентированы указаниями типа “отступить... задержать революцию... это полезно...”. Руководствуясь классовым инстинктом и находясь под мощным давлением масс на местах, они продолжали руководить борьбой за землю, но при полном отсутствии ясной программы, направленной на последовательную защиту СВОИХ классовых интересов. Что это сулит народным массам в революционном времени, увидим скоро, ой как скоро!

Глава 12 Земля и Воля

После поражения Тэпинского восстания в 1864 г., в Китае больше не было такой масштабной мобилизации масс, как весной и летом 1927 г. В своей вековой темноте китайские крестьяне не знали ничего, кроме медленной смерти от голода, болезней, кнута хозяина и непосильного труда на полях. В те несколько месяцев 1927 г. миллионы людей будто проснулись, увидев, что можно жить по другому. Десятки миллионов других людей жадно следили за пионерами, готовясь в любой момент выступить под их знаменами.

Лидеры аграрного движения из КПК говорили крестьянам: борьбу с землевладельцами нужно вести “политически грамотно”. Как? - А так: богачей непорядочных бейте на здоровье; порядочных, более того, революционных, не смейте трогать! В недалеком будущем возьмем землю у крупных землевладельцев, уж в этом не сомневайтесь! Но мелкий землевладелец - наш союзник! Сельская аристократия, ростовщики, их наемные вышибалы - враги! Но еще одно небольшое “но” : родня наших офицеров в деревне - будь они трижды аристократы, ростовщики и руководят наемниками - друзья революции...

Левый Гоминдан обратился к деревне с призывом “Все на борьбу с контрреволюцией!” и ужаснулся: крестьяне живо начали просто-напросто убивать землевладельцев. “Ей богу, богатые не хотят революции!”, - обычно отвечали простодушно местные Союзы Крестьян на срочные запросы Ухана по этим “незаконным убийствам”. Стоило Гоминдану заикнуться о какой-то реформе земельной собственности, массы тут же начинали изгонять своих хозяев и делить их имущество. “Громадное число людей сошло с ума!”. Восклицание графа Витте в 1905 г. здесь вполне уместно.

“Революционная демократия” в Ухане выдвигала требование отмены всех неравноправных договоров Китая с иностранными державами. Но для селян самым важным из всех договоров является их арендный договор с землевладельцами. Судите сами: по такому договору хозяева обычно забирают 40%, 60% или даже 70% урожая своих арендаторов; сверх этого им платят определенную сумму денег; они имеют право бесплатно распоряжаться рабочей силой своих арендаторов для организации свадеб, похорон; наконец, по крупным праздникам арендаторы обязаны приносить им подарки. Возбужденные речи лидеров “прогрессивных сил” о кабальных отношениях Китая с Западом вызывали у крестьян ассоциацию с той кабалой, которой они подвергались веками.

Только в центральной части страны 10 миллионов крестьян состоят теперь в Союзах крестьян. Дремлющее общество было разбужено грохотом социального взрыва. Тысячи молодых агитаторов, чаще всего девушки, наводнили деревню, чтобы поднять сельскую молодежь. Всюду жгли храмы конфуцианства, а христианские миссионеры прятались от толпы, которая очень хотела их побить за многочисленные привилегии, предоставленные им китайскими властями. “Суеверие в нашей провинции исчезает, - докладывал один из делегатов на Первом Съезде Союзов крестьян, созданном летом 1927 г. в Ухане, - наш народ больше не интересуется религиозной пропагандой, он требует теперь только политических

докладов о развитии мировой революции. Традиционные божки просто выкидываются в канавы”.

“В нашей провинции наркомания искореняется с поразительной быстротой, - говорил на этом же Съезде другой делегат. - Декрет Союзов крестьян о запрете наркомании действует эффективнее, чем все правительственные учреждения по борьбе с наркоманией вместе взятые. Нарушители декрета - из них немало местных богачей - выставляются напоказ перед селянами; а подростки организуются в летучие отряды для поиска наркотиков и тайных притонов; азартные игры тоже запрещены... (...) Дороги обновляются, заброшенные поля снова начинают обрабатываться, открываются школы для ребят. Сколько бы ни вопили о хаосе и конце света в Хунане, сельская жизнь теперь протекает более мирно, чем при старой власти”.

“Чистка конюшен” руками крестьян шла быстро и часто с юмором. Некоторым землевладельцам надевали бочки на голову в качестве наказания: это были те же бочки, на которых землевладельцы принимали зерно от крестьян. В каждой деревне регулярно созывалось всеобщее собрание селян. На собраниях решались все вопросы повседневной жизни, от посевных работ до вынесения приговоров преступникам. “Пуще всего боимся этих собраний”, - жаловались в то время сельские богачи. Мужичьи суды отличались простотой и быстротой. Если и были серьезные ошибки с их стороны, так это проявления чрезмерного великодушия: большинство контрреволюционеров отделалось лишь штрафами или заключением в местной тюрьме.

Конфискованными денежными средствами и инвентарем распоряжались недавно созданные кооперативы. В рамках кооперативов раздавались продовольственные пайки наиболее обездоленным селянам. Кое-где кооперативы даже выпустили векселя от своего имени (своего рода деньги местного значения). Старые долги были аннулированы полностью. Люди, в свое время за невыплату долгов отданные в рабство, освобождались. В нескольких районах местные Союзы решили создать систему социального обеспечения, “чтобы наш брат больше не продавался с голодухи в рабство”. Каждое успешное решение частного вопроса прибавляло массам уверенности, и они все плотнее подходили к центральному вопросу - вопросу о земле.

Первая волна массового движения в деревне застала многих сельских собственников врасплох. И многие из них предпочли не идти против ветра: не дожидаясь, сами отдали деньги, раздали инвентарь и землю крестьянам. Но это лишь на первом этапе. Когда они поняли, что Ухань в душе не одобряет бунтовщиков, и что за этими буйными действиями масс не стоит какого-либо координирующего центра с единым планом действий, тогда настала очередь контрударов со стороны землевладельцев, благо имущие классы всегда лучше организованы и вооружены.

На том же Съезде Союзов крестьян прозвучали такие полные горечи и неутешительных фактов выступления: “Сейчас нельзя говорить о крестьянской власти во всей провинции. Мы, скажем так, еще только поднимаем голову против своих прежних хозяев. Путаники

говорят, что мы убивали слишком много богатых... Все с точностью наоборот. Убитых землевладельцев не больше нескольких десятков, зато наши погибают в огромном количестве.... Все знают что в Хунане происходит революция, но никто не знает, что идет также контрреволюция!.... Бандформирования, откормленные богачами, нападают на нас повсюду. К тем, кто попадает к ним в руки, применяют такие пытки, что счастливыми оказываются те, кого сразу убивают!... В районе Тулин одного нашего активиста сожгли заживо...

Изгнанные землевладельцы обычно организуются совместно с местными бандитами. Каждый день получаем массу донесений о том, что где-то создаются отряды из наемников во главе с беглыми землевладельцами. Распространяются их воззвания, в которых они клянутся стереть нас с лица земли...

Кроме вооруженных банд, возникают еще и политические и общественные организации землевладельцев. В г. Ханьян есть “Белая партия”, в г. Люян создан “Орден братства и милосердия”, в районе Сиансиан подобная организация называется “Союз старейшин по поддержке порядка”, в селе Фэнлин действует организация с издевательским названием: “Союз борьбы с животными” (т.е. с коммунистами). Существует большое количество так называемых “Комитетов в защиту собственности”, разбросанных по всей провинции. Эти организации координируют свои выступления против нас. Иногда их заговоры раскрываются, но мы не полномочны их разгонять...

Одним из способов их борьбы является проникновение в наши Союзы. Там, где это не удается, ими создаются альтернативные Союзы. Используя конфликты между кланами в деревне, землевладельцы натравливают одни Союзы против других.

Реакционерами распространяются всякие нелепые слухи, чтобы вызвать панику, натравить против нас массы. В основном нас обвиняют в намерении обобщить жен. Среди солдат особенно усердно распространяли выдуманный “Декрет” о всеобщем обобщении жен, матерей и сестер через шесть месяцев. Народ дурачат, распространяя слухи, что при коммунистах тех, кто старше 50, будут убивать как социальных паразитов”.

В провинции Хупей ситуация была аналогичной. Но там массы раскачивались медленнее, и землевладельцы успели лучше подготовиться. В мае 1927 г. руководство целого ряда Союзов крестьян оказалось в их руках. “Во многих селах в помещениях Союзов ходят одни толстяки в шелковых халатах”, - отмечал один из лидеров аграрного движения. В случае невозможности захвата власти в Союзах, прибирались к рукам местные комитеты Гоминдана, и эти комитеты становились опорой контрреволюционного сопротивления на местах. От имени Гоминдана землевладельцы пытались вмешиваться в дела Союзов, изгонять неудобных им из органов местной власти. В провинции Хупэй также активно создавались отряды наемников. Во время офицерского мятежа в мае, по словам одного из лидеров крестьянского движения, “банды под командой местных богачей везде ожидали прихода мятежников. Они выдавали сельских лидеров и актив движения, помогали освободить заключенных реакционеров, подсказывали офицерам, какие районы легче

захватить. Две банды: “Братство меченосцев” и “Храбрые кулаки” - вместе устроили резню местного актива крестьянского движения на границе с провинцией Хэнань; а недобитые реакционные генералы в Хупее всеми средствами поддерживали эти банды”.

Наступление имущих классов как правило сопровождалось массовыми применениями различных изощренных пыток: “В районе Хуаган пленных коммунистов расчлениют раскаленными ножами живьем. В другом месте их привязывают к деревьям и медленно отрезают их конечности, после чего посыпают раны солью. В другом районе женщин-коммунистов связывают железными проволоками, продетыми сквозь их тела, и вводят их по улицам на показ”. Зверство собственников в тысячу раз превосходит варварство необразованной и “забитой черни”. Зверский инстинкт утонченного джентльмена вызывается одной мыслью об опасности его вековым привилегиям.

На организованное наступление контрреволюции рабочим и крестьянам было нечем ответить. У них была решимость к борьбе, была и уверенность в своей победе. Им нужно было вооружаться, нужно было брать власть в свои руки на местах. Ни того, ни другого не хотел позволить им Левый Гоминдан. Коммунисты из деревни обращаются к своему ЦК за советом, ЦК обращается к Москве, Москва обращается к Левому Гоминдану, а тот, как всегда, призывает крестьян урезонить свой экстремизм. Представители Коминтерна были в курсе всего этого. В Хунане собственными ушами они слышали от одного из местных руководителей Гоминдана о том, что “в деревне весь народ хочет радикального передела земли. Крестьяне повинуются решениям Уханя, считая его своей властью. Они хотят, чтобы Ухань помог им в их борьбе. Они хотят земли!”.

В Москве центральной темой дискуссий по Китайской революции между Сталиным и Троцким в эти дни был вопрос о Советах. Сталин выступил против создания Советов в Китае в данное время, которые, считал он, нанесли бы удар по “единому революционному центру в Ухане”; Троцкий возражал, что революционный центр еще только предстоит создать. Ухань, по словам Троцкого, пародия на Временное правительство Керенского. Путем создания Советов рабочих и крестьянских депутатов революционная власть возникает и централизуется, только так китайские массы смогут отстоять революцию.

Делегаты Союзов крестьян на своем Съезде заявляли о необходимости решить “самый насущный вопрос - создание действительной революционной власти. Правительство в Ухане таковой не является”. Представитель Коминтерна и доверенное лицо Сталина Штраус сообщал из Китая, что “...хотя в этих провинциях (Хунань и Хупей) режимы реакционных генералов были свергнуты... Осталась прежняя власть и нетронутая сельская аристократия... Всюду ощущается их влияние... старый режим по сути еще жив и барствует над народом. Революция погибнет, если она не разрушит старый управленческий аппарат. Здесь массы знают эту ленинскую идею не понаслышке. (...) Хунанские крестьяне пошли дальше всех в деле разрушения старых администраций. Во всех районных центрах действуют особые комитеты; каждый из них состоит из представителей профсоюзов, Союзов крестьян и Гоминдана. Сельская администрация старых времен постепенно вытесняется “Собраниями делегатов селян”. Собрание выбирается всеми жителями села.

Характерно, что на этих Собраниях наибольшим авторитетом пользуются лидеры Союзов крестьян, которые также выбираются снизу.. Считаю, что один момент нужно подчеркнуть: преобразование деревенской власти идет бурно, но не систематично. Отсутствие четкого плана работы в этом направлении очевидно всем. Конечно, на это есть веская причина: Китайская революция капитально занята антиимпериалистической борьбой”.

Собрание делегатов селян! Разве это не зачаток Советской власти в деревне? - “Троцкий - фантазер и болтун”, - смеялись в Москве умудренные “практики”. Но фантазия Троцкого, как некий неистребимый вирус, была обнаружена за 10 тыс. километров в крестьянских башках под кровлей хунанских хат.

Официальные представители Коминтерна - каждый из них успел настроичить в Москве вагон погромных статей и речей противлевой оппозиции - докладывали из Китая дальше: “Везде нам говорят: “Вооружите же, наконец, массы! Нужны винтовки! Как можно больше винтовок!..” Где у крестьян нет совсем ничего, они вооружаются косами и палками. В свое время крестьянские массы разоружили многие разгромленные части северных генералов, но оружие, полученное таким образом, обычно сдавали уханьским властям”.

“Без решения вопроса о земле, - пишут они, - революции не выжить... Игнорирование или недостаточное внимание этому вопросу со стороны Уханя может стать для него роковой ошибкой”. И осторожный вывод: “Кое-что нужно реализовать уже сейчас... Это абсолютно необходимо... Снижение арендной платы... отмена побочных налогов... запрет ростовщичества... вооружение масс”.

Эти пункты давно были прописаны черным по белому в Программе Гоминдана. Но Гоминдан не только отказывался реализовывать коммунистическую программу, но и свою собственную. “Роковая ошибка” действительно имела место, но пострадал от нее не Левый Гоминдан, а доверчивые массы. Доброжелатели Гоминдана из Коминтерна оправдывали его тем, что он занят антиимпериалистической борьбой, поэтому несколько пассивен в работе с крестьянами. Что думала о крестьянском вопросе сама “революционная демократия”?

“Наша партия ведет непримиримую борьбу с привилегированной аристократией в деревне, - торжественно заявлял ЦИК Гоминдана 9 мая 1927 г. - Мы освобождаем крестьян от гнета и несправедливости... Тем не менее, пора объявить во всеуслышанье: за исключением тех лиц, чья причастность к контрреволюционной деятельности была доказана неопровержимыми фактами, которым, собственно говоря, лишь судебные органы компетентны вынести наказание, все добропорядочные землевладельцы находятся под строгой защитой революции; наши партийные товарищи должны разъяснять массам, что нельзя покушаться на свободу личности и имущество законопослушных граждан. Те, кто ослушаются, сами являются вредителями интересов революции, таких контрреволюционеров наши местные комитеты обязаны внимательно отслеживать и вылавливать”.

Исполнительный секретарь провинциального комитета Союзов крестьян Хупэя сказал

журналистке Стронг: “Мы были бы рады передать судебную работу правительству, проблема заключается в том, что в нашей провинции, местами бывает так, что кроме нас нет другой власти... Мы согласны, чтобы Ухань скорее установил свою власть во всей провинции. Если нам дадут оружие, мы будем защищать это правительство”.

“Это правительство” думало иначе. Согласно его постановлению, каждое отделение Союзов крестьян может иметь в своем распоряжении не больше 50 ополченцев. Причем эти силы должны использоваться исключительно в борьбе с вооруженными бандами, “мирных” богачей нужно оставить в покое. В июне 1927 г. в провинции Хупей число организованных крестьян было не меньше трех миллионов, а располагали они всего 700 револьверами! Руководство движения просило у Гоминдана помощи: “С мест требуют оружия. На его покупку деньги уже собраны, но нам везде отказываются его продавать. Просит оружия и руководство сельских Союзов, и рядовые активисты, и фактически каждый крестьянин”. Напрасные надежды! Правительство в своих документах признало, что “крестьяне... не вооружены и все время подвергаются нападениям местных контрреволюционеров. К сожалению, просьбу селян о военной помощи обычно невозможно удовлетворить”.

В том же интервью, данном исполнительным секретарем Союзов Крестьян Хупэя мисс Стронг, говорилось, что “в районе Хуанан был убит 21 руководитель местных Союзов. Мы просили прислать армию нас защитить. Нам в этом отказали, сказав, что некогда. Мы хотели сами отомстить, нам запретили. Сейчас разрешили носить оружие, но в самом селе применять его нельзя. Что нам делать? Контрреволюционеры не признают закона, они убивают нас когда им это удобно; но нам нельзя так поступать. Таков наш закон... но этот закон нам не помогает, а только мешает. Нам селяне доверяли, шли за нами, теперь нас обзывают врунами, болтунами и хвастунами. Мы хотим ликвидировать феодальные пережитки. Для этого прежде всего нужно ликвидировать существующую экономическую систему в деревне. Раньше селяне брали займы у землевладельцев на покупку семян, удобрений и зерна. Теперь им в этом отказывают, мол, иди выпрашивай у своих коммунак... Две трети крестьян сидят без денег на посевные работы. Они злы на нас... Мы хотим организовать кооперативы, но на это не хватает средств... Правительство запретило нам делить землю до принятия соответствующих законов...”.

Мисс Стронг далее давала такой комментарий: “Мой собеседник уверял меня, что достаточно двух вещей - революционной власти на местах и мощного вооруженного ополчения - чтобы раздавить всех врагов. Еще лучше, если Ухань даст дешевые кредиты на образование кооперативов. Но при нынешнем плачевном состоянии правительства, увы, - сокрушалась журналистка, - это просто утопия!”.

Такова истинная суть “революционной демократии Китая” - не в головах у Сталина и Бухарина, а в жизни. После всевозможных похвал в адрес Уханя (“революционный подход Левого Гоминдана к чаяниям рабочих и крестьян укрепляет нашу уверенность в будущем Китайской революции”, “в Ухане снова веет свежий ветер революции”), уханьское правительство, которое Рой назвал “знаменем антиимпериалистической борьбы китайского народа”, было не способно удовлетворить элементарные требования масс.

Коммунисты, руководители аграрного движения, начали быстро терять доверие в глазах крестьянских масс. 25 июня 1927 г. один из лидеров движения в своем выступлении констатировал следующее: “Массы отходят от борьбы, потому что ничего, кроме бойни и трудностей пока не получали”. Во время майского мятежа, по его словам, “наших активистов на местах смущало то, что обе противоборствовавшие стороны были гоминдановцами, и даже их флаги были одними и теми же”.

ЦК КПК, видя эти опасные симптомы, принялся “укреплять единый фронт”. В Ухане фактически сложилось коалиционное правительство. Члены Компартии заняли многие посты, как на высшем, так и на местном уровне. В правительстве работали два министра - коммуниста: министр труда Су Чжаочжин и министр земледелия Тань Пиншань (как говорится, “классические должности политических заложников”). Периодически созывались совместные совещания двух партий, где решались наиважнейшие вопросы текущей политики правительства. В инструктивном письме ЦК КПК партийцам - участникам этих совещаний подчеркивалось, что “необходимо принимать деятельное участие в работе совещания, но наши конкретные предложения должны исходить прежде всего из интересов Национальной революции и единства с Левым Гоминданом”. На этих совещаниях коммунисты вели себя не просто как лояльные союзники, а как подчиненные. И когда Ван Тинвэй на первом заседании предложил предоставить решающее слово именно ЦК Гоминдана, коммунисты не нашли ничего лучшего, кроме как согласиться. Сам Ван Тинвэй перед каждым заседанием созывал своих товарищей у себя на квартире, чтобы выработать общую тактику. Тактика же коммунистов, диктовавшаяся ЦК КПК, заключалась в том, чтобы проявлять как можно больше лояльности и как можно меньше “догматизма” и “фракционности” по отношению к союзникам.

Коммунисты, работающие в официальных СМИ Уханя, были предупреждены ЦК, что “превращать эти издания в рупор КПК не целесообразно; нужно пропагандировать генеральную линию Гоминдана”. В Ухане поэтому не было ни одной газеты, открыто агитирующей за коммунистическую программу.

“Единство с Левым Гоминданом” поставило коммунистов в идейную и организационную зависимость от их буржуазных “союзников”. КПК фактически являлась лидером массового движения, но политически добровольно шла на поводу у Гоминдана. “ЦК был застигнут врасплох стачечной волной в Ухане в 1927 г., - читаем разоблачительный документ КПК, изданный чуть позже новым составом ЦК. - Когда Гоминдан начал давить на забастовщиков, наш ЦК призвал профсоюзы не идти на конфликты... В случаях арестов рабочими отдельных фабрикантов за саботаж, ЦК каждый раз убеждал рабочих не прибегать к таким крайним мерам, даже если речь шла о зачинщиках локаутов или сознательного взвинчивания цен на продукты”.

Любые политические инициативы снизу тормозились лидерами Компартии. И это во время величайшего революционного взрыва! Под руководством Коминтерна коммунисты тратили массу энергии и времени на то, чтобы успокаивать рабочих. 29 мая на профсоюзном

мероприятии Эрл Браудер требовал от правительства принятия таких мер, как урегулирование цен на продукты в пользу бедноты. “Иначе революции грозит большая беда”, - предупреждал он. Браудер только не объяснил, зачем Гоминдану революция.

В конце 1926 г. на Седьмом пленуме Исполкома Коминтерна был дан зеленый свет КПК на вхождение в правительство Гоминдана. В марте 1927 г. ЦИК Гоминдана предоставил КПК квоту на два министерских поста. Пресса Коминтерна ухватилась за эти назначения как за симптом “резкого полевения” Гоминдана, и заявила о том, что империалисты “на смерть перепуганы” этими назначениями. Газета “Нью-Йорк Таймс” оказалась более искушена в делах классовой борьбы: в своих комментариях она сухо отметила, что “они - т.е. красные министры - будут не агентами профсоюзов в правительстве, а, в лучшем случае, посредниками между ними”. Немудрено, ведь красные министры в буржуазном правительстве совершенно несамостоятельные и неспособные на революционные действия фигуры.

Когда Тэн Пиньшень официально вступал на свой пост, ему устроили пышный прием, на котором осыпали комплиментами. Ван Тинвэй, пришедший его поздравить, заявил: “Аграрное движение быстро развивается... Нам позарез нужен человек, умеющий руководить этим движением.... Тов. Тэн и есть такой человек. У него достаточный авторитет, чтобы справиться с аграрным вопросом”. У Тэна действительно был значительный авторитет, ведь он представлял партию, которая в глазах миллионов крестьян отождествлялась с именем Октябрьской революции. Они слышали, что в России деревня давно избавилась от ненавистных землевладельцев. Но Тэн явно не отвечал этим представлениям. “Обещаю, что буду всемерно содействовать аграрной политике правительства. Идеи Сунь Ятсена будут высшим принципом в моей работе”, - искренно клялся Тэн.

После разгрома революции Тэна сделали козлом опущения. Он был изгнан из Компартии. Среди официальных обвинений выдвинутых ЦК партии в его адрес, кроме “позорного выступления на церемонии вступления в министерскую должность”, были и “преступные наказания, разосланные им в деревню, направленные на сдерживание аграрного движения”.

В его первых постановлениях на посту министра земледелия заявлялось, что “в аграрном движении намечается кризис. Переживаемый нами период есть период переходный... В такие периоды люди часто плохо разбираются, какие вопросы первостепенные, какие - нет... Наши революционные массы так или иначе во многих случаях перегибают палку. Их, конечно же, можно понять, вспомнив, что веками они подвергались угнетению со стороны крупных землевладельцев... Но пришла пора ограничить законные требования разумными пределами... Правительство со всей ответственностью заявляет: всякие несанкционированные действия во время аграрной реформы категорически запрещаются во имя коренных интересов большинства крестьянства. Все сознательные участники движения должны сплотиться вокруг революции, и поэтому отныне мир должен воцариться в селах, и ничто ему не должно угрожать... Действительные контрреволюционеры должны караться законной властью, самосуд над ними запрещается и будет наказываться...”.

Министр труда - другой красный министр - пел ту же песенку. Старый моряк торгового судна, авторитетнейший профсоюзный лидер в стране и просто честный человек, Су Чжаочжин должен был идти в фарватере решений своей партии. В своем первом заявлении в качестве министра он сетовал, что “рабочие и крестьяне, только что освобожденные от былого ига, по наивности совершают много проступков, которые уже стали причиной серьезных трений внутри революционного лагеря”.

Участие КПК в правительстве оценивалось позже самой партией таким образом: “Эти два министерства - Труда и Земледелия - не отличались от других бюрократических учреждений. В свою бытность на министерских постах эти двое товарищей не подготовили ни одного законопроекта, облегчающего жизнь масс, особенно сельских жителей. Эти два товарища были фактически втянуты в самую рутинную жизнь бюрократии, что дискредитировало репутацию коммунистов в глазах народа... Они не только не выдвигали революционных инициатив, но и не протестовали против покровительства Уханя в отношении контрреволюционеров...”.

Рабочим и крестьянам внушалось, что их спасение в полном единстве с теми, кто их повседневно топчет ногами. Член КПК, профлидер Уханя Сиань Чунфа устраивал “круглые столы” рабочих и работодателей, чтобы добиться “единства малого бизнеса с рабочими”. Сам он был расстрелян 1932 г. гоминдановскими властями. Жен Шу, член Секретариата Единообразных Союзов крестьян Китая, был встревожен “нездоровой быстротой” развития аграрного движения в провинции Хупей. Он поручил своей организации в этой провинции снизить накал борьбы, дабы драгоценное имущество революционных офицеров Хупея не было разнесено в прах. Провинциальный комитет Хупея отреагировал на это постановлением, в котором говорилось, что “по решению ЦИК Гоминдана и Национального правительства, местные отделения нашей организации должны вступить в борьбу с перегибами в аграрном движении... Укрепим единый фронт крестьянства, мелких землевладельцев, торговой и промышленной буржуазии! Незаконная экспроприация имущества революционных офицеров и других сторонников революции из состоятельных слоев запрещается”.

Ван Тинвэй, тем не менее, был не удовлетворен темпом выполнения вышеуказанных решений. Он высказал свое недовольство Бородину. “Я не отвечаю за аграрный сектор”, - протестовал Бородин, но не преминул заметить, что “реально мы можем добиться только ограничения темпа и масштаба движения”. Он обещал всемерно содействовать в этом направлении. 15 мая ЦК КПК в своем обращении к массам потребовал от бедняков в деревне не “самодурствовать”: “Ваши несогласованные, необдуманные действия отталкивают от нас мелкую буржуазию”. Нужно заметить, что под термином “мелкая буржуазия” здесь вовсе не подразумевались ремесленники, мелкие торговцы, лавочники и большинство крестьян. Эти слои при благоприятных условиях, в первую очередь, грамотном пролетарском руководстве действительно могли бы выступить на одной с рабочим классом стороне баррикад. Нет, речь здесь шла о совсем других слоях - мелких землевладельцах, офицерстве.

Пока коммунисты заботились о поправках в правах этих представителей “левого крыла Гоминдана”, те готовились к бою. Уж их-то единый фронт имел под собой твердую классовую основу. Вечером 21 мая 1927 г., когда уже стемнело, в г. Чанша, центре провинции Хунань, поднялся военный мятеж. Комендант города, бывший так же командиром 33-й дивизии 35-й армии, Сюй Кэсян отдал команду “Выступить!”. Его солдаты с белой повязкой на левой руке ворвались в штаб городских профсоюзов. Четыре дружинника, две женщины и один мужчина, находившиеся там, были убиты на месте. Помещения городского комитета Гоминдана, партийной школы и всех организаций массового движения также были захвачены. По ходу дела солдаты перебили массу случайных людей. Утром следующего дня Сюй объяснил общественности свои действия как “акт самообороны”, вызванный угрозой разоружения его войск рабочей дружиной. Он также заявил о начале “реорганизации” комитета Гоминдана и городской администрации. Специальной комиссии, подобранной из преданных ему людей, было поручено отвечать за эту работу. В городе повсюду расклеивались лозунги “Раздавим экстремистов!” и “Да здравствует Чан Кайши!”.

Информация о перевороте в Чанша была скрыта Уханем от широкой общественности. Только спустя месяц, сообщение о “чаншайской резне” появилось на страницах газет. И какой месяц этот был! В Чанша каждый день с утра до вечера выводили людей на расстрелы. Сотни делегатов Союзов крестьян, прибывших в Чанша на провинциальное совещание, были перебиты. Когда спала первая волна террора, ежедневно “по плану” расстреливали по 10-30 человек. В основном это были рабочие и учащаяся молодежь. Мятеж в центре провинции был воспринят реакционерами с мест как сигнал к действию. В течение нескольких дней после чаншайского мятежа в г. Хэньян от рук местных офицеров погибли сотни коммунистов; в г. Чандэ 600 активистов аграрного движения были расстреляны из пулеметов. После мятежа в своем родном г. Люян крестьяне бежали оттуда в Чанша, они были встречены у ворот города пулеметными очередями - 130 человек были убиты на месте. В течение месяца 20 тыс. активистов массового движения погибли от кровавых рук контрреволюционеров. На убийство каждого реакционера имущие классы отвечали сотнями убийств рабочих и крестьян.

На расширенном заседании ЦК КПК, созванном в Ухане после чаншайского переворота, Чен Дусю снова предлагал выйти из Гоминдана: “Уханьское национальное правительство идет по следам Чан Кайши, если не изменим политику, нас ждет бесповоротная контрреволюция”. Большинство из присутствовавших отмалчивалось, только Чжоу Энлай сказал, что “выйти из Гоминдана было бы хорошо, но наше влияние в НРА пострадает от этого”. Таким образом, предложение Чена никем не было поддержано.

27 мая 1927 г. Национальный комитет Объединенных профсоюзов Китая и Секретариат Союзов крестьян Китая в совместной директивной телеграмме своим хунанским организациям призвали их “сохранять полное спокойствие”, так как “сегодня утром центральное правительство уже отправило делегацию для расследования случившегося в Чанша. Передайте всем нашим членам приказ ничего не предпринимать до конца разбирательства”. Но делегация смогла пройти только до границы с мятежной провинцией, и

была изгнана обратно офицерами. Членам делегации еще повезло, что им не отрубили голов. Вскоре к мятежникам присоединился другой генерал - Хэй Зиань. Его передовые полки прибыли в Чанша (в городе было менее 2 тысяч солдат) на подмогу.

“Реорганизация” хунанской власти была проведена в кратчайшие сроки. Во властных органах теперь сидели бывшие гонимые: землевладельцы, фабриканты, отъявленные реакционеры. Пойманных деятелей революционного движения немедленно казнили. Были закрыты учебные заведения: офицеры смотрели на всех “очкариков” как на прирожденных коммунистов. Отнятое крестьянами имущество землевладельцев возвращалось старым хозяевам, и вернувшиеся из изгнания господа щедро благодарили “благородных рыцарей” в погонах.

Глава 13 Москва сохраняет верность Левому Гоминдану

В те дни, когда хунанских рабочих везли на расстрелы, в Москве проходил Восьмой пленум Исполкома Коммунистического Интернационала. И хотя чаншайский переворот произошел сразу после открытия пленума, в Москве, за исключением двух-трех человек, все были в полном неведении об этих событиях.

1927 год в истории СССР был годом окончательной ликвидации большевистской фракции (так называемой “Левой оппозиции”) в ВКП(б). Ее составляли ортодоксальные большевики, не сломавшиеся под тяжестью революции и усталости от гражданской войны, не поддавшиеся искушению привилегиями для правящей элиты, которые в начале 1920 годов встали на борьбу за спасение рабочей власти от бюрократического перерождения. “Левая оппозиция” требовала исправить официальный курс по целому ряду вопросов: хозяйственной политике, роли Советов в управлении государством, международной политике.

К моменту открытия этого пленума многим, особенно иностранным коммунистам, казалось, что крах группировки Сталина - Бухарина предопределен банкротством ее официальной политики: кулацкое хозяйство душит экономику страны хлебными забастовками, буржуазные социалисты, типа лейбористов в Англии, и революционные демократы, типа генерала Чан Кайши в Китае, порвали дружбу с Советской Россией, предварительно извлекая максимальные выгоды для себя. После разрыва дипломатических отношений с Британией для СССР резко увеличилась опасность военной интервенции империалистических держав. В Китае “революционные генералы” проливали реки народной крови. За все эти преступные просчеты должны были отвечать, очевидно, Сталины - Бухарины.

Первым делом Сталин в этой непростой ситуации сделал все, чтобы не допустить открытой полемики. Как борцы за свободу человечества от всех видов угнетения и эксплуатации большевики всегда в спорах со своими оппонентами действовали методами убеждения, а не давления, обмана и травли. Отныне все пойдет иначе.

Прежние пленумы Исполкома Коминтерна всегда проходили в Андреевском зале Кремля. На них всегда присутствовали многие рядовые советские и иностранные слушатели докладов и выступлений. Тексты выступлений немедленно переводились на английский, немецкий, французский языки и публиковались в прессе Коминтерна (разумеется, и в советской прессе тоже). Восьмой пленум стал прецедентом нарушения этой традиции. Его открытие состоялось как заговор: в газетах появилось всего несколько строк, посвященных этому событию.

Альбер Трен, один из тогдашних лидеров Компартии Франции, бывший в то время верным сталинцем, состоявший в Президиуме Исполкома Интернационала и работавший в специальной комиссии по китайскому вопросу во время этого пленума, так вспоминал о

нем:

“Восьмое заседание Исполкома собралось в том помещении, где обычно совещался Президиум Исполкома. Нам дали на это то нелепое объяснение, что в столице мировой революции не нашлось другого помещения для заседания генерального штаба этой самой революции. В действительности, (советские руководители) опасались, что придет слишком много русских товарищей (на этих заседаниях всегда было много простых слушателей, нечленов Исполкома), и услышат то, чего им не следовало бы слышать. Рабочие документы, кстати, никакого секрета не содержавшие, роздали нам буквально накануне. Так как мы заседали непрерывно (включая совещания подкомиссий), то мы могли составить себе лишь самое поверхностное суждение об этих документах, у нас просто не было времени вникнуть в суть.

“Нам не разрешили стенографировать даже собственные выступления, а также передавать (или пересказывать) их содержание посторонним. После окончания пленума все документы должны были быть возвращены. В противном случае не выпускали из зала. Во время голосования по резолюциям хотели обойтись без всяких прений, но некоторые члены Исполкома запротестовали, и слова были лишены только представители (Левой) оппозиции. Впервые в истории Интернационала решения пленума были опубликованы без подробного изложения дискуссий, без которых, собственно говоря, трудно было разобраться в сути резолюций”.

31 мая газета “Правда” вместе с резолюциями опубликовала короткую передовицу по состоявшемуся пленуму и коммюнике Секретариата Исполкома Коминтерна. Спустя месяц были опубликованы доклад Сталина на пленуме и выступление Бухарина на конференции актива московской организации ВКП(б). Спустя год, когда Международная Левая оппозиция решила обнародовать выступление Троцкого на этом пленуме, ею от имени Коминтерна была напечатана брошюра на немецком языке. В ней содержалось несколько выступлений по Китайской революции на этом пленуме. Полный отчет пленума никогда не публиковался.

На этом пленуме разногласия по Китайской революции проявились во всей своей остроте. 24 мая Сталин выступил с докладом в защиту тактики единства с Левым Гоминданом и против идеи создания в тот момент в Китае Советов. Он заявил:

“...Переживает теперь Китай величайшую по своей силе и размаху аграрную революцию.

“А что такое аграрная революция? Она именно и есть основа и содержание буржуазно-демократической революции. Именно поэтому и говорит Коминтерн, что Китай переживает в настоящий момент буржуазно-демократическую революцию.

“Установка Коминтерна по вопросу о революционной роли Ухана известна и ясна. Так как Китай переживает аграрную революцию; так как победа аграрной революции есть победа буржуазно-демократической революции, победа революционной диктатуры пролетариата и

крестьянства; так как Нанкин является центром национальной контрреволюции, а Ухан — центром революционного движения в Китае, — то необходима поддержка уханского Гоминдана, необходимо участие коммунистов в этом Гоминдане и в его революционном правительстве, при условии, что будет обеспечена руководящая роль пролетариата и его партии как в Гоминдане, так и вне Гоминдана.

“...Является ли нынешнее уханское правительство органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Нет, пока еще не является и не скоро еще станет таким органом. Но оно имеет все шансы развиться в такой орган при дальнейшем развитии революции, при успехах этой революции.

“Такова установка Коминтерна.

“...Понимает ли оппозиция, что создание Советов рабочих и крестьянских депутатов в Китае теперь означает создание двоевластия между Советами и уханским правительством и ведёт обязательно и неизбежно к лозунгу свержения уханского правительства?

“...Возможно, что в 1905 году в России не было бы Советов, если бы существовала тогда в России широкая революционная организация вроде нынешнего левого Гоминдана в Китае. Но такая организация не могла существовать тогда в России, ибо элементов национального гнёта не было в среде русских рабочих и крестьян, русские сами угнетали другие национальности, а организация вроде левого Гоминдана может возникнуть лишь в обстановке национального гнёта со стороны иностранных империалистов, стягивающего в одну широкую организацию революционные элементы страны.

“Только слепые могут отрицать за левым Гоминданом роль органа революционной борьбы, роль органа восстания против феодальных пережитков и империализма в Китае. Но что из этого следует?

“А из этого следует то, что левый Гоминдан в Китае играет для нынешней буржуазно-демократической революции в Китае приблизительно такую же роль, какую играли Советы в 1905 году для буржуазно-демократической революции в России. Другое дело, если бы не было в Китае такой популярной и революционно-демократической организации, как левый Гоминдан. Но раз имеется такая специфическая революционная организация, приспособленная к особенностям китайских условий и доказавшая свою пригодность для дальнейшего развития буржуазно-демократической революции в Китае, было бы глупо и неразумно разрушать эту годами созданную организацию теперь, когда буржуазно-демократическая революция только началась, которая еще не победила и которая не скоро еще победит”.

Вот несколько наиболее показательных цитат из резолюции по Китайской революции, принятой на пленуме:

“Пленум считает ошибочными взгляды тех товарищей, которые недооценивают политическую значимость Уханя, великую революционную роль Гоминдана. Уханьское правительство и лидеры Левого Гоминдана по своему социальному составу представляют не только крестьянство, рабочих и ремесленников, но и часть средней буржуазии. Поэтому уханьское правительство, т.е. правительство Левого Гоминдана, еще не является диктатурой рабочих и крестьян, но оно приближается к ней. Опираясь на развитие пролетарской борьбы, избавляясь от своих мелкобуржуазных попутчиков, преодолевая измену, оно (уханьское правительство) неизбежно доведет тенденцию диктатуры рабочих и крестьян до конца. (...)

Исполком акцентирует внимание товарищей из КПК на необходимости теснейших связей революционного правительства с массами, в данный момент в особенности. Только взаимодействуя с массами (эту работу, в основном, нужно проводить через структуры Гоминдана), революционное правительство поднимет свой авторитет и усилит свою роль организатора революции. Задача КПК заключается в том, чтобы помочь Уханью совершить этот поворот (налево). Если этот поворот не будет осуществлен, массовое движение заглохнет, аграрная революция не решит, возложенных на нее задач, положение рабочего класса не улучшится, Гоминдан не превратится в массовую организацию рабочих и крестьян. Если профсоюзы и КПК не пополнят свои силы, то победа революции также будет невозможна. (...)

“В этой ситуации, КПК поддерживает революционную борьбу, ведущуюся Уханьем. Она (Компартия) участвует в уханьском правительстве и поэтому отвечает за его политику. КПК принимает активное участие в реализации задач, стоящих перед Уханьем. Поэтому КПК принципиально не должна выступать против осторожности и медлительности, вероятно, имеющих место в политике правительства. Отказ от необходимых компромиссов означал бы, что коммунистам пришлось бы выступить в одиночку сразу на всех фронтах: против империалистов и их ставленников в Китае, против землевладельцев, торговой и промышленной буржуазии. Это было бы крайней глупостью.

“Поэтому Исполком Коминтерна считает, что (КПК) нужно постоянно корректировать свою тактику с учетом конкретной ситуации, тех конкретных моментов, которые невозможно предвидеть заранее... В экономической политике очевидна вредность таких радикальных мер как экспроприация всего иностранного капитала...”.

Эта резолюция во истину шедевр бюрократической мысли. Призывая КПК “развивать аграрное движение” и вооружать массы, московские вожди избавились от возможного обвинения в оппортунизме. “Судите сами, - скажут они в случае чего, - мы же черным по белому написали, что надо действовать, а не сидеть сложа руки”. “Делайте революцию через Гоминдан”! - Такова суть решения Исполкома. “Это невозможно!” - возражают китайские рабочие и крестьяне. “Так это Ваша проблема, мы же не говорим, что нельзя делать революцию. Делайте как угодно, но с Гоминданом во главе!”, - отвечали Сталин - Бухарин в этой заочной полемике.

В подкомиссии по китайскому вопросу работали трое: Бухарин, Тольятти и Трен. Вот как проходили эти заседания: по свидетельству Трена, Бухарин выступил с докладом, в котором говорилось, что “крестьяне своим захватом земли отпугнули Ухань. Если сейчас не ограничим аграрное движение, то потеряем нашего левого союзника, а наш план о завоевании большинства в Гоминдане не будет выполнен. Если ограничим на время аграрное движение, то расширим наше влияние в Гоминдане; когда станем более сильными, наверное, обойдемся и без левого союзника”. Трен выступал против Бухарина, и доказывал, что такое решение приведет к открытому одобрению репрессий в отношении крестьян в случае их неподчинения Уханю. Трен сказал: “Вопрос заключается не в том, надо ли пожертвовать одним из союзников пролетариата. Вопрос заключается в том, кем пожертвовать: крестьянством или буржуазией? Коминтерн пытается руководить китайской революцией через Гоминдан. Таким образом мы не добьемся успеха”. Тольятти все время отмалчивался. Бухарин обратился за разъяснениями к Сталину. Сталин заявил Трену, что поступить по другому нельзя: “Иначе мы восстановим против себя левую часть буржуазии, а это означает гражданскую войну. Китайские солдаты в своем большинстве наемники (речь шла о солдатах как НРА, так и армии северных генералов-диктаторов. Прим. переводчика), у нас нет столько денег чтобы их подкупить”.

Сталин утверждал, что не стоит преждевременно провоцировать Гоминдан по всяким второстепенным вопросам, потому что “левая часть буржуазии все еще сильна. Ее армия не развалится сама собой. Сейчас перед нами выбор: маневрировать или вступить в бой?”. Трен высказал свое мнение: “Надо вступить в бой”. Сталин ответил: “Тогда проиграем. Надо маневрировать... В открытом бою мы проиграем, нам нужно выиграть время, и тогда мы победим в решающем сражении”. Он развил свою мысль следующим образом: “Маневрирование не терпит суеты. Работать нужно осторожно. Аграрное движение не может не вызывать страх Гоминдана, когда крестьяне огульно забирают землю у всех землевладельцев подряд, включая революционное офицерство и самих членов Гоминдана. Считаю, нужно послать телеграмму Бородину с запретом экспроприации земель этих двух категорий”.

Трен писал позднее, что когда он спросил Бухарина, поддержит ли КПК возможные репрессии Уханя против крестьян, Бухарин ответил: “Да”. Сталин разъяснил Трену: “Бухарин ответил на Ваш вопрос теоретически. В действительности КПК не придется делать такой выбор. Мы имеем достаточный авторитет у китайских масс, чтобы удержать их от экстремизма”. Тольятти наконец определился: он выразил полную солидарность со Сталиным. Трен отказался подписаться на принятом решении, он сказал Бухарину: “Вы уже все решили, а я своей подписи не поставлю”.

Сталин имел все основания быть уверенным в своем авторитете среди китайских масс. Вернее было бы сказать, что непререкаемым авторитетом для них была Русская революция. Но ни Сталин, ни даже Русская революция не пользовались ни малейшим авторитетом у китайских генералов. Последние по своему понимали аграрный вопрос и решали его путем рубки крестьянских голов. Головы же китайских коммунистов были окончательно заморочены туманными фразами московских директив, что вполне устраивало “вождей

мирового большевизма”. Китайских коммунистов призывали завершить аграрную революцию, одновременно запретив им делать хоть что-нибудь, кроме как будить “революционную совесть” Гоминдана.

В своей секретной телеграмме генсеку КПК Чен Дусю Сталин дал ему следующие инструкции:

1. “Экспроприацию земель надо вести (...) не от имени Национального Правительства, а землю революционного офицерства - не трогать”. (Чен потом так прокомментировал это указание: “В Хунане и Хупэе не было ни одного землевладельца, буржуа или сельского аристократа, не связанного с офицерами НРА. Под защитой офицеров так или иначе находились все богачи в деревне”. Ван Тинвэй давно предлагал на время свернуть преобразования в деревне: “Весь командный состав наших вооруженных сил, включая младших командиров из восьмой, второй и шестой армий, имеет землевладельческое происхождение”. Троцкий назвал эту Революционную армию “страховой компанией всех землевладельцев”.)
2. “С помощью местных комитетов Гоминдана сдерживать чрезмерную активность крестьян”. (Как мы видели, эту активность несколько раньше уже начали сдерживать... генеральские шашки.)
3. “Очистить армию от ненадежных генералов. Вооружить 20 тыс. коммунистов, 50 тыс. активистов движения и создать на их базе Революционную армию нового типа”. (Чен Дусю впоследствии писал, что “для того, чтобы не нарушать все имеющиеся директивы, нам оставалось только просить Гоминдан сместить реакционных генералов и вооружить нас”).
4. “Заменить ненадежных членов ЦИК Гоминдана представителями рабочих и крестьян”.

(Много позже КПК осторожно осудил эту тактику: “В Интернационале было мнение, что с одной стороны, нам надо укрепить Гоминдан и революцию... с другой стороны, изменение классового состава Гоминдана, Национального правительства и Революционной армии не должно расшатывать единый фронт... Для нас, это было весьма трудной задачей”. Несколько лет спустя эти директивы Москвы были прокомментированы в партийном учебнике КПК по революции 1925-27 г. в такой осторожной манере: “Попытки изменить классовый состав НРА могли привести только к захвату нами власти в НРА... А значит нам пришлось бы смело решать жизненные вопросы солдат, крестьян и прочих масс, затрагивая, таким образом, интересы не только крупной, но и мелкой буржуазии”).

5. “Организовать революционный трибунал над реакционными офицерами, председательствовать на котором должен уважаемый Гоминдановец”.

Таковы были бесценные советы китайским коммунистам, дававшиеся под прикрытием авторитета Русской революции. “Мы в 1917 г. победили с помощью такой тактики, победите и Вы”, - заверяли советчики ошеломленных китайцев. Чен Дусю грубовато назвал меры,

предложенные Сталиным, “купаньем в сточной канаве”. ЦК КПК отправил благодарственную телеграмму в “центр мировой революции”, но с оговоркой, что “реализация всех предложенных мер, преждевременна”. Рой же, никого из своих не предупредив, поспешил показать сталинскую телеграмму Ван Тинвэю. “Уверен, что Вы одобрите этот план”, - сказал Рой Вану. К его удивлению, Ван не проявил энтузиазма. Теперь и Рой растерялся. Оказывается, у Левого Гоминдана был другой выход, кроме “неизбежного доведения до конца тенденции диктатуры рабочих и крестьян”. Именно этот пустяк упустил из виду Сталин. Его план нуждался в одобрении Ван Тинвэя, а Ван не нуждался в плане Сталина, у него был свой план.

Когда в Москве узнали, что Рой показал секретную директиву Коминтерна Ван Тинвэю, он был снят с должности главного эмиссара Коминтерна в Китае за нарушение дисциплины. Что касается самой директивы, то в ее правильности никто не сомневался. Надо работать и работать, товарищи, а не хныкать как какие-нибудь паршивые троцкисты! - Уверенным тоном уверяли московские вожди взволнованных китайцев в связи с этим инцидентом.

28 мая в своем письме пленуму Исполкома Интернационала Троцкий снова предлагал развернуть работу по созданию рабочих и крестьянских советов в Китае.

Бесполезно...

Пленум принял специальную резолюцию с осуждением лозунга создания Советов в Китае.

В Ухане коммунисты отчаянно пытались понять, наконец, “великую революционную роль” Гоминдана. Исполкомы профсоюзов и Союзов крестьян провинции Хупэя, а также и Генеральная торговая палата Уханя в совместном документе заявили: “Мы сожалеем по поводу прискорбного недоразумения между армией и народом в Хунане. Но ничто не помешает нам выполнить свой священный долг перед революцией. Правительственная комиссия уже отправилась в Хунань для разбирательства, на днях инцидент будет исчерпан. (...) Мы заявляем о своей готовности соблюдать все решения правительства. Обещаем, что сделаем все для укрепления единого фронта рабочих, крестьян и предпринимателей; мы также безусловно поддерживаем аграрную политику Гоминдана. Нам видится отчетливо, что единственный выход из создавшейся непростой ситуации заключается в искреннем сотрудничестве правительства с массами... Надеемся, что контрреволюционные беспорядки в Хунане будут подавлены правительством, и подобная ситуация больше не повторится...”.

Но Ван Тинвэй счел это заявление наглым. “Бородин и коммунисты хотели, чтобы ЦИК (Гоминдана) подавил мятеж силой, но Ван был против, он настаивал на том, что чаншайские события были спровоцированы красными экстремистами. Как компромиссный вариант, генерал Тан Шэнчжи отправился в Чанша, чтобы вести расследование”, - так рассказывается об этом эпизоде в официальной биографии Ван Тинвэя. Коммунистов резко одернули и они постарались загладить свою “экстремистскую выходку”, призывая массы “спокойно ожидать решения правительственной комиссии”. Они развернули целую агитационную кампанию в защиту “преданности генерала Тана Национальной революции”.

На преданность солдат КПК уже не приходилось рассчитывать, т.к. вся ее прежняя политика в отношении армии была основана на мирном сосуществовании с офицерством, чего солдаты не могли не видеть.

В феврале 1927 г. ЦО Коминтерна убеждал КПК и “каждого сознательного рабочего” “ни в коем случае не способствовать тенденции разложения Революционной армии. Потому что буржуазия, возглавляющая революцию, имеет в ней значительное влияние”. Иными словами, коммунисты должны были работать на армию, не претендуя на какое-либо влияние в ней. Несколько лет спустя задним умом новый состав ЦК КПК так оценивал партийную политику в отношении армии в 1927 г.: “КПК не вела в армии никакой политической работы. Проводились совместные акции солдат с рабочими, но чисто формальные, поверхностные. Конкретные нужды солдат (нами) не замечались. Революционная агитация в войсках не проводилась. Единые требования рабочих, крестьян и солдат нашей партией не были сформулированы. Руководство партии довольствовалось дружескими отношениями со старшими офицерами, а коммунисты-политработники в армии занимались тем, что, как говорили в казармах, лизали ж...пу начальству. Недовольство масс армией обрушилось, в первую очередь, на солдат, а мы никакой разъяснительной работы ни среди масс, ни среди солдат не вели. И, в конце концов, офицеры сумели нагривить солдат на рабочих, заявляя, что в тылу рабочие саботируют армию”.

14 июня 1927 г. генерал Тан Шэнчжи вернулся с фронта, специально для того, чтобы провести расследование недавних событий в Чанша. Коммунисты в своей листовке, посвященной возвращению генерала, назвали хунанский переворот “предательством по отношению к генералу Тану, защитнику угнетаемых масс”. В честь Тана неоднократно созывались массовые митинги. Делегация от массовых организаций Хунана на приеме у Тана, услышала от революционного генерала следующее заверение: “Рабочие и крестьяне никогда не будут обиженными Революционной армией. (...) Некоторые незрелые действия масс нужно будет скорректировать. (...) Да здравствует революционный народ Хунана!”.

КПК неуклонно продолжала пытаться выполнить “свою основную задачу - заставить Гоминдан повернуться лицом к массам”. В официальном письме в ЦИК Гоминдана от 16 июня коммунисты убеждали гоминдановцев, что “момент для реализации аграрной программы партии (т.е. Гоминдана) созрел. Это историческая задача Гоминдана. Будущее революции целиком зависит от того, есть ли у Гоминдана достаточная решимость в этом вопросе”. ЦК КПК предложил в этом письме следующие меры для подавления контрреволюции:

1. Национальное правительство должно объявить чаншайский переворот контрреволюционным актом и призвать солдат мятежных войск перейти на сторону законной власти.
2. Подавить мятеж, и восстановить в Хунане законную власть.

3. Наделить генерала Тана необходимыми полномочиями для проведения военного похода против мятежников в Чанша.

4. Распустить все колеблющиеся местные комитеты Гоминдана.

5. Возобновить деятельность массовых организаций рабочих и крестьян и КПК на мятежной территории. Возобновить деятельность дружин самообороны. Вооружить крестьянские массы.

“В случае отказа Гоминдана и правительства от принятия этих мер, революция окажется в опасности”, - писал ЦК КПК.

Генерал Тан вскоре уехал в Чанша. 26 июня он в своей телеграмме Уханю так обрисовал ситуацию на месте: “Я здесь обнаружил ужасающую картину, сложившуюся в результате деятельности местных организаций рабочих и крестьян. Преступное руководство этих организаций долгое время бесчинствовало над местным народом. Народные массы терроризировались этими организациями, которые открыто нарушали решение правительства о защите имущества революционного офицерства. Везде преступные элементы вторгались в частную жизнь мирных селян, вымогая у них средства, а некоторых из них даже убивая... В ответ на эту чрезвычайную ситуацию, чаншайский гарнизон вынужден был защищаться. (...) Господин Сюй действовал из благородных побуждений, хотя и превысил свои полномочия. Он получил взыскание в дисциплинарном порядке, и остается на своем посту”. В конце телеграммы Тан требовал от Уханя признать результаты “реорганизации” прежнего правительства в Хунане правомочным, а также наделить его (Тана) правом “наказывать отдельных членов партии (Гоминдана), которые, по-видимому, собираются сопротивляться новой власти”. Три дня спустя Ухань удовлетворил все просьбы Тана. Сам он был назначен главой правительства Хунана. Все ключевые посты при новой власти заняли доверенные лица генерала.

В тот день, когда генерал Тан открыто выступил на стороне контрреволюции, ЦО Коминтерна так прославлял новую “победу” Китайской революции: “Шумливые пропагандисты международной реакции недавно так радовались чаншайскому мятежу. И что же?.. Мятеж чаншайских офицеров, встретив решительный отпор рабочих масс, уже полностью ликвидирован”.

Вскоре генерал Чжу Пэйдэй, глава правительства провинции Цзянси, следуя примеру Тана, выслал всех коммунистов, лидеров массового движения и политработников Революционной армии со своей территории. ЦК КПК ответил на этот новый удар “мудрым” молчанием - “чтобы не отпугнуть генерала Чжу от революции”.

А Коминтерн все разглагольствовал: “Беднейшее крестьянство является надежной опорой революционного правительства. Ухань может смело рассчитывать на его поддержку”. К сожалению, уханьская власть действительно пользовалась этой поддержкой, иначе она рухнула бы еще до своего рождения. Председатель профсоюзов горной промышленности

Хунана заявил прессе: “Рабочие поддерживают Ухань, потому что считают, что это их правительство”. Тем временем Ухань ни на секунду не прерывал своей контрреволюционной работы. А массовое движение все хирело. О ситуации в Хупэ на тот момент лидеры аграрного движения писали так: “Резня продолжается во многих районах, даже под Уханьем наемные банды землевладельцев начали проявлять активность. До недавнего времени у нас были отделения Союзов крестьян в 54 районах, на прошлой недели остались в 24 районах. Позавчера, по нашей прикидке, в наших руках было еще 4 района. Сегодня мы не уверены и в этом”.

Годом позже поведение ЦК КПК в эти грозные дни так описывалось одним чиновником Коминтерна: “Мы (т.е. ЦК КПК) не могли одними своими силами противостоять контрреволюции. В этом случае мы ударили бы по авторитету Национального правительства, и нам пришлось бы с ним конфликтовать. Мы обязаны были поддержать правительство и ожидать его решений. Мы должны были помочь ему встать на путь решительных действий, но ни в коем случае нам нельзя было выступать самостоятельно”. Когда пришло время отмежеваться от всей этой политики, лидеры Интернационала не жалели словесных бомб: “трусость”, “предательство”, “позор”. Умалчивалось лишь одно: всю политику КПК в эти годы курировали лично генеральный секретарь ВКП(б) и его ближайшие соратники.

Революция ели-ели стояла на ногах. Это уже бросалось в глаза. Об этом начали говорить вслух - прежде всего конечно же вчерашние радикалы из Левого Гоминдана.

Ван Тинвэй на одном из заседаний ЦИК Гоминдана демонстративно кричал: “Коммунисты толкают нас к массам. Где эти массы? Где хваленная сила шанхайских рабочих, гуандунских и хунанских крестьян? Нет у них ничего... Смотрите, Чан Кайши и без масс стоит на ногах. И еще как стоит! С массам - значит восстановить против себя армию, и, в лучшем случае, остаться с носом. Нет, нам лучше с армией”.

Ван Тинвэй не желал идти к массам. Но это совершенно не мешало коммунистам идти к Ван Тинвэю. Ведь “революционный потенциал Гоминдана еще не исчерпан”. В течение нескольких лет этот мифический потенциал неустанно пытались использовать московские вожди. Сначала ставка делалась на Чан Кайши, затем - на Ван Тинвэя. Впереди новая надежда - революционный генерал Фэн Юйсян.

Глава 14 Последние дни “Революционной демократии”

Генерал Фэн Юйсян был здоровенным мужиком а ля Соловей-разбойник. Фэн к этому времени уже проявил себя мастером высшего класса в искусстве всевозможных способов политического и физического выживания. В начале 1920-х годов он стал хозяином в Северо-западном Китае в качестве крупного военного диктатора, добившись этого исключительно благодаря нескольким удачным изменам своему начальству и союзникам. Долгие годы он был страстным приверженцем католической церкви, пока не нашел более щедрого спонсора. В 1924 г. “Генерал-Христос”, как его прозвали, почуял новую возможность: красная Москва стала проявлять невиданную щедрость к влиятельным иностранцам, особенно тем, кто не разделял марксизм-ленинизм, но на словах очень любил Советскую Россию. В 1925 г. Фэн оказался в тяжелом положении после поражения в своей очередной военной авантюре; тут коммунизм повернулся к генералу своей привлекательной стороной, и он убедился в никчемности Библии и всемогуществе Коммунистической идеологии.

В 1926 г. Фэн отправился в Москву. Пресса Коминтерна писала тогда, что “Фэн находится на пути в Москву... Он готов пойти на завод как рядовой рабочий, чтобы непосредственно в пролетарской среде получить передовой опыт политической и хозяйственной деятельности Советской Республики. Фэн добровольно идет на встречу с аскетической жизнью, чтобы основательно подготовиться перед битвой за осуществление идей Сунь Ятсена”.

Фэн действительно хотел кое-что получить, а именно продукцию советских военных заводов, благо, добиться этого было не сложно. Его портреты как “лидера прогрессивных сил Китая” висели уже в таких солидных учреждениях, как центральные офисы Коминтерна. Сам Фэн предсказывал “новую освободительную войну и новую победу китайского народа”, указывал на “мощное движение рабочих и крестьян, разрастающееся по всему Китаю” и выражал уверенность в “окончательной победе китайского пролетариата в недалеком будущем”. Перед журналистом газеты “Правда” Фэн клялся в том, что его бойцы будут сражаться за “национальное освобождение” и “завершение народной революции”.

Армия Фена называлась “Народной”, но до 1925 г. он все время уклонялся от практического сотрудничества с левыми силами в стране или хотя бы с Сунь Ятсеном. В Москве же Фэн без промедления провозгласил себя “учеником Ленина”. Взамен этого чудесного обращения войска “ученика” начали снабжаться деньгами и оружием из России. Полный надежд и планов, генерал вернулся в Китай; его звездный час вот-вот пробьет. 16 сентября 1926 г. из своего главного штаба в провинции Хэнань Фэн заявил на всю страну: “Я - сын рабочего класса! (...) Клянусь, что буду будить спящий народ, ликвидировать империалистических холуев - компрадорскую буржуазию и реакционную военщину... Добьюсь изгнания империалистических сил из нашего отечества! Да здравствует свобода и независимость Китая!”. Среди всех “прогрессивных генералов” Китая, с которыми заигрывала Москва, Фэн занимал особо важное положение. Его обновленная армия, оснащенная советским оружием, контролировала как Запад, так и часть центрального региона страны. Фэн, как

тигр в засаде, выжидал, наблюдая за чужой схваткой.

Бурные события 1927 года выдвинули генерала, наконец, в центр политических баталий: потеряв Чан Кайши и теряя Ухань, Москва чувствовала острый дефицит в вождях революционной демократии. “Сын рабочего класса” особенно подходил из-за своих деловых качеств. “Фэн - человек действия”, - кивала в его сторону неразлучная парочка Сталин-Бухарин: “Он лучше знает, как спасти Левый Гоминдан, чем эти мягкотелые интеллигентки в уханьском правительстве”.

Правда, недоброжелатели китайского народа (вероятно, троцкисты) в очередной раз начали рассказывать небывлицы про новоиспеченного спасителя нации. Поползли слухи о каких-то негласных переговорах Фэна с Чан Кайши... Пресса Коминтерна сразу разбила клеветников на голову: “В последнее время империалисты снова прибегли к приему циничной клеветы с целью рассорить революционный лагерь в Китае... распространяются слухи о том, что будто тов. Фэн Юйсян сговаривается с Чан Кайши, и что якобы Ухань тоже замешен в этом сговоре. Это ложь. Лидеры революции не имеют ничего общего с этим предателем. Среди бойцов Фэна нет ни одного, который доверял бы изменнику Чану”.

Фэн был последним козырем не только Москвы. На него имел свои виды и Ухань. Победа над северными милитаристами будет невозможна без помощи Фэна. В начале мая 1927 г. отборные части Уханя вошли в провинцию Хэнань. У Военного Совета Левого Гоминдана хватило ума, чтобы выдвинуть на передовые позиции практически все “рабоче-крестьянские полки”. Скоро разгорелись самые кровопролитные за все время Северного похода бои. В тылу уханьские рабочие военных заводов вкалывали по 13-17 часов в сутки. “...Без Вашей помощи не быть Революционной армии, не быть революции, не быть освобождению нашей с вами Родины. Солдаты самоотверженно сражаются на фронте. Своими требованиями 8-часового рабочего дня Вы подводите их”, - внушали рабочим чиновники Левого Гоминдана. На фронте “рабоче-крестьянские полки” проявили неслыханный героизм, разбив главного противника - войска маньчжурского диктатора Чжан Цзолина. Армия Чжана была куда лучше оснащена и более многочисленна. Прорыв на Север совершился, но какой ценой! Ухань потерял в боях 14 тыс. убитыми и ранеными, пали смертью храбрых некоторые наиболее авторитетные командиры-коммунисты. Фэн Юйсян, конечно, не мог упустить такой момент. Не имея больше серьезных военных соперников его армия без единого выстрела захватила г. Кайфэн - центр провинции Хэнань, откуда до Пекина рукой падать. Фэн цинично сообщил Уханю о своей “победе в бою над марионеткой японского империализма Чжан Цзолином”, и пригласил представителей Уханя на совещание в г. Чжэнчжоу.

Уже упоминавшаяся нами левая американская журналистка Анна Стронг наблюдала за тем, как Фэн “приехал в солдатском вагоне” на встречу с уханьскими лидерами. Фэн показался ей открытым и простым. “Мне было приятно ехать вместе с моими братцами”, - весело сказал ей Фэн. Много позже она узнала, что “Фэн всю дорогу ехал в комфортабельном спецвагоне и только на последней станции перебрался в солдатский”.

На совещании Фэн был солидарен с уханьской стороной только по одному вопросу: необходимо разогнать массовые организации рабочих, крестьян и коммунистов. Во всем остальном он вел себя как хозяин положения, показывая, что ему не нужен такой никчемный союзник, как уханьское правительство. Чтобы сохранить лицо Левого Гоминдана, Фэн формально был назначен главой администрации провинции Хэнань. Ухань также обязался отозвать всех своих политработников из этой провинции, чтобы “не провоцировать народ” против наведенного армией Фэна порядка. Так закончился “славный поход на Север”. Коммунисты, которые бесполезно положили большинство своих полков в этих боях, тем не менее, воодушевились “клятвой тов. Фэна о своей верности ЦИК партии (т.е. Гоминдану) и Национальному правительству”.

Через неделю Фэн вместе с двумя лидерами Левого Гоминдана выехал на переговоры с Чан Кайши. 22 июня на месте встречи Фэн сообщил журналистам, что он “искренне желает сотрудничать с Национально-революционной армией (Чана) в борьбе с империалистами и коммунистами”. В тот же день был обнародован текст его телеграммы Уханю, вот основная часть этого шедевра политического лицемерия:

“Выслушав мнения уважаемых товарищей на недавнем совещании, я был взволнован, обнаружив печальную картину - рабочие угнетают работодателей, батраки угнетают землевладельцев! Под предлогом борьбы с сельской аристократией репрессируют семьи революционных бойцов. Бойцы, сражаясь на далеком фронте, не знают живы ли, в безопасности ли их родные и близкие! Банды экстремистов от имени Национальной революции терроризируют всю страну. Авантюристы, проникая в местные комитеты партии (Гоминдана), промышленяют грабежами и убийствами. Общество в панике, центральное правительство парализовано! Вижу выход из положения в следующих мерах: господин Бородин должен вернуться в Россию; Ухань должен немедленно объединиться с Нанкином в единую команду. Ситуация не терпит дальнейшей раздробленности революционных сил. Товарищи, переутомившиеся от работы, могут какое-то время отдохнуть за границей. Считаю, что это единственный выход из кризиса. Страна нуждается в спасении, революция висит на волоске! Со слезами на глазах, прошу уханьских товарищей собраться с духом и, руководствуясь принципом “Народ выше всего! Революция выше всего!”, пойти на встречу нашим пожеланиям. Чем раньше, тем лучше...”

Один из главных советских военных консультантов при Гоминдане, Василий Блюхер, непосредственно командовавший уханьскими войсками в последних битвах, выезжал из Хэнаня на одной машине с журналисткой Стронг. Машина ехала среди сплошных трупов бойцов из рабоче-крестьянских полков. “Он мне показывал из машины смутную тень вдалеке, - писала впоследствии потрясенная Стронг. - Это был завал из мертвых тел коммунистов из Гуандуна. Они погибли во время штурма укрепленного района рядом с железными дорогами. Они сложили свои головы ради победы в этой битве... Они погибли с надеждой и верой в будущее... Но, благодаря этой победе, их более удачливые “союзники” создали новую диктатуру, чтобы по-прежнему держать в рабском состоянии рабочих и крестьян”.

В Ухане лидеры Левого Гоминдана из всех сил старались оправдать доверие Фэна, ведь от поведения Уханя в отношении к КПК теперь напрямую зависит сколько портфелей получит Левый Гоминдан в будущем объединенном Национальном правительстве. Генерал Тан Шэнчжи прямо требовал “выгнать коммунистов ко всем чертям”, потому что “коммунисты планируют контрреволюционный заговор против Гоминдана”. Ван Тинвэй обвинил “отдельных коммунистов-экстремистов” в саботаже решений... Коминтерна. 26 июня на партийной конференции хупэйской организации Гоминдана Ван ссылаясь на резолюцию Седьмого пленума Исполкома Коминтерна, в которой “черным по белому написано, что Китайская революция опирается на союз рабочих, крестьян и мелкой буржуазии. То есть коммунисты, в принципе, тоже не согласны с левацкими проявлениями, недавно пресеченными в Хунане”. Ван Тинвэй также проанализировал перспективы социальной революции в Китае, воспользовавшись многими аргументами Сталина в его полемике с Троцким по китайскому вопросу.

В своей статье “Партия должна руководить массовым движением” Ван сослался на статью Сталина, в которой тот доказывал, почему китайским коммунистам нужно всесторонне поддержать только уханское правительство и почему на данном этапе в Китае не может быть Советской власти. Дальше Ван цитировал некоторых безымянных лидеров массового движения: “Мне часто доводилось слышать, как организаторы массового движения говорят народу: не верьте Гоминдану и правительству, верьте только своим силам. В результате массы разуверились в правительстве, и оказались в окружении контрреволюции. Массы боролись с контрреволюцией без руководства партии (Гоминдана), и теперь уже поздно спасать их от когтей реакции...”. “Действительно, - писал Ван, - земля тому, кто на ней работает. Это основной принцип Сунь Ятсена. Но Учитель наш никогда не говорил, что земельный вопрос можно решить одними экспроприациями, он всегда считал, что нужно распределять землю законным путем, под контролем правительства. Учитель Сунь считал, что аграрный вопрос должен разрешаться таким образом, чтобы крестьяне выиграли, но и землевладельцы не проиграли. Наш Учитель Сунь верно указал, что в Китае нет классовой борьбы. Гоминдан есть партия многих классов одного народа. Такая партия призвана перевести классовую борьбу в русло сотрудничества, иначе эти классы не объединились бы в ней”.

Вот он момент истины. Ван нечаянно произнес золотые слова: чтобы мог состояться органический “Блок четырех классов” (как требовал теоретик меньшевизма Мартынов), или “революционный парламент” (Сталин), или “промежуточная организация между партией и Советами” (Бухарин), классовой борьбы в принципе не должно быть - “иначе они не объединились бы”.

Вопреки желанию Сталина и Бухарина, вопреки стараниям ЦК КПК, революция жила своей жизнью. Эмиссар Национального правительства, отправленный в провинцию Цзянси для исследования состояния массового движения, докладывал, что “между властью и массами - пропасть непреодолимая. Местная власть не контролирует массовое движение... Местные комитеты Гоминдана не подчиняются постановлениям ЦИК партии, массовые организации действуют по своему усмотрению. Местные власти арестовывают и наказывают активистов

движения без ведома центра; профсоюзы и Союзы крестьян отвечают на эти меры той же монетой. Всюду двоевластие или даже многовластие. Это еще хуже анархии... Самым главным недостатком в работе лидеров движения является их недопонимание того, что защита интересов народных масс невозможна без сознательного подчинения революционному центру”.

Сунь Ко, один из этих уханьских вождей, в своей статье “Революция и массы” жаловался на несознательность масс. Он писал, что “прошло уже два месяца, как было обнародовано постановление правительства о запрете захватов местной власти массовыми организациями. Но до сих пор ряд массовых организаций игнорирует это решение, их действия подрывают авторитет правительства”. Указывая на непрекращающиеся захваты земли и заводов, он предупреждал: “Мы вынуждены обратить внимание местных массовых организаций на то обстоятельство, что если они и дальше не будут принимать решений ЦИК Гоминдана всерьез и откажутся подчиняться партийной политике, то этим они де-факто вредят делу революции и ставят себя на сторону контрреволюции. (...) Если массы сами арестовывают и штрафуют тех, кого они считают врагами революции, конфискуют частную собственность и даже расстреливают, то это верный знак беспомощности и безволия власти. Если же массы при этом считают свои действия правильными, то значит они не признают уханьское правительство как руководство Национальной революции. Раз они считают, что Ухань не дееспособен, то для них должно быть естественно стремиться создавать свое правительство... А это уже открытое выступление против революционного правительства Уханя, т.е. явная контрреволюция... (...) Массы не признают, что они должны подчиняться руководству Гоминдана. Они мечтают, чтобы ими руководила компартия. Они не верят, что Гоминдан есть единый центр революции”.

В последние два года каждый раз перед тем, как нанести удар по рабочим (кантонский переворот 20 марта 1926 г., апрельский переворот 1927 г. в Шанхае) Гоминдан всегда проводил такой пропагандистский артобстрел КПК. Коммунисты как могли отбивались от несправедливых обвинений в их адрес. Их активно поддерживали в этом старшие братья из Интернационала. 29 июня 1927 г. в ЦО Коминтерна была опубликована программная статья по “наболевшим вопросам Китайской революции”. “Кто осуществит революцию? - Вопросал в начале статьи автор. - Судя по своей истории, по своему социальному составу, и по тенденции политического развития, Гоминдан может и обязательно превратится в орган демократической диктатуры... Гоминдан есть промежуточная организация между партией и парламентом. (...) Когда революция пройдет свой буржуазно-демократический этап, наступит время для раскола Гоминдана. Тогда и только тогда Советы станут необходимыми. Этот момент мы не можем точно предсказать, но очевидно, что он еще не достаточно близок, чтобы мы могли выдвигать лозунг о Советах. На ответственности КПК лежит судьба Гоминдана и уханьского правительства, и в своих лозунгах мы должны избегать подавать хоть малейший повод для распрей в революционном лагере”.

В этой статье также говорилось, что “нежизнеспособность левацкого уклона оппозиции в ВКП(б) (т.е. Левого оппозиции - прим. переводчика) в китайском вопросе хорошо выражается в их требовании создать в Китае Солдатские Советы. Эта одна из форм

двоевластия. Большевики с помощью этого лозунга разлагали армии царя и Керенского. Предлагать этот лозунг в отношении революционной армии Ухана, значит ее сознательно разлагать... Лозунг о Солдатских Советах именно сейчас ускорит разрыв (КПК) с революционными генералами, а сейчас для этого крайне неблагоприятный момент для КПК и ее союзников. Такой лозунг спровоцирует конфликт в революционном лагере, что приведет к окончательному разгрому революции”.

В Ухане коммунисты попробовали действовать с помощью следующих тактических приемов. Во первых, они надеялись, что новые уступки Гоминдану еще могут сохранить единство. Во вторых, они решили выиграть время, натравив генералов на Чан Кайши. Пока генералы будут возиться с Чаном, коммунисты попытаются выполнить одно из указаний Сталина - “вооружить 20 тыс. коммунистов и беспартийных активистов массового движения и на их базе создать армию нового типа”. Рой взялся за неблагодарную задачу уговорить Ван Тинвэя разрешить КПК заново создавать рабоче-крестьянские полки. Ван отверг это предложение. Рой, смутившись, ограничил свое ходатайство просьбой назначить “революционного генерала” Чжан Факоя главным командующим в предполагаемом походе против Чан Кайши. Тут вмешался сам генерал Чжан, который, как оказалось, вовсе не рвался в этот поход. Коммунисты продолжали надеяться также на генерала Фэн Юйсена, ему слали телеграммы от имени профсоюзов: “Вы истинный ученик Сунь Ятсена, подлинный сторонник революционной политики Гоминдана. Мы желаем, чтобы Вы возглавили Революционную армию в походе против Чан Кайши”. Но генерал Фэн в это время уже записался в “Революционную армию” Чан Кайши. Бородин заявил членам ЦК КПК, что уханьские генералы все же станут воевать против Чана: “У меня в конюшне еще много корма, эти дикие лошади еще вернутся ко мне”. Бородин имел ввиду обещанные Москвою кредиты Уханю. Фактически речь шла об неприкрытой попытке Бородина подкупить реакционных генералов. Этот способ Бородин считал наиболее эффективным.

“Красные” чиновники, вроде Бородина, не понимали, что когда решаются судьбы классов, противоборствующие стороны руководствуются прежде всего своими коренными интересами. Филистерское крохоборство, подковерные интриги, свойственные чиновничьей рутинной работе, абсолютно не действенны в этих классовых дуэлях. Тем не менее, Коминтерновское начальство после кончины Ленина именно этими приемами добилось успехов во властных коридорах Кремля. Другие приемы борьбы они либо успели забыть, либо вовсе не знали.

ЦК КПК продолжал свои попытки: он заявил Гоминдану, что если Гоминдан хочет воплотить в жизнь идеи Сунь Ятсена, он должен объявить войну Чан Кайши и сотрудничать с КПК. 20 июня на расширенном пленуме ЦК КПК после жаркой дискуссии было принято заявление ЦК из 11 пунктов. Это было последней попыткой коммунистов доказать Гоминдану свою преданность “единому фронту”. Из этих 11 пунктов наиболее важными были следующие:

“4. Гоминдан как партия, основанная на союзе рабочих, крестьян и мелкой буржуазии для

борьбы с империализмом, является высшим руководством Национальной революцией.

5. Члены КПК, занимающие официальные должности, должны выполнять только решения Гоминдана. В данный момент, во избежание обострения ситуации, их даже можно отправить в бессрочный отпуск.

6. Все массовые организации безусловно подчиняются руководству Гоминдана. Все их требования должны находиться в рамках резолюций Съездов Гоминдана и постановлений Национального правительства. При этом Гоминдан, руководствуясь этими резолюциями и постановлениями, должен обеспечить свободу действий массовых организаций по защите своих законных интересов.

7. В соответствии с решением ЦИК Гоминдана, необходимо вооружить крестьян. Все отряды самообороны рабочих и крестьян при этом должны подчиняться правительству. Рабочая дружина в Ухане, во имя единства, должна быть сокращена или переведена под начало командования Революционной армии.

8. Профсоюзы и их дружинники без санкции правительства не должны исполнять судебную и полицейскую функции, например, арест, обыск, вынесение и исполнение приговоров, а также не должны патрулировать улицы.

9. Профсоюзы работников сферы услуг организуются под руководством уханьского комитета Объединенных профсоюзов и городского комитета Гоминдана. Требования этих профсоюзов не должны превышать экономическую возможность работодателей. Вмешательство профсоюзов в управление заведениями запрещается. Покушение на личность работодателей (например, содержание под стражей, надевание на голову колпаков с оскорбительными надписями, штрафование и т.д.) запрещается". Это были последние судорожные потуги КПК "усилить авторитет правительства и организаторскую роль Гоминдана в революции".

На той же неделе 400 делегатов съехались в Ухань на Четвертый "Конгресс Трудящихся Китая". Они представляли три миллиона организованных рабочих из восьми провинций. Эти делегаты отражали настроения на местах. Даже Лозовский, представитель советских профсоюзов, в качестве гостя Конгресса произнес речь с резкой критикой в адрес Уханя, чтобы соответствовать духу Конгресса. Но изменение тактики КПК не обсуждалось... Во время заседаний Ван Тинвэй важно сидел в президиуме и улыбался. Его встречали отменно хорошо. В манифесте Конгресса, принятом 28 июня, заявлялось, что "контрреволюция поднимает голову. На территории Национального правительства рабочее движение легально существует лишь в Ухане. В провинциях контрреволюция берет верх... При новой власти рабочие страдают по-прежнему. При такой тенденции Ухань может попасть в руки реакционных сил. Мы сделаем все, чтобы профорганизации сохранились в нынешнем виде. Мы находимся под угрозой белого террора!". Манифест заканчивался, как не странно, восклицанием "Да здравствует Национальное правительство!".

Наверное, чтобы смягчить жесткий тон рабочих делегатов, КПК в своей газете в эти дни старательно сглаживала углы: “Здесь, в Ухане, рабочие дышат свободно. Не существует угнетения рабочих или хотя бы враждебности в отношении их организаций. Все организованные рабочие преданы Национальному Правительству, потому что только под его защитой они могут надеяться на осуществление своего первого и главного права - свободно и беззаботно работать”.

Но коммунистам в очередной раз подложили крупную свинью. Утром 30 июня во время последнего заседания Конгресса, не успели делегаты прокричать “Да здравствует Национальное Правительство” и разойтись, как в помещение ворвались солдаты с приказом конфисковать документацию и имущество профсоюзов. После срочного обращения организаторов Конгресса к командованию Революционной армией солдаты ушли.

После этого инцидента Стронг при встрече с одним из главных организаторов Конгресса, спрашивала его, не накажут ли этих солдат. “Он горько улыбнулся: “Надеюсь, что у нас не отнимут помещение. На большее я уже не рассчитываю. Мы теперь живем только сегодняшним днем””. Но и эта жалкая надежда не оправдалась. Профсоюзы были запрещены в Ухане.

Читатель нашей книги, может быть, подозревает, что лидеры КПК попросту неспособны ничему научиться даже на собственном опыте. Это не совсем так, кое-чему они все-таки научились. В Шанхае они приказали рабочим спрятать оружие до поры до времени. В Ухане они исправили эту ошибку: 29 июня делегация уханьских профсоюзов пришла в приемную Военного Совета Гоминдана, чтобы сдать все оружие: “Ввиду того, что существует необоснованное подозрение в адрес нашей дружины, что она мешает процессу возобновления нормальной деловой жизни в Ухане, мы обсудили вопрос сдать все оружие или перевести дружину в армию, и решили, что лучше сдать оружие...”. Дополнительное объяснение последовало от ЦК КПК: “Клеветники пытались натравить Революционную армию на дружину, распространяя слухи о заговоре дружины против нее. Кроме того, было и опасение, что коммерческие структуры чувствуют себя неуверенно при наличии в городе вооруженных рабочих. Чтобы рассеять эти напрасные опасения профсоюзы приняли решение о разоружении дружины. Мы считаем, что это способствует единству рабочих, солдат и предпринимателей. Провокация империалистов, таким образом, была отбита организованными действиями народных масс”.

На следующий день профкомитет провинции Хупэй, как раз в тот день, когда его выгнали из его главного помещения, распространил в прессе более детальное объяснение сдачи оружия рабочей дружиной: “По соображению укрепления единства армии с рабочим классом, а также чтобы клевете врагов негде было зацепиться, 28 июня наш комитет принял решение о разоружении Рабочей дружины. Весь арсенал был передан городскому гарнизону Революционной армии... Что касается контрреволюции, то просим правительство принять жесткие меры для пресечения ее наступления”.

По решению ЦК КПК, коммунисты начали уходить со своих государственных постов в

бессрочные отпуска. 30 июня подал заявление министр земледельца Тэн Пиншань: “С первого дня пребывания на этом посту я сделал все, чтобы улучшить жизнь крестьянских масс, постоянно направляя аграрное движение в верное русло. Развитие политической ситуации в последнее время затрудняло мою работу настолько, что мое здоровье было подорвано. Прошу разрешить мне уйти в отпуск”. Министр труда Су Чжаочжэн также отошел от работы. ЦК КПК перешел в подполье, так как стал широко известен проект постановления ЦИК Гоминдана “О чистке партийных рядов от экстремистов и контрреволюционеров”. На днях его должны были окончательно принять на предстоящем пленуме ЦИК Гоминдана.

Чен Дусю снова обсудил с Бородиным возможность выхода КПК из Гоминдана. Бородин теперь только разводил руками: с Ченом он-де полностью согласен, только Москва не поймет, так что поделаться он ничего не может. Но Бородин сообщил Чену по секрету, что он собирается показать кузькину мать Ван Тинвэю: “Я вместе с крайним левым крылом ЦИК Гоминдана демонстративно подам в отставку! Думаю, Ван испугается и появится возможность договориться... Уверен, еще не вечер”.

14 июня в Ухане было объявлено военное положение. повторился шанхайский сценарий. Начались расстрелы, аресты, профлидеры пропадали без вести, волна белого террора захлестнула “революционный центр”.

Бухарин вдруг впал в троцкизм. 6 июня он призвал китайские массы: “Верьте только своим силам! Не верьте генералам и офицерам! Организуйте свою рабоче-крестьянскую армию!”. И еще: “Фэн Юйсян предался врагам революции, мы объявляем ему беспощадную войну!”. Но осторожный Николай Иванович не забыл и на этот раз сделать небольшую оговорку: “Сообщники Чан Кайши в Ухане готовят план чистки партии. Но Ван Тинвэй на это не пойдет. У Вана хватит мужества, чтобы отстоять революцию...”. Через неделю Бухарин обнаружил, что Ван мужественно отстаивает как раз именно чистку Гоминдана от коммунистов. Бухарин похоронил “революционную роль Уханя” и объявил “начало поворотного периода Китайской революции”. Все прежние прочеты он повесил на ЦК КПК, который “в последнее время упорно саботировал решения Интернационала. Он (ЦК КПК) не выдержал сурового испытания классовой борьбой и... политически обанкротился”.

14 июня в заявлении Исполкома Коминтерна по китайским событиям официально провозглашался “конец революционности уханьского правительства”. “Оно (уханьское правительство) стало орудием в руках реакции. Это новое и особое явление (в Китайской революции). Все товарищи из китайской партии должны уделить ему должное внимание. Поддержка Северного Похода силами КПК была верной, потому что поход вызвал подъем революционного массового движения. Поддержка коммунистами Уханя так же была верна, поскольку Ухань противостоял реакционному режиму Чан Кайши. Но после перехода Уханя на сторону контрреволюции, эта тактика стала неверной. Так, одна и та же тактика, правильная на одном этапе революции, на следующем может оказаться абсолютно неприемлемой. (...) Ситуация осложнилась еще и недостаточно высоким уровнем политического искусства такой молодой и неопытной партии, как КПК. (...) Крайняя

напряженность и изменчивость политических моментов во время революции требуют от нас умения искусно и своевременно применять военную хитрость, своевременно корректировать свою тактику. Нужно решительно рвать со своими вчерашними союзниками, когда они становятся препятствием на пути к цели. На определенном этапе революции поддержка КПК в отношении Уханя была необходима. Но теперь такая поддержка была бы бедой для китайской партии, и подтолкнула бы ее в болото оппортунизма”.

Что случилось с “Единым центром Национальной революции”? - “Лидеры Левого Гоминдана, вопреки нашим советам, не только не поддержали аграрное движение, но и развязали руки контрреволюции. Левый Гоминдан молчаливо поощрял разоружение рабочих, репрессии против крестьян и военные мятежи реакционных офицеров. Теперь Гоминдан саботирует военный поход против Чан Кайши”.

Почему “авторитетные вожди антиимпериалистической борьбы китайских масс” вдруг стали такими вероломными? - На этот неудобный вопрос Коминтерн скромно хранил молчание. Зато приготовил новый сюрприз для своих китайских товарищей: “Несмотря на бешеную кампанию травли и репрессий против коммунистов, проводимую верхушкой Гоминдана, мы должны оставаться в этой партии. Нужно еще более решительно вести агитацию среди рядовых членов Гоминдана за верную линию, расширить с ними связи, подготовить на собраниях низовых организаций Гоминдана проект резолюции с категорическим осуждением последних решений ЦИК, требованием смены руководства и созыва внеочередного Съезда партии для реализации этих требований”. По мнению руководства Коминтерна это выигрышный ход, так как “90% партийных масс Левого Гоминдана стоят на левых позициях”.

Что касается самих коммунистов, то они наряду с работой в Гоминдане, должны “усилить работу среди пролетарских масс... Расширить рабочие организации... Укрепить профсоюзы... Вести подготовку рабочего класса к решающей битве... Способствовать усилению аграрного движения... Вооружать массы... Развернуть работу по созданию в партии нелегального крыла”.

“Как мы умудрились дойти до такой катастрофы? Наши организации разбиты. Массовое движение обескровлено. Наши партийные товарищи и беспартийные сторонники ежедневно гибнут от рук вождей “прогрессивных сил”. А мы столько лет работали на эти “прогрессивные силы”! Кто будет отвечать за эти прочеты?” - такие вопросы не могли не возникать у членов КПК. Ответ на них у руководства Интернационала давно был готов: “...Исполком Интернационала призывает рядовых партийцев КПК открыто дать бой оппортунизму ЦК своей партии. Это их революционный долг... Чтобы укрепить политическое руководство КПК, исправить оппортунистические ошибки ее ЦК, необходимо изменить линию руководства, очистить партию от лиц, нарушавших дисциплину Интернационала”.

В Ухане компартия из подполья заявила СМИ, что она “не видит достойного повода, чтобы выходить из Гоминдана или отказываться от сотрудничества с ним”. “Мы, - говорилось в

заявлении коммунистов, - не позволим предателям-генералам и политикам продолжать свое грязное дело, прикрываясь знаменем Гоминдана и светлым именем Сунь Ятсена". ЦИК Гоминдана ответил на эту мышиную возню постановлением о чистке партийных рядов от контрреволюционеров. 15 июля 1927 г. Политическая комиссия Гоминдана потребовала от всех членов КПК, состоящих одновременно в Гоминдане, публично отречься от коммунизма. 19 июля Военный Совет Гоминдана издал такой же приказ по армейской линии. Многие коммунисты предпочли уход в подполье публичному покаянию. Были, конечно, и те, которые, отрекшись от ставшей немодной "русской дури", остались на своих прежних постах.

Тем временем особые отряды палачей устраивали казни "коммунистов-provokаторов" во всех многолюдных местах города. У них был приказ Ван Тинвэя: "Пусть упадут головы тысяч невинных, но ни один коммунист не должен уйти". "Пламенный" Ван Тинвэй и здесь показал себя во всем блеске.

В ЦК КПК царил полный бардак. Чен Дусю подал в отставку. Он заявил: "Интернационал требует от нас независимой классовой политики, но вести ее надо от имени Гоминдана. Я в отчаянии и не могу работать дальше в таких условиях". Другие лидеры затаились в глубоком подполье.

27 июля 1927 г. ЦИК Левого Гоминдана торжественно провожал Бородин на уханском вокзале. Ему предстояла длительная поездка через Западный Китай в Россию. Но даже теперь "американский красавчик" (именно так звали его некоторые журналисты в Китае за беглый английский язык и американское образование) не признал своего провала. "Поеду совещаться с Фэн Юйсяном. Это будет чрезвычайно важная встреча. Ее результаты изменят многое". На прощание Бородин одарил журналистов своей неотразимой улыбкой. Советских чиновников, несмотря на разгул белого террора, выдворяли из Китая вежливо, при соблюдении всех дипломатических приличий. Чем черт не шутит... Может быть, русский медведь еще пригодится. Что касается местных коммунистов, то с ними никто не собирался церемониться.

Уханьской Военной Комендатурой были запрещены забастовки. С 14 по 19 июля в Ухане армейские подразделения провели обыски и конфисковали всю профсоюзную документацию и имущество в 25 профсоюзных помещениях. Секретариат Объединения профсоюзов Тихоокеанского региона так охарактеризовал ситуацию: "Китайское рабочее движение в последние недели подвергается неслыханной реакции... Армия разрушила массовые организации настолько основательно, что требуется много времени чтобы восстановиться. Ведущие деятели и активисты профсоюзов, не успевшие скрыться, чаще всего убиваются либо заключаются в тюрьмы... Еще недавно на одном из приемов делегации наших профорганизаций Ван Тинвэй так ратовал за развитие массового движения и немедленное удовлетворение первоочередных нужд народных масс ("Это лучшая гарантия победы Национальной революции!", - воскликнул тогда Ван), что нас ошеломляют его последние сенсационные выступления, которые носили характер

зоологического антикоммунизма. Акции против рабочих организаций, предпринимаемые в эти дни Ваном в Ухане, превосходят по своему зверству все преступления Чан Кайши и Чжан Золина”.

30 июля две тысячи уличных разнорабочих забастовали и вступили в стычки с полицией. Они хотели освободить из полицейского участка двух своих задержанных товарищей. В результате двое погибли, шесть человек были ранены. Полиция еще не привыкла общаться с рабочими только на языке грубой силы и попросила провести переговоры с профсоюзами. Но профлидеры давно уже были в бегах, бросив своих рядовых товарищей на произвол судьбы. Армейское командование, запретив эту забастовку, пригрозило смертной казнью в случае неповиновения. Это была последняя публичная демонстрация силы уханьских рабочих.

10 августа ЦИК Левого Гоминдана в ответной телеграмме Чан Кайши на официальное приглашение на совместное совещание в Нанкине восторженно писал: “Все прежние недоразумения между нами теперь исчерпаны. Мы разделяем и восхищаемся Вашей бескомпромиссной борьбой с контрреволюцией”.

Из всех лидеров Левого Гоминдана всего двое отмежевались от своих коллег. Давний сторонник КПК Дэн Яньда, начальник Политуправления при Военном Совете Левого Гоминдана, заявил о своем выходе из партии. Он куда лучше понимал суть происходящего, чем его коммунистические друзья: “Руки самозванных защитников народных масс обгажены кровью невинных... Революция не имеет ничего общего с именем Гоминдана... Сама партия и есть контрреволюция. Революция потерпела поражение. Это состоявшийся факт”. Дэн больше не верил коммунистам и пошел своим путем. В 1932 г. он был тайно расстрелян по личному приказу Чан Кайши за организацию партии “Третьего пути”. Так окончил свой жизненный путь последний из честных революционных демократов.

Ушла из Гоминдана и молодая вдова Сунь Ятсена. Ярая сторонница Русской революции, леди Сунь всегда добросовестно работала на КПК и Коминтерн. В течение многих десятилетий она выполняла массу секретных поручений КПК, и не стала членом компартии только по настаиванию ЦК партии: ведь кто-то должен представлять прогрессивную национальную буржуазию (в 1980 г. перед самой смертью Леди Сунь все же была официально принята в КПК)! Этими-то людьми на самом деле и ограничивался весь “Левый Гоминдан”.

Глава 15 Оппортунизм переходит в авантюризм

С переворотом 15 июля 1927 г. в Ухане контрреволюция одержала полную победу в Китае. Новая правящая элита (в основном “революционные генералы” из Гоминдана), хотя и занималась борьбой за сферы влияния, была озабочена, главным образом, окончательным подавлением массового движения рабочих и крестьян.

“В последние четыре месяца Чан Кайши проводил непрерывную кампанию тотального уничтожения коммунистов и других революционеров, - писал 20 августа 1927 г. один левый американский журналист. - В результате, в южных провинциях массовые организации разрушены до основания. Профсоюзы, Союзы крестьян, женские организации из мощного самостоятельного политического фактора превратились в безвольные куклы. “Реорганизация” их структур была проведена настолько радикально, что они теперь выполняют любой реакционный приказ генералов. Контрреволюция докатилась уже до Центрального Китая... Такие генералы Революционной армии, как Тан Шэнчжи, куда активнее руководят казнями коммунистов, чем боями с армиями северных диктаторов. Уханьская “чистка рядов Гоминдана” по своей фантастической жестокости оставила далеко позади шанхайскую резню. Расстрелы коммунистов обычно заменяются изощренными пытками до смерти, с которыми может сравниться разве что “искусство” инквизиции европейского средневековья. Людей заживо сжигают или закапывают в землю. Лидеры движения, спасаясь от этих ужасов, скрылись кто куда...”.

15 сентября 1927 г. Секретариат Объединения профсоюзов Тихоокеанского региона в своем ЦО писал: “Число убитых организаторов рабочего движения (в Китае) увеличивается с каждым днем... Организации рабочих и крестьян могут легально действовать только после “реорганизации”, которая проходит следующим образом: сначала организацию разгоняют, а потом на ее развалинах начинают хозяйничать чиновники, назначенные гоминдановскими генералами. Возьмем пример с профорганизацией г. Цзюцзян: сначала офицеры расстреляли всех рабочих лидеров, которых смогли поймать, одновременно армейцами были захвачены и обысканы профсоюзные помещения, конфисковано имущество и документация профсоюзов. Везде один и тот же сценарий - в Шанхае, Кантоне, Ухане...”.

Глубина разгрома измерялась не только потерей физических сил. Массы были обескуражены и дезориентированы тем, что их “вожди”, типа Чан Кайши или Ван Тинвэя, оказались в конце концов их палачами. Деморализация актива движения достигла чудовищного размера. Во второй половине 1927 г. шанхайские рабочие поднимали несколько стачек экономического характера, чтобы попытаться спасти часть своих прежних завоеваний. Эти разрозненные, оборонительные акции не имели успеха. В конце концов, своими варварскими методами победившая контрреволюция добила своего: массы ушли с политической сцены. Профсоюзы были парализованы, а Союзы крестьян, насчитывавшие некогда в своих рядах 10 и более миллионов членов, были разбиты. Отдельные группы активистов движения с оружием ушли в горы. Началась крестьянская партизанская война.

Городские промышленные пролетарии толпами уходили из Компартии. Если в апреле 1927 г. КПК насчитывала в своих рядах 60 тыс. членов, из которых 53,8% были промышленные рабочие, то спустя год количество промышленных рабочих в партии снизилось до 4%. В партийном документе от 8 ноября 1928 г. по этому поводу отмечалось, что “не осталось ни одной полноценной производственной ячейки”. Рабочий класс по-своему наказал партию, приведшую его к столь страшному поражению. Его уход из партии был бы временным явлением в период реакции, если бы партия извлекла необходимые уроки из разгрома. Но КПК никогда так и не поняла, в чем были ее главные ошибки, и рабочие больше не вернулись в ее ряды.

В. И. Ленин в своей работе о революции 1905 г. писал, что “..Революционные партии должны доучиваться. Они учились наступать. Теперь приходится понять, что эту науку необходимо дополнить наукой, как правильное отступление. Приходится понять, - и революционный класс на своем горьком опыте учится понимать, - что нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению. Из всех разбитых оппозиционных и революционных партий большевики отступили в наибольшем порядке, с наименьшим ущербом для их “армии”, с наибольшим сохранением ядра ее, с наименьшим (по глубине и неизлечимости) расколами, с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно и энергично. И достигли этого большевики только потому, что беспощадно разоблачали и выгнали вон революционеров фразы, которые не хотели понять, что надо отступить, что надо уметь отступить, что надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных парламентах, в самых реакционных профсоюзах (...) и подобных организациях”. (В. И. Ленин. “Избранные сочинения”. Девятый том. “Детская болезнь “левизны” в коммунизме”, стр. 215-216)

Причиной поражения революции 1905 г. стала недостаточная мощь русского пролетариата. Китайская же революция была разгромлена из-за ошибок своего руководства. Русские рабочие в 1905 г. знали, кто их враг, а кто друг; китайские рабочие как раз разбились о своего “вождя” в лице Гоминдана. Большевики в момент поражения не боялись называть вещи своими именами и сумели сохранить свое ядро для будущего. КПК отступала не с боями и ясным пониманием сути происходящего, а с победными реляциями, сочиненными в кремлевских кабинетах. Результат налицо: деморализация, дезориентация, паника и истерика в самих верхах партии накануне уханьского переворота 15 июля 1927 г.

При Ленине большевизм показал образец применения марксизма в живой политической жизни. Марксизм требует от революционеров не только адекватного понимания реальности, но и максимального стремления изменить существующую ситуацию в пользу пролетариата, с учетом имеющихся сил. Этому большевистскому подходу противостоит вульгарный эмпиризм, который всегда плетется в хвосте событий и попадает под “неожиданные” удары то слева, то справа.

В 1917 г. большевики во главе с Лениным и Троцким доказали всему мировому пролетариату, что сознательное революционное руководство способно активно вмешиваться

в ход исторических событий, систематизировать и направлять стихийные действия масс на захват власти пролетариатом. Узурпировавшая власть советская бюрократия стала раздавать прямо противоположные указания всем коммунистическим партиям - сидеть между двумя стульями (а если их больше двух, тем лучше), никогда не идти впереди других, а “переждать, пытаться перехитрить” своих противников. Когда катастрофические последствия этой мещанской мудрости становятся очевидны всем, бюрократы чаще всего впадают в другую крайность - авантюризм, пока не нарываются на новую катастрофу.

Во время Китайской революции 1925-1927 гг. этот сценарий был разыгран, как по нотам. Все предательства буржуазии против революции объявлялись Москвой “предвиденными”, что само по себе доказывает политическую проницательность лидеров Коминтерна. Руководство Интернационала так же верно предполагало, что национальная буржуазия “неизбежно предаст революции”, что и произошло в Ухане 15 июля 1927 г. Как говорили московские лидеры, это предательство составляет определенный этап революции, который также неизбежно должен быть пройден. Политическое руководство пролетариата должно спокойно “выждать”, пока буржуазия не встанет открыто на путь контрреволюции, чтобы “окончательно себя разоблачить в глазах масс”. Тогда придет время действий для коммунистов, потому что иллюзии масс относительно буржуазии будут рассеяны, и народ будет в состоянии воспринимать более революционную политику. В апреле 1917 г. Сталин заявил: “Нам невыгодно сейчас форсировать события, ускоряя процесс отталкивания буржуазных слоев, которые неизбежно впоследствии должны будут отойти от нас”. Спустя 10 лет он уже обладал достаточной властью, чтобы практически опробовать эту идею на Китайской революции.

В 1917 году большевистская партия во главе с Лениным и Троцким сумела предотвратить губительные последствия скатывания в меньшевизм части своего руководства в лице Зиновьева, Каменева, Калинина, Рыкова, Сталина. Времена изменились, да и Ленина давно уже нет в живых... После уханьского переворота Сталин так комментировал ситуацию:

“Должны ли были китайские коммунисты, скажем, полгода назад выставить лозунг “долгой гоминдановское руководство в Ухане”? Нет, не должны были.

Не должны были, так как это было бы опасным забеганием вперед, это затруднило бы коммунистам доступ к широким массам трудящихся, верившим еще в гоминдановское руководство, это изолировало бы компартию от широких крестьянских масс.

Не должны были, так как уханское гоминдановское руководство, уханский ЦК Гоминдана не успел еще исчерпать себя, как буржуазно-революционное правительство, не успел еще оскандалиться и дискредитировать себя в глазах широких масс трудящихся своей борьбой против аграрной революции, своей борьбой против рабочего класса, своим поворотом в сторону контрреволюции.

Мы всегда говорили, что нельзя брать курс на дискредитацию и замену уханского гоминдановского руководства, пока оно не успело еще исчерпать себя, как

буржуазно-революционное правительство, что надо дать ему сначала исчерпать себя, для того, чтобы потом поставить практически вопрос об его замене.

Должны ли теперь китайские коммунисты выставить лозунг “долой гоминдановское руководство в Ухане”? Да, должны, обязательно должны.

Теперь, когда гоминдановское руководство уже оскандалилось своей борьбой с революцией, поставив себя во враждебные отношения с широкими рабоче-крестьянскими массами, этот лозунг найдёт могучий отклик среди народных масс.

Теперь каждый рабочий и каждый крестьянин поймёт, что коммунисты поступили правильно, выйдя из уханского правительства и уханского ЦК Гоминдана и выставив лозунг “долой гоминдановское руководство в Ухане”. (“Заметки на современные темы”, “Правда” 28 июля 1927 г.)

Сталин упустил из виду только, что, когда момент “политического банкротства” Гоминдана, наконец, наступает, массы уже до такой степени ослаблены, что теряют не столько иллюзии в отношении Гоминдана, сколько собственные головы. Им, откровенно говоря, уже до лампочки, что “коммунисты-то на самом деле все понимали и предвидели”.

В самый разгар “банкротства Гоминдана”, “американский красавчик” Бородин, этот специалист высшего класса по “единому фронту”, преспокойно ехал домой. Для него все кончилось. Позади грандиозное крушение Китайской революции, которому он способствовал самым активным образом в качестве одного из главных эмиссаров Коммунистического Интернационала в Китае.

С ним ехала и мисс Стронг. В своей записке, посвященной этой поездке с Бородиным она писала, что “ему было неприятно общаться с высокопоставленными чинами Гоминдана, пришедшими его провожать (в Ухане). Он ясно понимал, что на самом деле скрывается за их пышным фразам, сказанными ему на прощание. “Следующий раз, - говорил он мне, - если какой-нибудь китайский генерал приедет в Москву и начнет орать про мировую революцию, надо его немедленно передать в руки ГПУ. Все они большие шельмы. Им нужны только наши деньги””.

Однажды вечером во время этой поездки Бородин и Стронг долго беседовали. “Это был наиболее полный и обстоятельный анализ ролей всех политических сил, участвовавших в Китайской революции. Я впервые слышала от него такие суждения, - писала взволнованная журналистка. - В Ухане некогда было разбираться в этой теме. Сейчас, когда мы постоянно отдаляемся от всех этих событий, ставших уже достоянием истории, будто ради собственного спокойствия, Бородин вдруг заговорил”. Вот что записала она из рассуждений Бородина: “Крупный капитал никогда не объединит Китай, он завязан с международным империализмом и не станет порывать с ним по настоящему; мелкая буржуазия тоже не справится с этой задачей, она всегда колеблется между пролетариатом и крупной

буржуазией, в нашем случае она капитулировала перед крупной буржуазией; рабочие и крестьяне на этот раз тоже не смогли решить эту задачу, потому что они чересчур доверяли мелкой буржуазии”.

Находясь в центре событий, Бородин пел совсем другую песню. Кто, если не он, сдерживал рабочих и крестьян от того, чтобы “покушаться на престиж Гоминдана в глазах масс, или пытаться свергнуть его”? Оказавшись на безопасном расстоянии от той кровавой каши, которую он заварил, Бородин естественным образом “впал в троцкизм”. Он осознал (или изначально понимал), что “чересчур доверять мелкой буржуазии нельзя”. Конечно, этот вывод он сделал не прилюдно, а так, для душевного спокойствия... Вернувшись в Москву, Бородин ушел в политическое небытие.

Другой “великий организатор поражений” Рой, в свое время был соавтором тезисов о “Национально-освободительной борьбе в колониальных и полуколониальных странах”, принятых на II и IV конгрессах Коминтерна. В них черным по белому было написано, что одной из основных задач коммунистов колоний и полуколоний является борьба с буржуазным руководством национал-освободительных движений. Не стало Ильича, и Рой быстро образумился. В Китае он с большим энтузиазмом требовал от национальной буржуазии не забывать о ее руководящей роли в освободительном движении. Когда же он обнаружил, что буржуазное руководство боится рабочих куда сильнее империалистов, Рой, скажем так, “впал в троцкизм”:

“Буржуазные лидеры Национальной революции в Китае предпочли предать революцию, нежели пожертвовать частичными интересами хотя бы только контрреволюционных землевладельцев и капиталистов, - писал он в своей статье “Уроки Китайской революции”, опубликованной в Лондоне в августе 1927 г. - В Китае классовая солидарность взяла верх над солидарностью национальной... Подъем революции угрожал коренным интересам имущих классов. Дальнейшее развитие антиимпериалистической борьбы неизбежно вызвало бы революционные преобразования в социально-экономических отношениях. Земля должна принадлежать крестьянам. (...) Грубо говоря, господство империализма (в Китае) не будет свергнуто до тех пор, пока его местный союзник (в лице буржуазии) не будет так же свергнут. Полное национальное освобождение осуществится тогда, когда привилегированное положение имущих будет уничтожено не на словах, а на деле. Курьезность ситуации заключалась в том, что как раз представители имущих классов и руководили революцией... Мелкобуржуазный радикализм уханьского правительства был политически несостоятелен. Это правительство, в конце концов, капитулировало перед лицом единого фронта контрреволюции. Этот единый контрреволюционный фронт предал свою родину империалистам... Китай охвачен огнем классовой борьбы (как и развитые капиталистические страны), и общенациональный демократический идеал Сунь Ятсена захлебнулся в буре ожесточенных классовых битв.

Уроки революции и контрреволюции в Китае таковы:

1). буржуазия колониальных и полуколониальных стран по своей сути насквозь реакционна;

2). победоносная национальная революция в этих странах обязательно сопровождается аграрной революцией;

3). не только крупная, но и мелкая буржуазия, несмотря на свой словесный радикализм, не может и не хочет руководить аграрной революцией;

4). в случае прихода к власти мелкой буржуазии при поддержке пролетариата, она (мелкая буржуазия) не станет делиться властью с пролетариатом. Причем, в отличие от пролетариата, она свою власть не защищает, а при первой возможности передает в руки контрреволюции. Единственная реальная гарантия победы национальной революции - самостоятельная политика рабочего класса, проводимая его авангардом, то есть коммунистической партией”.

В своей книге, вышедшей несколько лет позже, Рой полагал, что только в первый период белого террора 1926-1927 гг. погибло 25 тыс. китайских коммунистов. Это были люди, в свое время по указке Коммунистического Интернационала “усиливавшие авторитет революционного правительства Гоминдана”, которым, к сожалению, руководила буржуазия, которая, в свою очередь, “неизбежно отходила от революции”. Москва все “предвидела” и поэтому не могла ничего предпринять: массы не поймут, пока буржуазия не дискредитирует себя сама... Такова была суть китайской политики Коминтерна 1925-1927 гг. В своей книге Рой задним умом признал, что вся эта линия была “глупой и преступной”.

8 августа 1927 г. ЦК ВКП(б) так обозначил свою позицию по ситуации в Китае: “Опыт, накопленный в прошедших событиях ясно показывает, что национальная буржуазия из-за своего антагонизма с рабочими и крестьянами не в состоянии решить задачу национального освобождения. Она не вела принципиальную антиимпериалистическую борьбу, а постоянно искала компромисс с империализмом... Это означало сохранение Китая в прежнем поработанном состоянии. Национальная буржуазия оказалась не в состоянии решить также социально-экономические проблемы внутри страны. Она активно выступила против аграрного движения. (...) Компромисс буржуазии с крестьянством в вопросе о земле почти невозможен. В современном Китае самая мягкая аграрная реформа не может не затрагивать интересы буржуазии в деревне. По доброй воле буржуазия не пойдет ни на какое самоограничение... Позиция КПК должна определяться принципом последовательной классовой борьбы против землевладельцев и капиталистов. Только так можно достичь национального освобождения и подлинного объединения страны”. Это выдержка не из какого-нибудь документа Левой оппозиции. Нет, это официальный вывод сталинского руководства. Месяц назад такой пункт как “последовательная классовая борьба” был бы заклеен как троцкистская ересь, сегодня - это генеральная линия.

На самом пике массового движения в Китае Троцкий призывал КПК перейти к созданию Советов рабочих и крестьянских депутатов. В Советах, указывал он, массы нашли бы самую широкую и гибкую форму организации, способную и на оборону, и на наступление. В Советах массы получили бы возможность максимально развивать свою политическую

активность, а также бдительность в отношении временных союзников и решимость отразить любое нападение контрреволюции. Только этот путь есть путь к победе национальной революции.

Тогда этот призыв Троцкого был осмеян кликой Сталина и Бухарина. Теперь же непогрешимые вожди, охваченные паникой, пророчат “нарастание революции и наступление этапа открытой борьбы за демократическую диктатуру рабочих и крестьян”. КПК, по горьким словам Чен Дусю, “все время училась, как лучше капитулировать”; такой курс Коминтерна лишил ее еще и возможности учиться, как правильно отступать при разгроме революции.

Итак, не успев разобраться в причинах и глубине поражения, растеряв своих сторонников и значительную часть своей организации, КПК пошла навстречу новым катастрофам. Московские вожди от соглашательства перешли к путчизму. Подоплека этого, на первый взгляд непонятного решения, заключалась в борьбе за политическое выживание, не на шутку развернувшейся внутри правящей группировки Сталина и Бухарина. Испугавшись экономического наступления сельской буржуазии (т.е. кулаков) на Советскую власть, Сталин подготавливал во внутренней политике левацкий поворот: сплошная коллективизация, сверхиндустриализация. Для этого в скором времени он уничтожит группировку Бухарина, представлявшую интересы зажиточного крестьянства. Что касается международной части нового курса, то Сталин не мог придумать здесь ничего лучшего, кроме как своими резолюциями объявить смерть капитализма и назначить дату всемирного восстания трудового народа. Китайцам в этом спектакле отводилась одна из главных ролей. Следуя генеральной линии, в Китае остатки своих сил коммунисты бросили на безнадежные авантюры: по всей стране готовились вооруженные восстания, обреченные на провал.

В ЦК КПК последние месяцы царил невообразимый хаос. Чен Дусю ушел с поста генсека. Новый ЦК, чтобы сохранить доверие к себе Москвы, во всю глотку начал поносить Чена и еще нескольких козлов опущения, чья истинная вина заключалась именно в слепой вере в непогрешимость “старых большевиков” из Кремля. Такое поведение членов нового ЦК не удивительно: все они принимали активнейшее участие в выполнении прежней политики Коминтерна. Под руководством этих горе-вождей КПК пыталась, когда нужно было наступать, и наступает теперь, когда крайне необходимо грамотно отступить. И тут подоспел новый приказ Интернационала: “Выступить от имени Левого Гоминдана, не оставлять знамени Гоминдана продажной верхушке Уханя!”.

Потрясающе! Неужели в Москве ослепли и не видят, что знамя Гоминдана - синоним белого террора? Каждый китайский рабочий или крестьян знает, что все реакционеры с Юга до Севера уже давно встали под эти знамена. Тут уж массы точно не поймут! Советская бюрократия пошла на это нелепое решение по двум причинам: во-первых, она не могла признать, что Гоминдан был и остается буржуазным, во-вторых, оторванная у себя дома от рабочих масс, советская бюрократия вообще относилась к идее о руководящей роли рабочего класса и насмешливо, и боязливо.

7 августа 1927 г. на расширенном совещании политбюро ЦК КПК Николай Ломинадзе - новый эмиссар Интернационала в Китае - предложил “подготовить восстание от имени революционного Гоминдана”. Резолюция этого совещания так охарактеризовала текущую политическую ситуацию: “Наступил завершающий этап эволюции Левого Гоминдана к своей высшей, последней ступени. Момент созрел для перехода революции к этапу создания Советов рабочих и крестьянских депутатов. (...) Создание Советов в Китае на этом этапе будет легким и безболезненным”.

25 июля 1927 г. газета “Правда” объявила, что “кризис в Гоминдане поставил в повестку дня вопрос о Советах. Лозунг создания Советов стал актуальным... Те леваки, которые некоторое время назад предлагали немедленно организовать Советы в Китае, хотели заставить массы перепрыгнуть этапы, тогда еще не пройденные Китайской революцией...”. Сталин по-своему объяснил, чем подлинный ленинизм отличается от своего зловещего врага - троцкизма:

“Оппозиция объясняет временное поражение революции политикой Коминтерна. Но так могут говорить лишь люди, порвавшие с марксизмом. Только люди, порвавшие с марксизмом, могут требовать, чтобы правильная политика вела всегда и обязательно к непосредственной победе над противником. (...)”

Только слепые могут не видеть, что китайскому пролетариату удалось за это время оторвать широкие массы крестьянства и от национальной буржуазии и от мелкобуржуазной интеллигенции на предмет сплочения их вокруг своего знамени.

Компартия прошла через блок с национальной буржуазией в Кантоне на первом этапе революции, для того, чтобы расширить территорию революции, оформиться в массовую партию, создать себе возможность открытой организации пролетариата и проложить себе дорогу к крестьянству.

Компартия прошла через блок с мелкобуржуазной интеллигенцией Гоминдана в Ухане на втором этапе революции, для того, чтобы умножить свои силы, расширить организацию пролетариата, оторвать от гоминдановского руководства широкие массы крестьянства и создать условия для гегемонии пролетариата.

Ушла национальная буржуазия в лагерь контрреволюции, растеряв связи с широкими народными массами.

Поплелась за национальной буржуазией мелкобуржуазная интеллигенция Гоминдана в Ухане, испугавшись аграрной революции и окончательно дискредитировав себя в глазах миллионных масс крестьянства.

Но зато теснее сплотились вокруг пролетариата миллионные массы крестьянства, видя в нём единственного своего надёжного вождя и руководителя.

Разве не ясно, что только правильная политика могла привести к таким результатам?

Разве не ясно, что только такая политика могла повысить боеспособность пролетариата?

Кто же, кроме горе-руководителей из нашей оппозиции, может отрицать правильность и революционность такой политики? (...)

Вчера, несколько месяцев назад, коммунисты Китая не должны были выставлять лозунга образования Советов, ибо это было бы авантюризмом, свойственным нашей оппозиции, ибо гоминдановское руководство не успело еще дискредитировать себя, как противника революции.

Теперь, наоборот, лозунг образования Советов может стать действительно революционным лозунгом, если (если!) в ближайшее время разразится новый и мощный революционный подъём.

Поэтому уже теперь, еще до наступления подъёма, наряду с борьбой за замену нынешнего гоминдановского руководства революционным, надо вести широчайшую пропаганду в широких массах трудящихся за идею Советов, не забегая вперёд и не образуя теперь же Советов, помня, что Советы могут расцвести лишь в условиях мощного революционного подъёма”.

Сталин сравнил уханьский переворот с событиями в июле 1917 г. в Петрограде. “Вот теперь последует настоящая революция”, - писал он. Так же считал и ЦК ВКП(б): “Нужно немедленно перейти от лозунга к практическим действиям в вопросе создания Советов”, в случае “дальнейшего подъема”; но дело пойдет “легче и успешнее”, если Советы будут создаваться от имени “революционного Гоминдана”. Троцкий поэтому поводу пошутил в том смысле, что “классы приходят и уходят, а Гоминдан остается навсегда”.

Пройдет пять лет, и сама КПК станет проклинать абсурдность такой постановки вопроса: “Это уже ни в какие ворота не лезло... После уханьского переворота Левый Гоминдан был политически мертв”. Точнее мертв был не Левый Гоминдан, а миф о “Левом Гоминдане”, миф о “Блоке четырех классов”, мертва была вся политика Коминтерна в отношении Китая. “Наше партийное руководство тогда (осенью 1927 г.) все еще пыталось реанимировать Гоминдан, что было непростительной ошибкой и отходом от линии Интернационала”.

Новое руководство КПК осенью 1927 г. не беспокоилось о том, как будут расценены его действия через пять лет, оно было занято сведением счетов со своими предшественниками. От имени ЦК всем членам Компартии было разослано открытое письмо, которое в прах разносило Чен Дусю. Чен, объявлял ЦК, оказался “старым саботажником”, который много лет усердно вредил партии. Каждое двусмысленное слово в прежних резолюциях Коминтерна, было использовано новым составом ЦК КПК для того, чтобы доказать, что прежняя линия Интернационала “оказалась целиком верной”. В этом открытом письме

содержались такие хвастливые фразы: “(новое руководство КПК) начало борьбу с оппортунизмом, спасло партию от развала и направило ее в большевистское русло”, “теперь у нас появилось революционное большевистское руководство”. Не больше, не меньше. Москва, в свою очередь, так благословила свое новое детище: “Братская КПК очистилась от правого уклона, а политика партии скорректирована должным образом”.

В Советской России борьба с троцкизмом получила в ту пору новый оборот. Троцкисты, видите ли, посмели выступить против немедленного создания в Китае Советов, аргументируя это “разгромом революции”. Авантюра под именем “вооруженного восстания” и “Советской власти”, указывала Левая оппозиция, в период такого масштабного спада движения и последующей реакции неизбежно погубит оставшиеся кадры и еще сильнее деморализует партию. В Москве отмахнулись от этих предостережений: “Троцкисты просто борются за власть. Столько времени они кричали о необходимости создания в Китае Советов, теперь же, когда этот процесс идет полным ходом, они снова недовольны...”. В Китае, отрезвленный прошлыми горькими уроками, Чен Дусю в своих письмах ЦК КПК охарактеризовал настроение масс как “далеко не революционное”. “Несвоевременное восстание, - писал он, - будет обречено на гибель”. ЦК воспринял это мнение как “анекдот”.

Слово “оппортунизм” в отношении к Левой оппозиции стало новым ярлыком, заменившим “перегиб”. Любая критика партийной политики рисковала теперь наткнуться на это обвинение. В КПК воцарилось озлобленное, раздражительное настроение из-за лютых репрессий, проводимых контрреволюцией. Соблазн выступить во что бы то ни стало был очень велик. Здравомыслящие товарищи, критиковавшие путчистский курс как безумство, исключались из партии - это считалось мерой “большевизации” КПК. Осенью 1927 г. произошел ряд крупных вооруженных выступлений коммунистов, напоминавших самоубийство.

1 августа 1927 г. в г. Нанчан, центре провинции Цзянси, вспыхнул военный мятеж. Двое офицеров-коммунистов местного гарнизона подняли три тысячи солдат на восстание от имени “Левого Гоминдана”. В “Революционном Комитете”, руководившем восстанием, заочно числились также два выдающихся деятеля “Левого Гоминдана” - Дэн Яньда и Сунь Цинлин (вдова Сунь Ятсена). Зачислили в Ревком и двух “революционных генералов” - Чжан Фаоя и его заместителя. Вскоре генералов пришлось “снять” с почетных постов, т.к. они возглавили карательную операцию против восставшего гарнизона.

Пресса Коминтерна восторженно сообщала: “...Восстанием в Нанчане начата борьба с уханьской контрреволюцией. Любой революционер должен осознать, что правительство предателей, правительство помещиков и реакционных генералов должно быть свергнуто во что бы то ни стало. (...) В ходе этого восстания складывается новый революционный центр”. Этот центр просуществовал всего два дня. Повстанцы были выбиты из города и двинулись на Юг. Встреченные народные массы были так запуганы гоминдановской символикой, носимой коммунистами, что ни о какой поддержке с их стороны не могло быть и речи. Двухмесячное мытарство повстанцев кончилось тем, что их отряд был разбит в одном из

боев.

На это поражение, как и на все остальные, у ЦК КПК было готово гладкое объяснение: причина провала заключается в “многократном превосходстве противника”. Кроме того, повстанцами было допущено несколько мелких ошибок: “Во-первых, не было ясной революционной программы; во-вторых, не была заявлена решительная поддержка аграрной революции; в-третьих, не была установлена связь с деревней, после начала восстания крестьяне из окрестностей Нанчана не были вооружены; в-четвертых, старая городская администрация не была заменена”.

Для всех этих искусственных восстаний было характерно то, что массы никак не реагировали на них. ЦК партии год спустя признал, что “массы раньше нас поняли, что слово “Гоминдан” неразрывно связано с белым террором”. Отсутствие поддержки масс заставило часть наиболее нетерпеливых коммунистов пойти на беспринципные сделки со всякой сомнительной публикой: в провинциях Хупей и Цзянсу коммунисты участвовали в разборках между “революционными генералами”, надеясь таким образом дестабилизировать обстановку. В результате получалось еще хуже: не только массы, но и рядовые члены партии были совсем сбиты с толку бешеной, но бессвязной и бестолковой суетой своих руководителей.

Многие бывшие активисты аграрного движения во главе с коммунистами организовались в небольшие отряды и вели стихийную партизанскую войну против гоминдановских властей. Но, по официальным данным КПК, эти отряды “не обращали внимания на самоорганизацию масс, занимаясь одними военными делами”.

В Шанхае горком КПК пытался “революционизировать” рабочих. Крестьянские бунты, проходившие в это время в двух пригородах Шанхая, заставили комитетчиков поверить в то, что грядет генеральное сражение. Картину сильно портило безразличное отношение рабочих к грядущему “сражению за вечное счастье пролетариата”. Горком не отчаивался: в Шанхае “были организованы летучие трибуналы красного террора, вооруженные пистолетами, которые пытались заставить рабочих организовать всеобщую стачку. Товарищи из городского комитета считали, что такими безумными мерами можно прийти к победе революции”, - читаем отчет ЦК от 1927 г.

В Ухане после неудачных восстаний в деревнях ЦК партии решил почему-то, что бунт лучше устроить прямо в городе. Проком (провинциальный комитет) Хупэя пытался возражать: все последние “лобовые удары против врага” ни к чему хорошему пока не привели. После этого ЦК так тряс местных “трусов”, что раскаявшимися “трусами” сразу же была назначена дата всеобщей стачки в Ухане. Когда пришло время действовать, по свидетельству КПК, “большинство партийцев разбежалось из города кто куда, предчувствуя неминуемый провал”.

Северное бюро компартии разработало план по “всеобщему восстанию” одновременно в шести северных провинциях. Этот план позже был назван самим ЦК КПК “смелой

задумкой какого-то юмориста”.

Игра в революцию. Пародия на революцию. Иногда это выглядело действительно комично. Но от души смеяться могли только враги коммунизма. КПК этим фарсом добились того, чего не смогли добиться генералы. Только во время подготовки того же злосчастного “всеобщего восстания”, задуманного Северным бюро, погибло 60 основных руководящих кадров северных парторганизаций (они были пойманы во время совещания и расстреляны властями). И это еще не конец.

19 сентября 1927 г. политбюро КПК приняло решение о том, что “отныне восстание должно проводиться коммунистами от собственного имени, а не от имени Гоминдана”. “90% масс Гоминдана, стоящих на левых позициях”, оказались мифом. 30 сентября 1927 г. газета “Правда” расставила все точки над “i”: “Установление Советской власти в Китае должно перейти от этапа агитации к практическому воплощению в жизнь”. Ноябрьский Пленум 1927 г. ЦК КПК провозгласил новый лозунг дня: “Вся власть Советам рабочих, крестьян, солдат и городской бедноты!”. После поражения предыдущих восстаний, по мнению пленума, “китайская революция переходит к новому, высшему этапу. (...) Объективная обстановка в Китае такова, что продолжительность непосредственно революционной ситуации измеряется не неделями, месяцами, а долгими годами”. Исходя из этой оценки ситуации, “революция хотя и терпела до сих пор жестокое поражение (!), но сила революционного движения трудящихся масс Китая не только еще не исчерпана, но именно теперь только начинает сказываться в новом подъеме борьбы. Все это заставляет ЦК КПК признать в настоящее время во всем Китае непосредственно революционную ситуацию”.

Этот вывод базировался на том предположении, что, “раз буржуазия не в состоянии разрешать социально-политические противоречия современного Китая, то стабилизация буржуазной диктатуры невозможна”. Междоусобные войны среди верхушки Гоминдана так же рассматривались ЦК КПК как доказательство кризиса правящего режима.

Лидеры КПК и часть ее рядовых членов не понимали одного: как бы буржуазный режим слаб ни был, революционное движение в этот момент было еще слабее. Ни организационная сторона, ни моральный дух у народных масс, в первую очередь, у промышленного пролетариата, не были на высоте. Экономическая депрессия, наступившая в это время, тоже действовала отнюдь не в пользу подъема рабочего движения. Чем коммунисты собирались смести буржуазную власть? На этот вопрос лидеры партии не хотели или не могли ответить. Они воспринимали собственное настроение за настроение масс.

Стабильность этого режима рухнет в одночасье, если только народные массы снова поднимутся. Но требуется хотя бы минимальное время, чтобы они восстановили свои силы после поражения. Во всяком случае, зимой 1927 г. сделать этого массы были не в состоянии. Они стояли в стороне, молча наблюдая как за разборками в верхах Гоминдана, так и за авантюрами коммунистов.

На организацию повседневной оборонительной борьбы рабочего класса у КПК не хватило терпения, тем более, что большие дяди из Интернационала им просто запретили это делать. Как следствие коммунисты, действуя наугад, постепенно находили новые ориентиры в своей работе. Рабочие пассивны? Ну и черт с ними! Сделав для себя, пока негласно, такой вывод, коммунисты начали искать возможности участия в верхушечных интригах разных группировок Гоминдана с целью “дестабилизировать ситуацию”.

В это время сама партия переживала заметную смену кадров. Если раньше они черпались из рабочей и студенческой среды, то теперь в партию стали приходить по большей части профессиональные боевики. Люди, которые полны решимости к действию, но по сути далеки от революционного пролетариата. В своей работе они интересовались прежде всего, конечно же, не рабочим движением, а военными авантюрами.

“Превратим междоусобные войны в войну гражданскую!”, “Создадим Советскую власть, свергнем антинародный режим!”. С этими наказами Интернационала коммунисты ожидали социального взрыва. Но взрыва все не было. Деревенские бунты дали им надежду. Что касается политической ограниченности этих разрозненных выступлений в самых отдаленных уголках, коммунисты ее не видели или делали вид, что не видят. Ноябрьский пленум ЦК КПК пришел к следующему выводу: “Несмотря на новые неудачи, за последние три месяца накопился огромный опыт, который доказывает, что вся политика нашей партии целиком оказалась верной”. По этому верному пути к гибели Компартия и поспешила дальше. По ее представлению, новый подъем Китайской революции вот-вот должен был начаться.

Глава 16 Кантонская Коммуна

С конца 1926 г. Кантон и вся провинция Гуандун находились в руках генерала Ли Цишэнь. В момент захвата власти генералом Ли местные коммунисты не оказали сопротивления, по приказу тогдашнего ЦК партии они сдерживали активные выступления своих сторонников, ожидая “победоносного окончания Северного похода”. И дождались. 15 апреля 1927 г. генерал Ли отдал приказ “очистить Кантон от “краснухи””. Около двух тыс. коммунистов были арестованы, из которых сто человек сразу были расстреляны. Остатки рабочей дружины времен Гонконгской всеобщей стачки после коротких ожесточенных боев были разоружены. Все члены прокоммунистического профсоюза железнодорожников (около двух тыс. человек) были уволены с работы, их заменили штрейкбрехерами из правых профсоюзов, подконтрольных генералам. Происходила “реорганизация” профсоюзов по известному сценарию. Все левые организации, к тому моменту оставшиеся легальными, были запрещены. В гуандунских деревнях после упорных боев руководство Союзов крестьян увело свои отряды в горы.

Кантонская буржуазия не упускала времени. В последующие месяцы все экономические завоевания рабочих были ликвидированы. Попытка коммунистов сдержать волну реакции проведением всеобщей стачки сорвалась: рабочие оказались не готовы к столькой крупной акции после долгой своей (вернее своего руководства) политической бездеятельности. Знаменитый “Комитет рабочих депутатов Кантона” год назад насчитывал 200 тыс. промышленных рабочих, теперь совсем исчез из виду. В подполье от имени Комитета действовал “Особый Комитет”, который объединил, по его собственной информации, 100 профсоюзов Кантона. В июле 1927 г. эта организация, опять же по ее словам, сумела вывести три тыс. человек на демонстрацию, посвященную очередной годовщине памятной Гонконгской стачки. Даже если эти данные являются правдивыми, размах рабочего движения в Гуандуне не шел ни в какое сравнение с прежними временами.

Упорный “оппортунизм” большинства рабочих способствовал росту террористических настроений в рядах Компартии. Рабочие-партийцы провели целую серию взрывов, чтобы сорвать процесс “реорганизации” профсоюзов. Покушение на генерала Ли не удалось только из-за неисправности бомбы. Руководство партии поощряло эти акты индивидуального террора, называя их “красным террором”.

Официальная терминология, употреблявшаяся КПК в конце 1920-ых годов, пестрела многочисленными путницами, искажениями и невежеством. Одной из этих путниц было употребление термина “красный террор”. Красный террор сам по себе приемлем, но только при победоносной социальной революции. Красный террор был массовым порядком открыто пущен в ход во время гражданской войны после Русской революции 1917 г., когда контрреволюция стала угрожать самому существованию новорожденной рабочей власти. Этот метод не имеет ничего общего с индивидуальным террором. Большевизм вырос и окреп в борьбе с множеством проявлений мелкобуржуазной истерики, в т.ч. теории и практики индивидуального террора. Индивидуальный террор не мобилизует массы,

наоборот, он их парализует и деморализует. В революционной организации усиление тенденции индивидуального террора есть верный симптом беспомощности и дезориентации этой организации.

Гуандунские коммунисты эти черные месяцы прожили в ожидании чуда. Сначала ожидали “победы в Северном Походе”, потом - “победы в походе Уханя на Север”, потом - “победы Уханя над Чан Кайши”, потом - “победы всеобщих восстаний”. Когда партизанская армия коммуниста Ие Тэна из провинции Цзянси подошла к границе Гуадуна, местным прокомом КПК был срочно составлен план о “всеобщем восстании” по всей провинции. Вскоре армия Ие Тэна была разбита, и план отложили. Но ненадолго.

Время шло... Любые изменения в политике КПК моментально отражались на поведении кантонской парторганизации. 14 октября 1927 г. лозунг “Долой Гоминдан!” впервые появился на стенах улиц города. Поздно. На большинство рабочих это уже не действовало. С мартовского переворота 1926 г., совершенного Чан Кайши, прошло уже полтора года; год назад была предана гонконгская стачка; в городе давно хозяйничает гоминдановский генерал, запрещая и репрессировав рабочие организации. За это время кантонский пролетариат многое пережил - аресты, пытки, расстрелы, темницы. Если лишь сейчас его партия разрешила ему говорить вслух то, что и ему давно известно, то гроша ломанного не стоит такая партия! Ничего удивительного, что многие революционные рабочие видели в бомбах лучшее средство борьбы, чем директивы Коммунистической партии, часто противоречивые, зато всегда “оказывающиеся целиком верными”. Так же неудивительно, что рядовые рабочие, раньше с надеждой шедшие за Компартией, отвернулись от нее с тяжелыми воспоминаниями и горьким разочарованием.

Несмотря на то, что КПК в результате своей политики прочно села на мель, имея в арсенале вчерашние иллюзии и сегодняшнюю нелепость этой самой политики, в Кантоне в ее рядах осталось большое количество рабочих. Их воля к борьбе не была сломлена. Это были лучшие из лучших бойцов вчерашнего массового движения: дружинники гонконгской стачки, красногвардейцы Комитета рабочих депутатов Кантона, стойко стоящие на коммунистической позиции железнодорожники. Это было ядро передовой части кантонского пролетариата, в свое время творившего чудеса. Проявляя невероятное самоотвержение и героизм, кантонские рабочие достигли небывалой (по китайским меркам) политической развитости. Именно в Кантоне было создано единственное подобие рабочей власти за все время Китайской революции 1925-1927 гг.; и именно благодаря поддержке кантонских рабочих Национальное правительство Гоминдана смогло укрепиться на Юге.

Образно говоря, для Компартии эти закаленные кадры были бесценны, как целое спасенное состояние с затонувшего корабля. Тщательно сохраняя и осторожно руководя ими, путем упорной повседневной работы при правильной политической линии, эти рабочие снова открыли бы партии путь к массам. Этот путь до сих пор был засорен глупостью и преступлениями самой Компартии. Бросать эту “последнюю гвардию” в неравный бой, означало бы лишь одно: рубить под собою сук.

Между тем в Кантоне зрела разборка в стане Гоминдана. Генералы Ли Цзишэнь и Чжан Факой уживались друг с другом, как кошка с собакой. В воздухе запахло порохом. ЦК КПК засуетился, как только узнал об этом. В своей директиве гуандунской парторганизации он декларировал, что “единственный путь для народных масс Гуадун заключается в использовании хаоса военного времени. Необходимо поднимать и расширять восстания в городах и деревне, организовать выступления в казармах, решительно соединить эти вооруженные выступления во всеобщее восстание, конечной целью которого является создание Советов рабочих и солдатских депутатов”.

Лозовский через год, мудрый задним умом, поучал: “Это правда, что шли распри между генералами. Но надо было понимать, что стоило поднять красное знамя, как ссора в лагере контрреволюции тут же прекращалась”. Беда в том, что Лозовский и прочие мудрецы из Коминтерна в самый ответственный момент учили КПК совсем другим вещам. Между тем, что они задним числом декларируют, и тем, чем они идейно вооружали восставших коммунистов, лежала целая пропасть. Их китайские адепты как раз упали в эту пропасть и разбились вдребезги.

17 ноября 1927 г. генерал Чжан наконец “наехал” на генерала Ли. Все шло как всеми и ожидалось. Линия фронта раскинулась по всей провинции. Коммунисты, в свою очередь, решили выступить 13 декабря. По словам одного из двух только что прибывших эмиссаров Коминтерна в Китае, Heinz Neumann, лидеры партии “были абсолютно уверены в том, что все условия для победы налицо... Победа гарантирована”.

Много позже, и Лозовский, и Heinz Neumann признали, что кантонское восстание изначально было обречено на поражение. Соотношение сил в провинции и стране не оставляло какого-либо шанса восставшим. Главная ставка была сделана на подмогу партизанской армии коммуниста Пэн Пэя из глубины провинции. Если раньше Пэн был первым из китайских коммунистов, кто начал заниматься аграрным движением, то теперь он стал отцом первого крестьянского “Совета” в своем родном районе Хэйлуфэн. Эти крестьянские “Советы” на десятилетие стали основным содержанием политики КПК. В Гуадунской деревне, как и по всей стране, происходили стихийные крестьянские бунты, во многих случаях во главе с коммунистами. Это было запоздалым эхом прошедшего массового движения, и наверное, только ЦК КПК мог в них видеть не эхо, а прелюдию. Позже Ломинадзе в Москве заявил: “Мы сильно преувеличили значение этих деревенских бунтов”. Как бы там ни было, сам эмиссар пальцем о палец не ударил, чтобы остановить очередной акт саморазрушения КПК.

Если рассматривать организацию военной стороны дела, то и там находим удручающую картину. По данным Реввоенсовета Кантонской Коммуны, к началу восстания весь его оружейный арсенал состоял из “30 пистолетов, 200 ручных гранат, не больше 50 винтовок у рабочих и 1600 винтовок у революционных солдат”. Некто тов. А. (возможно, речь шла о Neumann) докладывал, что “у рабочих было 29 маузеров, 200 ручных гранат, и ни одной винтовки”. Главной ударной силой восстания был учебный полк кантонского гарнизона. В этом полку около 15% личного состава были коммунистами. Число участников восстания,

по данным РВС Кантонской Коммуны, составляло 4200 чел., по данным Neumann - 3000 человек.

По данным РВС, мэрия г. Кантон располагала вооруженными силами из 7000 чел., из них 5 тыс. солдат, 1 тыс. полицейских, и 1 тыс. вооруженных штрейкбрехеров. У одних только военных было 5 тысяч винтовок, достаточное количество пулеметов и своя артиллерия. За городом были расквартированы еще 4 полка, а в ближней воде стояли иностранные военные корабли. По всей провинции у обоих генералов имелось 50 тыс. солдат, которые за 2-3 дня так или иначе доберутся до Кантона. В этих частях у КПК не было какого-либо влияния. По словам Neumann, “широкие солдатские массы не обратили внимания на призывы Компартии...”. По словам Лозовского, “необходимая работа по разложению неприятельских частей не была проведена...”, и это обстоятельство “предрешило исход дела”. Хотя после падения Коммуны Neumann в своем отчетном докладе руководству Коминтерна признал, что силы были неравными, но оговорился: “Если учесть то обстоятельство, что буржуазная армия находилась в преддверии революционной бури, и режим в принципе не мог положиться на свою армию, то можно сказать, что силы были сопоставимы”.

Показателем того, насколько в то время разбушевала “революционная буря” может служить тот факт, что Компартии даже не удалось мобилизовать рабочих города на всеобщую стачку в качестве подготовительного шага к восстанию. 23 октября 1927 г. горком партии сделал последнюю попытку провести политическую стачку, но генерал Чжан быстро и жестоко расправился со всеми, кто вел агитацию за стачку в фабричных кварталах. После этого штаб по подготовке восстания, по словам Neumann, непосредственно участвовавшего в разработке плана действий, пришел к такому выводу: “Призыв (к стачке) может быть услышан и врагом. Наше выступление потеряет преимущество неожиданности, что не оставляет нам никакой надежды на успех”.

Накануне запланированной даты выступления случилась новая беда: по решению Ван Тинвэя рабочая дружина (тогда уже разоруженная) была изгнана из своего общежития за городом. Появилась реальная угроза распада дружины: много людей не могут долго держаться вместе, не будучи объединены общим делом, а теперь еще и лишившись крыши над головой... Руководители подпольного штаба теперь не думали уже ни о какой “предварительной подготовке”. У них на уме было одно: как можно быстрее бросить этих людей в дело, т.е. на восстание.

Лозовский в своей статье о Кантонской Коммуне констатировал, что “компартия не сумела остановить хозяйственную жизнь города. Рядовые рабочие не были вовлечены в создание Кантонской Коммуны... Лишь во время уличных боев, когда кругом уже падали снаряды, кантонские пролетарии узнали о зарождении собственной власти у себя в городе... Для рабочих, это восстание оказалось неожиданным и ошеломляющим”.

За четыре дня до восстания, был тайно назначен состав “ядра Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов” из пятнадцати человек. Трое из них представляли учебный полк, трое были от крестьянства и девять человек представляли левые рабочие

организации. Предполагалось, что после провозглашения Коммуны Советы расширятся до трехсот человек.

Деформация советского государства к концу 1920-ых годов привела к идейной ревизии марксизма. Правящая бюрократия стала выдавать собственные теории за ортодоксальный марксизм. Понятие “Советской власти” тоже не избегло такой участи. Что такое Советы в подлинном смысле этого слова? Прежде всего, это властный орган пролетариата, основанный на выборном начале среди рабочих и других эксплуатируемых слоев общества. Советы есть концентрированное выражение широкой пролетарской демократии. Они рождаются во время революционной ситуации на базе различных стачкомов, рабочих комитетов и других рабочих организаций прямого действия. На первых же шагах своей работы Советы вовлекают широчайшие круги восставших масс в русло сознательного революционного движения. В обыденное время эти массы находятся, как правило, вне влияния какой бы то ни было политической организации. Смысл Советов заключается в том, что они рождаются из массового движения и становятся его руководящей и направляющей частью, при этом они неразрывно связаны с массами. Массы в Советах обретают политические навыки (такие, например, как умение видеть свои коренные интересы, отличить своих союзников и попутчиков от врагов), получают первые опыты в деле управления обществом. В связи с предельным обострением классовых антагонизмов во время революционного периода массы учатся политике тем быстрее, чем острее ситуация.

После взятия политической власти пролетариатом, Советы становятся органом новой власти. Понятие о Советах было сформировано на опыте трех Русских революций 1905 - 1917 гг. Теперь оно спрятано под сукно сталинской бюрократией, которой куда привычнее такие понятия, как “договариваться”, “прикидываться”, “подсиживать”, “хитрить”, “пережидать”, “и нашим, и Вашим”. В случае наличия революционной ситуации массы сами стремятся взять власть, “назначать Советы” тайно, как это было сделано в Кантоне, все равно что оказать медвежьё услугу революции.

Троцкий по этому поводу писал, что “создать выборный Совет - дело совсем не простое: надо, чтобы массы из опыта знали, что такое Совет, чтобы они понимали его форму, чтобы они прошлым приучены были к выборной советской организации. Об этом в Китае не было и речи, ибо лозунг Советов не был объявлен как раз в тот период, когда он должен был стать нервом всего движения. Когда же, впопыхах, назначили восстание, чтобы перепрыгнуть через собственные поражения, то пришлось заодно назначить и Совет. Если не вскрыть до конца корни этой ошибки, то можно и лозунг Советов превратить в удавную петлю для революции... (...)”

Задача Советов состоит не просто в том, чтобы призвать к восстанию или произвести его, а в том, чтобы через необходимые этапы подвести к восстанию массы... Масса должна в действии почувствовать или понять, что Совет - это ее организация, что он собирает ее силы для борьбы, для отпора, для самозащиты и для наступления. Она может это почувствовать и понять не на однодневном, вообще не на единичном действии, а на опыте ряда недель, месяцев, может быть, лет - с перерывами или без перерывов... В противовес

этому эпигоны превратили Советы в парадный организационный мундир, которой партия просто надевает на пролетариат накануне захвата власти. Но тут-то и оказывается, что Советы нельзя импровизировать в 24 часа, по заказу, непосредственно для целей вооруженного восстания. Эксперименты такого рода неизбежно должны получать фиктивный характер, чтобы внешней обрядностью советской системы маскировать отсутствие необходимейших условий для захвата власти. Так это и случилось в Кантоне, где Совет был попросту назначен для соблюдения ритуала. Вот к чему ведет эпигонская постановка вопроса... Созданный впопыхах - для ритуала - Совет явился только маской авантюристического путча”.

В последний момент план восстания в Кантоне оказался на грани провала. Ван Тинвэй в Шанхае разузнал о готовящемся восстании и передал информацию генералу Чжану. По указанию последнего кантонский гарнизон был укреплен войсками, до этого сражавшимися с солдатами генерала Ли. Штаб коммунистов решил форсировать события. К вечеру рабочие дружинники сосредоточились в заранее условленных местах. Учебный полк был приведен в боевую готовность. Городские власти тоже готовились к худшему варианту развития событий. Вечером на перекрестках главных улиц были поставлены полицейские посты, снабженные броневидами, прохожие подвергались обыскам. Одно из подразделений Красной гвардии в составе девяноста человек было арестовано на своей конспиративной базе. Штаб коммунистов занервничал еще сильнее: нужно начинать! Восстание должно произойти во что бы то ни стало!

Наступила полночь. Большинство полицейских патрулей покинуло улицы. В 30 минут первого по полуночи, раздались выстрелы в северной части города: выступил учебный полк. Командир полка и несколько других реакционных офицеров были расстреляны восставшими рядовыми. Колонна революционных солдат вошла в центр города. В это же время выступила Красная гвардия.

В начале все шло как по маслу. Полиция была быстро разогнана. Были захвачены склад с оружием, здания Главного Управления полиции города и Военной Комендатуры. Главный штаб генерала Чжана был укреплен настолько хорошо, что его не удалось взять сразу. Тем не менее, утром следующего дня основная часть г. Кантон перешла в руки восставших. К этому моменту “Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов” был официально провозглашен. Первым своим постановлением он освободил всех политзаключенных. Большинство из них - всего около тысячи - тут же влилось в ряды восставших. С грузовиков в толпу разбрасывались воззвания новой власти - провозглашение долгожданной революции и “Кантонской Коммуны”.

В Программу Коммуны были включены следующие пункты:

- организация Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов по всей стране;
- национализация крупной промышленности, транспорта и банков;

- вооружение рабочих;
- свобода слова, печати, собраний;
- полная свобода профсоюзной деятельности.

В области аграрной политики:

- национализация земли;
- отмена всех долговых обязательств крестьян;
- новая власть призывает крестьянство к поголовному истреблению землевладельцев и других сельских богачей.

В области социальной политики:

- дома богатых семей передаются под рабочие общежития;
- имущество частных собственников распределяется властями в помощь городской бедноте;
- все ломбарды закрываются, а заложенные в них вещи возвращаются владельцам;
- введение восьмичасового рабочего дня и всеобщего социального обеспечения;
- увеличение зарплаты до размера, достаточного для достойного существования;
- отмена всех побочных налогов.

Значение программы Кантонской Коммуны состоит в том, что это единственный официальный документ КПК, раскрывающий истинную суть Китайской революции 1925-1927 гг. По официальной теории Коминтерна, в таких полукOLONиальных странах, как Китай, а также колониях, предстоит буржуазно-демократическая революция, и вместо “диктатуры пролетариата” компартии этих стран должны бороться за “демократическую диктатуру рабочих и крестьян”: некоего переходного периода “между капитализмом и диктатурой пролетариата”. Кантонская Программа по своей классовой сути, как считал Троцкий, куда дальше по пути провозглашения диктатуры пролетариата, чем Октябрьская революция в первые недели своего существования. Встает закономерный вопрос: если это - буржуазная революция, то как должна выглядеть китайская пролетарская революция?

На этот вопрос кантонские коммунары не ответили. Они не успели понять, насколько глубоко они увязли в болоте троцкизма. Они вообще уже мало что успеют сделать за то время, что осталось им жить. Утром 11 декабря началась контратака на город верных частей генерала Чжана. Бои шли по всему городу. Массы оставались пассивными. Они так и не

поняли, что в городе создана их же власть, и идет борьба за нее не на жизнь, а на смерть. Где агитация? Почему на заводах не было видно представителей новой власти? По свидетельству КПК, “актив рабочих организаций, ответственные товарищи парторганизаций в большинстве своем вступили в Красную гвардию... Все были заняты военными делами, и работа по мобилизации масс была брошена на произвол судьбы”.

Часть кантонского пролетариата - печатники и водители грузовиков - все же пришла на помощь Коммуне. Из них тут же формировались новые отряды Красной гвардии. Но, в то же время, железные дороги и речной транспорт продолжал работать как прежде: чиновники и буржуа свободно вывозились из города, а ввозились верные Гоминдану войска.

Ие Тэн, главный командующий силами РВС Коммуны, приехал в город всего за шесть часов до начала восстания. Это лишь один мелкий эпизод из всей организационной неразберихи при подготовке восстания. В своем отчетном докладе после разгрома восстания Ие Тэн заявил: “Массы не принимали участия в восстании. Торговая буржуазия объявила нам бойкот, работники магазинов и лавок не сопротивлялись этому саботажу революции... Большинство разоруженных солдат свободно передвигалось по городу. Железнодорожные рабочие под штыкам были вынуждены работать на врагов, об их затруднительном положении мы не подумали заранее... Электростанция Кантона лишила нас электричества, а речные пароходы непрерывно переправляли в город неприятельские части, зато мы не смогли добыть для себя ни одного катера! Крестьяне не помогли нам перерезать вражеские коммуникации в тылу (телеграфные кабели, автодороги) и не оттянули на себя часть сил, наступавших на нас. Гонконгские рабочие и моряки ничем не поддержали Коммуну”.

По отчету Neumann, “большинство кантонских рабочих и мелких буржуа активной поддержки Коммуне не оказывало... Железнодорожные, муниципальные рабочие и гонконгские моряки не откликнулись на наши просьбы о помощи. Мелкая буржуазия заняла выжидательную позицию... Крестьяне из окрестностей Кантона не активизировались... Отряд Пэн Пэя был плотно отрезан от нас вражескими силами. Кантонская Коммуна вообще не получила ниоткуда никакой помощи”.

“Действительное число участников восстания было не 3 тыс., как считают некоторые товарищи, а 20 тысяч. Но нельзя сказать, что социальная поддержка Коммуны была значительной. Так, в свои лучшие времена в Комитете Рабочих Депутатов Кантона состояло 200 тыс. рабочих”, - нехотя констатировал факт один из профлидеров, член ЦК КПК Дэн Джонся.

В полдень 11 декабря лидеры Коммуны решили созвать “массовый митинг”. На их призыв откликнулось не более трехсот человек. Заседание ответственных лиц Коммуны тоже неоднократно срывалось: люди находились кто где, и их приходилось долго разыскивать. Была сделана еще одна попытка созвать митинг, но 12 декабря весь день уже шел смертельный бой. Красногвардейцы, вооруженные винтовками и бамбуковыми мечами, насмерть обороняли свои позиции. Японские и британские военные корабли прикрывали гоминдановские части массированными обстрелами по городу; ими был взорван оружейный

склад, отчего вспыхнули крупные пожары, началось мародерство. Вокруг Кантона было сосредоточено огромное количество Гоминдановских войск: с трех сторон 45 тыс. солдат наступали на позиции трехтысячной Красной гвардии. Основные боевые силы Коммуны были расположены по берегу реки, обстреливавшемуся особенно усиленно. Заметный урон красногвардейцам наносили вылазки вооруженных штрейкбрехеров с тыла.

Утром 13 декабря Красная гвардия начала отступать, оставляя одну улицу за другой. Часть красногвардейцев вместе с остатками учебного полка, прорвав окружение, ушла в сторону гор. В полдень 13 декабря здание кантонских Советов было окружено со всех сторон. В течение двух часов рабочие отразили пять атак. В два часа дня красное знамя исчезло с крыши здания.

Кантонская Коммуна пала...

Коммуна пала, не прожив и тридцати часов. Но и после ее падения продолжались уличные бои. Отдельные группы вооруженных рабочих из 10, 30, 50 человек в разных местах города защищали оставшиеся баррикады до последнего патрона. К вечеру 13-го числа всякое сопротивление прекратилось.

Буржуазные СМИ выражали праведное негодование по поводу “неслыханного большевистского террора”, царившего при Коммуне. За время своего короткого существования Коммуна расстреляла 210 человек и 71-го посадила в тюрьму. По другим данным, Коммуна казнила 600 человек. Какая бесчеловечность!! Генералы были возмущены до глубины души.

Наступило время белого террора...

“Не успел я выйти на улицу, - так начал свой рассказ корреспондент одной из пекинских газет, очевидец кантонских событий, - как увидел труп убитого рабочего дружинника. Он лежал лицом вверх, весь в грязи, на шее - красный галстук. Лоб был пробит пулей. Туча мух жужжала над ним... За развалиной, рядом с леском, на улице, встретил колонну грузовиков, заваленных трупами. Камни, ружья и бамбуковые мечи были раскиданы повсюду... В парке видел десять трупов, судя по всему, на этом месте только что состоялась казнь... Почерневшие пятна крови на асфальте бросались в глаза. Вонь от трупов стояла невообразимая. Расстрелы продолжались”.

Солдаты хватили всех молодых коротко стриженных девушек как “коммунисток”. Журналисты видели, как одну из них “сожгли заживо, облив ее керосином”. Шанхайская пресса напечатала одну фотографию с подписью: “Перевоз убитых на машине на городское кладбище”. Тело Главы Коммуны Чжан Тэйлэя тоже было среди них. На этом кладбище были захоронены также и пятеро расстрелянных работников Советского Консульства в Кантоне. На улицах Кантона погиб цвет революционного пролетариата Китая - всего пять тысяч семьсот рабочих. По словам Ие Тэна, “товарищ эмиссар” Neumann был одним из первых бежавших с места сражения.

С падением Коммуны жизнь не закончилась. Как у советских эмиссаров, так и у многих из вождей КПК появилась серьезная забота: как лучше свалить на других ответственность за эту новую катастрофу. В недрах аппарата начались спешные телодвижения... 3 января 1928 г. политбюро ЦК КПК в своей резолюции с заголовком “Значение и уроки Кантонского восстания” заявило следующее: “Только трусливые оппортунисты смеют называть кантонское восстание глупостью, путчизмом. Ничего подобного не было ни в работе местной кантонской организации, ни на уровне ЦК. Восстание произошло вследствие естественного развития классовой борьбы и было детищем объективной ситуации. У кантонских рабочих не оставалось иного пути, кроме как взять власть в свои руки”. И далее: “Исполком Интернационала и руководство КПК (после уханьского переворота) отметили наличие революционной ситуации в Китае. Это утверждение оказалось целиком верным”.

Причины поражений всех прежних восстаний, по мнению политбюро, заключаются в “ошибках непосредственного руководства восстанием”. Эти ошибки своевременно исправлялись партией. “В последнее время мощь революции только нарастала”, и поэтому “восстание по-прежнему стоит в повестке дня”. “В декабре (прошлого года) в Кантоне присутствовали все необходимые условия для пролетарской революции”, а отсрочка восстания спровоцировала бы “крайний разгул белого террора”. Что касается разгула белого террора после поражения Коммуны, то виновата в этом была “недостаточная подготовка” восстания. Вывод один: “Ситуация в стране революционная... (...) После Кантонского выступления у китайского капитализма остается еще меньше шансов на стабилизацию”. Поэтому “работа по проведению восстаний и организации Советов остается актуальной”. В конце резолюции политбюро призывало партию интенсивнее поднимать новые вооруженные выступления.

На Девятом пленуме Исполкома Коминтерна, состоявшемся в феврале этого же года, кантонские события были названы “образцом колоссального героизма, смелости и самоотвержения китайского пролетариата”. Путчизма, по мнению пленума, не было, но были ошибки, допущенные “тов. N” (возможно, речь шла о Neumann. Прим. переводчика), который вместе с несколькими другими товарищами не организовал “широкую политическую стачку”; также по их вине “не было организовано выборов Советов в качестве руководящего восстанием органа”. “Революции был нанесен тяжелейший удар, она потеряла часть своих лучших кадров”. Пленум предсказал “новый подъем”, который потребует от КПК новых усилий в “ведении новых массовых вооруженных выступлений”, так как “только вооруженная борьба, только свержение существующего режима решит основную задачу китайской революции”. Естественно, путчизм как потенциальный уклон от генерального курса был осужден пленумом. Этим нехитрым трюком вожди Интернационала обеспечили себе политическое алиби - они все предвидели, всех предупредили, и, в случае чего, целиком (оказались, оказываются) окажутся правы.

Задача момента для КПК определялась пленумом так: “Провести ряд восстаний одновременно в нескольких провинциях, как в деревне так и в городе, обеспечив их координацию. Приступить к более масштабной мобилизации масс”.

7 февраля газета “Правда” заявила, что “китайская компартия подготавливает вооруженные выступления по всей стране. Ситуация в Китае подтверждает правильность этого курса. Прежний опыт показывает, что необходимо сконцентрировать все силы на повседневной работе по подготовке восстания”.

Последующие пять месяцев стали кошмарным сном для китайских коммунистов. Разгром следовал за разгромом, провал - за провалом. Последние силы КПК таким образом большей частью были успешно пущены в расход. Зрел новый поворот в китайской политике Интернационала. В июле-августе 1928 г. состоялись одновременно Шестой мировой конгресс Коминтерна и Шестой Съезд КПК.

“Многие китайские и иностранные коммунисты допустили крупнейшую ошибку... Они восприняли Кантонскую Коммуну как отправную точку новой мощной революционной волны в Китае; опираясь на это ложное понимание, они настаивали на прямой вооруженной борьбе”, - важно отметил Н. Ломинадзе, главный куратор КПК именно в послекантонский период. Как автор теории “вечно непрекращающегося нарастания Китайской революции” Ломинадзе и тогда, и теперь “целиком оказался прав”.

“Восстания, проведенные с осени прошлого года, особенно кантонское, не содержат в себе элемента путчизма”, - вяло отбивался ЦК КПК. “Кантонские Советы были необходимой попыткой защитить завоевания победоносной (!) революции. Но объективно... это было отступление с боями”.

“Тезисы о борьбе в колониальных странах”, принятые на Конгрессе, расставили все точки над “i”: после уханьского переворота КПК “исправила свои прежние уклоны”, но, к сожалению, “революционная волна уже начинала спадать”, и, “если до уханьского переворота была допущена оппортунистическая ошибка, то после него обнаружился уклон революционного авантюризма и путчизма”. Проведенные восстания были, с точки зрения новоиспеченной Коминтерновской истины, “попыткой спасти революцию”. И Кантонское восстание было “последним достойным ударом” (Кому?).

Резюмируем:

КПК “встала на верный путь” и “допустила крупнейшую ошибку”; “революция нарастает”, т.е. она пошла на убыль, поэтому необходимо положить шесть тысяч рабочих-коммунистов в мясорубку только в одном городе, чтобы “защитить завоевания победоносной революции”. Это тем более полезно, что распоясавшаяся контрреволюция срочно требует “достойного отпора”. Все эти выводы дополняли друг друга, и “целиком оказывались верными”. Есть опасение, что эти истины настолько глубоки, что и Гегель вряд ли в них разберется...

Глава 17 После разгрома

Пока господа начальники из Коминтерна протирали штаны в мягких креслах в Москве, ведя свои утонченные игры во властных коридорах, на плечи китайского народа свалилась вся тяжесть поражения революции.

К власти в Китае, наконец, пришел Гоминдан со своей патриотической риторикой, обновленным чиновничеством и унифицированной, жестко централизованной системой управления. Пожалуй, свет в конце туннеля на пути национального возрождения? Ничего подобного! Китайская буржуазия заведомо не имела ни материальной, ни политической возможности хотя бы частично удовлетворить нужды и чаяния трудового народа. Естественно, что ее политическое господство выразилось в самой дикой форме военной диктатуры, поддерживаемой международным империализмом в качестве своего местного приказчика.

Вот “плоды” десятилетнего правления Гоминдана (1927-1937 гг.): новый цикл междоусобных войн; жесточайший белый террор по отношению к любой малейшей оппозиционной тенденции; экономическая стагнация; унижение и бессилие перед империалистическим державам.

На верху этой властной пирамиды находилась группа соперничающих тиранов, непрерывно грызущихся друг с другом и одновременно абсолютно зависимых от финансовой и военной поддержки той или иной империалистической державы. Этажом ниже развалилась огромная бюрократическая машина, в которой офицеры и банкиры, землевладельцы и чиновники, менеджеры финансовых компаний и редакторы патриотических изданий, спецслужбы и организованная преступность были тесно завязаны друг с другом миллионами нитей корпоративных интересов и выступали на политической арене, будучи повязаны единой круговой порукой.

Два основных принципа Гоминдана - “социальная реформа” и “возрождение страны” - остались на бумаге. Единственной модернизированной и весьма развитой отраслью при Гоминдане стали репрессивные аппараты. Никому неизвестно, сколько людей за эти годы пали жертвой государственного террора. Кроме жертв неусыпного надзора тайной полиции в городах, насчитывались миллионы убитых и искалеченных правительственными карателями во время зачисток деревень от “красных бандитов”.

По статистическим данным некоторых китайских социологов, с апреля по декабрь 1927 г. насчитывалось 37985 жертв белого террора и 32316 политзаключенных; с января по август 1928 г. за свои политические “преступления” были официально казнены 27699 чел. и получили различные сроки заключения 17000 чел. В конце 1930 г. МПОР при КПК полагал, что за последние три года число казненных по политическим мотивам и умерших в тюрьмах достигло 140 тыс. чел. В 1931 г., только по данным, поступившим из шести провинций, можно говорить о 38778 официально казненных. С 1932 г. ряды “политически неблагонадежных” быстро пополнялись теми, кто не мог спокойно наблюдать, как “вождь

антиимпериалистической борьбы” Чан Кайши пресмыкается перед воинственной японской агрессией.

Уровень жизни промышленного пролетариата ухудшался с каждым годом. Великая экономическая депрессия 1929 г. обрушилась на китайскую экономику со страшной силой. На несколько лет Китай был выбит из международного рынка; вдобавок захват Манчжурии японской армией лишил Китай значительной части национальных доходов. Экспортно-импортный объем упал с 1931 по 1934 гг. вдвое. При этом негативное сальдо внешней торговли увеличилось в 5 раз. Если раньше шелковая отрасль была одной из столпов китайской экономики, теперь она полностью разорилась. В 1927 г. в Шанхае было 93 шелковых фабрики, а в 1934 г. из них осталось всего лишь 23 работающих. Дешевая шелковая продукция из Японии наводнила китайский рынок.

Не прекращалась в эти годы скупка отечественной промышленности иностранным капиталом. В 1934 г. японский и британский капиталы овладели половиной текстильной промышленности Китая. Цены на отечественную сельхозпродукцию упали на 25%-50% из-за обилия импортного продовольствия. Иностранная конкуренция, чудовищное бремя налогов, войны - все эти бедствия вместе разорили сельское хозяйство страны. Миллионы обанкротившихся крестьян покинули свои поля. Постоянный нелегальный вывоз благородных металлов (особенно серебра) за границу подорвал устойчивость национальной валюты Китая.

С 1931 по 1935 гг. гоминдановское правительство подписало целый ряд неравноправных договоров с Японией, по которым северная часть страны была передана Японии на условиях протектората.

Из всей империалистической цепи Япония представляла тогда слабое звено. Мировая депрессия резко подкосила ее монополизированную, но слаборазвитую экономику. Японский капитал видел свое единственное спасение в завоевательных войнах. На каждый шаг японской агрессии Гоминдан неизменно отвечал гневным протестом в Лигу Наций, и только. Пассивность Гоминдана перед внешней угрозой обернулась, как ни странно, бешеной активностью во внутренней политике. Все стихийные движения национального спасения попали под запрет правительства. Стихийно развернувшаяся народная кампания по бойкоту японских товаров на китайском рынке в конечном итоге была сорвана тщательно спланированными диверсиями спецслужб... Китая. Антияпонское партизанское движение в Манчжурии не поддерживалось Гоминданом. В январе-феврале 1932 г. шанхайский гарнизон, вопреки приказу сверху, вступил в бой с японским десантом. Военный Совет Гоминдана отвел все свое тяжелое вооружение (включая военную авиацию) далеко от линии фронта. Шанхайская оборона кончилась “Соглашением о прекращении огня”, заключенным 5 мая 1932 г. В нем Шанхай был объявлен “демилитаризованной зоной”, но с расквартированием крупного контингента японской морской пехоты (!) на постоянной основе.

Спустя год японская армия вторглась в одну из китайских провинций, пограничных с

Маньчжурией. Чан Кайши публично клялся: “Отдам голову за Родину!”. И послал телеграмму протеста в Лигу Наций. В мае 1933 г. передовые части японских войск уже приближались к Пекину. На пути к нему они встретили сопротивление всего лишь нескольких китайских полков. В конце концов было подписано новое “Соглашение о прекращении огня”, по которому обширная часть этой провинции выделялась в “демилитаризованную” зону с японским гарнизоном. В 1934 г. гоминдановское правительство возобновило железнодорожное и почтовое сообщение с Маньчжурией и установило государственную границу с марионеточной “Маньчжурским государством”. Таким образом, Китай де-факто смирился с потерей этой территории. В 1935 г. по новому соглашению с Японией китайское правительство отдало ей восточную часть другой северной провинции. В том же году министр обороны Китая подписал еще одно Соглашение с главным командующим японскими частями, расквартированными в Китае; согласно этому документу Гоминдановская армия должна была окончательно убраться с Севера своей страны.

Гоминдановское правительство родилось и окрепло под ежедневной, ежесекундной опекой международного капитала. За время своего десятилетнего правления оно, доведя страну до экономического разорения и территориального распада, неустанно истребляло революционеров и инакомыслящих всех мастей. Любая форма рабочей борьбы подавлялась силой, все крестьянские бунты топились в крови. Гоминдановская контрреволюция совершала свое “триумфальное шествие”, не встречая достойного отпора.

Таковы были итоги разгрома Китайской революции 1925-1927 гг.

Коммунистическая партия так и не выбралась из той ямы, куда ее загнала политика Коминтерна. Никакого демократического обсуждения в Интернационале по текущей политике к этому времени уже не могло быть, и судьба всех национальных секций была обречена качаться между двумя крайностями: смирным оппортунизмом и бешеным авантюризмом. Бухарин на Шестом мировом конгрессе Коминтерна заявил, что “ошибка (в Китае) была не в самой линии, а в ее ошибочном применении”. Снова было подтверждено в качестве краеугольного камня национальной Программы КПК положение о “Демократической диктатуре рабочих и крестьян”.

Китайская революция методом от противного доказала: чтобы реализовать демократические задачи, необходимо перешагнуть ограниченность самой буржуазной революции. Как ни назвать форму новой власти, решающая роль в ней должна принадлежать пролетариату. Любая другая промежуточная, “не буржуазная и не рабочая” власть при сохранении капиталистической системы означает только, что прежние буржуазные хозяева вместе со своими союзниками - земельной аристократией и покровителями из международного капитала - сохраняют свое господство. В Китае коммунисты упорно искали “революционную демократию”, которая якобы лучше всего консолидирует все прогрессивные (или так называемые демократические, народные,

здоровые, антиимпериалистические) силы. В реальной жизни эта “революционная демократия” раз за разом оказывалась махровой контрреволюцией.

В 1928 г. Коминтерн скатился в сторону авантюризма в связи с борьбой за политическое самосохранение сталинской группировки во властных органах СССР. КПК являлась одной из разменных монет этой борьбы. В “Тезисах о китайской революции” Коминтерна, принятых на Шестом конгрессе, КПК - по мнению авторов этих Тезисов - должна была “вести масштабную агитацию за Советы, за демократическую диктатуру рабочих и крестьян среди народных масс. Она была обязана в своей работе “делать акцент на публичную демонстрацию сил с целью вдохновить рабочие массы на борьбу с антинародным режимом”... Она должна была “последовательно бороться за политическую власть, организовывать Советы как руководящие органы восстания, которые ставят перед собой цель экспроприации землевладельцев и крупных (буржуазных) собственников и изгнание империализма из Китая... Грядущий революционный подъем требует от КПК выполнения конкретной и срочной задачи: приготовить и провести вооруженное восстание, как единственный путь к завершению буржуазно-демократической революции и... свержению Гоминдановского режима”.

Троцкий по этому поводу из своей ссылки в Алма-Ате писал: “Махать кулаками после драки - самое пустое и недостойное занятие... Нужно ясно понять, что революционной ситуации в Китае нет. Она сменилась контрреволюционной ситуацией. Которая переходит в межреволюционный период неопределенной длительности”.

В этом переходном периоде, считал Троцкий, нужно вести систематическую борьбу за элементарные демократические права. В категорию этих прав входят свобода слова, печати, собрания, восьмичасовой рабочий день, свобода профсоюзной деятельности. Центральным требованием из них должен стать созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего избирательного права. Троцкий отмечал, что терпеливая работа коммунистов в борьбе за экономические и демократические права трудящихся сможет постепенно поднять разбитое массовое движение на ноги. Так партия может вернуть себе доверие масс и восстановить свое влияние среди рабочих основных промышленных отраслей. При появлении благоприятной политической ситуации она снова сможет поднять знамя революции.

Смелая борьба за демократизацию общества как альтернативу военной диктатуре Гоминдана, утверждал Троцкий, как раз создаст те необходимые условия, при наличии которых лозунг Советов найдет самый активный отклик среди рабочих масс.

Официальные теоретики Коминтерна придерживались иных взглядов. На гоминдановскую контрреволюцию они отвечали бессильными заклинаниями, типа “Мировая революция неизбежна!” и “Банду Гоминдана под суд!”. Китай, по их мнению, “находился между двумя (революционными) подъемами”. “И нужно готовиться к скорейшему возрождению революции”, - не бескорыстно трепались казенные теоретики Интернационала.

Троцкий предупреждал: “Если мы действительно находимся между двумя волнами

продолжающейся революции, тогда любое проявление общественного недовольства можно рассматривать как (...) начало второй волны... Отсюда возникнет по крайней мере “вторая волна” путчизма”. Старый революционер и на этот раз, увы, не ошибся.

На Шестом конгрессе Коминтерна один китайский делегат в своем выступлении возбужденно заявил: “Мы семимильными шагами идем к новому революционному подъему!”. А его товарищи по партии (эта партия только что потерпела страшнейший разгром) при этом поднялись со своих мест и прокричали: “Да здравствует победоносная Китайская революция!”.

Через год в Китае произошла крупномасштабная война между армиями Чан Кайши и “сына рабочего класса” Фэн Юйсяна. На полгода вся страна превратилась в зону боевых действий, всего в войне с обеих сторон приняло участие больше миллиона солдат. Исполком Коминтерна в своем инструктивном письме КПК восторженно заявлял: “Это и есть начало новой революционной волны... Партия обязана воспользоваться этой ситуацией, чтобы свергнуть господство Гоминдановской военщины... Лозунги дня: “Превратим междоусобную бойню в гражданскую войну!”, “Долой помещичье-буржуазный режим!”. Нужно подготовить всеобщую политическую стачку...”.

“Большевизированная” КПК тут же вляпалась в новую безмозглую авантюру. Глубокая пропасть между партией и рабочим классом, появившаяся после 1927 г., все ширилась...

На Шестом конгрессе Коминтерна один китайский делегат ублажал руководство Интернационала заявлением, что “решительно поднятый Коминтерном лозунг вооруженным путем создать Советскую власть (в Китае), сплотил вокруг нашей партии десятки, сотни тысяч и миллионы рабочих”. Три месяца спустя, ЦК КПК в своей засекреченной директиве возмущался тем, что “число членов (красных) профорганизаций упало почти до нуля. Городские организации партии тоже разваливаются. Не осталось ни одной нормально работающей производственной ячейки”.

После 1928 г. профсоюзная политика Коминтерна заключалась в беспощадной борьбе с теми рабочими, которые в данный момент не разделяют коммунистическую программу. В Китае эта политика была выполнена с особым рвением. К этому времени значительная часть китайского пролетариата состояла в “желтых профсоюзах”, куда их сгоняли штыками Чан Кайши. С другой стороны, гоминдановское правительство издало (ранее не существовавший) Трудовой Кодекс, который разрешил рабочим даже право на забастовку. Хотя этот Кодекс, естественно, не применялся в реальной жизни, он помог профбоссам посеять новые иллюзии среди масс. Эти профбоссы, конечно, ратовали за гражданское согласие и классовый мир, но, спрашивается, разве не КПК буквально совсем недавно проповедовала “Блок четырех классов”?

На Севере профсоюзы находились в руках оппозиционной группировки Ван Тинвэя. Опальный Ван активно подыскивал для себя точку опоры в рабочей среде. Он привлекал сторонников обещанием заменить откровенную диктатуру Чан Кайши демократическим

правительством из гражданских лиц. Коммунисты оставили это поле деятельности целиком Вану, делающему все, чтобы еще раз предать мелкую буржуазию и значительные слои рабочих, поддерживающих его как демократическую оппозицию.

Масштаб рабочего движения при правлении Гоминдана неуклонно сокращался. Если в 1927 г. в профсоюзах состояло три миллиона рабочих, то в 1928 г. эта цифра сократилась наполовину. В 1930 г., по официальным данным, существовало 741 профобъединение, в них состояло 574766 человек. Соответствующие данные в 1932 г. - 621 профсоюз и 410067 их членов. Большинство промышленного пролетариата оказалось вне всякой организации, даже самой формальной.

Как среди организованных, так и среди неорганизованных рабочих влияние Компартии стало ничтожным. В 1928 г. в Шанхае произошло 120 стачек, в которых участвовало 213996 чел., в них чаще всего выдвигались экономические требования (увеличение зарплаты, уменьшение рабочего времени). Коммунисты при этом оставались пассивными наблюдателями. Их болтовня о “политических” и “всеобщих” стачках, “вооруженной борьбе” и “Советской власти” играла только на руку работодателям: в этих случаях забастовщики обычно спешно возобновляли работу.

Партийная пресса после каждой очередной смены руководства КПК оглашала (в качестве разоблачительного материала против смещенных “саботажников”), каково отношение теперь у рабочих к Компартии: “Они (т.е. рабочие) боятся прихода наших представителей... Умоляют нас не мешать им. На нашу агитацию обычно вежливо отвечают: Вы, конечно, правы, только нам не до всего этого... Нам бы немножко прибавки к зарплате, и чтобы не выставляли нас за ворота”. В этих материалах, публиковавшихся самой прессой КПК, говорилось, что некоторые партийные работники, занимавшиеся рабочим движением, часто “скрывали информацию о готовящейся стачке от руководства, чтобы дать рабочим шанс побороться за свои насущные нужды”. Однажды представители горкома партии присутствовали на собрании забастовавших текстильщиков, их в лицо спросили: “Господа! Мы тут за горсть риса деремся, Вы-то чего суетитесь?!”. Другие рабочие шептались между собой: “Они опять пришли. Надо держаться от них подальше, а то мало не покажется”. Разумеется, в этих разоблачительных материалах не забывали напоминать, что во всем виновато было прежнее руководство “уклонистов и саботажников”.

Рабочая борьба велась неорганизованно. В своих документах КПК отмечала, что “даже в таком промышленном центре, как Шанхай, отсутствовала боевая рабочая организация... Все боевые профсоюзы были разгромлены. И в своем большинстве рабочие попали под влияние желтых профсоюзов”, а коммунисты “не придавали значения работе в желтых профсоюзах, в результате этого, работа и влияние красных профсоюзов сократились до ничтожной малости, и массы ушли от нас”.

После 1927 г. в течение ряда лет компартия изображала свою силу в нелепо раздутом виде. Но стоило полететь головам очередных вождей из политбюро, в партийной прессе тут же появлялась масса ранее скрытых фактов, свидетельствующих о плачевном состоянии дел.

“Новая волна революции” так и не захлестнула Китай. Системный кризис КПК продолжался. В феврале 1929 г. в письме Коминтерна КПК мы можем прочесть такие фразы: “В большинстве городов, даже в таких промышленных центрах, как Ухань, Кантон, Тяньцзинь, партийная работа парализована... На больших и ключевых предприятиях не работают партийные ячейки”. В мае 1929 г. член ЦК Чжоу Энлай в своем докладе по организационным вопросам упрекнул партийцев в неспособности руководить стачечным движением: “Там, где наши товарищи принимают участие в стачках, партийная линия не производит впечатления на массы... В целом ряде крупных промышленных центров, не существует наших организаций”. Террористическими методами (убийства профбоссов, принуждение силами боевиков компартии рабочих бастовать) коммунисты пытались “изолировать желтые профсоюзы”, что вылилось в изоляцию самой компартии: рабочие были совсем запуганы этой “помощью”.

Один из ветеранов профсоюзного движения Китая, член ЦК КПК Сян Еэнь обозвал красные профсоюзы “верхушечными конторами”, которые абсолютно бессильны. “Эти красные профсоюзы изолированы от основной рабочей массы”, - утверждал Сян. В ноябре 1929 г. состоялся Пятый Конгресс трудящихся Китая, который скромно назвал своими сторонниками 13 тыс. рабочих. Два года назад эта цифра была в сто раз больше.

Летом 1930 г., по данным КПК, в красных профсоюзах состояло 64381 чел., из них 5748 чел. были из городов (главным образом Шанхая, Уханя, Гонконга и Харбина); остальные находились в “освобожденных районах”, т.е. деревнях. Осенью этого года партия вынуждена была сделать тот вывод, что “красные профсоюзы по сути не существуют... Вся работа в этом направлении находится в запущенном состоянии”.

В конце 1930 г. появилась реальная угроза окончательного развала КПК, как результат бесконечных авантур партии в последние три года. В пожарном порядке с поста генерального секретаря партии вышвырнули еще одного “саботажника”. Новое руководство несколько стабилизировало внутривнутрипартийную ситуацию. Хуже не стало, но и лучше тоже. К концу 1931 г. мощная стачечная волна прокатилась по всей стране. Компартия, растерявшись, не использовала возможность активизировать работу среди пролетариев: “Борьба (рабочего класса) разрознена, неорганизована. Главный недостаток в нашей заводской работе - нехватка опытных кадров... Мы не вполне адекватно понимаем конкретную ситуацию в рабочей среде, поэтому не можем формулировать в своей агитации наиболее насущные на сегодня требования рабочих. Наша идея о проведении антиимпериалистической стачки потерпела неудачу”.

В марте 1932 г. пресса КПК опубликовала доклад Центра по рабочему движению при ЦК КПК “О рабочем движении 1931 года”. В нем говорилось, с одной стороны, что численность красных профсоюзов “досконально не посчитана”, с другой стороны, предоставлялись о них такие частичные данные: “В Шанхае - 666 чел., в г. Сямынь - 72 чел., в г. Харбин - 71 чел., на железных дорогах - 20 чел., моряки и портовые рабочие - 319 чел., (...), всего - 1148 чел. В Пекине, Ухане, Гонконге, Кантоне у нас нет своих отделений”.

В марте 1932 г. лидеры партии критиковали своих рядовых товарищей за то, что они “не ведут работу по организации стачек, особенно в тяжелой промышленности... Развалили всю работу в красных профсоюзах... Работа в “желтых” профсоюзах по настоящему не ведется”. Аппаратчики в Коминтерне, разумеется, были прекрасно осведомлены обо всех этих неурядицах и позорных моментах в работе КПК. Но на эти вещи они смотрели, скажем так, с точки зрения СОБСТВЕННЫХ интересов.

Новым куратором КПК в Москве теперь стал товарищ Миф. В своей статье с заголовком “Грандиозный подъем рабочего движения Китая”, написанной летом 1933 г., Миф заврался, перейдя край. По его словам, в течение 1932 г. всего один миллион сто десять тыс. рабочих участвовало в стачках (позже он вообще назвал цифру в один миллион двести тыс. забастовщиков только за первую половину 1932 года), из которых одна третья часть бастовала под руководством Компартии. Горком Шанхая КПК назвал цифру в триста одну тыс. участников забастовочного движения, эти данные были ближе к истине, хотя тоже вдвое превышали реальные.

В течение нескольких лет Миф продолжал радовать сторонников мирового коммунизма сообщениями о подобных “достижениях”. Так, в сентябре 1932 г. Миф провозгласил создание красного профсоюза текстильщиков в Шанхае, который “охватил большинство рабочих этой отрасли в городе”. Мы знаем, что в 1932 г. в Шанхае работало 120 тыс. текстильщиков. И в это самое время шанхайские коммунисты рвали на себе волосы от того, что “красные профсоюзы распадаются со страшной скоростью. Возьмем пример с профсоюзом текстильщиков. В декабре 1932 г. в нем состояла одна тыс. чел. Весной этого года (1933 г.) он уже значительно сократился. В августе из двадцати ячеек осталось семь”.

Миф рассказывал о том, что “среди табачных рабочих Шанхая (их около 17 тыс. чел.) революционные профсоюзы организационно укрепились” как раз в то время, когда его китайские подопечные вопили в своей прессе о “непростительном состоянии табачных профсоюзов”. Они писали также и о профсоюзной работе в других городах. О ней писали с таинственными знаками вместо цифр: “В трех промышленных центрах Манчжурии: в Харбине всего ** членов, в Шэньяне раньше было ** членов, но в данное время неизвестно, в Даляне работа только начинается. Во всей Манчжурии ** членов. В Ухане не работаем. В Шанхае еще весной этого года было ** человек, теперь осталось **. Численность профорганизаций не только не выросла, но и снизилась”.

В начале 1935 г. ЦК Комсомола Китая обеспокоился тем, что “часто бывает так, что наши комсомольцы-рабочие не знакомы с подготовкой стачки у себе на заводе. В результате подобной изолированности, мы все глубже отодвигаемся на обочину рабочего движения. Мы не только не можем им руководить, но даже потеряли из виду его хвост!”.

Шесть лет “восстаний” и “Советской власти” были годами глубокой отчужденности компартии от рабочего класса. Невзирая на призывы к оружию, обращенные к нему коммунистами, пролетариат ушел с политической сцены. Возрождение рабочего движения не может происходить ни отдельно от состояния экономической жизни, ни перепрыгивая

необходимые этапы накопления силы в повседневной борьбе за локальные интересы.

В отличие от промышленного пролетариата, китайское крестьянство, которое занимало подчиненное положение относительно пролетариата во время революции 1925-1927 гг., начинало выходить на первый план. При благоприятном сочетании обстоятельств (нежелание правящих классов решать аграрный вопрос; намерение революционной силы привлечь крестьян к своей вооруженной борьбе против правящего режима; материальная помощь и политическая поддержка извне, как за пределами деревни, так и страны) крестьянские повстанцы могут сыграть заметную, хотя и не решающую роль в политической жизни страны.

Аграрные бунты 1925-1927 гг. в Китае после поражения революции обернулись бурей крестьянских выступлений. Коммунисты осознали тот факт, что их слушают куда охотнее мужики, чем рабочие. Склонность оказалась взаимной... И хотя часть руководства партии отчаянно сопротивлялась тенденции превращения компартии в сборище бродячих бунтовщиков, искушение идти по линии наименьшего сопротивления постепенно взяло верх. Неудачи работы городских организаций и белый террор подталкивали с одной стороны, видимые успехи крестьянских “Советов” - затягивали с другой. Коммунистическая партия медленно, но верно уходила в деревню.

Этот процесс не мог не отразиться и на социальном составе партии. В апреле 1927 г. у Компартии было 60 тыс. членов, 58% которых составляли рабочие крупных городов. В 1928 г. по данным партии, ее численность увеличилась до 100 тыс., в 1932 г. - до 120 тыс., а в 1933 г. - аж без малого до 410 тыс.! В 1928 г. рабочие составляли 10% партийного состава, в 1929 г. - 3% и в 1930 г. - 2,5%. В конце 1929 г. во внутренней сводке Коминтерна говорилось, что число рабочих в КПК не больше 4 тыс. чел., 1300 из них состоят в шанхайской парторганизации. В ежегодном отчете за 1929 г. партийный комитет провинции Цзянсу, докладывая о работе своей организации, сообщал о том, что в провинции действует 6800 членов партии, из них 500 чел. - рабочие. В сентябре 1930 г. Чжоу Эньлай на пленуме ЦК сказал, что число партийцев-рабочих составляет две тыс., из 120 тыс. общего числа коммунистов. В 1933 г. шанхайский комитет партии по-прежнему жаловался на отсутствие “хотя бы одной нормальной работающей рабочей ячейки”. В то же время в Москве тов. Миф, этот далекий вождь китайского пролетариата, заявил, что в КПК состоят “411 тыс. 600 чел., из них 25-30% (т.е. около ста тыс.) рабочие” (видимо, он увидел их из бинокля).

Данные Мифа, тем не менее, сами по себе были любопытны. По его данным, из всех членов партии лишь 20% находилось в “белых” районах, а все остальные 300 тыс. коммунистов благополучно проживали в “освобожденных районах”, т.е. в горах, джунглях, глухомани, отдаленной от главных железнодорожных ветвей и промышленных центров.

Таким образом, рабочий класс был оставлен своим “авангардом”, который спешно вливался в стихию крестьянских выступлений, благо она в Китае переживала свой очередной пик. На скорую руку в Юго-Центральном Китае создавалась “Китайская Советская Республика”.

Глава 18 Взлет и падение “Китайской Советской Республики”

Значительное место в многотысячелетней истории Китая занимали крестьянские войны. Периодически миллионы повстанцев свергали прогнившие империи и прокладывали путь к власти новой аристократии. В периоды, когда новая власть не успела еще укрепиться, бесчисленные бродячие группы бывших бунтовщиков еще долго будоражили страну.

Новое пришествие этой древней традиции на китайскую землю было вызвано революцией 1925-1927 гг. Впервые у крестьян появилась реальная надежда освободиться от вековых оков землевладельцев, образовывавших касту сельской аристократии. Разгром аграрного движения унес жизни тысяч его лидеров, но никто не был в состоянии уничтожить миллионы последователей этих лидеров. Многие бывшие активисты движения, не желая сидеть сложа руки, ушли в горы. Вместе с различными люмпенизированными элементами (дезертирами, разбойниками, сельскими безработными) они организовывали многочисленные партизанские группы, называвшие себя “красными армиями”. Такие группы обычно возглавлялись членами деревенских парторганизаций КПК, либо коммунистами, спасавшимися от террора в городе.

Первая крупная “Красная армия” на основе этих групп сформировалась в апреле 1928 г. в горном районе Тинган на Юге страны. Здесь обосновался двухтысячный отряд повстанцев во главе с коммунистом-офицером Национально-революционной армии Жу Дэйем.

Жу Дэй был представителем революционных республиканцев, присоединившихся к коммунистическому движению под влиянием Русской революции 1917 года. Жу был уроженцем провинции Сычуань, из бедной крестьянской семьи, но сумел получить высшее образование. Он принадлежал к тому поколению революционных республиканцев, которое еще до падения монархии много лет искало выход из того глубокого кризиса, в котором находилось общество. Долгое время Жу, увлекаясь “просветительством”, пытался путем распространения грамотности среди населения добиться социального прогресса. Разбившись о железную стену действительности, Жу поступил в одно из китайских военных училищ. Будучи уже начальником полиции одной из юго-западных провинций, он принимал активное участие в организации и деятельности террористической группы “Железо и кровь”, которая провозглашала своей целью национальное освобождение и социальный прогресс.

Ответом Жу на русский Октябрь было его вступление в ряды КПК, что стоило ему немалых трудов: многие коммунисты в начале не доверяли ему как бывшему крупному полицейскому чину. Жу был человеком дела, и предпочитал не отвлекаться на “бесплодные дискуссии” на возвышенные темы. Именно на плечах и костях таких абсолютно честных, но слабо разбирающихся в марксизме практиков, как Жу Дэй, образовалась Китайская Красная армия.

В горах Жу Дэй объединил остатки боевых групп коммунистов, скрывавшихся в этой

местности. Эти группы только что были разбиты в самоубийственных вооруженных авантюрах Компартии. Одной из этих групп руководил некто Мао Цзэдун, который ели-ели унес ноги после руководимого им “победоносного” восстания. Вскоре был официально учрежден Четвертый корпус “Красной армии”. Командиром его стал Жу Дэй, политическим комиссаром - Мао Цзэдун. По более поздним данным КПК, в этом корпусе состояло 10 тыс. бойцов при двух тыс. винтовок.

Китайская “Красная армия” не была естественным результатом кульминационного периода нарастающего массового движения. Наоборот, она долго оставалась в изоляции от крестьянских масс. “Советы”, искусственно созданные ею, обычно распадались сразу после ее ухода.

В горах Четвертый корпус пережил нескольких измен и массовое дезертирство, но был спасен от гибели, благодаря твердости военного руководства и стойкости рядовых коммунистов. Суровая зимняя погода также поневоле сплотила людей. В январе 1929 г. корпус ушел в южном направлении в поисках места, на котором можно было бы обосноваться. По словам самих командиров, “массы не понимали, что мы за люди. Во многих случаях на нас нападали как на разбойников”. Во время боя с Гоминдановскими карателями, “корпус” потерпел жестокое поражение и около месяца метался по границам нескольких провинций.

“Красная армия не встретила поддержки масс. Нам трудно во всех отношениях: в поиске новых баз, ведении боевых действий, сборе информации... Пришлось переходить заснеженный перевал, чтобы избавиться от погони карателей. Иногда пробегаем по полсотни километров в день, а за последнее время мы четыре раза терпели неудачи в боях”, - читаем походную сводку руководства Корпуса, отправленную им в ЦК партии.

В середине февраля 1929 г., пробравшись в южную провинцию Цзянси, предельно истощенные партизаны внезапно напали на гарнизон районного центра Жиким. Красноармейцы дрались, как загнанный в угол зверь: когда у них кончились патроны, в ход пошли приклады, камни и даже обломанные с деревьев ветки. Красные победили. Необходимая для них передышка была получена. На этом месте было решено устроить новую базу Красной армии. В марте этого же года к ней присоединился отряд другого известного полевого командира-коммуниста Пэн Дэйхуэя.

Личная биография Пэна была похожа на биографию Жу Дэя, как две капли воды. Пэн родился в беднейшей крестьянской семье, много лет служил боевым офицером у разных генералов. За участие в террористических актах против крупных землевладельцев Пэн был арестован, но сумел сбежать из тюрьмы. Вдохновленный Русской революцией, Пэн вступил в Компартию.

К моменту присоединения отряда Пэна Четвертый Корпус насчитывал 2800 бойцов. Чтобы получить поддержку крестьянских масс, красноармейцы начали проводить на партизанской территории аграрную реформу, прерванную после 1927 г. Их ряды стали расти. Это были

самые первые шаги по созданию “Советской Республики” в этих горных краях.

Недалеко от частей Жу и Мао находились несколько других “Красных армий” небольшой численности. Чуть дальше, в горных районах провинции Хупэй, со своим красным отрядом действовал полевой командир Хэ Лун. Хэ Лун, будучи одним из известнейших “авторитетов” юго-центральных кланов “Триады”, сделал блестящую военную карьеру. В 1927 г. он уже командовал одной из армий вооруженных сил “Левого Гоминдана”. Будучи выходцем из деревни, Хэ сохранил тесные контакты с крестьянами и пришел в коммунистическое движение под влиянием подъема массового аграрного движения. В партизанской войне он быстро завоевал репутацию “неуловимого” из-за молниеносных нападений и внезапных исчезновений своего отряда.

Так в горах появлялось все больше “очагов” красных партизан...

Опасаясь растворения пролетарской партии в крестьянской массе, ЦК КПК часто предупреждал об опасности “мелкобуржуазной крестьянской психологии”. В условиях переключения основной работы на партизанскую войну, пусть ведущуюся искренне сочувствующими идеям коммунизма командирами под контролем Компартии, эта опасность неизбежно должна была усиливаться. Коминтерн не только всерьез не пытался исправить эту реально существовавшую тенденцию, но и своим огульно-одобрительным подходом к крестьянским “Советам” фактически поощрял ее. Немудрено, в Москве нужны были “конкретные успехи”.

В октябрьском письме Исполкома Интернационала своей китайской секции крестьянское повстанческое движение называлось “характерной чертой революционного подъема данного этапа”. По мнению Интернационала, формально крестьянское партизанское движение являлось пока локальным, второстепенным фактором политической жизни страны, но “его усилиями вспыхнет во всем Китае мощный подъем революционного движения”. Интернационал признал бессилье Компартии в городе, но так как “наступил новый подъем”, то коммунисты должны по-прежнему проводить восстания.

В этом контексте партизанские армии под единым командованием КПК рассматривались Интернационалом как двигатель подъема, призванного довести революцию до победного конца. “Революционный подъем не только выражается в нарастающем (?) рабочем движении, но и в своей более законченной форме проявляется в вооруженной борьбе в деревне. Эта (вооруженная) борьба есть источник энергии новой революции”.

В первые два года (1927-1928) своего существования, “Красная армия” еще не нашла свою социальную базу среди крестьянства. Она состояла в основном из разорившихся крестьян, сельских безработных, дезертиров гоминдановской армии и даже разбойников. Под командованием коммунистов эта армия люмпенов металась по горам и лесам, не умея создать себе ни одной постоянной базы.

Бывший лидер КПК Чен Дусю в своей статье, посвященной феномену “Красной армии”,

предупреждал, что военная авантюра опирающаяся на люмпенов не спасет революцию; уход от работы среди пролетариата равен “ликвидаторству”, одному из проявлений оппортунизма в дореволюционной России. КПК ответила на предостережение Чена на своей манер - сам Чен Дусю был назван ею “главарем ликвидаторства”.

Ругань руганью, но коммунисты и сами прекрасно знали о многих “подвигах” своих бойцов. Уже на Шестом Съезде КПК 1928 г. партия была озабочена “люмпен-пролетарской психологией”, выразившейся в “экспроприациях” с целью личного обогащения, практиковавшихся некоторыми красными отрядами. В одном партийном документе автор, раскритиковав вырождение отдельных красных партизан, назвал их “отъявленными головорезами, украшающими себя красными бантиками”. Образ жизни бойцов этих выродившихся “красных армией” он не называл иначе как “бандитским”. В 1930 г. один из работников ЦК жаловался на “пережитки люмпеновской замашки во многих партизанских отрядах”, что на практике означало попросту мародерство. Даже отличник сталинской школы фальсификации Миф, однажды в газете “Правда” подтвердил “огромный процент” люмпенов в некоторых частях Китайской Красной армии.

Суть вопроса не заключается, разумеется, в люмпенах как олицетворении “абсолютного зла”. К пролетарской революции могут активно присоединяться широчайшие слои народных масс, в т.ч. и люмпен-пролетариат. Проблема заключалась в огульно-одобрительном подходе КПК к крестьянской партизанщине. Выдав ее за нормальную “коммунистическую борьбу”, КПК все дальше отходила от городского рабочего класса. Из промышленных центров ею направлялось все больше новых кадров в деревню на военную работу. Так Компартия пыталась подчинить крестьянскую стихию своим политическим целям. Но, отдаляясь от своего класса, коммунисты все чаще стали менять классовые интересы на собственные расчеты.

Официальная политика партии ориентировалась на “грядущий социальный взрыв”, в котором Компартия будет играть ведущую роль. Перманентные разборки в верхах Гоминдана и затяжной экономический кризис рассматривались коммунистами как недвусмысленные симптомы “созревания” или даже “перезревания” революционности текущего момента. Красной армии отводилась роль “последнего толчка”.

В июле 1930 г. Президиум Исполкома Коминтерна увидел “бесспорные признаки нового подъема китайской революции”. В своей резолюции по этому поводу он требовал от КПК “аккумулировать все имеющиеся силы, подготовиться к грядущей решающей битве”. “В начальный период, борющиеся массы не смогут сразу захватить промышленные центры. Это недостаток, свойственный данному революционному подъему... Но в процессе нарастающей борьбы масс за политическую власть крестьянская война, руководимая пролетариатом, будет завоевывать все новые и новые территории. И, наконец, соотношение классовых сил изменится в нашу пользу”. Поэтому нужно всесторонне усиливать Красную армию, которая “при благоприятной политической конъюнктуре будет в силах освободить один или два крупнейших города”.

До “решающей битвы” КПК было поручено “развернуть политические стачки и манифестации, усилить партизанскую войну, вести среди масс пропаганду о необходимости свержения помещичье-буржуазной власти и создания диктатуры рабочих и крестьян...”.

Когда в 1930 г. “революционный” генерал Чан Кайши с “прогрессивным” генералом Фэн Юйсяном что-то не поделили, страна оказалась на пороге гражданской войны. ЦК КПК тут же начал готовиться к созданию “Временного Революционного Правительства”. Логика этого решения такова: если будет война, значит будет политический кризис, а политический кризис не может быть ничем иным, кроме как революционной ситуацией. Как же во время революционной ситуации не создавать Революционное правительство?! Это было в марте. В июне этого же года война между двумя генералами уже шла полным ходом. Политбюро КПК в своей резолюции отметило “гигантское стремление масс к революции” и призвало партию активизировать подготовку всеобщего восстания. Тогдашний генеральный секретарь КПК Ли Лисан искренне ожидал прихода на помощь Китайской революции Красной армии из Советской России. Болтовня Коминтерновских теоретиков про “падение мирового капитализма” в связи с Великой депрессией 1929 г. так же была принята им за чистую монету. Энтузиазм в верхах партии действительно был неподдельный.

Ли Лисан иногда досадовал на пассивность рабочих масс, но уверял своих товарищей, что она исходит от избытка революционной энергии. “Массы нам говорят давно, - писал в своей статье Ли, - “Хватит нам читать Ваши листовки и газетки. Дайте винтовки! Когда будет восстание - придем непременно!”. Сейчас мы обязаны сказать им: “Момент созрел, организуетесь!””. Ли полагал, что после начала восстания за ТРИ ДНЯ Компартия способна организовать 90 миллионов человек. “Нужен только небольшой толчок, и рухнет дамба с названием Гоминдан!”.

Восстание напряженно готовилось коммунистами. К сожалению, сил оказалось маловато. В Шанхае в “Красную гвардию” было набрано 176 рабочих; центральные аппараты Компартии, Комсомола, и “красных профсоюзов” были соединены в “Революционно-Военный Комитет”; в столице гоминдановского правительства г. Нанкин местная организация КПК нашла нескольких солдат, готовых поднять вооруженный мятеж. Партизанские отряды в деревне получили приказ ЦК повсеместно нападать на город. “Местные бунты рассчитаны на захваты провинциальных городов... В перспективе эти захваты должны закончиться освобождением центральных регионов Объединенной Красной армией”, - такую радужную картину рисовал своим подчиненным генсек Ли.

Пятый Корпус Красной армии во главе с командиром Пэн Дэхуэем именно с таким планом выдвинулся в сторону города Чанша - центра провинции Хунань. 28 июля 1930 г. красные его захватили. Ликованию “Ревкома” в своем подвальном помещении в Шанхае не было предела: теперь очередь за Уханем. По плану “Ревкома” в Ухане должно было расположиться “Центральное Советское Правительство”. В этом городе у Компартии в этот момент было всего ничего - 200 партийцев и 150 членов “красных профсоюзов”, т.е. триста пятьдесят человек... Помощь была необходима. К несчастью, 90 миллионов бунтовщиков, все это время ожидавших только сигнала к выступлению, не спешили. Коммунисты

(особенно, их генсек) были искренне изумлены. Гоминдан не изумлялся, он действовал: иностранные военные корабли по его просьбе обратили город Чанша в огневой котел, пока оттуда не убрались красноармейцы.

Восстановление законного порядка в Чанша началось с массового расстрела. Генерал-губернатор провинции приказал своим молодцам не жалеть пороха. Пять тысяч горожан были перебиты, и только после панического обращения Торговой Палаты Чанша (городская организация местных буржуа) к центральной власти бойня, наконец, прекратилась.

Провал чаншайской кампании разом обнаружил порочность политики КПК. Выступление Красной армии не было подкреплено выступлением масс. На создание “Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов”, ворвавшимся в город красноармейцами, полмиллиона его жителей откликнулись гробовым молчанием. “В Чанша не было выборных фабричных советов”. Везде развесили красные флаги, созвали митинг, в котором приняли участие три тыс. чел. Этим ограничился “революционный подъем масс”.

Красная армия привыкла партизанить. Долгосрочная оборона крупных городов не отвечала ее основной тактике - внезапно напасть и быстро исчезнуть. “Мы не стремились к обороне города, поэтому и городская власть-то по сути дела не была создана”, - так заговорили об этом позже, при разбирательстве в Москве ошибок Ли Лисана, уже бывшего генсека КПК.

Вместе с Красной армией ушло несколько тыс. сторонников компартии. Бросив “серую, скучную” и, как им казалось, “бесполезную и бесперспективную” политическую работу на фабриках, заводах и в учебных заведениях и уйдя партизанить, сторонники Компартии вольно или невольно деклассировались.

Летом этого же года было предпринято несколько новых попыток со стороны Красной армии захватить Чанша, Ухань и другие города. Но все кончилось безрезультатно. В октябре г. Дзиан в провинции Цзянси все-таки попал в руки красноармейцев. Военные заботы поглотили все внимание возникшей в одночасье в Дзиан “Советской власти”: его отправлялись войска захватывать окраинные районы, формировались новые красные части из местных добровольцев... “Работа по политической мобилизации масс города совсем игнорировалась”, - недовольно констатировал ЦК КПК. Прошло несколько недель, и город оказался потерян для коммунистов. Теперь и ему стало ясно, что задача, поставленная перед Китайской Красной армией, была невыполнима. В Москве назревал новый поворот.

На сентябрьском пленуме ЦК КПК Чжоу Энлай, только что вернувшийся из Москвы, передал “божье слово” из “святой земли”: “...В нашем ЦК есть товарищи, механически понимающие линию Интернационала. Для них Центральное Советское Правительство должно непременно находиться в Ухане или каком-нибудь другом городе из крупнейших промышленных центров... Это искажение позиции Интернационала”. По мнению Интернационала, текущие задачи КПК - продолжал Чжоу - заключаются прежде всего в “соединении всех разрозненных красных частей в единую команду и расширении

социальной базы революции. (...) Мы, следовательно, должны соединить изолированные до сих пор друг от друга отдельные освобожденные зоны; создать единое руководство разрозненно действующих отрядов Красной армии; мобилизовать еще большее количество народных масс; создать Центральное Советское Правительство с перспективой скорого переезда его в центр политической и хозяйственной жизни страны”.

Как полагалось по правилам Сталинского Коминтерна, начальник не может быть виновным. Значит, полетят головы дураков из политбюро КПК. На сей раз их немножко пожалели. Генсек партии Ли Лисан был всего лишь объявлен “товарищем, который переоценил темп развития революционной ситуации, а также придерживался догматических взглядов на ряд вопросов”. Ли был снят с поста генсека, но оставлен в партии. Другие опальные лидеры, если не хотели выйти из партии, вынуждены были раскаяться публично. Один из них назвал себя “левацким трусом”, другой - “гнилым оппортунистом”. Чжоу Эньлаю тоже досталось немало, ему пришлось призывать “всю партию разоблачить” себя. “Вождь 90 миллионов бутовщиков” Ли Лисан очутился в Москве. Его умение унижаться поразило даже таких тертых калачей в Интернационале, как Мануильский. На декабрьском пленуме Исполкома Интернационала в 1930 г. Мануильский не переставал удивляться: “Если бы Ли Лисан приехал, чтобы отстоять свою позицию, с нами дискуссировать, у меня было бы лучшее мнение о нем. Но он себя ругает куда сильнее, чем мы его!”.

Миф из Москвы приказал партийцам КПК в меру “вести огонь по штабам”, т.е. по бывшему ЦК, чтобы ликвидировать последствия политики Ли Лисана, который “по собственной глупости неосознанно саботировал и заблокировал верный курс Интернационала”.

Миф энергично взялся за “окончательную большевизацию” КПК. Седьмого января 1931 г. Ван Мин стал новым генсеком партии. Ван был молод и образован. Он отличался умением быстро проникать в замыслы начальства. Во время Китайской революции 1925-1927 гг., когда остальные сопартийцы бегали по фабрикам и селам, рядовой коммунист Ван Мин спокойно учился в Университете имени Сунь Ятсена в Москве. За учебные годы Ван сумел наладить ценные связи с верхушкой Интернационала. В Москве он сражался слевой оппозицией в ВКП(б) храбро и грамотно: благодаря блестящей агентурной работе, проделанной Ван Мином, была раскрыта в полном составе подпольная организация китайских оппозиционеров (так называемых троцкистов) среди курсантов Университета имени Сунь Ятсена.

Миф уже тогда заметил у Ван Мина редкое качество политического лидера, тщательно его обучал, скажем так, “выращивал”. Вернувшийся в Китай Ван быстро разобрался в партийной обстановке. В КПК тогда действовало несколько группировок, оппозиционных в отношении к ЦК, по существу, и к курсу Интернационала. Из них группа Чен Дусю уже была исключена из партии. Осталась другая фракция, состоявшая из нескольких десятков бывших лидеров массового рабочего движения 1922-1927 гг. и группировавшаяся вокруг партийного комитета провинции Зянсу. Когда власть в партии перехватили “москвичи” (так окрестили Ван Мина и его окружение в это время), они решили окончательно порвать с КПК и создать “вторую коммунистическую партию”. Решение их могло бы взорвать партию.

Дело в том, что к моменту начала “царствования” Ван Мина, эти товарищи являлись, по сути, единственными авторитетными коммунистами среди городских масс. Но Ван Мин ни на секунду не терял бдительности в эти критические дни...

17 января 1931 г. ведущие лидеры этой фракции на своем совещании в Шанхае были арестованы тайной полицией Гоминдана. Вскоре они были расстреляны. Всего погибло двадцать пять человек.

Возмущение и подозрение по этому делу внутри КПК были огромными. “Их заложили москвичи”, - шептались между собой партийцы. Ван Мин оставался невозмутимым. Ему больше незачем было беспокоиться. Центр оппозиции в партии был ликвидирован, а на желчные замечания многих старых товарищей можно не обращать внимания, благо “большевистское обновление” КПК все равно скоро завершится с помощью белого террора.

Так и случилось. В 1931 г. был арестован и расстрелян член ЦК КПК Су Чжаочжин, самый известный рабочий лидер 1920-годов, чуть раньше погиб легендарный Пэн Пэй. Перед казнью Пэн в своем последнем письме ЦК настаивал на безоговорочном восстановлении в партии исключенных троцкистов, так как “объявить оппонентов предателями, это легко, но ни к чему... Нужно огласить перед партией подлинные разногласия между ЦК и оппозицией ...”. После его смерти ЦК объявил Пэна мучеником партии, который “неуклонно выполнял все задания партии и стойко боролся с антипартийными элементами”. А предсмертная записка Пэна увидела свет лишь в 1980-годах.

Новое руководство во главе с Ван Мином взяло курс на умеренный консерватизм. С конца 1927 года вся политика партии была, по сути, попыткой бюрократическими и авантюристическими методами совершить социалистическую революцию. Так как внутренняя классовая логика Китайской революции 1925-1927 гг. так и не была освоена китайской компартией, впрочем, как и марксистский метод в целом, то происходило сплошное неуклюжее подражание внешней стороне Русской революции 1917 г. С приходом Ван Мина компартия заняла позицию “глухой обороны”. Стали беречь имеющуюся силу, при этом избегали обсуждения политических перспектив.

В ноябре 1931 г. Интернационал в своем директивном письме дал указание КПК “учитывать техническую отсталость (нехватку снабжения, отсутствие тяжелой артиллерии) и малочисленность Красной армии”. “Все эти обстоятельства заставляют нас отложить план захвата крупных городов и решающую битву с основными силами Гоминдана”, - наставлял Коминтерн. В данный момент, по мнению Интернационала, нужно “собирать лучшие силы партии, чтобы создать настоящую Красную армию. А также создать Советское Правительство в одной из освобожденных зон, которое заложило бы фундамент будущей победы”. В конце письма Интернационал отметил, что “только крикуны, не имеющие ничего общего с большевизмом, трактуют наш курс как отступление. Это не отступление, а наступление. Линия на всеобщее восстание не изменилась”.

С июня по сентябрь 1931 г. во всех важных резолюциях ЦК КПК говорились только о

текущих проблемах Красной армии и “освобожденных районов”. Городская работа партии освещалась в виде “обеспечения надежного тыла для Красной армии”, “помощи Красной армии в ее борьбе за окончательную победу”, “пополнения Красной армии”. Промышленные центры стали тылом горных краев. Когда-то Ли Лисан сказал, что “Советы в горах, это фарс”. Теперь это главный курс партии. 11 сентября 1931 г. была официально учреждена Китайская Советская Республика и Временное Советское Правительство.

В свои лучшие времена (1932-1934 гг.) “Республика” включала в себя шесть отделенных друг от друга освобожденных районов. Все они находились в глухих сельских местностях Юго-Центрального Китая. О размерах “Республики” пресса Коминтерна в разное время давала противоречивые сведения. Сообщалось о 50, 75, 80 и, наконец, перед падением Республики - 90 миллионах жителей и полутора миллионах квадратных километров ее территории.

Красная армия, как говорили в народе, была похожа на “коня с крыльями”. Имелось ввиду, что ее действия отличались предельной мобильностью и непостоянством. В лучшие времена армия Жу Дэя охватывала до 67 районов из 81-го только в одной провинции Цзянси. Но из них всего лишь в 17 районах сумели образовать стабильные освобожденные территории. Их население составляло около трех миллионов человек. Во всех остальных районах ситуация была намного менее стабильной, и они смахивали скорее на партизанские, а не освобожденные территории.

Численность Красной армии и всевозможных партизанских отрядов местного значения никогда досконально не считалась самой Компартией. В 1932 г. несколько независимых китайских социологов, опираясь на официальные данные, предоставленные КПК, пришли к следующему осторожному выводу: численность регулярных войск Красной армии составляла около 151 тыс. чел., вооруженных 97 тыс. 500 винтовками.

Ван Мин и его опекун Миф в конце 1933 г. громогласно сообщили мировому пролетариату о 350 тыс. бойцов в рядах Китайской Красной армии. О мифичности этой цифры свидетельствовали данные ЦК КПК, в ту пору находившегося в Шанхае. По статистике ЦК, численность крупнейшего соединения в Красной армии под командованием Жу Дэя никогда не превышала 70 тыс. чел., войско легендарного Хэ Луна еще меньше - у него в строю никогда не было больше 10 тыс. бойцов. Об остальных частях Красной армии и говорить нечего.

Партизанские войны сами по себе требуют не численности, а мобильности. Крестьянские ополченцы составляли второй эшелон вооруженных сил Советской Республики. Они выполняли функции разведки, охраны и мелких нападений на врагов.

Несмотря на свою материальную слабость и малочисленность, Красная армия долгое время казалась воистину непобедимой. В течение пяти лет партизаны отбили четыре похода гоминдановской армии против них. Имея за собой такие преимущества, как поддержка крестьянства, прекрасное знакомство с местностью и мобильность, красноармейцы

громили своих противников, пришедших “наводить порядок”, дивизию за дивизией. Оружие добывалось исключительно в боях. Проведение аграрной реформы в советских районах действовало на Гоминдановских солдат сильнее пушек: армия Чана состояла из одних крестьян, и каждый ее поход на “краснобандитские районы” сопровождался массовыми предательствами гоминдановских солдат в пользу “бандитов” - всем хотелось иметь свою землю.

Иностранные журналисты недоумевали, как эта “европейская идея о социализме” нашла столько энтузиастов в глухих уголках азиатского континента. “Невероятно. Но это факт, - писал один из них, - крестьяне идут на смерть, чтобы помочь красным. Что хорошего они нашли в этих марксистах?”. Красная армия в каждом месте, куда бы она ни пришла, разгоняла землевладельцев, сжигала все долговые бумаги. Этого было достаточно, чтобы миллионы соглашались умереть за свою Советскую власть.

Министр обороны правительства Чан Кайши однажды публично возмутился по поводу “бандитской натуры” жителей партизанских районов. Он назвал ее главной причиной срыва всех военных планов по “освобождению” этих самых “бандитских” жителей. Сам Чан Кайши тоже жаловался на “несознательность” населения “краснобандитских районов”. В 1933 г. в своем интервью японскому журналисту он заявил, что его армия “не в состоянии отличить мирных жителей от бандитов”, потому что “бои в этих местах идут круглосуточно. (...) Красные банды подкарауливают наши части на каждом шагу”. Вся история военных походов на партизанскую Республику была также историей взаимных претензий друг к другу генералов Гоминдана, переходов целых рот и батальонов правительственных войск на сторону партизан, в ответ на которые Генеральный штаб Чан Кайши изощрялся в изобретении новых карательных способов против собственного народа. В пятый поход, состоявшийся в 1933 г., был отправлен без малого один миллион солдат и триста боевых самолетов, чтобы “освободить народ от коммунистического ига”.

Отдаленность, горное положение и отсутствие современных коммуникаций - эти основные географические черты “Советской Республики” прекрасно защищали повстанцев от внешних врагов в военном смысле. Но как только переходим от военной в политически-экономическую плоскость, эти характеристики сразу превращаются в непреодолимые препятствия для развития революции. “Советская Республика” находилась далеко даже от главных магистралей в сельской местности. В нее никогда не входило ни одного не только сколько-нибудь значимого города, но даже важного районного центра.

Поставленная перед Красной армией цель “захватить один-два центральных города” никогда так и не была достигнута. Даже находившийся в окружении партизанских территорий г. Ганьчжоу все время оставался в руках правительства. Красная армия не имела более серьезного успеха, чем кратковременный захват г. Жанжоу (провинция Фузиан) в апреле 1932 г. Усиливающаяся военная и экономическая блокада постепенно душила ее в горных “очагах”. “Советская Республика”, оставаясь деревенской, задыхалась.

Натуральное хозяйство в китайской деревне в конце 1920-х годов исчезло вчистую.

Крестьяне продавали на рынках рис, бамбук, масло и кое-какую бумажную продукцию, на вырученные деньги покупали предметы первой необходимости. Соль, материю, спички, керосин привозили крестьянам коммерсанты из городов. Торговля в Советской Республике оставалась под контролем частных коммерсантов, имеющих возможность в обход блокады продолжать свой бизнес. Обычно коммерсанты в деревне одновременно являлись и землевладельцами, и ростовщиками, и нанимателями рабочих.

Крестьянство в “Советских районах” постоянно дифференцировалось. После аграрной реформы, проведенной Красной армией, на месте прежних крупных землевладельцев стремительно формировалось кулачество. Кулаки имели крепкие хозяйства, занимались торговлей, ростовщицеством, нанимали сельских рабочих. Другие слои крестьянства - середняки и бедняки - продолжали жить в острой нужде. Средняки еще могли кое-как сводить концы с концами в своих хозяйствах и почти не использовали наемных рабочих. Бедняки не имели достаточно земли или по разным причинам не имели ее вовсе даже после аграрной реформы, они пополняли ряды сельских рабочих. Сельские рабочие есть деревенский пролетариат, они и бедняки жестко эксплуатировались кулачеством, а середняки по своему экономическому положению находились между ними и кулаками. Таково было соотношение классов в деревне в “Советской Республике” после ликвидации крупного землевладения.

Нельзя сказать, что коммунистическая партия не видела опасности роста влияния кулачества. Но ее борьба с этой тенденцией ограничивалась расстановкой надежных кадров (желательно с городским происхождением) на ключевые административные посты (что называлось “усилением пролетарского руководства революцией”). Если в те годы белый террор все же не смог вырвать коммунистов с корнями из рабочего класса, то “усиление пролетарского руководства” этого добилось. Революционный рабочий, став профессиональным революционером, сохраняет связь со своим классом, если занимается политической работой в рабочей среде; в партизанской армии бывший рабочий превращается в деклассированного профессионального бунтовщика с красным флагом.

Подлинное пролетарское руководство должно было объединить бедняков и середняков с сельскими рабочими в общей борьбе с сельской буржуазией. Эта борьба может победить только тогда, когда городское рабочее движение сумеет взять контроль над производством и распределением промышленных товаров, от которых всецело зависит современное сельское хозяйство. Значит, аграрная революция и рабочая революция должны сливаться в единое целое.

В случае победоносной пролетарской революции в такой отсталой стране, как Китай, преобразование сельской жизни все равно происходило бы с колоссальными трудностями. Эта проблема в Советской России к концу 1920-х годов встала в полный рост. Пришлось прибегать к методам гражданской войны, чтобы раздавить кулацкую контрреволюцию с ее “хлебными забастовками”.

Ситуация в “Советской Республике” Китая обострялась куда серьезнее. Эти мятежные села,

раскинутые по горам, не имели у себя элементарной промышленности; сам Китай находился под двойным гнетом империализма и местного финансового капитала. Без пролетарской революции все героические подвиги коммунистов в партизанской войне должны были оказаться бессмысленными. Тем не менее, КПК насмерть отстаивала свою теорию о “двухэтапной революции” - сначала буржуазно-демократической, потом социалистической. Поражение в 1927 г. физически отделило Компартию от рабочего класса, курс на ведение крестьянской войны идейно превратил КПК в некое подобие партии социалистов-революционеров в царской России. Эсеры предлагали в свое время “радикально-широкую социальную и аграрную реформу” в рамках капитализма, при этом являлись горячими сторонниками вооруженной борьбы. До 1927 г. Компартия заставляла рабочий класс подчиняться буржуазии как “единому центру Национальной революции”, теперь она сделала упор на крестьянство как единственный оплот опять-таки буржуазно-национальной революции.

Коммунистам в своих “советских” мирках, хочешь или не хочешь, приходилось считаться с реальностью, чтобы (хотя бы физически) выжить. Без связи с коммерсантами, “гордые советские граждане” и вкус соли забыли бы. Несмотря на наличие “Красной армии” и “Советской власти”, на “освобожденных территориях” продолжали господствовать капиталистические отношения. Кулаки, пользуясь моментом, взяли под контроль результаты аграрной реформы. Именно они получили львиную долю земли сельской аристократии, именно они, лучше организованные по клановому принципу, стали возглавлять многие местные Советы. Так как деревенская жизнь была полностью подчинена воле торгового капитала и внешнего рынка (за пределами освобожденных зон), сельская буржуазия (т.е. кулаки и коммерсанты) естественно оставалась правящим классом. Коммунистическая партия и ее Красная армия в этом случае сыграли роль социальной буферной зоны, причем временной. Жизнь снова подтвердила ту истину, что винтовка сама по себе не рождает власть рабочих и крестьян.

На Шестом Съезде КПК было принято решение о том, что нельзя “провоцировать конфликты с кулачеством, чтобы единым фронтом выступить против общего врага - крупных землевладельцев”. В результате этого решения кулацкое хозяйство в советских районах осталось нетронутым. Коммунисты снова наступили на те же грабли. Раньше они предполагали “непримиримые противоречия” национальной буржуазии с компрадорской, теперь предполагают “коренные отличия” кулачества от крупных землевладельцев. Раньше они поддержали единый фронт с буржуазией, теперь - с кулачеством. По сути это один и тот же сценарий. И даже то, что “буржуазные союзники неизбежно предадут революцию” стали повторять в отношении кулаков. Оставалось только ждать, когда партийная линия “окажется целиком верной”...

ЦК КПК в 1929 г. признал: “Из-за политики единства с кулаками, интересами сельского пролетариата пришлось частично пожертвовать... Из-за боязни возможной измены кулачества, мы вынуждены были постоянно урезонивать сельских рабочих в их требованиях к работодателям”. В 1930 г. в провинции Фуцзянь местным партизанам

пришлось заключить соглашение с коммерсантами, чтобы “разрешить трудности со снабжением необходимыми товарами”. По этому соглашению коммунисты обязаны были, по материалам предоставленным ЦК партии, “не только защищать безопасность купцов, но и освободить их от всех видов налогов, хотя даже крестьяне платили 15% земельных налогов... Местная Советская власть была бессильна перед дороговизной цен, но в то же время сознательно ограничивала экономическую борьбу сельских рабочих”.

На Первом Всекитайском Съезде Советов, тайно созванном в мае 1930 г. в Шанхае, было принято решение открыто сотрудничать с кулачеством на территории “Советской Республики”. Коммунисты зашли так далеко, что Ван Мину, новому вождю партии, пришлось критиковать работу в советских районах: “Наши товарищи из-за боязни оттолкнуть кулачество не хотят организовывать сельских рабочих. Как можно так поступать?! В таком случае мы больше не пролетарская партия... Кулаки во многих местах (в советских районах) занимают доминирующее положение. Их представители во власти и в партии играют немаловажную роль. Они выдают кулацкие интересы за общекрестьянские... Естественно, они блокируют процесс самоорганизации сельских рабочих, наемных работников мастерских и торговых лавок. Кое-где “защита интересов малого предпринимательства” была поднята до уровня официальной политики. В результате подобной политики, сельский пролетариат неизбежно ущемляется”.

Исполком Коминтерна в конце 1930 г. так констатировал итоги трехлетней практики китайских Советов: “Важнейшие задачи аграрной революции пока не решены. Кулаки и даже часть помещиков проникают в партию, Советы, Красную армию. Стремление кулаков делить помещичьи земли по принципу, чье хозяйство крепче, того и больше наделять землей, не встречает достойного отпора. Устанавливается размер “законного имущества”, положенного каждому землевладельцу. Тех богачей, у кого имущества оказалось меньше этой нормы, запретили экспроприировать... Кое-где дошло до легализации ростовщичества. Комбеды по сути не дееспособны, а сельские рабочие до сих пор не объединены в профсоюзы”.

В 1931 г. ситуация не улучшилась. “Две трети Советов находятся в распоряжении кулаков... Кулаки занимают большинство важных постов в Советах”, - сообщала в то время пресса одного из “Советских районов”. В 1933 г. официальная власть “Центральной Советской территории” заявила, что “земля была поделена несправедливо. Кулаки и бывшие крупные землевладельцы получили лакомые куски. Еще барствуют многие сельские богачи... Немало и таких, которые проникают в Советскую власть, чтобы отстоять свои кулацкие интересы. Земельная проблема вроде бы решена, но при подробном разборе можно увидеть, что все лучшие участки земли остаются за наиболее богатыми слоями населения”.

Мао Цзэдун, Председатель Республики, в своей критической записке негодовал: “Кулаки прикидываются просоветски настроенными, клянутся в своей преданности аграрной революции... Активные ребята, пишут хорошо, говорят красиво, и в какой-то момент сумели пробраться к нам. Имеется масса свидетельств, что кулаки контролируют ныне значительную часть Советов и этим всю пользуются”. Мао в своей записке заявлял, что

“80% территории, два миллиона населения Центральной советской территории находятся под контролем таких редископодобных коммунистов”.

В январе 1934 г. на Втором “Съезде Советов” Мао в своем докладе упомянул следующий факт: летом 1933 г. “на Центральной Советской территории при проверке было обнаружено 6988 крупных землевладельцев и 6638 кулаков. У них были конфискованы их огромные земельные участки и имущество на 606916 юаней”. Но такие паллиативные меры в конце концов не могут противостоять законам классовых отношений. В конце 1933 г. давно обещанный пересмотр результатов аграрной реформы был отложен Советским Правительством до лучших времен, “ввиду того, что это решение (о пересмотре) негативным образом повлияет на сбор текущего урожая”.

Таким образом, сельский пролетариат оказался не опорой Советской власти, а ее головной болью. Только в “Центральном Советском районе” наемные работники составляли больше двух сотен тыс. чел. По одному-два человека или небольшими группами они работали на полях, в мастерских или лавках. Сельские рабочие занимают вспомогательное положение в сельском хозяйстве. Капиталисты не могут обходиться без рабочих, крестьяне могут. Сельские рабочие живут за счет продажи собственной рабочей силы, в этом смысле они пролетарии, но работают они отдельно друг от друга и никакой самостоятельной роли в экономике не играют. Этот отряд рабочего класса никак не способен вести независимую политическую линию. Их социально-экономическое положение существенно изменится лишь тогда, когда сельское хозяйство в Китае будет поставлено на современный лад. Осуществить это опять же было невозможно для “Советской Республики”. На любое малейшее улучшение положения сельских пролетариев со стороны Советской власти, крестьяне отвечали увольнениями своих рабочих, а коммерсанты - бойкотом, что весьма болезненно отражалось на жизни “Советской Республики”.

В конце 1931 г. был издан “Трудовой Кодекс Советской Республики Китая”. В нем был установлен восьмичасовой рабочий день для взрослых рабочих, шестичасовой рабочий день для молодежи в возрасте от 16 до 18 лет, а также четырехчасовой рабочий день для подростков. Также был установлен уровень минимальной зарплаты, условия охраны труда и другие меры, направленные на улучшение положения рабочих.

Как эти меры реализовались? - “Кодекс предназначается для рабочих, занятых на крупном производстве в больших городах, в экономически отсталых советских районах нельзя применять его догматически”, - стыдливо признало Советское Правительство в одном из своих постановлений. Партийные комитеты докладывали, что “многие товарищи считают, что Трудовой Кодекс не реалистичен - показуха чистейшей воды... Боремся с этим уклоном, пока безрезультатно”. Одним из доводов против введения восьмичасового рабочего дня было... отсутствие часов! Время попросту нечем было считать.

По решению Советской власти уровень зарплаты сельских рабочих был поднят вдвое, а рабочее время сокращено - и все рабочие были уволены. “Крестьяне не довольны, рабочие сомневаются в эффективности наших решений”, - рассказывал член Советского

Правительства Ло Фу журналистам советских районов. “Принимая такие решения, нужно было поинтересоваться мнением крестьянства, - продолжал Ло. - У меня на рабочем столе лежит пачка заявлений от коммерсантов и других работодателей. Судя по ним, видимо, механическое применение Трудового Кодекса не способствует торговле. Помогая ученикам, работающим в мастерских и торговых лавках, мы не должны оставлять без внимания и интересов работодателей”.

Ло Фу пришел к выводу, что рабочие, “конечно же, хозяева Республики, но одновременно и эксплуатируемые”. Их чрезмерные требования, или (не дай бог) забастовки, “угрожают единству рабочих и крестьян”. Вот так на деле выглядела “демократическая диктатура рабочих и крестьян”.

Профсоюзная работа в “Советской Республике” тоже шла из рук вон плохо. Бывало, в течение года обнародовались разные, порой фантастические официальные данные о численности профсоюзов - 14тыс., 30 тыс., 150 тыс., 229 тыс., 2 млн. 200 тыс.! В 1932 г. находившийся в Шанхае ЦК партии в директивном письме профсоюзным работникам Советских районов был возмущен тем, что в Советских районах “принимают в профсоюзы черт знает кого: кулаков, помещиков, лавочников, надсмотрщиков рабочих, монахов, ростовщиков, только не рабочих. (...) Большинству сельских рабочих отказывается в приеме в профсоюзы под самыми ничтожными подлогами”.

“В наших советских районах, - пишет один из руководителей этих районов, - вообще говоря, партия игнорирует принцип пролетарского руководства. Везде видно невооруженным глазом, как скверно поставлена профсоюзная работа... Партийные комитеты не интересуются этим делом, ...пролетарское руководство остается на бумаге”.

В таких условиях эксперимент с Советами в Китае не мог не провалиться. Красная армия имела за собой хорошее начало: аграрная реформа, проведенная ею, вызвала бурю энтузиазма у крестьянства. Опираясь на него, коммунисты одерживали одну военную победу за другой. Со своим убогим вооружением Красная армия неоднократно захватывала крупные города. Но отсутствие сильного революционного рабочего движения сводило на нет эти успехи. В капиталистическом Китае крестьянская партизанская армия не являлась реальной альтернативой господствующему режиму. Безработица, нищета, произвол ростовщиков по-прежнему царили в “освобожденных районах”. Дороговизна необходимых товаров и разруха как следствие затяжной партизанской войны постепенно снижали активность масс. Жажда “мира во что бы то ни стало” все сильнее охватывала население “Советских районов”. Дезертиры в рядах Красной армии появились и среди политработников (ими руководил в это время молодой Дэн Сяопин). Упадок духа отражался и в коррупции, начавшейся среди партийных и красноармейских работников. Приток добровольцев становился все жидче, и Командование Красной армии решило перейти на рекрутскую призывную систему.

“Партизаны все меньше сражаются с гоминдановскими частями, - писал один из членов Советского Правительства Ло Мэй, - и все больше занимаются бандитизмом. Число

дезертиров среди них растет. Дисциплина регулярных частей Красной армии тоже расшатывается... Неподчинение приказам, грабежи... некоторые партийные работники богатеют на глазах: количество их чемоданов увеличивается просто сказочными темпами”.

Паника в Компартии все сильнее прорывалась наружу. Вчерашняя слепая вера в “генеральную линию” сменялась маловерием и тупой безразличностью. В провинции Фузиан первый секретарь партийного комитета Ло Мин открыто заявил: “Пусть наши лучшие вожди придут сюда, в т.ч. Сталин, или пусть оживят Ленина из Мавзолея, пусть они поагитируют народные массы трое суток подряд; не верю, что настроение масс изменится в нашу сторону!”. Разочарование обнаруживалось и в верхах Советского Правительства. Член Рабоче-крестьянской инспекции Республики Хэй Шухэнь (один из 13 учредителей КПК) был снят со своего поста. “Он помешался, назвал Советскую власть орудием помещиков и кулачества для эксплуатации народных масс”, - говорили ошеломленные коммунистические лидеры в своем решении по этому поводу.

Чжоу Энлай развернул кампанию против “разочарования, колебаний, пассивности, усталости, паники и скептицизма”. А пока неунывающий Чжоу до хрипоты боролся со злым духом скептицизма, другие лидеры не переставали жаловаться на охладевшее отношение масс к Советской власти. Они пришли к выводу, что непостоянность, свойственная партизанской войне, оттолкнула от себя массы: “Народ говорит: белые пришли - грабят; красные пришли - грабят”.

Чан Кайши в это время не дремал. В своем очередном походе против “красных бандитов” он применил целый комплекс новых тактических приемов, разработанных его европейскими советниками. По их плану, миллионная карательная армия Чана должна была медленно двигаться крупными соединениями (вокруг территории “Советской Республики” строились аж четыре кольца сплошных боевых позиций); при взятии очередного села, войска не должны были в него сразу входить, и только после длительной бомбежки авиации и артиллерии следовало “зачистить” село карателями из пехоты. С карателями работали многочисленные военные инструкторы из США, Британии, Германии, Японии, Италии. Вокруг Центрального Советского района медленно затягивалась огневая петля.

На помощь карателям пришел голод, вызванный системой эмбарго в отношении мятежной территории. Эта система была создана специалистами карательной армии с величайшей аккуратностью и профессионализмом. Собственный урожай и запасы зерна Центрального Советского района погибли после применения карателями тактики “сожженной земли”. Дольше оставаться в этом районе для Красной армии означало только одно - верную смерть.

В августе 1934 г. десятитысячное войско красноармейцев с боями перешло линию фронта. Оно ушло в западном направлении. В ноябре этого же года основные силы во главе с Жу Дэем умчались туда же. Прорвав подряд четыре кольца окружения, красноармейцы навсегда покинули свою родную “Советскую Республику”.

10 ноября 1934 года солдаты Чан Кайши вошли в столицу Советской Республики -

маленький, пыльный районный центр Жиким. Чан имел право себя поздравлять: пусть он не смог, как хотел, уничтожить всех красных бандитов, но все же выкинул их вон из Юго-Центрального Китая на холодный, и малолюдный Запад.

“Когда все красные бандиты, все коммунисты-контрреволюционеры будут уничтожены окончательно - а я вам это обещаю - тогда и наступит всеми нами ожидаемая победа Национальной революции”, - восторженно обнадеживал Чан Кайши весь китайский народ в своем радиовыступлении по поводу падения “бандитской Советской Республики”.

Красная армия все дальше уходила от Советской Республики... Бойцы ее не знали еще, что им предстоит совершить “Великий Поход”, который в скором будущем потрясет мир. Но с политической точки зрения, уход КПК в западный регион только усугубил ее и без того очень тяжелое положение. Поражение Советской Республики на Юге страны не уничтожило, конечно, партизанскую войну, как спал и видел Чан Кайши. Но крестьянское повстанческое движение пришло из-за этого в упадок. Городское рабочее движение, существовавшее параллельно с вооруженной борьбой крестьянства в деревне, тоже не выиграло от краха “Советской Республики”. Наоборот, из-за этого оно в еще большей степени пошло на убыль: активы левого и рабочего движений (не только, и не столько члены КПК) были обескуражены этим поражением и в массовом порядке деморализовались. Ведь для леворадикальной молодежи Китая 1930-годов КПК со своей легендарной Красной армией при всех своих недостатках оставалась единственной реальной альтернативой гнилому и кровавому гоминдановскому режиму. Лопнул грандиозный политический миф, и никто не был способен заполнить образовавшийся вакуум.

Глава 19 Второе пришествие “Единого национального фронта”

Японский империализм 1920-30-х годов нашего века был похож на самого тощего и голодного волка в стае. Японская экономика представляла собой в это время смесь развитой легкой промышленности с господством помещичьей земельной собственности в сельском хозяйстве, и на этой базе основывалась крайне монополизированная финансовая система. Уязвимость японского капитализма 1930-годов заключалась в отсталости ее тяжелой промышленности. Как новоявленный империалистический хищник японский капитализм постоянно пытался превратить Китай в свой сырьевой придаток. Китайский уголь, железо и хлопок были жизненно необходимы для развития тогдашней японской тяжелой промышленности. На любое резкое ухудшение международной рыночной конъюнктуры Япония реагировала гораздо более болезненно, чем США или Европа. Мировая экономическая депрессия 1929 г. напрямую подтолкнула японский капитал на внешнюю агрессию, чтобы силовыми методами отвоевать свою потерянную долю на мировом рынке. Легкий захват Манчжурии лишь еще больше раздражил аппетит токийских олигархов и генералов. В 1937 г. японцами снова была предпринята серьезная попытка раз и навсегда вытеснить американский и британский капитал из Китая.

Такие империалистические хищники, как США и Британия, в отличие от своего японского коллеги, базировались на высокоразвитой тяжелой промышленности. Именно от них, а не от Японии, китайская экономика десятилетиями получала как основные промышленные товары, так и необходимые кредиты на собственное развитие. Дальнейшее проникновение финансового капитала США и Британии на китайский рынок позволяло, и даже требовало определенного развития своего младшего партнера.

В свою очередь, намерение японского капитала безраздельно господствовать на китайском рынке, овладеть целиком людскими и природными ресурсами этой страны не только противоречило интересам других мировых держав, но и поставило под угрозу само существование китайской буржуазии. Естественно, что эта буржуазия искала заступников в лице США и Британии.

Наличие межимпериалистических противоречий, тем не менее, не означает автоматически смертельную схватку империалистов между собой. Захват Манчжурии японцами происходил в самый разгар мирового экономического кризиса, и ни одна из мировых держав в этот момент не была готова вмешаться в это дело. К тому же, Япония прозрачно намекала на свою готовность пойти дальше на Север, т.е. на СССР.

Со своей стороны, Гоминдановское правительство боялось потенциального подъема массового движения, вызванного японской агрессией, сильнее, чем самой агрессии. Пытаясь обойти массы, правительство делало ставку на разные тайные переговоры, чтобы вразумить ненасытных японских хищников. Недовольство в китайском обществе действиями властей неуклонно росло, и оно искало себе выход.

Раньше всех взбунтовалось студенчество. В декабре 1931 г. сотни тысяч молодых людей в разных регионах страны вышли на улицу. Прежде всего они разгромили местные комитеты Гоминдана; после этого студенты начали энергично захватывать поезда, чтобы приехать в столицу “проучить начальствующих людей”. Мэр Шанхая под давлением этих выступлений подал в отставку. В Нанкине было разгромлено Министерство иностранных дел Китая. Как и в 1919 г., опять был избит министр иностранных дел, который с позором был изгнан в отставку. Чан Кайши на встрече с делегацией манифестантов рыдая, дал клятву: “Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Я немедленно еду на фронт!”. Сразу же после этой встречи по приказу Чана произошел кровавый разгон манифестантов, они были выгнаны из столицы.

Студенческие волнения вскоре пошли на убыль. В 1919 г. подобное движение подняло все общество, в 1931 г. оно оказалось в изоляции. В 1919 г. китайская буржуазия, вдохновленная своими экономическими успехами во время Первой мировой войны, поощряла патриотическое движение. В 1931 г., запуганная недавней революционной бурей, она изо всех сил давила все живое, исходящее снизу, что могло снова вызвать энтузиазм масс. В 1919 г. рабочие быстро отреагировали на молодежное выступление солидарной поддержкой, вслед за ними в антиимпериалистическую борьбу вступили миллионы крестьян. В 1931 г. рабочие еще оставались политически пассивными после разгрома 1927 г.

Движение по бойкоту японских товаров все же дало глоток свежего воздуха отечественной промышленности. Наряду с ее оживлением значительно участились стачки. Забастовочное движение шло самотеком, везде и всегда оно подавлялось силой. Рядовых забастовщиков избивали и убивали, а их вожаков подкупали либо они исчезали бесследно. Казенные профсоюзы были безвольными, а все боевые рабочие организации так или иначе находились под контролем “Триады”, т.е. организованной преступности. Не было ни одной политической партии, которая была бы признана среди широких слоев рабочего класса как своя.

Системный кризис китайского общества, таким образом, бросался в глаза. Самым вопиющим образом продемонстрировала свою беспомощность маргинальная коммунистическая партия. Она оказалась не в состоянии объединить множество антигоминдановских сил вокруг одной конкретной цели или, еще проще, вокруг одного лозунга. Как в оккупированной японцами Манчжурии, так и в Шанхае и пр. крупных городах КПК настолько оторвалась от рабочих, что не смогла воспользоваться появившейся в связи с национальным кризисом возможностью восстановить свое прежнее влияние. Единственные сильные позиции у компартии в городе остались среди студенчества. Но и здесь без поддержки других слоев общества движение быстро завяло.

В отличие от таких профессиональных лгунов, как Миф в Москве, местные коммунисты не боялись признать, что попытки Компартии оседлать патриотическое движение не увенчались успехом. После маньчжурских событий коммунисты пытались развернуть патриотическую кампанию среди шанхайских рабочих. Вот результат: “Рабочие массы не активно принимают участие в антиимпериалистической борьбе”, - сообщала партийная

газета КПК “Красная знамя”. - “Красные профсоюзы не в силах сплотить массы вокруг себя, и нам не удастся соединить классовую борьбу с борьбой за национальное спасение. Рабочий класс, в особенности шанхайский, хотя и сильно взволнован последними событиями в Манчжурии, но не обращает внимания на наши лозунги, такие как “Долой японских оккупантов!” или “Все на борьбу с оккупацией Манчжурии!”... Потому что эти лозунги не связаны (с точки зрения рабочих) с наболевшими вопросами их обыденной жизни, например, борьбой за увеличение зарплаты, освобождение от квартирной платы, и т.п. Очевидно, чисто патриотические лозунги не способствуют рабочей борьбе”.

Помимо Компартии, вопреки свирепствовавшим репрессиям, в это время в Шанхае поднималась новая стачечная волна. Рабочие текстильной кампании “Ион Ан” (в результате бойкота японских товаров прибыль этой компании увеличилась в несколько раз) требовали добавки к своей зарплате. Их декабрьская стачка была подавлена военизированными подразделениями полиции. 7 января 1932 г. 60 тыс. рабочих с 34 шанхайских заводов, принадлежащих японскому капиталу, поднялись на всеобщую забастовку. Причины были чисто экономические - задержка зарплаты и увольнения. Через две недели голодные стачечники вынуждены были сдаться на милость хозяев, держаться дальше было нечем.

28 января 1932 г. крупное соединение японской морской пехоты высадило десант в Шанхае. К удивлению Чан Кайши, городской гарнизон без его приказа вступил в бой. Семь лет назад в этом городе гибель нескольких студентов привела к всеобщей забастовке, сегодня же громадное число рабочих хранит молчание (большинство из них уже потеряли работу из-за войны). Рабочий район Жабэй был разрушен обстрелами японской артиллерии, но и этот факт не мобилизовал жителей района на какое-либо организованное сопротивление. Они представляли собой толпу, а не единый кулак, каковым они были всего четыре года назад.

Горе-коммунисты продолжали вздыхать: “Работа нашей партии на заводах не последовательна, не жизнеспособна”. ЦК партии неустанно критиковал местные организации за то, что они “не умеют выявлять патриотическую часть рабочего движения”.

Бессилие Компартии было напрямую связано с ее позорным поражением в 1927 г. Именно победа гоминдановской контрреволюции расчистила путь японской агрессии, именно распад массового движения в 1927 г. и последующие пять лет белого террора дезорганизовали массы. Крошечная КПК теперь рассчитывалась за свои преступления во время революции 1925-1927 гг.

Политические конкуренты Чан Кайши один за другим рванулись возглавлять патриотическое движение. Фэн Юйсян вывесил знамя “Армии Национального Спасения”, правда только до тех пор, пока Чан его не пригласил занять пост своего заместителя. В ноябре 1933 г. группа опальных лидеров Гоминдана в провинции Фузиан возглавила “Народное Правительство Китая”, созданное взбунтовавшимися военными. Чан Кайши был объявлен ими национальным изменником. В своей аванюре эти политики зашли так далеко, что себя называли чуть ли не “подлинными коммунистами”. Чан, усмехаясь, выписал банковские чеки на все имена главных инициаторов этой комедии. Сим священным

ритуалом закончилось короткое существование “Народного Правительства”.

Мелкобуржуазные демократы заняли более принципиальную позицию в отношении режима. Но их “организации” никогда не выходили за рамки салонных тусовок. После убийства Дэн Яньда его партия “Третий путь” распалась. Остальные либеральные оппозиционеры группировались вокруг региональных политиков либо амбициозных генералов, которые вели непрекращающиеся интриги против Чан Кайши с надеждой подсадить его.

Военная диктатура Гоминдана была неустойчива, неэффективна и насквозь коррумпирована. Тем не менее, проводя все время в перманентных кризисах, провалах, скандалах, этот режим был поразительно стабилен. Общество балансировало на грани всеобщего социального взрыва, который за все эти годы так и не произошел. Пролетариат не мог, а буржуазия не хотела менять жизнь.

После 1929 г. В Китае появилось троцкистское движение. Ядро его состояло из вернувшихся в Китай коммунистов-студентов Университета имени Сунь Ятсена в Москве. Привезенные ими документы Лево́й оппозиции по Китайской революции привлекли группу Чен Дусю, исключенную за свою критику путчистской политики партии. В 1933 году они вместе образовали партию с названием “Союз коммунистов”. Основная работа СК была направлена на рабочее движение. В короткое время работа стала приносить плоды. В Шанхае и Гонконге была создана целая сеть рабочих ячеек, а в 1932 г. большинство шанхайских рабочих-партийцев (около трех сотен) КПК перешло на сторону троцкистов.

В середине 1930 годов КПК стала уделять куда больше внимания работе с национальной буржуазией, либеральной интеллигенцией и прочими “прогрессивными силами”. И троцкисты остались единственной левой организацией, четко ориентированной на ведение политической работы среди рабочих, занятых на крупном производстве. Поэтому основная тяжесть белого террора, направленного против левых активистов в рабочем движении, выпала на долю троцкистов. В 1932 г. Чен Дусю и еще одиннадцать ведущих китайских троцкистов были арестованы и приговорены к разным срокам заключения. В течение пяти лет провалились еще три центральных комитета “Союза Коммунистов”. Часть арестованных товарищей была расстреляна властями, часть умерла от пыток и невыносимых условий содержания.

“Лево-патриотическая интеллигенция” Китая, развернувшая в то время широкую правозащитную деятельность, с подачи КПК обычно отказывалась заниматься защитой заключенных троцкистов. “Союз коммунистов” не мог реально защищать своих заключенных товарищей, так как у троцкистов отсутствовали серьезные связи с интеллигенцией. В тюрьмах “правительства Национальной революции” без поддержки извне заключение для “политических” обычно было равно смертному приговору. Выживших из заключенных троцкистов были единицы.

Троцкисты считали, что в период реакции революционная партия должна укреплять свои позиции в рабочем движении. Для этого нужна тактика, делающая ставку на борьбу за

элементарные демократические права, при этом у партии должна быть открытая и ясная Программа, провозглашающая социальную революцию. С помощью этой тактики революционный авангард пролетариата постепенно снова найдет путь к широким массам. Центральным требованием в борьбе этого периода должно стать “Учредительное Собрание на основе всеобщего избирательного права” как отвечающее чаяниям всех угнетаемых Гоминданом слоев. Троцкисты публично и последовательно осудили дезертирство из рабочего класса сталинистской КПК. Уход ее в деревню, прикрывающийся фразой о “Советской власти”, рассматривался троцкистами как ликвидаторство. КПК в ответ назвала троцкистов “ликвидаторами” и “наймитами Чан Кайши”.

В 1931 г. руководство КПК вдруг выдвинуло лозунг “За демократическую власть на основе всеобщего голосования!”. На недоуменные вопросы партийцев, которые привыкли связывать эту позицию со зловещим троцкизмом, ЦК повышенным тоном заговорил о какой-то “железной дисциплине” и “большевистской монолитности”. Этим политическим штампом всем заткнули глотки. Подлинная причина в изменении партийной политики (хотя бы на уровне риторики) заключалась в попытке ЦК партии более гибко находить общий язык с массами. Но сталинисты не могли признать, что троцкисты правы, когда они называют многолетнюю возню КПК со своей крестьянской “советской властью” бессмыслицей. И лидеры КПК встали в такую позу: мы создавали Советы, и это было правильно, теперь мы выступаем за буржуазную демократию, и это тоже правильно! А троцкисты служат антинародному режиму Чан Кайши, и все тут!

Стоит ли говорить, что новая тенденция в политике КПК была предварительно одобрена Коминтерном. В сентябре 1932 г. на Двенадцатом пленуме Исполкома Интернационала был обсужден вопрос о перспективах антияпонского партизанского движения в Манчжурии. В частности, на пленуме было принято решение о создании “Выборной народной власти” на базе широкого патриотического фронта в этом регионе. После 1928 г. это было одним из первых решений Коминтерна, которое снова выдвигало возможность и необходимость создания широкого единого фронта.

В 1932 г. Командование Красной армии формально объявило войну Японии, надеясь этим символическим жестом вызвать симпатию среди патриотически настроенных гоминдановских войск. В январе 1933 г. Красная армия предложила всем патриотам страны единый фронт антияпонского сопротивления. Условием для такого фронта было названо следующие: прекращение репрессий против коммунистов и др. инакомыслящих, демократизация власти, вооружение масс (для освободительной войны с Японией). Фактически КПК устами своего военного крыла признала, что ей иначе не вырваться из двойной - военной и политической - изоляции, кроме как возглавить движение за широкую демократическую реформу, которая нашла бы широкое понимание среди масс.

Чан Кайши, однако, собаку съел в области “антикоммунистических наук”. Он прекрасно понимал, насколько опасно для него такое предложение коммунистов. На военном совещании на высшем уровне в марте 1933 г. Чан не уставал повторять: “Пока не уничтожим бандитов, нечего говорить о национальном спасении! Борьба с красными

бандитами и есть национальное спасение!“. Он предостерегал своих генералов, что строго накажет всех, кто сочтет предложение бандитов благоразумным. Одним словом: война с коммунистами до победного конца!

В следующем году, пройдя через девять провинций, Красная армия двинулась в западном направлении. Ее вынудило пойти на этот шаг военное давление гоминдановской армии. Преследующие войска несмотря на все свои количественные и технические преимущества, не смогли ее остановить. Красноармейцы и на этот раз творили чудеса. Они, проходя непроходимые горы, болота, степи и пустыни, брали “неприступные” крепости. Им удалось неоднократно улизнуть из “железных колец”, устроенных лучшими дивизиями Чан Кайши. Их морили голод, эпидемии, суровый и изменчивый климат. На своем пути они сталкивались с воинственными дикими племенами, пережили несколько расколов в высшем Командовании и партийном руководстве. За 11 месяцев красноармейцы пешком с боями прошли в общей сложности 12 тыс. километров. В октябре 1935 г. они подошли к единственному уцелевшему партизанскому очагу, находившемуся в малолюдных горах Северо-западного Китая. Эта славная боевая страница Китайской Красной армии стала известна всему миру как “Великий Поход”.

Уход Красной армии из “Советской Республики” означал его двойное поражение: военное, но преимущественно политическое. Эпопея “Великого Похода” не только была примером невиданного героизма красноармейцев, но и демонстрацией краха десятилетней политики Коминтерна в отношении китайской революции. Много времени и крови утекло, пока люди не поняли всю лживость и утопичность болтовни о “нарастании революции” через вооруженную борьбу в деревне. Падение “Советской Республики” навсегда похоронило этот миф.

Разразился новый кризис в КПК. Ее хилые городские организации, который год живущие ожиданием чудесного прихода “могучей Красной армии”, чтобы решить свои неисчислимые проблемы, были шокированы неожиданным (для них) поражением Китайской Советской Республики. Организационный развал партии побил новый рекорд. Немало молодых сталинистов, разочаровавшихся во “великом обмане коммунизма”, стали тайными провокаторами или штатными следователями жандармерии, специализировавшимися в области борьбы с левым движением. Еще недавно эти парни и девушки ревниво боролись с “троцкистами - наймитами Чан Кайши”, теперь же они ведут допросы арестованных “коммуняк-троцкистов” так же ревниво и с искренней ненавистью.

В 1936-1937 гг. КПК из крупных городов страны не то чтобы исчезла куда-то, она растворилась в воздухе. Лидеры партии в это время, сидя в пещерах своего последнего убежища, слали проклятия ренегатам своих рядов. Но осталось совсем немного до того времени, когда сами “незыблемые вожди” начнут снова клясться в верности идеям Сунь Ятсена, “товарищу Чан Кайши” и единству с патриотической, прогрессивной частью буржуазии “во имя национального спасения Китая”.

Троцкисты по прежнему останутся для КПК наймитами... нет, не товарища Чан Кайши, а

Гитлера. Война с Японией была уже не за горами. Партизанские отряды троцкистов будут атакованы и уничтожены совместными операциями войск Гоминдана и КПК; в тылу троцкистов будут бросать в концентрационные лагеря по настоянию КПК; забастовки, организованные троцкистами, будут срывать штрейкбрехерами, присланными Компартией. Все это произойдет в недалеком будущем во время антияпонской войны 1937 - 1945 гг.

В июле 1935 г., когда Китайская Красная армия продолжала свой “Великий Поход”, в Москве на своем Седьмом Конгрессе Коминтерн завершил новый политический поворот. Разгром Компартии Германии, крупнейшего отряда революционного пролетариата Европы, и приход Гитлера к власти нарушили политическое равновесие послевоенной Европы. “Антикоминтерновский Пакт”, заключенный Германией с Японией был явной угрозой новой военной интервенции против СССР. Советская бюрократия в панике бросилась из одной крайности в другую. Британия и Франция, вчера еще клеймившиеся как главные организаторы антисоветского “Священного Союза”, теперь характеризуются Коминтерновской прессой как “миролюбивые, демократические державы” и потенциальные союзники СССР в единой антифашистской борьбе.

К этому времени все национальные секции Коминтерна во все большей степени становились разменной монетой советской дипломатии. По приказу Москвы эти секции либо перестали активно бороться с буржуазией, чтобы поощрять просоветскую политику этих стран (Франция, Чехия), либо превратились в лоббистов чистой воды государственных интересов СССР (США, Британия).

В расчетах советской бюрократии 1930 годов Китай занимал ключевое положение. Вероятность японской интервенции в СССР определялась тем, насколько надежно представится Китай в качестве тыла для японской армии. Препятствовать участию Китая в “Антикоминтерновском Пакте”, и по возможности привлечь его в общий антифашистский фронт - такова была одна из приоритетных задач советской дипломатии в середине 1930-годов. Падение “Китайской Советской Республики” не оставило Москве надежды на то, что китайские коммунисты смогут самостоятельно выполнить эту задачу. Значит, деваться не куда, придется товарищу Сталину “потолковать с товарищем Чаном”. Первым подарком товарищу Чану должна стать самоликвидация Китайской Красной армии. Московские вожди не сомневались в том, что “большевизированный” ЦК КПК выполнит эту почетную работу без сучка и задоринки.

В 1933 г. Ван Мин в своей открыто опубликованной статье отмечал, что “не свергнув режим Гоминдана, этот режим компрадоров, режим национального позора и национальной катастрофы, нельзя вести речь об успешной освободительной войне с японской агрессией”. На свержение Гоминдана, по словам Ван Мина, “направляется вся сила Красной армии”. Два года спустя на Седьмом конгрессе Коминтерна в его выступлении прозвучал иной тон: “Кроме единого антиимпериалистического фронта, КПК не видит иного способа мобилизации всей китайской нации на борьбу за национальное спасение”. В этой ситуации КПК “обращается ко всему народу, всем партиям, массовым организациям, ко всем

известным политическим и общественным деятелям, к вооруженным силам страны с призывом сообща организовать Народное Правительство Национальной Обороны и единую армию антияпонского сопротивления”.

Последующие события показали, что выступление Ван Мина было первым шагом к новому соглашению КПК с Гоминданом. В западной части страны после прибытия Красной армии не утихали боевые столкновения между ней и войсками Гоминдана. Это обстоятельство заставило партийное руководство совершить этот поворот поэтапно. Недаром Ван Мин в своем выступлении назвал Гоминдан “отъявленным надсмотрщиком китайского народа, служащим империализму”, а Чан Кайши “компрадором номер один”.

В течение всего 1936 г. Компартия провела ряд переговоров со всеми антиправительственными силами: от прогрессивных генералов типа Фэн Юйсян до патриотических демократов типа Сунь Ко (помните его шедевр “Революция и массы”?). Все было тщетно. Чем дальше, тем яснее становилось, что сотрудничество с буржуазией (пусть с оговоркой “патриотической”) неизбежно приведет к новой дружбе с Чан Кайши, ведь он и был живым воплощением политической власти буржуазии. В 1935 г. Ван Мин так констатировал итоги тактики “единого фронта” 1925-1927 гг.: “Оппортунисты во главе с Чен Дусю в ключевой момент революции 1927 г. противопоставили тактику единого национального фронта бескомпромиссной борьбе за коренные интересы рабочего класса. Ради сохранения единства с национальной буржуазией, они пожертвовали интересами рабочего класса и крестьянства... Эта тактика привела к разгрому революции”. Всего год спустя, Мао Цзэдун начал энергично искать - с ведома партии - возможность подружиться с “товарищем Чаном”.

Мао обещал Гоминдану, что в случае нового единого национального фронта, КПК готова в будущем выполнять роль палача в отношении “бесчинствующих” забастовщиков.

От КПК требовали обещаний такого рода патриотические организации типа ФНС (Фронт Национального Спасения). “Надеемся, - писали в своем открытом письме лидеры ФНС в ЦК КПК, - что Вы конкретными делами докажете свою искренность в стремлении к единому патриотическому фронту... На территории, подконтрольной Красной армии, землевладельцы и купцы должны иметь право свободно вести свое дело. В городах Ваша партия должна стараться избегать лишнего нагнетания социального антагонизма, мешающего единству всех сил национального спасения.

...В рядах нашего ФНС и других народно-патриотических организаций некоторые молодые люди, делегированные от Вашей партии, проповедуют экстремистские идеи, например, “Класс на класс” и “Мир хижинам, война дворцам!”. Убеждены, что эта сугубо вредная демагогия не исходит от Вашей партии. Считаем, что КПК должна поправить своих молодых, неопытных членов... На Юге страны до сих пор часто происходят бандитские нападения на добропорядочных землевладельцев и купцов отрядами, действующими от имени Красной армии. Просим Вас в срочном порядке остановить эти бесчинства или официально отречься от них”.

На обращение ФНС ЦК КПК ответил официальным письмом с личной подписью Мао Цзэдуна. Мао сначала сообщил, что “Советское Правительство уже переименовано в Народно-Советское Правительство, а Рабоче-крестьянскую Красную армию переименовали в Народно-Красную армию. Все прежние законы Советской власти, покушавшиеся на право собственников, уже полностью отменены”. Дальше Мао писал, что “Народно-Советским Правительством было принято решение о сохранении кулацкого хозяйства... Мы не проводим экспроприацию купцов, фабрикантов в советских районах. Их предприятия и заведения находятся под защитой правительства... Гарантируем патриотическим землевладельцам и отличившимся в антияпонском сопротивлении офицерам, что их право на свою земельную собственность под надежной защитой.

Что касается “нагнетания социального антагонизма”, мы считаем, что в советских районах должны сохранить всеобщее согласие. Рабочие с работодателями должны заключать коллективные договоры, отвечающие интересам обеих сторон. Они (коллективные договоры) должны заключаться с учетом конкретной ситуации на каждом предприятии отдельно. Все законы о рабочем контроле и руководящей роли рабочих в делах управления предприятиями уже упразднены... Мы убедили рабочих, что не стоит предъявлять необоснованные требования. За пределами советской территории мы не намерены заикливаться на борьбе с буржуазией (по другой распространенной версии этого текста: мы не намерены усиливать борьбу с буржуазией - прим. переводчиков). Несомненно, мы выступаем за улучшение жизни пролетариата, но считаем, что сейчас у буржуазии и пролетариата (нашей страны) есть общие коренные интересы, связанные с победой в антияпонской освободительной войне.

Наши партизаны из южных провинций пока не осведомлены о последних изменениях партийной политики. Из-за разных объективных препятствий мы до сих пор не можем донести до них эту новую политику партии. На партизанских территориях до сих пор над нашими товарищами совершаются зверские репрессии, поэтому среди наших местных товарищей доминирует настроение мести. Их политически некорректные действия мы в скором времени исправим...”.

В конце письма Мао обещал разобраться с молокососами, болтающими что-то о “классе против класса”. Мао веско добавил, что “нас волнуют предрассудки некоторых политических деятелей в отношении нашей партии. У нас цель одна: спасти страну. Все трения по другим вопросам не имеют принципиального значения”.

25 октября 1936 г. ЦК КПК официально обратился к ЦИК Гоминдана. “Мы хотим вместе с Вами образовать мощный революционный единый фронт, - так начиналось это письмо, - как было во время революции 1925-1927 гг. Тогда существовал широкий единый фронт, который боролся с империализмом и феодальным гнетом. Сегодня это единственный выход из национальной катастрофы. Забыли ли Вы славную страницу нашей совместной борьбы, когда империалисты и феодальные угнетатели дрожали перед нами? Все наши враги, особенно японские империалисты, боялись до смерти нашего союза. Поэтому они посеяли

между нами недоразумения и вражду и таким образом рассорили нас как союзников. Единый фронт в результате этого распался. Сегодня, когда Вы вспомните этот период, разве Вам не совестно? (эта фраза была подчеркнута в оригинале обращения - прим. переводчика)”.

Товарищу Чану ни чуть не было совестно. Этот матерый авантюрист и беспринципный интриган, конечно, помнил “славную страницу” сотрудничества с компартией - именно это сотрудничество привело его к власти. Если понадобится, для него не будет проблемой еще разок выехать на спине коммунистов. Главное, что, по всей видимости, войны с Японией все же не миновать. Если Чан и начал всерьез задумываться над предложением компартии, то только потому, что китайской буржуазии необходимо было подготовиться к этой большой войне. Мистические “общенациональные интересы”, которые собирались защищать коммунисты, могли вызвать лишь усмешку у шанхайских банкиров и их главного заступника Чан Кайши.

За последние два года макроэкономические показатели Китая неуклонно улучшались: рост промышленного производства, хороший урожай 1935 г., увеличение объема китайской торговли как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Была объявлена монополия на продажу благородных металлов, что значительно уменьшило бесконтрольный вывоз капитала за границу. В 1936 г. китайские банки вложили 109 миллионов юаней в промышленное производство. В июне 1937 г. было подписано Соглашение Китайского Правительства с Министерством Финансов Британии по предоставлению Китаю 30 млн. фунтов стерлингов. Велись переговоры и с другими европейскими державами по крупным займам Китаю на развитие промышленности и строительство инфраструктуры страны.

Вместе с экономическим ростом наступило небывалое укрепление центральной власти. К концу 1936 г. Чан Кайши почти осуществил свой план по объединению страны. Теперь его дивизии занимали пространство от среднеазиатских пустынь, до джунглей юго-западной границы. После десятилетия упорного сопротивления гуандунских генералов Центральному Правительству армия Чан Кайши в 1936 г. вошла в Кантон. “Региональные бароны”, пусть неохотно, но все же временно “построились” под знамена единого Центрального Правительства Чан Кайши.

За все последние годы японские империалисты впервые стали чувствовать себя неуютно за переговорными столами с Чан Кайши. Сентябрь 1936 г. идея “формирования военного блока двух стран в борьбе с коммунизмом”, предложенная Японией, была отвергнута китайским Правительством. Месяцем позже на Севере Китая несколько подразделений японской армии, попытавшихся “отодвинуть” китайских пограничников, были разгромлены. Таким образом, японцам не удалось расширить свое военное присутствие в Китае не только дипломатическим, но и военным путем.

Чан Кайши еще не собирался мириться с коммунистами. В западных регионах страны новый поход на Красную армию шел неудачно. Чан приказал арестовывать лидеров ФНС, чтобы те ему не мешали; студенческое волнение, вспыхнувшие по этому поводу, было

подавлено с помощью армии. “Добью последнего красного бандита, посажу последнего коммуниста в тюрьму, и тогда выгоним японцев”, - неизменно отвечал Чан на все слезливые обращения интеллигенции, например, тех же арестованных лидеров ФНС.

В декабре 1936 г. Чан Кайши вылетел на западный фронт. Его карательные войска только что потерпели очередное поражение от “красных бандитов”. Чан был в курсе сговора некоторых своих военачальников с “бандитами”: они устроили нечто вроде неформального прекращения огня. Цель его срочной поездки как раз заключалась в намерении расставить все точки над і: генералы-двурушники должны либо добросовестно бороться с бандитами, либо согласиться на расформирование своих частей. Однако двурушники были вынуждены действовать по-своему.

12 декабря 1936 г. под мощнейшим давлением солдат и младшего офицерского состава генерал Чжан Сиолиан поднял военный мятеж в г. Сиань, центре западного Китая и временной резиденции Чан Кайши. В одном лишь халате Чан спрятался в саду, откуда солдаты пинками “сопроводили” его к месту заключения. Мятежные солдаты настаивали, чтобы Чан был немедленно отдан в руки “народного трибунала”. Дрожа от страха, “вождь национальной революции” правильно понял, что дела его плохи.

В своем Центральном правительстве у Чана дефицит в потенциальных врагах никогда не наблюдался. После начала мятежа Правительство не столько занималось освобождением Чана, сколько провоцировало мятежников его убить. В направлении г. Сиань были переброшены войска; над городом кружили боевые самолеты. Страна замирала в эти дни, ожидая чего-то невысказанного. В это время Чжоу Энлай, представитель Компартии, незаметно прибыл в г. Сиань.

Среди войск генерала Чжана Сиолиана в течение последних лет преобладало патриотическое настроение. Солдаты этих частей весьма симпатизировали Красной армии, за ее готовность единым фронтом вести освободительную войну с Японией. Кроме коммунистов, никто, даже генерал Чжан Сиолиан, не был в состоянии вырвать Чана из рук солдат.

Драматическая встреча Чан Кайши с Чжоу Энлаем произошла следующим образом. Когда Чжоу вошел в комнату Чана, последний побледнел. Он опасался, что его вот-вот передадут в руки красных бандитов. Но руки оказались дружескими. Несмотря на то, что сам Чжоу чуть не погиб во время кровавой расправы в дни шанхайского переворота 12 апреля 1927 г., организованного Чаном. Чжоу приветствовал Чана, назвав его по должности: “уважаемый Главный командующий”. Дальше Жоу начал объяснять новую политику КПК. Чан сначала слушал молча с безразличным видом. Постепенно его лицо посветлело...

Во время пребывания Чжоу в г. Сиань, состоялась целая серия подобных встреч его с Чан Кайши. “Верховный вождь национальной революции” разобрался, наконец, чего от него хотели добиться коммунисты - принять их капитуляцию при условии, что Гоминдан будет сопротивляться японской агрессии. В принципе, Чан начал проводить жесткую политику в

отношении Японии еще до начала этой кутерьмы в Сиане.

“В принципе” согласившись, к новому 1937 году Чан был отпущен и немедленно улетел в столицу. Шесть недель спустя, состоялся пленум ЦИК Гоминдана. В адрес пленума ЦК КПК прислал официальную телеграмму. В телеграмме коммунисты клялись, что берут на себя обязательство “прекратить вооруженную борьбу против правительства, существующее советское правительство переименовать в “Администрацию особой территории” при безусловном подчинении Центральному правительству, Красную армию влить в вооруженные силы страны под командованием Чан Кайши, проводить демократизацию власти на нынешней советской территории, приостановить аграрную реформу, выработать совместно с Гоминданом идейную платформу единого фронта национального спасения”.

Руководство Гоминдана поступило хитро: военный поход на красных бандитов ими формально не был прекращен. Мало того, пленум подтвердил свою решимость “искоренить зло коммунизма”. Тем не менее, на заседании пленума были приняты и обнародованы четыре условия, на которые должна пойти КПК. Вот конкретное содержание этих условий:

- 1). самороспуск Красной армии, ее контингент должен влиться в вооруженные силы Центрального правительства под руководством Военного Совета Гоминдана;
- 2). самороспуск “Советской Республики”;
- 3). прекращение коммунистической пропаганды;
- 4). прекращение классовой борьбы.

15 марта 1937 г. КПК официально приняла эти условия. При этом она запротестовала, что все четыре условия уже были предложены ею ЦИК Гоминдана. “Экспроприация землевладельцев нами давно остановлена, это веское доказательство того, что Коммунистическая партия не проповедует классовую борьбу”, - возмущались лидеры КПК.

Конкретные шаги по строительству нового единого фронта начали предпринимать обе стороны. Красная армия была назначена гарнизоном “особой территории” (т.е. бывшей советской территории) и стала получать жалование от Военного Совета Гоминдана. На очередном Съезде китайского Комсомола, состоявшемся в апреле 1937 г. в почетные члены Президиума были выбраны не только Мао Цзэдун, но и такие “авторитетные революционные вожди”, как Чан Кайши.

В записке одного очевидца общественной жизни советской территории (ныне “особой территории”) этого периода, находим такие фразы: “Я не вижу здесь разгула классовой борьбы. Богачи не угнетаются. Их землю не делят. Никакой коммунистической пропаганды и в помине нет. Все политические лозунги, развешенные в общественных местах, заполнены только патриотическим содержанием. Главный лозунг - “Да здравствует освободительная война во главе с председателем Чан Кайши!””.

Красная армия к этому моменту насчитывала в своих рядах около девяноста тыс. бойцов. Политработники уже начали объяснять им новую политику партии. Как говорил один из членов командования Красной армии Пэн Дэйхуэй, красноармейцы негативно отреагировали на новое изменение, и видимо, нужно “усилить их политическое воспитание”. Бывают случаи, когда наши бойцы вступают в перестрелку с дружескими (т.е. гоминдановскими) частями. Принятое решение о сдаче части оружия, ранее захваченного в боях у правительственных частей, выполняется очень плохо. Наши бойцы не уверены в правильности таких приказов. Некоторые из бойцов называют нас, военачальников, контрреволюционерами”, - честно признавал Пэн.

В интервью одного из руководителей “особой территории”, он заявил журналисту, что “простая народная масса больше любит Советы, чем нововведенную демократию. Землевладельцы приветствуют нашу демократизацию, но они все равно уезжают отсюда. Мы стараемся защитить их законные права, но это труднореализуемое дело. Народ пока не понимает нас. В общем нам доверяют, и не было каких-либо серьезных протестов по поводу отмены Советов. Но многие говорят, что не видят необходимости в таком изменении. Пока народ не понимает, что это делается в их коренных интересах”.

Пока у народных масс появилась лишь искра сомнения... А большая война все приближалась. В июле 1937 г. японская армия начала новую кампанию в Китае. Чан Кайши колебался: объявлять ли войну агрессорам? Китайские войска сражались с противником при молчаливом согласии Военного Совета Гоминдана. В верхах переговоры с Японией при посредничестве фашистской Германии не прекращались ни на минуту. В середине июля пал Пекин. В августе 1937 г. части морской пехоты Японии высадили в Шанхае десант в количестве двух сотен тыс. солдат. Гоминдану ничего не оставалось, кроме как защищать этот главный нервный узел финансового капитала Китая.

10 сентября 1937 г. Китайская Красная армия была официально представлена в рядах вооруженных сил Китая в качестве “Восьмой (армейской) группировки”. 23 сентября КПК в своем заявлении официально распустила “Советскую Республику”. На следующий день Чан Кайши отправил КПК поздравительную телеграмму по этому поводу. Почти ровно десять лет назад Чан Кайши своей телеграммой поздравил Левый Гоминдан с уходом последнего от “единого фронта” с КПК. Десять лет спустя, появился на свет новый “единый фронт” КПК с Гоминданом. Круг замкнулся. Это случилось в тот момент, когда перед прямой агрессией японского империализма, китайские рабочие и крестьяне так нуждались в своей классовой партии, классовой программе и своем классовом знамени.

Возвращаясь в объятия Гоминдана, коммунисты завершили исторический цикл. В революции 1925-1927 гг. КПК и ведомое ею массовое движение плелось в хвосте национальной буржуазии, в результате этого китайская буржуазия вместе с международным империализмом удушила революцию. Получив политическую власть, буржуазия лишь усугубила зависимое положение Китая перед международным империализмом. После вынужденного политического развода с Гоминданом Компартия рванулась в путчистскую

авантюру, пытаюсь придать локальным крестьянским выступлениям нечто вроде социалистических перспектив. Очевидное (а в свете марксизма неизбежное) поражение партизанской войны не научило деморализованных лидеров КПК ничему, а только заставило их попытаться вернуть старую любовь Гоминдана, благо их крестьянские сторонники куда дальше стояли от пролетарской революции, чем массовое движение 1925-1927 гг. Не сумев превратить Красную армию в помощника рабочей революции, КПК увела ее записываться в новобранцы буржуазной жандармерии.

Тем временем масштаб войны все ширился. После трехмесячного сражения пал Шанхай. Вслед за этим пала столица Китая Нанкин. Насколько добросовестно и стойко китайский генералитет воевал раньше с партизанами, настолько сегодня он бездарно и продажно ведет освободительную войну с империалистическим агрессором. Столицу оборонял генерал Тан Шэнчжи, организовавший белый террор в Хунане в 1927 г. Тан улизнул с фронта тогда, когда японцы находились за 125 километров от оборонительной линии китайской армии. В течение года все промышленно развитые провинции, все морские порты и основная железнодорожная сеть (за исключением двух веток) Китая попали в руки японских захватчиков. Правда, цена победы для последних была весьма недешева - огромные военные расходы и неожиданно высокие потери: 250 тыс. убитых японских оккупантов только за первый год войны.

В первый год войны все, на что была способна китайская буржуазия, была чисто военного характера оборона. Ее сопротивление превратило японскую агрессию в дорогостоящую и затянувшуюся авантюру. В этом смысле, война велась даже неплохо. Но пока руководство военными действиями остается в руках буржуазии, велика возможность гнилого компромисса. Китайские капиталисты по-прежнему боялись массового движения сильнее японских бомбежек. Все их надежды были направлены на военную и политическую поддержку США. Американский капитал тоже готовился к неизбежному переделу Азии в свою пользу. Интересы миллионов азиатских трудящихся, естественно, находились за бортом этой большой игры.

Национальное освобождение Китая, таким образом, еще раз потребовало решительных действий масс при четкой политической программе, которая соединит вопрос национального освобождения с социальным освобождением. Только в этом случае народ мог мобилизоваться по-настоящему в антияпонской борьбе. Однажды Китайская Красная армия уже доказала, какой мощной силой в войне представляются поднявшиеся массы. Она (Красная армия) наверняка еще раз доказала бы это, если бы не отказалась от проведения аграрной реформы в деревне и политики классовой борьбы рабочих.

Умеренное экономическое возрождение 1935-1936 гг. только начинало стимулировать возрождение рабочего движения. Обрушившаяся война снова прервала этот процесс. Японская оккупационная власть систематически разрушала китайскую промышленность, уцелевшую от военных действий. Гоминдан больше чем когда бы то ни было проявил готовность “урезонить экстремизм” рабочего класса. В декабре 1937 г. по постановлению правительства все забастовочные действия во время войны были запрещены, нарушителям

грозила смертная казнь. А что коммунисты? Коммунисты ...аплодировали этому решению. Ван Мин заявил прессе, что его партию “вполне устраивают предпринятые правительством меры для обеспечения победы”.

Чем кончится эта война? Ее развитие, конечно, определяется множеством факторов, неизвестных заранее. Но один момент ясен: перспективы национального освобождения Китая зависят оттого, насколько народные массы “устраивает” этот правящий режим (как он устраивает коммунистов) в условиях жестокой войны с империалистическим захватчиком. Временный триумф японской армии совсем не значит, что эта победа не обернется полным разгромом. Международные империалисты готовятся к новому переделу мира. Капитал решает, когда и где начнется новая война. Угнетаемые массы Китая, Японии и всего мира решают когда и как она закончится. В этом смысле “антияпонская война” (как ее в Китае принято называть) и итальянское вторжение в Эфиопию, а также Испанская война являются всего лишь эпизодами неких куда более грандиозных событий, приближающихся день ото дня.